

902.7 (Даг)
Д-14

+

АКАДЕМИЯ НАУК
ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ДАГЕСТАНСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ СБОРНИК

№ 2

*Сборник статей, посвященный памяти профессора
С.Ш. ГАДЖИЕВОЙ*

Махачкала-2006

902.7 (Дар)
Д14

АКАДЕМИЯ НАУК
ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ДАГЕСТАНСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ СБОРНИК

№ 2

*Сборник статей, посвященный памяти профессора
С.Ш. ГАДЖИЕВОЙ*

Махачкала-2005

367030, Махачкала-36
ул. М. Ярагского, 75
ИБ ДИЦ РАН

ББК 63.5
Д 14

Редколлегия:

Агларов М.А., доктор исторических наук, проф. (ответственный редактор), **Османов А.И.**, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, **Алимова Б.М.**, доктор исторических наук, **Шихсаидов А.Р.**, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН.

Рецензенты: **Османов М.-З.О.**, доктор исторических наук,
Магомедханов М.-Х.М., кандидат исторических наук

Составитель: **Мусаева М.К.**, кандидат исторических наук

Дагестанский этнографический сборник. 2. Сборник статей, посвященный памяти профессора С.Ш. Гаджиевой. /Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. — Махачкала, 2005. 352 с.

186461

Предлагаемый вниманию сборник статей по самым разным вопросам этнографии Кавказа и Дагестана, написанных как известными учеными, так и делающими первые шаги в науке исследователями, думается, вызовет интерес не только у специалистов (историков, лингвистов, фольклористов, педагогов и т.д.), но и широкого круга читателей, интересующихся культурой, обычаями, обрядами, бытом многочисленных народов горного края.

instituteofhistory.ru

Гаджиева Сакинат Шихахмедовна

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Сборник статей «Дагестанский этнографический сборник» посвящен памяти известного не только в России, но и за ее пределами, историка-кавказоведа, главного научного сотрудника Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, доктора исторических наук, профессора Сакинат Шихахмедовны Гаджиевой, ученого, которая стояла у истоков этнографической науки в Дагестане. По признанию ее коллег она являлась «этнографом номер один», внесшим неоценимый вклад в изучение многих проблем этнографии Кавказа. Сборник получился, на наш взгляд, таким же разноплановым, каковы были и ее интересы в науке, и начинается со статьи, посвященной С.Ш. Гаджиевой, ее жизненному пути и научной карьере. Ее вклад в этнографию Дагестана и Кавказа хорошо представлен в кратком списке основных ее публикаций. В сборнике принимают участие как маститые ученые (причем не только Дагестана), так и только делающие свои первые шаги в науке молодые исследователи. Диапазон интересов ученых, разносюжетность и количество статей, представленных в сборнике (в этом легко убедиться, взглянув на оглавление), не позволяют даже кратко аннотировать их в предисловии. Именно это заставило нас отказаться и от стандартного подхода к сборнику – группировки статей тематически – и расположить их по алфавитному списку авторов, соответственно, так же составлено и оглавление.

ПАМЯТИ УЧЕНОГО. САКИНАТ ШИХАХМЕДОВНА ГАДЖИЕВА

21 декабря 2003 г. скончалась известный историк-кавказовед, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, доктор исторических наук, профессор Сакинат Шихахмедовна Гаджиева. Тяжелая и продолжительная болезнь оборвала жизнь замечательного человека, выдающегося ученого с ярким и многогранным талантом, внесшего неопределимый вклад в изучение многих проблем этнографии Кавказа.

Сакинат Шихахмедовна Гаджиева родилась в 1914 г. в с. Башлыкент Каякентского района Республики Дагестан. Ее отец Шихахмед Хаджи, кадий, в период Гражданской войны был в числе красных партизан, активно боролся за советскую власть. В 1929 г. был осужден и сослан на 5 лет, где и умер в том же году. 15 августа 1961 г. он был полностью реабилитирован постановлением Верховного суда Дагестанской АССР.

С.Ш. Гаджиева была среди тех редких в те годы горянок, которые избрали путь просвещения. В 1928 г. она поступила в педагогический техникум г. Дербента, который окончила в 1931 г. После окончания техникума работала учительницей в различных школах Дагестана. После завершения в 1940 г. учебы в Дагестанском женском педагогическом институте сначала была назначена директором Каякентской средней школы Каякентского района, затем инспектором Министерства просвещения ДАССР. В течение нескольких лет она возглавляла Дагестанский государственный женский педагогический институт. С.Ш. Гаджиева в 1949 г. поступила в аспирантуру Института этнографии им. Миклухо-Маклая, к известному ученому М.О. Косвену и была одной из первых, кто прошел его школу кавказоведения.

После окончания аспирантуры и успешной защиты кандидатской диссертации в 1952 г., став сотрудником Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы она возглавила в 1958 г. отдел археологии и этнографии, а после его разделения – отдел этнографии Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР (ныне – Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН), которыми руководила в течение 30 лет. Оба отдела в институте выросли в крупные научные подразделения, работающие над фундаментальными проблемами соответствующих дисциплин.

Необычайно широкая эрудиция и глубокие знания, врожденное чутье ученого позволяли Сакинату Шихахмедовне нацелить коллектив на решение самых важных и приоритетных проблем этнографии Дагестана. С 1981 г. под ее руководством выполнялась большая коллективная тема «Малые народы Дагестана: Историко-этнографические исследования».

Сакинат Шихахмедовна Гаджиева – автор фундаментальных исследований по истории и этнографии Дагестана. С ее именем связаны первые основополагающие работы по историко-этнографическому изучению отдельных народов Дагестана.

В их числе и фундаментальная монография «Кумыки» (М., 1961), в которой были заложены методологические основы изучения истории и этнографии дагестанских народов. В книге глубоко и всесторонне исследован комплекс вопросов: этногенез, социально-экономические отношения и политический строй, органы сельского управления, материальная и духовная культура, семейный и общественный быт. Книгу отличает глубокий анализ поставленных проблем.

Сакинат Шихахмедовна в течение сорока лет продолжала работать над историей кумыкского народа, подготовила новый вариант, фактически новую книгу «Кумыки», впитавшей в себя все новейшие, в том числе и собственные исследования проблемы. Работа выполнена в 2-х томах, первый том увидел свет в 2001 г. Это фундаментальное исследование, отличающееся превосходной источниковой и источниковедческой базой, постановкой и глубокой всесторонней интерпретацией наиболее значимых и актуальных проблем.

Сакинату Шихахмедовне Гаджиевой проведены историко-этнографические исследования, вылившиеся в крупные монографические труды по истории дагестанских терекменцев, дагестанских азербайджанцев, ногайцев (первое в стране специальное исследование этого народа). В этих работах впервые в отечественной историографии дана развернутая и всесторонняя историко-этнографическая характеристика этих народов. Эти и другие ее работы широко известны и высоко оценены научной общественностью нашей страны и за рубежом.

Большую научно-теоретическую и практическую ценность представляют и другие монографические исследования Сакинаты Шихахмедовны («Одежда народов Дагестана». М., 1981; «Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в.». М., 1985 и др.). Она автор разделов двухтомных «Очерков истории Дагестана» и глав четырехтомной «Истории Дагестана». При ее участии и под ее руководством написаны коллективные монографии «Материальная культура даргинцев» (Махачкала, 1967) и «Современный быт и культура народов Дагестана». М., 1971), изданы десятки сборников статей, проведены научные конференции.

Исследованиям Сакинат Шихахмедовны свойственны высокий научно-теоретический уровень, ясная постановка проблемы, исчерпывающее использование обширного литературного, архивного, полевого материала, привлечение сравнительно-исторических параллелей, глубокий анализ фактов.

Сакинат Шихахмедовна – крупный организатор этнографической науки. Она руководила авторскими коллективами по целому ряду актуальных научно-исследовательских проектов. Под ее руководством подготовлены специалисты, успешно продолжающие изучение сложных этнографических проблем. Сакинат Шихахмедовна – крупный историк-кавказовед широкого профиля. Она достойно представляла отечественную науку на многих международных российских и региональных научных форумах.

Помимо плодотворной научно-исследовательской деятельности Сакинат Шихахмедовна Гаджиева активно участвовала в общественной жизни республики. Она неоднократно избиралась в Советы народных депутатов различных уровней, была членом президиума Дагестанского общества «Знание», Советского комитета солидарности стран Азии и Африки и других общественных организаций. Она неоднократно избиралась в выборные органы общественных организаций института.

Заслуженной оценкой многолетнего, плодотворного, самоотверженного труда Сакинат Шихахмедовны Гаджиевой в отечественной науке стало присуждение ей почетных званий «Заслуженный деятель науки ДАССР» (1965 г.) и «Заслуженный деятель науки Российской Федерации» (1971).

За добросовестный труд и научные заслуги Сакинат Шихахмедовна была награждена Орденами «Знак Почета» (1975 г.) и «Дружбы народов» (1973 г.), семью медалями, Почетными грамотами Президиума Верховного Совета ДАССР. Она отличник народного просвещения (1948 г.).

Сакинат Шихахмедовну всегда отличали широкая эрудиция, высокая личная культура, глубокая порядочность, чуткость, исследовательский талант и трудолюбие. Она всегда (даже во время тяжелой болезни) была в поисках новых научных планов и проектов. Светлая память о Сакинат Шихахмедовне Гаджиевой, чутком, отзывчивом и добром человеке, великой женщине и ученом, навсегда останется в памяти тех, кому довелось работать и общаться с ней, знать ее.

*А.И. Османов, член-корр. РАН,
доктор ист. наук, проф.,
директор ИИАЭ ДНЦ РАН.*

*М.А. Агларов, доктор ист.
наук, проф., главный научный сотр. .
Б.М. Алимова,*

*доктор ист. наук,
ведущий научный сотрудник*

*А.Р. Шихсаидов, доктор ист. наук,
проф., главный научный сотрудник*

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН**

instituteofhistory.ru

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ САКИНАТ ШИХАХМЕДОВНЫ ГАДЖИЕВОЙ

1. К вопросу о тухуме и большой семье у каякентских кумыков // КСИЭ. Вып. 14. М., 1952. С. 75 – 88.
2. «Осетинские народные сказки» // СЭ. 1952. № 4. С. 212 – 213.
3. Каякентские кумыки в XIX – XX вв. (Опыт историко-этнографического исследования культуры и быта кумыкского колхозного крестьянства). Автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. ист. наук. М., 1952.
4. Общественное и семейное положение женщины-кумычки по данным фольклора дооктябрьского периода // СЭ. 1953. № 1. С. 153-158.
5. Каякентские кумыки в XIX-XX вв. // КСИЭ. Вып. 20. М., 1954. С. 68 –75.
6. Земельные отношения у кумыков в первой половине XIX века // Материалы научной сессии по истории народов Дагестана. Махачкала, 1954. 19 с.
7. Положение женщины-кумычки прежде и теперь // Даггиз, Альманах «Дружба», № 2, 1955 (кум. яз.). С. 159 – 170.
8. Кумыки // «Народы Дагестана». М., 1955. С. 125 – 151.
9. К вопросу о крестьянской реформе у кумыков // Учен. зап. Даг. госуд. женского пединститута. Т. 1. Махачкала, 1957. С. 40 – 77.
10. Общественно-экономический строй у кумыков в первой половине XIX века // Учен. зап. Даг. госуд. женского пединститута. Т. 1. Махачкала, 1957. С. 5-39.
11. Выступление // Нартский эпос. Материалы совещания 19 – 20 октября 1956 г. Орджоникидзе, 1957. С. 216 – 217.
12. Дагестан в дореволюционный период // Очерки истории Дагестана. Т. 1. Махачкала, 1957. С. 193 – 237 (в соавт. с Г.Д. Данияловым, И.Р. Нахшуновым, Х.О. Хашаевым).
13. Дагестан в пореформенный период // Очерки истории Дагестана. Т. 1. Махачкала, 1957. С. 238 – 269 (в соавт. с И.Р. Нахшуновым и Х.О. Хашаевым).
14. Выступление // О движении горцев под руководством Шамиля. Материалы научн. сессии Даг. ФАН СССР, состоявшейся 4 – 7 октября 1956 г. Махачкала, 1957. С. 227 – 230.
15. Октябрьская революция и раскрепощение женщины-горянки // «Дагестанская правда». Махачкала, 5 ноября 1957 г.
16. Дагестан в дореформенный период; Дагестан в пореформенный период // Очерки истории Дагестана. Т. 1. Махачкала, 1957. С. 193 – 263 (в соавт. с Г.Д. Данияловым, Х.О. Хашаевым, И.Р. Нахшуновым).
17. Октябрьская революция и раскрепощение женщины-горянки // Учен. зап. Даг. госуд. женского пединститута. Т. II. Махачкала, 1958. С. 3 – 19 (в соавт. с Р.Б. Эльдаровой).
18. О семейных отношениях кумыков в XIX в. // Учен. зап. ИИЯЛ Даг ФАН СССР. Т. IV. Махачкала, 1958. С. 183 – 211.
19. Очерки истории и этнографии дагестанских терекеменцев в XIX веке // Учен. зап. Даг. госуд. женского пединститута. Т. II. Махачкала, 1958. С. 61 – 97.
20. Каякентские кумыки // Кавказский этнографический сборник. Вып. II. М., 1958. С. 5 – 90.
21. Народное жилище каякентских кумыков // СЭ. 1958. № 3. С. 77 – 91.
22. Национальная одежда каякентских кумыков // КСИЭ. Вып. 19. М., 1958. С. 43 – 54.
23. С. Габиев – историк и этнограф // Даггиз, Альманах «Дружба», № 1, 1958 (лак. яз.).
24. Кумыкские народные сказки. Махачкала, 1959. С. 269 (в соавторстве с Г.Б. Мусахановой).
25. Брак и свадебные обряды кумыков в XIX – начале XX вв. // Учен. зап. ИИЯЛ Даг.ФАН СССР. Т. VI. Махачкала, 1959. С. 249-274.
26. Накануне научной сессии по археологии Дагестана // Дагестанская правда. 9 мая 1959 г.
27. Материальная культура кумыков XIX-XX вв. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960. С. 169.
28. Женщины Советского Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960 (в соавт. с А.Г. Мелешко). С. 144.
29. Об эпических песнях кумыков // Даггиз, Альманах «Дружба», № 4, 1960. С. 58-74. (кум. яз.).
30. Об истории изучения устного народного творчества кумыков // Даггиз, Альманах «Дружба», № 1, 1960. С. 82-87 (кум. яз.).
31. Кумыки // Народы Кавказа. Т. 1. М.: Наука, 1960. С. 421 – 439.
32. Женщины братской Калмыкии // Дагестанская правда. 13 сентября, 1960 г.
33. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1961. С. 386.
34. О сословных отношениях кумыков в 1 пол. XIX в. // Учен. зап. ИИЯЛ Даг.ФАН СССР. Т. IX. Махачкала, 1961. С. 191– 216.

35. Кумыки. Историко-этнографическое исследование: Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. М., 1962. 44 с.
36. Старинный земледельческий календарь народов Дагестана // Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М.: Наука, 1964. 11 с. (в соавт. с А.Р. Шихсаидовым и Г.А. Трофимовой).
37. Россия и Северный Кавказ / Рецензия на кн. Кушева Е.Н. «Народы Северного Кавказа и их связи с Россией». М., 1963 // Дагестанская правда. 9 апреля 1964 г.
38. Домашнее производство тканей у народов Дагестана в XIX – начале XX в. // Материалы сессии, посвящ. итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР: Тез. докл. Баку, 1965. С. 184-185.
39. Выдающийся кавказовед Е.И. Крупнов//Дагестанская правда». 21 мая, 1965 г.
40. Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М.: Наука, 1965 // Дагестанская правда. 14 июля, 1965 г.
41. Россия и Дагестан. История взаимоотношений и братства русского и дагестанского народов. М., 1965 // Дагестанская правда. 14 июля, 1965 г.
42. Некоторые виды домашних промыслов даргинцев XIX – XX вв. (ткани, кожа, войлок) // Учен. зап. ИИЯЛ Даг.ФАН СССР. Т. XVI. Махачкала, 1966. С. 299 – 324.
43. Бронзовый век в Дагестане (Рец. на кн.: Котович В.М. «Верхнегунисское поселение – памятник эпохи бронзы горного Дагестана». Махачкала, 1965 // Дагестанская правда. 17 февраля, 1966 г.
44. Семья и семейный быт народов Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1967. 104 с.
45. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967 (в соавт. с М.О. Османовым и А.Г. Булатовой). 300 с.
46. Семья и семейный быт народов Дагестана // Советский Дагестан». № 1. 1967. С. 45-49.
47. Они были первыми (к 50-летию Великого Октября) // Дагестанская правда. 5 октября, 1967 г.
48. Семья и семейный быт народов Дагестана // Дагестанская правда. 7 февраля, 1967 г.
49. Слово об учителе // Советский Дагестан. № 1. 1968. С. 38 – 41.
50. А.К. Селимханов – заслуженный деятель народного образования // Даггиз, Альманах «Дружба», № 1, 1968. С. 127 – 132 (на кум. яз.).
51. История Дагестана. Т. II. М.: Наука, 1968 (в соавт. с В.Г. Гаджиевым, Г.Д. Данияловым, П.М. Дибировым, А.С. Омаровым, М.-З. Османовым, Х.Х. Рамазановым, Х.М. Хашаевым, Х.М. Халиловым). С. 368.
52. Межнациональные браки в Дагестане. Доклад на VII Международном социологическом конгрессе в Варне (Болгария). М., 1970.
53. Из истории жилища дагестанских ногойцев XIX – XX вв. // Учен. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Т. XX. Махачкала, 1970. С. 303 – 332.
54. Из истории поселений северо-восточных ногойцев XIX-XX вв. // Учен. зап. ИИЯЛ Даг.ФАН СССР. Т. XX. Махачкала, 1970. С. 263 – 282.
55. Старинный земледельческий календарь народов Дагестана // Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Т. 10. М.: Наука, 1970. С. 154 – 161 (в соавт. с А.Г. Трофимовой и А.Р. Шихсаидовым).
56. Д.-М.М. Шихалиев и его труд «Рассказ кумыка о кумыках» (к 120-летию выхода труда в свет) // Учен. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Т. XX. Сер. «обществ. науки», 1970. С. 383 – 394.
57. Форум женщин-ученых [Об участии женщин из Дагестана в форуме в Ашхабаде (1970 г.)] // Дагестанская правда, 8 декабря, 1970 г.
58. Страницы древней истории Дагестана // Дагестанская правда. 14 февраля, 1970 г.
59. Ответ ред. Булатова А.Г. Лакцы (XIX – нач. XX в.). Историко-этнографические очерки. Махачкала, 1971.
60. Введение: Современная культура и быт народов Дагестана. М.: Наука, 1971. С. 5 – 11.
61. Материальная культура // Современная культура и быт народов Дагестана. М.: Наука, 1971. С. 71 – 152.
62. Семья и семейный быт // Современная культура и быт народов Дагестана. М.: Наука, 1971. С. 153 – 211.
63. Хозяйство современного Дагестана // Современная культура и быт народов Дагестана. М.: Наука, 1971. С. 3 – 70 (в соавт. с С.Х. Асиятиловым и С.С. Агашириновой).
64. К вопросу о межнациональных браках в Дагестане // Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований 1970 г.: Тез. докл. Тбилиси, 1971.
65. Ред.: Современная культура и быт народов Дагестана. М.: Наука, 1971. С. 239.
66. Межнациональные браки в Дагестане // Освобожденная женщина Советского Востока. Ашхабад, 1972. С. 118 – 138.

67. Динамика изменения положения дагестанской женщины и семья // Доклад на XII Международном семинаре по исследованию семьи. М.: Наука, 1972.
68. Характер современных семейно-брачных отношений народов Дагестана и борьба с пережитками вредных обычаев // Воспитывать уважение к закону: Материалы республиканской научно-практической конференции по совершенствованию правовой пропаганды и правового воспитания населения. Махачкала, 1973. С. 136 – 148.
69. Этнографическое изучение народов Дагестана в годы Советской власти // СЭ. 1973. № 6. С. 73 – 81.
70. Кумыкская женская одежда и украшения (XIX – нач. XX в.) // Дагестанский этнографический сборник. Вып. 1. Махачкала, 1974. С. 7 – 44.
71. Жилище дагестанских терекеменцев XIX – нач. XX веков // Дагестанский этнографический сборник. Вып. 1. Махачкала, 1974. С. 45 – 68 (в соавт. с А.Ф. Гольштейн).
72. Из истории жилища дагестанских ногайцев XIX-XX вв. // Учен. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Т. XX. Махачкала, 1974 (в соавт. с А.Ф. Гольштейн).
73. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX вв. М.: Наука, 1976. 226 с.
74. Плачи и причитания народов Дагестана и историческая действительность // Фольклор и историческая действительность: Всесоюзная научная конференция 12 – 14 октября 1976: Тез. докл. Махачкала, 1976.
75. Поздние тюрки в составе кумыкской народности // Всесоюзная тюркологическая конференция, 27 – 29 сентября 1976: Тез. докл. и сообщ. Алма-Ата, 1976. С. 34 – 35.
76. Обычай поселения новобрачных в чужом доме // Тез. докл. сессии, посвященной итогам полевых этнографических исследований в 1974 – 1975 гг. Душанбе, 1976.
77. Дагестанская семья сегодня. Махачкала, 1978. 118 с. (в соавт. с З.А. Янковой).
78. Очерки истории семьи и брака у ногайцев XIX – нач. XX в. М.: Наука, 1979.
79. Формирование и развитие новой обрядности в Дагестане. Махачкала, 1979. С. 57.
80. Ред.: Хозяйство народов Дагестана в XIX-XX вв. (этнографические исследования). Махачкала, 1979.
81. Аталычество в феодальном Дагестане // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа: Регион. научн. конф.: Тез. докл. Махачкала, 1980. С. 43 – 45.
82. Похоронный обряд и причитания кумыков // Семейный быт народов Дагестана в XIX-XX вв. Махачкала, 1980. С. 47 – 66 (в соавт. с А.М. Аджиевым).
83. Организатор науки (к 70-летию Х.О. Хашаева) // Дагестанская правда. 16 мая, 1980 г.
84. Х.-М.О. Хашаев как этнограф // Хашаев Хаджи-Мурад Омарович, 1909 – 1971. Библиография. Махачкала, 1980.
85. Аталычество в феодальном обществе кумыков (XVIII – XIX в.) // Литературоведение и история: Тез. док. и сообщ. на III Всесоюзной тюркологической конференции. Ташкент, 1980.
86. Обычай поселения новобрачных в «другом доме» у народов Дагестана // Семья и семейный быт народов Дагестана. Махачкала, 1980.
87. Одежда народов Дагестана. XIX – нач. XX в. М.: Наука, 1981. 149 с. + илл.
88. Ред.: «Быт сельского населения Дагестана (XIX – нач. XX в.)». Тематический сборник. Махачкала, 1981.
89. Обычай поселения новобрачных в «другом доме» у народов Дагестана (XIX – нач. XX в.) // Быт сельского населения Дагестана (XIX – нач. XX в.). Махачкала, 1981. С. 30 – 38.
90. О социальном термине «догек-уздень» у кумыков // Материалы сессии, посвященные итогам экспедиц. исследований Института ИЯЛ в 1980 – 1981 гг.: Тез. докл. Махачкала, 1982. С. 13.
91. Gayiera S.S., Bulatova A.A. Weddingpitts and Ritual Poetry of Dadestani Peoples in the latter half of the 19th- earli 20th centuties // Problems of the European Ethnografus and folklore. Moscov, 1982. P. 155.
92. Межнациональные браки в Дагестане // Всесоюзн. сессия по итогам полевых этногр. исслед. 1980 – 1981 гг., посвящ. 60-летию образования СССР: Тез. докл. Нальчик, 1982. С. 112.
93. Свадебные обряды и обрядовая поэзия народов Дагестана во 2-й половине XIX – начале XX в. // Второй конгресс Международного общества этнологии и фольклора Европы: Тез. докл. М. – Суздаль, 1982 (в соавт. с А.Г. Булатовой).
94. Институт аталычества в феодальном обществе кумыков (XVIII – XIX вв.) // Фольклор, литература и история Востока: Материалы III Всесоюзной тюркологической конференции. Ташкент, 1984. С. 358 – 362.
95. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. М.: Наука, 1985. 358 с.

96. Современная семья в Дагестане: традиции и новации // Тез. докл. всесоюзной научной конференции «Семья у народов СССР в условиях развитого социалистического общества». 24 – 26 сентября, 1985. Махачкала, 1985. С. 6 – 8.
97. К этнической истории терекеменцев Дагестана // Вопросы советской тюркологии: Тез. докл. и сообщ. Ашхабад, 1985.
98. Свадебные обычаи и обряды терекеменцев-азербайджанцев Дагестана // Брак и свадебные обычаи у народов Дагестана в XIX – нач. XX в. Махачкала, 1986. С. 12 – 28.
99. О сущности социального термина «оьздень» в феодальном обществе засулакских кумыков в XVIII – XIX вв.: Тез. док. науч. сессии, посвящ. итогам экспед. исслед. ИИЯЛ в 1984 – 1985 гг. Махачкала, 1986. С. 16.
100. Дагьыстанда гьалиги агьлю // Ленин Елу. 21 января 1986 г.
101. Полевые этнографические исследования в 1981 – 1985 гг. (Проблемы, итоги, перспективы): Тез. докл. научн. сессии, посвященной итогам экспед. иссл. Института ИЯЛ в 1984-1985 гг. (28 – 29 апреля 1986 г.). Махачкала, 1986. С. 13 – 14. (в соавт. с М.О. Османовым).
102. Традиционные общественные праздники земледельческого цикла и связанные с ним обычаи, обряды у кумыков // Вопросы общественного быта народов Дагестана в XIX – нач. XX в. Махачкала, 1987. С. 4 – 21.
103. Великий Октябрь в судьбах женщин Дагестана // Тез. докл. юбилейной научной сессии «Великий Октябрь в исторических судьбах народов Дагестана». 29-30 октября. 1987 г. Махачкала, 1987. С. 70 – 72.
104. Аталычество в феодальном Дагестане XVIII-XIX вв. // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Махачкала, 1988. С. 147 – 154.
105. Традиционное и новое в современной свадебной обрядности народов Дагестана // Брак и свадебные обычаи народов современного Дагестана. Махачкала, 1988. С. 6 – 19.
106. Народные представления о звездном небе у кумыков // Историко-астрономические исследования. М.: Наука, 1988.
107. Традиционный земледельческий календарь и календарные обряды кумыков. Махачкала, 1989. 160 с.
108. Великий Октябрь в судьбах женщин Дагестана // Великий Октябрь в исторических судьбах народов Дагестана. Махачкала, 1989. С. 146 – 150.
109. Дагестанские терекеменцы. XIX – начало XX в. М.: Наука, 1990. 214 с.
110. Семья у народов Дагестана // Семейный быт народов Дагестана. М.: Наука, 1990. С. 345 – 356.
111. Тахшагъарыбызны тарихинден // Адабият Дагъыстан. Махачкала, 1990. № 5. С. 57.
112. Аталычество и побратимство в Дагестане. XVIII – нач. XX в. Махачкала, 1995. 150 с.
113. Дагестанские азербайджанцы. XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1999. 359 с.
114. Ускользящая красота. [Беседа с С.Ш. Гаджиевой. Записала И. Шурпаева] // Новое дело. Махачкала, 1999. № 16.
115. Х.-М.О. Хашаев как этнограф // Хаджи-Мурад Хашаев ученый, политик, гражданин. Махачкала, 1999. С. 33 – 38.
116. Кумыки (краткое историко-этнографическое описание) // Возрождение. Махачкала, 1999 (в соавт. с А.М. Аджиевым).
117. Одежда народов Дагестана. Пушино, 2001. 287 с. (в соавт. с А.Г. Булатовой, Г.А. Сергеевой).
118. Кумыки. Историческое прошлое. Культура. Быт. Кн. первая. Махачкала, 2000.
119. Кумыки. Историческое прошлое. Культура. Быт. Кн. вторая. Махачкала, 2005.

ОРОШЕНИЕ В ЗОНЕ ХИНДАЛАЛА

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ.
Проект « Террасное земледелие Дагестана » № 06 – 06 – 80341

Горнодолинная зона, известная в Аварии как *Хиндаллги*¹ занимает речные долины Аварского Койсу (до Голотля) и Андийского Койсу (до Ботлиха). Она представляет собой в ландшафтном и климатическом отношении отдельную нишу, освоенную человеком на много позже (в середине бронзового века) чем нагорья Дагестана, заселенных еще с мезолита. В нижнем и среднем течении названных рек долины имеют ряд протяженных расширений, а в отдельных участках обширные котловины, благоприятных для поливного земледелия.

Несмотря на то, что эти долины прорезывают весь Нагорный Дагестан вплоть до Главного хребта, это не обычные клинообразные расщелины для протока горных рек и стремительна поднимающиеся в высь, как скажем долины Самура и Терека, а глубоко врезанные жаркие с полупустынным климатом и растительностью плоскодонные долины с чередующимися (Ирганайская, Игалинская, Мунинская и огромная Ботлихская) впадины (котловины). Зона Хиндалала, нарушая все особенности горной зональности, образует отдельную нишу с расширениями известными в геоморфологии как – valley flat. По климатическим, ландшафтным и хозяйственным особенностям она объединяет части долин рек Андийского, Аварского и Казикумухского Койсу, обладая рядом общих черт культуры земледелия и садоводства. Название «Хиндаллги» обозначает ландшафтно-культурную и хозяйственную ситуацию. Жителей этой зоны соответственно называют «Хиндалал». Данное название еще имеет синоним «ЛъарагЛъги». Этимология слова «лъарагЛъги» как «равнина» весьма прозрачна (если нет другой скрытой этимологии), это словосочетание от «лъар» (=река=) + «рагЛал» (=берег=) + «лъги» (суффикс). Вместе с тем, за ярко выраженной горно-долинной зоной закрепилось не «ларагЛъги» (берег речки), а другое название – «хьиндаллги», имеющее аналогичную этимологию как «речная (водная) область» от «хьин», «лъин» – вода². Существует и самая ранняя этимология «Хьиндаллги» (от аварского слова «хин» – что значит «тепло»)³. Все эти три этимологии дают нам образ долины сочетающей в себе «равнину», «тепло», «воду». (В данном заключении этимологическая дилемма «тепло-вода» не существенна, коль скоро «вода» как «лъар» (река) включена в первую этимологию, читаемую как «берег реки»). В условиях горного ландшафта и довольно сурового климата нагорий, впадины русел названных рек и представляют ландшафтно-климатический оазис⁴. Верхние точки зоны хьиндаллги (с точки зрения восприятия населения как «хьиндалал») по Андийскому Койсу – это селение Ортаколо. Но сама зона «Хьидаллги» как горнодолинная освоенная под орошаемое земледелие и садоводство простирается до теснины-прорези Алакского хребта, включая Ботлихский котлован и Мунинский «оазис» по Андийскому Койсу и до Заиба и Наккитля по Аварскому Койсу. После слияния Аварского и Андийского Койсу ниже с. Гимри ныне затоп-

¹ Хьиндаллги – местное название садоводческой долины среднего и нижнего течений Андийского и Аварского Койсу. Производным от него термином «хьиндалал» обозначалось вольное общество «Хьиндаллазул бо» включавшее население этих долин. Географическое и хозяйственно-политическое вычленение долины Хиндалала привело к отдельному (оппозитивному) географическому названию «Мааруллги» и соответственно к самоназванию аварцев «маарулал» – горцы. (Агларов М. А. К изучению аварских этнонимов // Социальная терминология в языках Дагестана. Махачкала, 1989. С. 129 – 134).

² Сулейманов Я. Этимологические изыскания // Учен. Зап. Института истории языка и литературы Даг. Филиала АН СССР. Махачкала, 1964. Т. 13. С. 414.

³ Услар Р.К. Этнография Кавказа. Языковедение. III. Аварский язык. Тифлис, 1889. Отдел 11. С.93 – 199.

⁴ «Горцы» – как самоназвание этническое, явление для Кавказа редкое, если не исключительное (имеется в виду еще название этнографической группы Грузии – *мтиулы*, переводимое с грузинского как «горцы», что в общем не меняет картину). Если иметь в виду, еще и то обстоятельство, что внутри Аварии, как во всем Дагестане, многочисленные этнические группы щедро наделены различающими их между собой названиями, неопределенное, собирательное «горцы», стоит вне общих законов формирования этнонимов. Возникшее как оппозиция к «хьиндалал», термин «магларулал», как и обозначение аварского языка в целом «магларул мацл», (букв. «язык горцев») все больше обретал значение самоназвания всего авароязычного населения, однако субэтноним «хьиндалал» остается в нише конкретного обозначения обществ и населения долины среднего и нижнего течений Аварского и Андийского Койсу. (Более подробную информацию и размышления вокруг этнонимов в Аварии – См.: Агларов М. А. Aus der avarischen Volksnamen|| Munchener Studien zur Sprechwissenschaft. Hert 40. Munchen, 1981. P. 5 – 17.

ленный бассейн Сулака отключен от садоводства. Селение Чиркей, Зубутли, Миатли, входившие в Салатавское общество, переселились на плоскость. Если мы в пустыне ее обетованную часть называем оазисом, то долина Хиндалала выглядит таковой даже во Внутреннем Дагестане, где горы издревле интенсивно осваивались. Известный венгерский путешественник и ученый Морис фон Дечи передает свое впечатление от посещения Ботлиха словами: «В противоположность скалисту окружению сам Ботлих лежит среди цветущих фруктовых садов, полей и лугов, затененный стройными липами – настоящий оазис среди каменного ландшафта Северного Дагестана»¹

Глубокие долины и котлованы эрозионного и тектонического происхождения, суживавшиеся в отдельных местах до нескольких метров, открываются плоскими днищами и котлованами. Наиболее крупные из них (Ботлихская, Гимринская, Гергебельская, Ирганайская, Хиндахская) достигают 3 – 4 км в поперечнике, имеют плоское террасированное дно, окаймленное в нижней части пологими склонами, «изборожженными балками и рывинами и покрытыми глыбовыми осыпями»².

Река Андийское Койсу, называемая по аварски «Гор», по андийски «льенсо» или «тенгиз», т.е. так же как «море», имеет следующие гидрогеографические характеристики: она образуется слиянием рек Тушинской и Прикительской Алазани берущих начало в горной Тушетии. В верхнем течении (до устья реки Кила), река протекает в глубоком и узком ущелье. Клинообразное ущелье верховой по днищам настолько узкие, что большей частью занято самой речкой (20 – 25м) и лишь в местах поворотов ущелье расширяется до 40-80м.³ Географы отмечают и такие резкие и эффективные сужения, как река бурлящим потоком и грохотом переносит свои воды в узком скальном шлюзе шириной от 5 до 15 м. (Одно из таких мест шириной 4,5м было преодолено, согласно преданию, атлетическим прыжком Шамилем со своим малолетним сыном на плече). Глубина реки в таких местах достигает до 40м. Около с. Сагри, на расстоянии ста метров до слияния с Аварским Койсу, скальные берега реки смыкаются друг с другом так, что через поток можно просто перешагнуть.

Наиболее значительные расширения до 500-700 м расположены у селений Ботлих, Муни, Ортаколо, Ирганай. В местах расширений dna долины река разбивается на несколько блуждающих рукавов, образуя небольшие острова и каменистые берега.

Освоение зоны Хиндалала (долина среднего течения Андийского и нижнего течения Аварского Койсу) как садоводческого оазиса, началось в эпоху средней бронзы с применением селевого и ручьевого орошения. Орошение не только сделало возможным земледелие с преимущественным разведением садов, но стало основным фактором формирования почв и площадей на глубоких и плоских (расширенных) днищах в долинах Хиндалала⁴.

Селевое орошение было главным или основным «агентом», благодаря которому сформировалась Ирганайская равнина. Она расположена в пойме реки Аварское Койсу, перед ее впадением в Чиркеевское водохранилище. В физической географии Ирганайская долина охарактеризована как одна из самых обширных из долин Дагестана.⁵

По предварительным данным ширина Ирганайской равнины от 500 до 800 м, протяженность 7 км. Общая площадь использовавшихся под сады до 700 га. Равнина представляет собой гигантский вынос, который как бы подстилает дно долины, простираясь от поселка Майданск до урочища Кошмата. В этой долине (как и в других долинах Койсу) борьба за землю с древнейших времен, можно сказать, была сравнимой с той, что велась в оазисах среди пустынь Азии и севера Африки.

Селевое орошение

Правый берег Ирганайской долины, имеет множество оврагов оврагов по которым текут ручейки или же просто селевые воды во время дождей на Гимринском хребте, что случается гораздо чаще, чем в самой долине. Селевые потоки, которые стекались по этим оврагам и использовались для орошения на протяжении нескольких тысячелетий, сыграли, как ниже будет показано, основную, если не единственную, роль в формировании Ирганайского оазиса. Каждое ущелье, по которым текли селевые воды, имеет свое название. 1. Кулалазул K̄l̄k̄l̄al – долина ху-

¹ *Dechy Moriz von. Kaukasus. Reisen und Forschungen im Kaukasischen Hochgebirge. Band II. Berlin, 1906. С.185.*

² *Гюль К.К., Власова С.В., Кисин И. М., Тертеров А.А. Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1959. С. 42.*

³ *Гюль К.К., Власова С.В., Кисин И. М., Тертеров А.А. Физическая география Дагестанской АССР. С. 162.*

⁴ *Агларов М.А. К истории земледельческого освоения Ирганайской долины // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований ИИЯЛ в 1990-1991 гг. (16 – 17 июля 1992 г.). Махачкала, 1992.*

⁵ *Гюль К.К., Власова С.В., Кисин И. М., Тертеров А.А. Указ. соч. С. 42*

торов; 2. Гьуразул к̄к̄лал – долина ветров, известна как место лечебного источника; 3. Чоохол к̄к̄лал; 5. Угъуз к̄к̄лал – ущелье огузов, – важный след тюркского влияния в средневековье; 6. Рик̄ли к̄к̄лал – рик̄л – растение, из которого готовят лекарственное средство; 7. Цинльул к̄к̄лал; 8. Росдал к̄к̄лал – ущелье села; 9. Миккил к̄к̄лал; 10. Гебекил х̄умил к̄к̄лал – ущелье Гебека; «Глумарил к̄к̄лал» – ущелье Омара, что впрочем, не обязательно означало, что ущелье принадлежит Омару или другим лицам, именами которых они названы. Чаще название случалось по имени человека, чьи хутора там были расположены. 12. Хадаргояльул к̄к̄лал – ущелье Хадарго; 13. Чолмол к̄к̄лал – ущелье Чолма; 14. Мах̄ламальул к̄к̄лал – ущелье Мах̄лама; 15. Парч̄иласул к̄к̄лал – ущелье Парч̄илава (это имя человека, но интересно своим доисламским звучанием, означает Булавоносца); 16. Хасулх̄умил к̄к̄лал – ущелье Магомеда сына Хасу; 17. Ватарух̄умил к̄к̄лал – ущелье Ватарух̄ума (ущелье найденного Мух̄ламмада); 18. К̄луда к̄к̄лал – большое ущелье; 19. Беш̄л к̄к̄лал – темное ущелье; 20. Асх̄абил к̄к̄лал – ущелье Асхаба; 21. Моллачил к̄к̄лал – ущелье Моллачи; 22. Бесу к̄к̄лал – ущелье Бесу; 23. Шамайил к̄к̄лал – ущелье Шамай; Шамай – женское имя и это замечательно выделяется в списке. Собственность женщин на землю была в Нагорном Дагестане весьма распространенной; 24. Исубил к̄к̄лал – ущелье Исуба; 25. Пенкселедул к̄к̄лал – ущелье, где растут кустарники «пенксел»; 26. Пермаг̄алил к̄к̄лал – ущелье Эрмага-ла; 27. Пат̄идаб к̄к̄лал – широкое ущелье; 28. Х̄амзаг̄от̄лол к̄к̄лал – долина дерева Хамзы; 29. Камалил Башир х̄ушт̄лараб к̄к̄лал – ущелье, где подскользнулся Камалил Башир. Если этот топоним имеет в виду культурного героя Камалил Башир, то это было бы дополнительным указанием универсализации его образа; 30. Квасиласул к̄к̄лал – ущелье Квасилава; 31. Г̄исал Х̄амзатил к̄к̄лал – ущелье Исы сына Хамзата; 32. Бак̄лух̄альул к̄к̄лал – ущелье Бак̄лух (женщина); 33. Видмух̄умил к̄к̄лал – ущелье Видмухамы. Все названные ущелья, большие и малые, являются поперечными к долине Койсу, и следствием линейной эрозии мягких пород и осыпей западного склона Гимринского хребта. Но одна особенность может остановить внимание наблюдателя – большая их часть, то есть 22 из названных ущелий, не выходят к большой реке, т.е. руслу Койсу, прекращают свое существование – они упираются в Ирганайской равнину, являющийся гигантским выносом. Гидрологи в своих набросках об окультуренной части боковых выносов Койсу то и дело замечают, что «здесь аллювиальные выносы венчаются почвами»¹. Почвенный нанос этот как бы заботливо уложен на каменистое, галечное дно и в этом наносе нет ожидаемого продолжения названных выше ущелий к Большой реке (Койсу). Овраги заканчиваются у равнины, как если бы это были реки, втекающие в общее озеро.

Вся равнина является «полем-садом» ирганайцев, которую они больше называют садом, ахал, чем хурзал – полем. Равнина подлежит полному затоплению, после запуска третьего агрегата Ирганайской ГЭС.

Здесь необходимо обратить внимание на археологический объект – на Ирганайское поселение 1, расположенное на правобережном притоке, которым орошалось поле (поля?) древних земледельцев. Он был выявлен и раскопан Д.М. Атаевым и М. Н. Погребовой,² исследование которых продолжил Г. Д. Атаев.³ Памятник залегает в толще чистых наносов, безусловно, ирригационного происхождения и датирует начало орошения селевыми водами в Иргане эпохой средней бронзы. Итак, подлежащая затоплению Ирганайская равнина – уникальный памятник и артефакт четырехтысячелетней практики культуры орошения селевыми водами.

Впоследствии само поселение оказалось погребенным под паводковыми и селевыми наносами, использованными в оросительных целях.

Согласно Д. Абрамовичу, мощность древних селевых наносов здесь достигала сотни и более метров, по его верному замечанию «... ныне аккумуляция не происходит, так как весь материал уносится бурными потоками»⁴. Что же, если этот материал «ныне уносится бурными потоками», почему он ранее не уносился? Однако Д. А. Абрамович не отвечает на вопрос, который сам же поставил между строками. Раньше на этих наносах были разбиты сады и поля, то есть осадочный материал от ирригационных вод не только не уносился, а накапливался, специально укреплялся и наращивался. (А в последние десятилетия из-за прекращения селевого орошения в Ирганайской долине линейная эрозия наносов, периодически идущими по названным выше оврагам селевыми потоками, приняла катастрофический характер).

Правый берег, как уже говорилось, состоит из 22 оврагов, основания которых не выходят к реке (Койсу), а «упираются» в Ирганайскую равнину. То есть овраги не имеют своего естественного продолжения, потому что селевые воды из этих оврагов забирают оросительные каналы. На известной высоте поперек этих оврагов на всем протяжении равнины (6 км) был прорыт центральный сборный ирригационный канал – «Апарагазул рахъ», который забирал селевые потоки

¹ Абрамович. Исследование наносов реки Салак. Ленинград, 1935. С. 39.

² Атаев Д.М., Погребова М.Н. Поселение эпохи бронзы у с. Ирганай Унцукульского района: (предварительное сообщение) // МАД. Т.111. Махачкала, 1973.

³ Атаев Г. Д. О топографии поселений горнодолинного Дагестана в эпоху средней бронзы // Молодежь и наука. Сб. статей молодых ученых ДНЦ РАН. Махачкала, 2001.

⁴ Абрамович Д. А.. Исследование наносов реки Салак. Ленинград, 1935. С.39.

текущие по оврагам (более очищенные от тяжелых материалов), насыщенная почвами и мягким суглинком вода из этого канала распределялась по верхней части полей, называемой Тласамегь. На следующем этапе, более очищенные селевые воды поступают в параллельный водораспределительный канал «Бакьульа рахъ» (в переводе: «серединный канал»), который проходит по самой середине Ирганайской равнины.

Канал подает воду в сеть оросительных каналов на нижние блоки полей и садов называемых Гьоркья мегь, Шиндахь, Тарада байдан, Сугьат, Тласаг'лорохь, Гьокьяг'лорохь, Цебемегь, Догулхур, Наязулгох'1, Тидур гох'1, Эхедемегь, Льярал аххада бак'1, Нахьамегь, Гьабахь, Маг'лам, Нахьбайдан, Циох'лул байдан. Каждый из этих блоков полей содержал еще дробные деления, продиктованные системой вторичных каналов, что было важно во время распределения обязанностей по очищению каналов и водораспределению. Третичные каналы подавали воду на конкретные участки, которые назывались по имени их владельца. Ниже я дословно воспроизвожу аудиозапись-информацию об этих каналах, полученную от краеведа Шихабудинова Магомед из Иргана. Согласно его информации, «существовал общеджамаатский, главный, самый глубокий и протяженный канал Апарагазул рахъ. Его выкопали сельские апараги. Он проходил по верхней линии равнины. Ширина этого канала по дну 1 м, высота также 1 м. Он обеспечивал поливной водой всю равнину. Ниже проходили два других канала. По блоку мегья Тласор проходил канал Кьадахь. И другой канал по блоку мегья Цебемаг'иль. Так, ни один грамм дождевых потоков даром не пропадал. Теперь воду для орошения подают насосами и потому разрушаются сады. Иногда после сильных дождей плотины, которыми направлялась селевая вода в канал «Рахьил бет'лер», разрушались. Тогда глашатай объявлял, чтобы все вышли на ремонт плотин и очистку основного канала. Лица не вышедших на ремонт штрафовали. И женщины, и мужчины все поднимались на работы. Каналы приводились в порядок. Временный поток дождевых вод, как временный прекращался на каком-либо этапе, чьи-то участки получали воду, чьи-то нет, но в таком случае учитывалось, где прервалось орошение до следующего потока. В Иргане было 3 исполнителя, которые следили, под началом бегавула, за очередями и справедливостью в получении воды. В каждом квартале (авале) избиралось по одному исполнителю (г'ел). Если кто-то нарушал правила, тут же взимался штраф в размере одной мерки (12 кг) пшеницы, что очень дорого ценилось. В Иргане осталось предание об исполнителе по имени Молла, который соблюдал адаты мегья и распределял очереди во время орошения. Он отличался педантичностью, справедливостью и исполнительностью. Однажды Мола, как они рассказывают, зарезал чьего-то козленка, которого нашел в селе, бросил его под ноги хозяину и сказал, что козы должны находиться на хуторах, а не в селе.

После того как специальные каналы для селевых вод перестали функционировать, разрушение садов, вследствие линейной эрозии, действительно приняло катастрофический характер. При таком ежегодном режиме орошения в течение нескольких тысячелетий насыщенными почвами селевыми водами из почвенных отложений сформировалась плодородная Ирганайская равнина. Мы можем, в свете сказанного дать новую трактовку «аллювиальным выносам» хиндалала, на которых разбиты сады, и назвать их вовсе не аллювиальными, а ирригационными выносами, каковыми они и являются. Согласно трактовке коллектива географов, шлейфы и равнины о которых идет речь, являются следствием более могучих селевых потоков, что имело якобы место в древности. Они пишут, что «в прошлом селевая деятельность в Дагестане достигала значительно больших размеров, о чем свидетельствуют конусы выноса по долинам рек Самур, Аварское Койсу...»¹ Приводимые здесь материалы говорят, что в каждом случае подход должен быть индивидуальным. Суммируя все данные возможен и естественен вывод что Ирганайская равнина антропогена и как таковая является памятником орошаемого земледелия в Дагестане и как таковой более четырех тысяч лет. Долина окончательно будет затоплена в ближайшее время.

Ручьевое орошение

В зоне Хиндалала для орошения активно используют притоки Большой реки. Если речка целиком забиралась, то заграждали ее всю, и вода поступала в главный канал, от которого разветвлялись дополнительные вторичные и третичные каналы соответственно топографии полей, и разветвление достигало исключительно большого числа, равное количеству полей в орошаемой части возделанной округи.

Преграждение речки производилось устройством плотины из камней с щебнем или дерновой забутовкой. Прочные сооружения не строили, т.к. если они не сносились, то при первых же селевых потоках затоплялись. Поэтому преграждения носили временный характер. Если пользовались водами Койсу в некоторых местах устанавливали известное в аридной зоне водоподъемное

¹ Гюль К.К., Власова С.В., и др. Указ. соч. С.144.

колесо, которое устанавливали на берегу больших рек в долинной зоне. Такое колесо зафиксировано в 1962 году, устроенное для подачи воды на поля жителей селения Энхело на правом берегу около крепости «Преображенская» (упразднена в 1863 г.), Ныне этого колеса нет. Нижняя часть колеса была опущена в реку. Течение вращает колесо, закрепленная посуда к ободку поднимает и вливает в воду желоб. Разумеется, описываемый способ один из многочисленных в районах цивилизаций древнего орошаемого земледелия (Средняя Азия, Ближний Восток и т.д.). По рассказам старожиллов водоподъемное колесо применяли офицеры и солдаты гарнизона крепости для полива огородов в окрестностях крепости. Такое колесо по информации, было еще и в Тлохе. Сейчас их нигде нет. Дамбы строили в том случае, когда нужно было понять воду речки из ущелья на желаемый уровень. В этом случае строили прочную стену, перекрывающую узкий каньон, нужной высоты. Он заполнялся щебнем, занесенным сюда речкой во время разливов, в результате чего получалось новое приподнятое дно для речки. При значительных высотах, куда нужно поднять воду, строили целый каскад плотин, который сохранился (из шести плотин) и функционировал в Старом Чиркее.

Еще до затопления Чиркея в 1965 году мною сфотографирована последняя функционирующая дамба-плотина, от которой отводилась вода в каналы. Чиркеевцы с помощью каскада дамб-плотин подняли с ущелья воду не менее чем на 30 м. вертикали и благодаря чему смогли разбить сотни гектаров орошаемых садов. Такая развитая каскадно-дамбовая система преграждения речки, кроме как в Чиркее, не зафиксирована, хотя в более простых вариантах она спорадически встречалась по всей зоне Хиндалала.

Головные каналы строились наиболее тщательно. Они обсаживались ивой, липой, тополями и прочими насаждениями, чтобы оттенить и предохранить воду от излишних испарений. Жители долин часто устраивали закрытые каналы. Там, где сильно дорожили землей, а также вообще хотели исключить потери земли и воды от испарения, строили подземные, крытые каналы. Такова почти вся оросительная система урочища «Буцрахъ» в селение Игали. Облицованные и крытые проходили по улицам аулов, если аулы оказывались на пути проведения воды с источников на поля (с. Голотль) каналы проходили из-под жилых домов или прямо по жилой камере чьего-либо дома, что летом давало приятную прохладу (Старый Чиркей). В домах чиркеевцев, они, естественно также были крыты, но устраивались небольшие открывающиеся люки, вскрыв, которые черкеевцы могли насладиться прохладой, красотой и шумом быстротечной воды. В Игали, в местности Лъенсоры, существует тоннель идущий из-под горы, по которому воду перебрасывают в соседнее ущелье. Особое впечатление оставляет подземный, вернее, «внутрискальный» канал в Цудахарской долине ведущей на ташкапурские поля. Тоннель протяженностью 500-600 м пробит внутри скалы в рост человека. Таков же канал в Чирката. Воду в горах перебрасывали самыми незатейливыми, но очень искусно сооруженными каналами на скалах или с помощью сточных деревянных желобов, легко разбираемых. Выдолбленный деревянный желоб, устроенный на каменном или деревянном подпорном сооружении, где он соединялся с другими такими же, обеспечивая горцам переброску воды, порою в очень сложных условиях и на значительные расстояния. Классической конструкции акведуки можно было видеть лишь в Чиркее.

Д.Н. Анучин, который видел акведуки с.Хаджалмахи, отмечает: «Около аула достоин внимания водопровод, доставляющий воду по трубам и желобам, с другой стороны реки на довольно значительное расстояние с гор. Такие искусственные системы орошения устраиваются жителями часто весьма искусно, при помощи простых приспособлений, на общественный счет»¹

«В Дагестане вода проведена не только в долины, – случается видеть отводы воды еще высоко в горах. Нередко туземец ведет воду с одной высоты на другую даже через целое ущелье в деревянных желобах, почти висящих на воздухе, на балках и высоких подставках. Иногда же ведут воду под землей в трубах» – пишет П. Надеждин, видимо имея в виду керамические трубы. (Надеждин. 1895. С. 63). Подземные облицованные каналы, протянувшиеся на несколько километров, тянутся по верхнему (левобережному) горизонту игалинских полей «Буцрал». По линии канала (поверх канала) проложена пешеходная тропа в целях экономии в этих местах земли. По размаху строительства, инженерной точности и оригинальному замыслу удивляет канал проведенный сквозь скалы в Цудахарской долине. Неизгладимое впечатление оставили чиркеевские акведуки, подводящие воду сначала в жилища отдельных кварталов и, затем, на густо посаженные садами террасные поля, но Старый Чиркей с его агрокультурой, бассейном в молельне, великолепной мечетью, лежит на дне искусственного моря. Корординские каналы-акведуки проложены на многие сотни метров по вертикальным скальным обнажениям и перебрасываются через глубокие ущелья. Подобную же картину можно видеть на подступах к Цудахару. Современная эпоха вносит

¹ Анучин Д.Н. Отчет о поездке в Дагестан в 1882 г. // ИРГО. Тифлис, 1882. Т. 20. Вып. 4.

свои коррективы и в эту область. Железо и бетон значительно облегчают и улучшают методы водоподачи на расстояния, особенно водокачка насоса.

Общинные режимы водопользования

Водораспределение осуществлялось закрытием или частичным закрытием стоков дерном, доской или камнем и эту операцию осуществлял тот, чья очередь на полив. В некоторых аулах встречались специальные сооружения, для проживания специально выделенного человека, который следит и распределяет воду. В с. Гергебиль, там, где кончается главный канал (длинной в 800 м) и осуществляется непосредственная подача воды на поля, имеется сооружение «Лъел кIалтIу» (дословно «Ворота воды»), откуда «магъуш» – смотритель), которое распределяет воду на 16 дополнительных каналов, расходящихся от головного канала. Должность распределителя в старину оплачивалась из общинной казны, а в советское время за трудодни. Уровень воды в канале обычно определялся сравнительными пометками на стенах каналов – общее количество воды измерялось временем, вычисленным относительно понятия единицы водоизмерения – «борозда» – «канал». Одна «борозда» вмещала воду, достаточную для работы водяной мельницы. Например «головной» канал Гергебиля вмещает 15 «борозд» воды. У разных обществ и народов встречались и другие единицы измерения. В общем же по Дагестану понятие «канал» – «борозда» было наиболее распространенной величиной.

Вода считалась общинной, субъектом права на воду выступало общество, а частное водовладение в горах не известно. Поэтому, сооружение, очистка и ремонт каналов делались сообща по решению старейшин, о чем объявлял глашатай. Все население в объявленное время со своим инструментом выходило на строительство канала (равно как и на очистку и ремонт). Строительство стен, акведуков и их ремонт поручалось делать мастерам. А остальные подручные работы, как и рытье канала, поручались всем, разбив сначала линию, по которой собираются проложить канал. Тех, кто не вышел на ремонтные работы, штрафовали по тарифам, принятым в каждом обществе. Отъезд (т.е. отсутствие в селении) во время ремонта не принимали в расчет, так как глашатай объявлял, чтобы в сезон ремонта никто не покидал селение по какой бы то ни было надобности (селение Голотль). Если все же кому-то нужно было уехать, он должен был оставить за себя человека, который выполнит бы его работу. Глашатай в Ирганае объявлял, «чтобы мужчины и женщины все вышли на починку «Апарагазул Рахъ». Работа на главных каналах распределялась по жребию. Ремонт и расчистку ответвлений выполняли владельцы тех земельных участков, куда поступала вода по тому или другому ответвлению. И, наконец, тот участок канала, который непосредственно подавал воду на поле того или иного владельца, ремонтировался непосредственно хозяином поля.

Поля орошали двумя методами: напуском и легким затоплением. Последний метод чаще использовался на террасных полях долин. Для затопления поля разбивали на мелкие участки (1 x 2 м; 2 x 2 м), обрамленные небольшими земляными валиками. Затопив одно из них поливальщик выдерживал время достаточное для того, чтобы почва хорошо увлажнялась, и переводил воды на другую грядку. Напуск требовал большого мастерства – нужно точно знать неизбежные наклоны и перекосы полей, чтобы выбрать нужные отправные точки напуска. Напуск делали мелкими ручейками во избежание эрозии и почвенного оголения более выпуклых частей поля. Но в целом же интенсивно эксплуатируемые орошаемые террасные поля имели почти горизонтальную ровную поверхность, чему способствовало и само орошение. Количество воды, наиболее оптимальное для орошения поля, у жителей селения Ходжал - Махи обозначалось специальным термином и определялось на глаз.

Орошение проводили два раза – весной и летом. Весенний полив «ихдал лъалтай» осуществлялся после ремонта каналов, ранней весной до пахоты поля поливались. Перед весенним поливом разбрасывались удобрения, которые завозили на поля еще в конце зимы, которые оставались лежать кучами. Очередь на весенний полив устанавливалась по ряду полей от головного канала – начала ближайšie, затем дальние.

Летний полив «роол лъалтай» практиковался до конца лета, т.е. до начала созревания культур, и начинался весной же, вскоре после пахоты. В селение Гимры очереди на воду устанавливали по сельскому ряду¹. Каждое хозяйство по очереди могло пользоваться водою лишь в течение четырех часов, по истечении которых вода переходила в распоряжение следующего хозяйства. Количество пахотных угодий принадлежащих владельцу, которому отведено 4 часа полива, не учитывалось. Поэтому случалось, что безземельные и малоземельные крестьяне продавали свою очередь по «аукционным» ценам. Единицей измерения воды служила «мельничная вода», т.е. ко-

¹ Сельский ряд «росдал эрга» – очередность, установленная по ряду домов в селении, иногда по каждому кварталу отдельно. По сельскому ряду устанавливались и иные очереди (на прием гостя, на пастьбу общественного стада и т. д.)

личество воды, достаточное для работы в горах одной турбинной мельницы обычной конструкции. Если случалось, что кто-нибудь не получал воду за летний сезон, то в следующем году очередь начинали с него. В селение Гимри в распоряжении сельских исполнителей (ЧхуИби) находилась так называемая ночная вода (сардил лым), которая являлась как бы страховой. Если сельские исполнители обнаруживали, что чей-либо участок выгорает, то ему предоставляли воду для полива ночью.

В селении Игали порядок водопользования иной. Здесь в качестве меры измерения воды употребляли понятие «дад» (в то же время название керамического сосуда для сбивания масла). Дад как оросительная единица равнялся количеству воды, протекающей через головной канал в течение 1/4 дня. Следующая меньшая единица – «ГеретI» (аварское название кувшина для воды), равная количеству воды, протекающей за 1/8 дня. Следующей дробной единицей было «кьолониункь», которая равнялась количеству воды, протекающей по головному каналу в течение 1/16 дня. День делили на 4 «дад» по солнечным часам. Первый «дад» – это когда солнце взойдет и осветит близлежащую вершину «Хуллуса», второй дад, когда солнце осветит годекан. (В годекане имеется помещение с навесом, освещение которого имеется в виду). Третий дад – когда солнечные лучи осветят самую нижнюю часть внутренней стенки под навесом указанного сооружения на годекане. Четвертый дад – когда тень закроет ту же вершину «Хуллуса». В ненастные дни положение солнца определяли по прочим приметам, даже по тому, куда дошло стадо скота, отправленное на пастбу с пастухом. Определение более дробных единиц («ГеретI», «кьолониункь») происходило по солнечным часам (навес со столбом, на котором имелись деления), установленным на годекане. Об истечении времени пользования водой в поле водораспределители давали знать сигналами с минарета: днем – размахивая буркой, ночью – светом фонаря.

Распределение воды в с. Игали было делом столь сложным, что были введены три должности, оплачиваемые обществом. Их занимали лица, разумеется, известные своей справедливостью, но главное, искусные в тонкостях этого дела и грамотные. Занимающий первую должность «лъелбетIергъанчи» (что значит «владелец воды») обязан был следить за соблюдением условий пользования водой и улаживать конфликты, нередко возникающие на этой почве. Второе должностное лицо – «лъел миллат гьабулевчи» обязан был во время орошения знать, где и у кого находится вода, также состояние каналов и обеспечивать своевременный отвод воды. Третья должность называлась «таптар ккуравчи» («хранитель книги»). У него находились записи – сведения о пашнях, подлежащих орошению, с указанием количества и размеров пахотной земли, принадлежащей тому или иному землевладельцу. Он располагал также таблицами часов и пр., вносил те или иные коррективы, связанные с изменениями в землевладении или топографии оросительных каналов. В таптаре, то есть в книге записей, было высчитано и установлено количество воды, необходимой для орошения полей того или иного владельца в измерениях, приведенных выше. Соответственно в с. Игали сложилась практика определения количества площади пахотной земли по единицам измерения оросительной воды «дад», «ГеретI», «кьолониункь». Более того, как в Дагестане, так и на Кавказе подобный порядок измерения пахотных площадей не известен. Из «дальних» аналогий можно указать на Индонезию, где у народа Бали единицей «тенах», под которой обычно понимают территорию, орошаемую одним отводом от основного канала, которой исчислялись величины участков, размеры налогообложения и пр.¹).

Нужно отметить, что измерение площади земли, исключительно дорогой в прошлом для горцев количеством воды отпускаемой для ее полива было возможно лишь при стандартности употребления воды на единицу площади. Такой же учет в практике, как при севе того или иного участка, размер которого в Дагестане определялся количеством зерна употребленного для его полного засева.

Очередность на воду в Игали была зафиксирована списками в упомянутом «таптаре». При том очередность в списках была составлена по земельному цензу. Более крупные землевладельцы возглавляли список, а бедные и беднейшие замыкали. Однако фактической привилегии возглавлявшие списки в первоочередном получении воды не имели, так как список очередей вступал в силу после жеребьевки между четырьмя лицами, выбранными с четырех частей аула. (Все четыре участника тоже должны были обладать условиями, отвечающими цензу – каждый из них должен был иметь участок земли не меньше, чем на один «дад», т.е. площадью которая была бы достаточна для орошения водами главного канала в течении 1/4 суток. Имя победителя в жеребьевке считалось отправным при распределении очереди по спискам. Например, пусть список составлен по земельному цензу: 1-й – самый крупный землевладелец, за ним следующий 2-й... 20-й, 21-й, 22-й, 23-й, 24-й; 100-1 и последние в очереди 200-й, 201-й, 202-й.

¹ *Маретина А.С.* Соседская община у байлицев // Социальная организация у народов Азии и Африки. Москва, 1975. С. 141.

Победителем жеребьевки мог оказаться любой, например 20-й или 200-й (если только был допущен к жеребьевке из-за земельного ценза). Тогда первым воду получал 20-й, затем 22-й и т.д. Если победил 200-й, по очередь следовал 200-й, 201-й, 202-й последний, 1-й, 2-й и т.д. Очередь, таким образом, начиналась с победителя, а положение в списке не давало никаких привилегий. Но привилегия богатых была в другом. Когда очередь наступала, скажем, до богатого землевладельца, земли которого составляли по италиским нормам, например, 8 «дад», он получал воду в течение 2-х суток (1 дад = 1/4суток), а землевладелец с землей в 1 дад получал воду в течение 1/4 суток. Таким образом, вода оставалась у богатых лиц до полного полива их земель, что задерживало поступление воды на земли других, стоящих в очереди. В с. Гимри, как уже говорилось, воду никто не мог держать более 4-х часов.

Совершенно иная картина сложилась в Гергебиле. Распределение воды как и всюду, происходило по жеребьевке. Для чего село делится на четыре части соответственно четырем кварталам-авалам. Во время жеребьевки уравнивают людей по всем авалам так, чтобы каждый авал включал четверть населения. Затем в каждом авале люди делятся на еще более мелкие группы, примерно по 25 человек. Эти последние группы называются «рикьи» (от слова «рикьизе» – делить). Число «рикьи» равняется числу основных каналов (рахъал), расходящихся от главного канала у «Магъил Калтгу» («ворота пашен»). В Гергебиле пятнадцать основных каналов и соответственно пятнадцать рикьи. Внутри каждого рикьи проводят жеребьевку, предварительно пронумеровав всех по порядку. Если победитель окажется по порядковому номеру 4-м, очередь на дневную воду получают – 5, 6, 7 – 25, 1, 2, 3 – 25 и т.д. по кругу, по возрастанию порядковых номеров, а на ночную воду – 4, 3, 2, 1, 25, 24... и т.д. в обратном порядке. Соответственно, все лето в этой группе (рикьи) очередь на воду идет по кругу, где каждый по общей очереди получает то ночную, то дневную воду. (Если, условно, номера очередей изобразить графически в виде круга, то дневная очередь идет по часовой стрелке, а ночная против часовой стрелки). Введение этого порядка водопользования приписывают некоему Салману и называют «Салманил г'адлу».

19869861
Термин «лъел рикьи» (букв. «деление воды») фигурирует в документе о податях аварскому хану XVIII века как податная единица с жителей с. Хиндах¹, что свидетельствует о сложении субобщины на принципах водопользования внутри джамаата. В порядках водопользования встречалось гражданское право на очередь полива. В с. Хаджал-махи таким правом не обладали сыновья новопринятого члена общины, а право на пользование водой обозначалось термином «иркла» наследственного или личного пользования водой. Термины переводятся как «родящая вода» и «не родящая вода». Здесь же каждый новый член общества (не из пришельцев), т.е. женившийся сын члена общества имел право на полив. Если у человека было даже 7 сыновей, каждый из них в качестве самостоятельного хозяина становится такого же («иркла»), как и его отец. Такой пай «иркла» назывался «бумккур», т.е. воспроизводящая поливка. Для «чужаков», поселившихся на территории общества с его разрешения иногда выделяли «гъябумккур иркла» («не воспроизводящая поливка»²). Хаджал-махинские порядки, кажется, обозначили и грани наследственных прав на воду. Это право также свободно на сезон или на очередь, продавалось, покупалось, дарилось и т.д., как было показано на примере оросительных порядков в с. Гимри. Право на воду в этой долине было равносильно праву на жизнеобеспечение вообще, и в этом контексте понятно, почему пришельцы (апараги) в Ирганае вырыли и содержали магистральный канал для дождевых истоков.

Орошение в Ботлихе имеет свою собственную регламентацию. Поля в Ботлихе орошались отводами от реки из малого форельного озера, а также объемного искусственного водохранилища, построенного в 1970-х годах на северных склонах ботлихского котлована. Оросительная система ботлихцев впервые подробно описана и издана в книге Алимовой Б.М. и Магомедова Д.М. «Ботлихцы».³ Сохранились также мои записи на эту тему, сделанные в 60-х годах. Привожу эти материалы с небольшими сокращениями.

Джамаат устанавливал очередность полива полей и садов. Надо отметить, что в прошлом эта очередность устанавливалась один раз и навсегда. Затем за правильным соблюдением очередности следили сельский старшина исполнители (гъегъан). За малейшее нарушение неписаного положения о поливе виновные строго наказывались⁴. С нарушителя порядка полива взимался один бык в пользу общества или его лишали очереди. Лишение очередности, хотя бы один раз, было крупным наказанием. Исполнители строго следили также за поливом. Если исполнитель при обходе обнаружит, что из-за небрежности хозяина вода вытекает из грядки (гъарар), то его лишали следующей очереди.

¹ Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Том 1. С. 148

² По полевым материалам Османова М-З. О.

³ Алимова Б. М. Магомедов Д. М. Ботлихцы. Махачкала, 1992. С. 36 – 38

⁴ Там же.

Поля ботлихцев были разделены на блоки, называемые в андийских языках «мигьи»: Атиму, Гьунчлахулу, Инкубакьи, Рекъачу-ресхье, Хамашуру, Цанахи и Себарду. делятся на мелкие, количество которых в каждом достигает 200 – 300. Атиму было расположено у начала главного канала (берхва), а Себарду – в самой нижней части канала. Между ними располагались остальные блоки. Главный канал «берхва» тянется через центр полей от верхнего участка до нижнего. Протяженность канала составляет примерно 9 – 10 км. Для отвода воды из речки в канал использовалась специальная дамба (речлур). От главного канала посредством распределителя вода отводилась в средние каналы. От берхва идет целая система вторичных и третичных каналов охватывали (охватывают) все орошаемые участки. Названные авторы приводят замечательную и единственную в своем роде информацию о том, как ботлихцы по оросительным сезонам определялся текущий и прошлый год. Они пишут, что, видимо, еще в прошлом было установлено, чтобы полив начинался с верхнего участка «Атиму». Это видно из того, что время начала орошения исчисляется с «Атиму», т. е. этот год считается первым (гладесуб реши – этот год). А время начала полива с нижнего участка – вторым годом (гладесуб реши – следующий год).

У большинства жителей участки больших и малых размеров могли находиться даже во всех семи главных участках. Все участки, принадлежащие отдельным хозяйствам, были расположены по принципу верх – низ. Это в свою очередь, способствовало соблюдению очередности уже внутри одного участка, т. е. между хозяевами. Если полив начинался с верхнего «Атиму», то внутри этого отделения между хозяевами тоже соблюдался принцип орошения верх – низ. Первый год полив начинался с верхнего отделения, а второй – с нижнего. Такая регламентация сохранялась во всех семи делениях. Если хозяин последующего участка снизу не появился на полив своевременно, очередность переходила следующему. Даже если он пришел, но с опозданием, все равно терял.¹ Читатель мог убедиться, что ни одна система полива по общинам не повторяет другую. Организация орошения было и продолжает оставаться в долинной зоне жизненно важным делом общины, стало ее составной правовой частью, «чеканила» институты управления хозяйством. Соблюдение правил орошения стало частью гражданской добродетели. В с. Игали, например, того, кто получил очередь на полив, освобождали от всех обязательств, даже от участия в ритуале похорон.

Если кто, вне очереди, перекрывал воду и поливал свой участок, поступок рассматривался как покушение на честь и достоинство очередника и приравнивался к оскорблению, которое в горах должно было иметь серьезные последствия. В с. Инхо сельские исполнители врывались в дом нарушителя, забирали из дома ценные вещи и закладывали их, пока нарушитель не заплатит большой штраф. Есть интересное свидетельство на стойкость морали и терпение которое проявил известный ученый и поэт Инхоса Алигаджи (середина 19 века). Он на годекане говорил людям о любви к ближнему, терпении и т.д., а те решили испытать Алигаджи на предмет его проповеди о терпимости, благожелательности, любви и согласии между людьми. Таков ли он сам? В день когда, как очередник Алигаджи, поливал свой сад, некто (нарочно по сговору) отвел поливную воду и сделал это несколько раз. Уставший от ходьбы за своей водой, Алигаджи прокричал, чтобы услышал нарушитель: «Дурго льяльан бахьиндалниги дир ахикьеги бега!» (Хотя бы тогда, когда закончишь поливать свой сад, пусти воду и в мой сад!). Реакция Алигаджи убедила людей в искренности его проповеди, ведь на глазах инховцев испытание терпимости было проведено на экстремальном опыте.

Несмотря на многообразие оросительных систем, древние уникальные методы водоподачи, высокую ирригационную культуру, вобравшую в себя многотысячелетний опыт, орошение в горах оставалось ограниченным из-за исключительно сложного ландшафта.

Культура орошения в зоне Хиндалала, едва только затронута. Она безусловно заслуживает фронтального описания и сравнительного изучения. Тут изложены лишь фрагментарные материалы.

¹ Там же.

Рис. 1. Разрез ирригационного наноса. (Ирганайская равнина), Фото автора. – 2004.

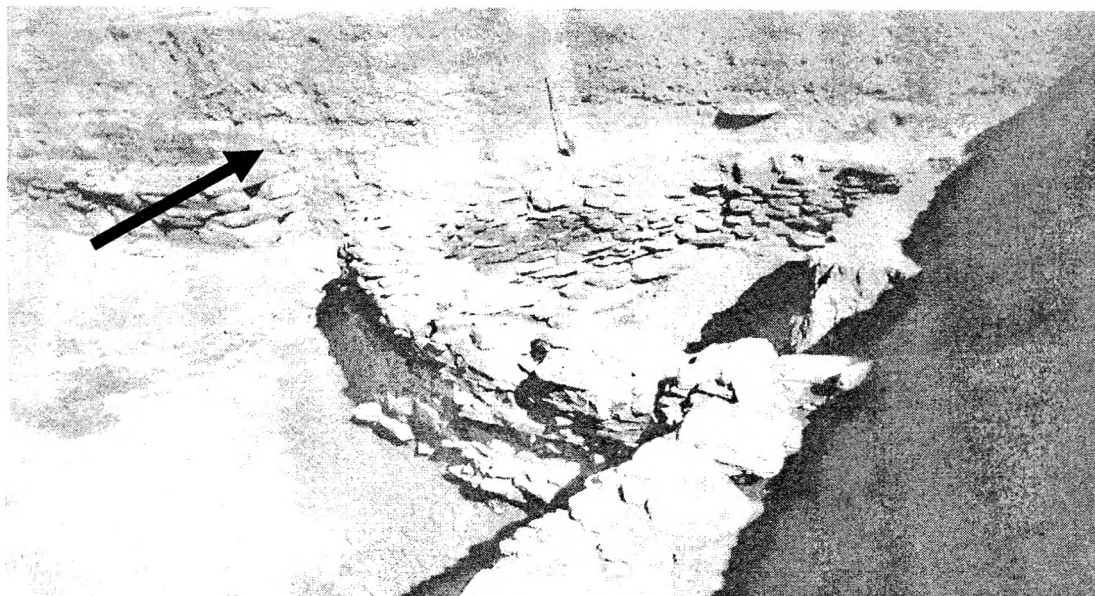

Рис. 2. Ирганайское поселение эпохи бронзы. Раскопки Атаева Г. Д. 2004 г. На заднем плане разрез ирригационного наноса.

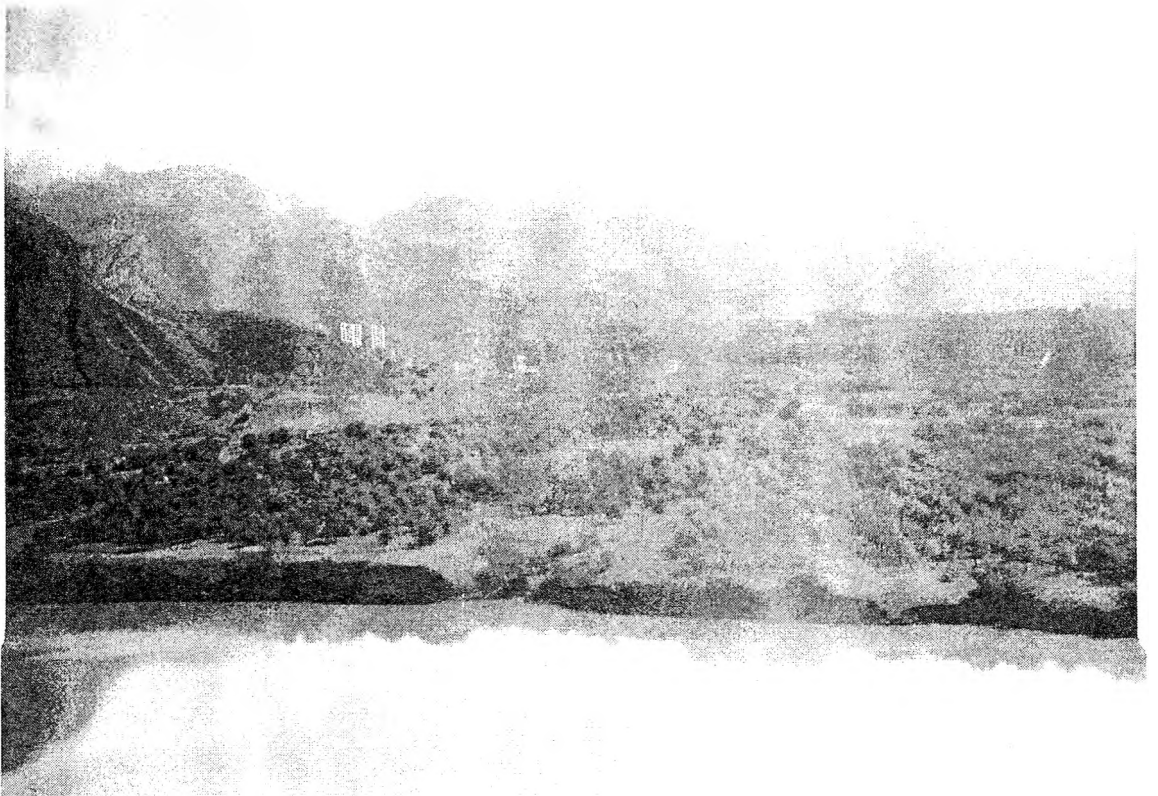

Рис. 3. Ирригационный нанос в районе поселка Шамилькала. Фото автора –2004 г.

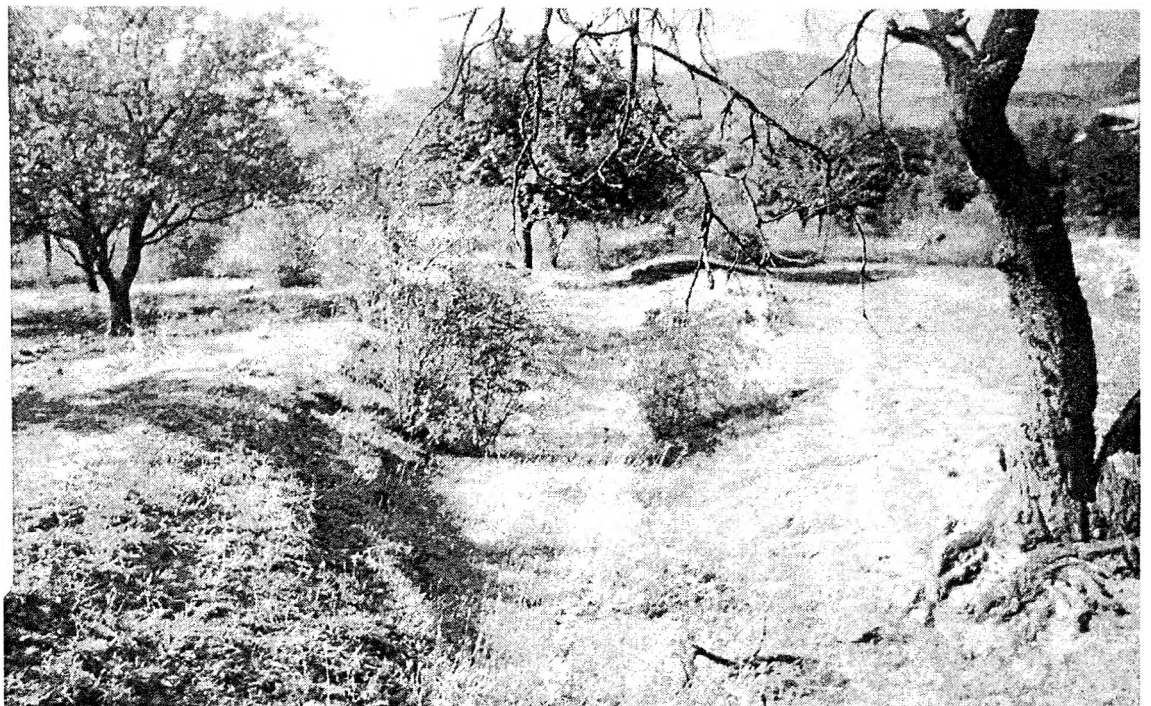

Рис. 4. "Бакьюльа рахъ" – вторичный (серединный) канал, для распределения селевых вод. Фото автора – 2004 г.

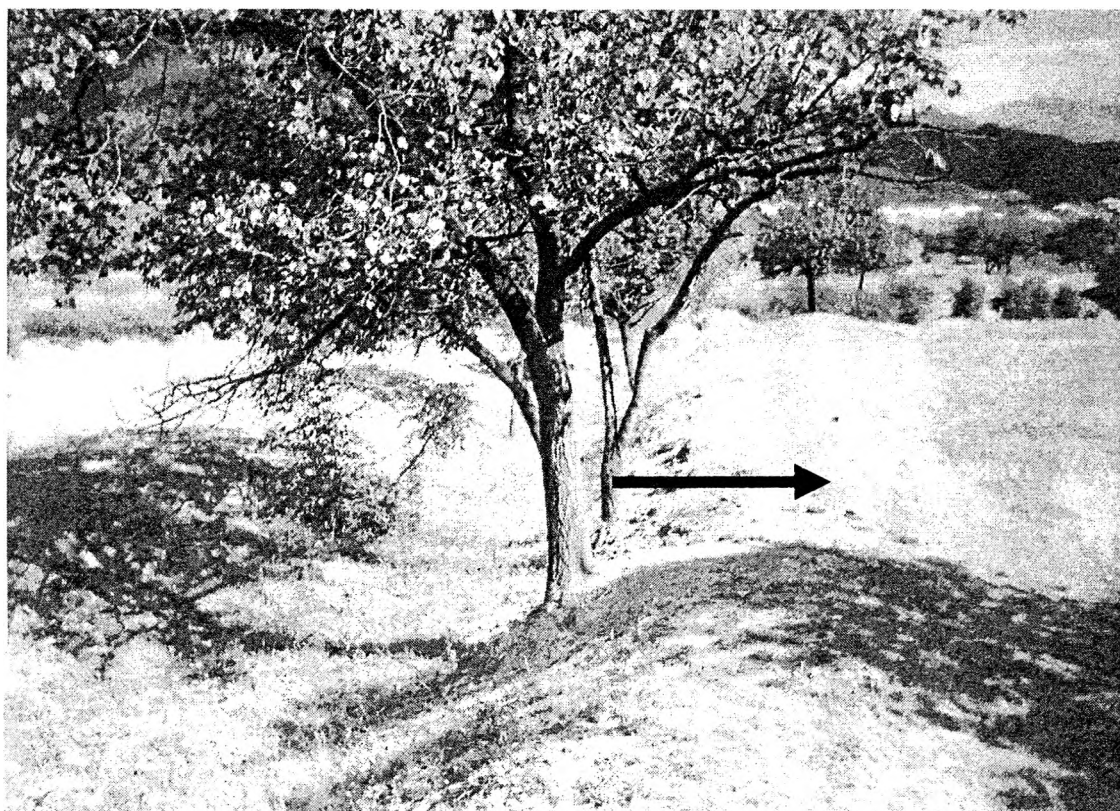

Рисунок 5. Выгребной вал того же канала. Фото автора – 2004 г.

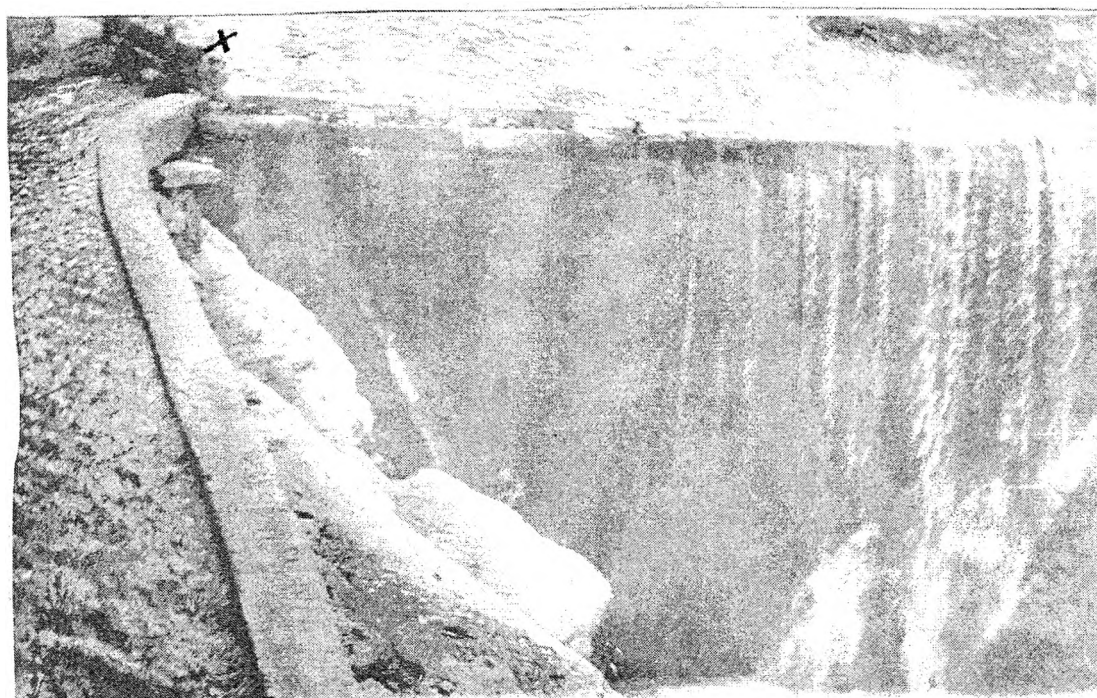

Рис. 6. Плотина и отводной канал в старом (утопленном) Черкее. Построена на средства генерала Дациева Пазулава в XIX веке.

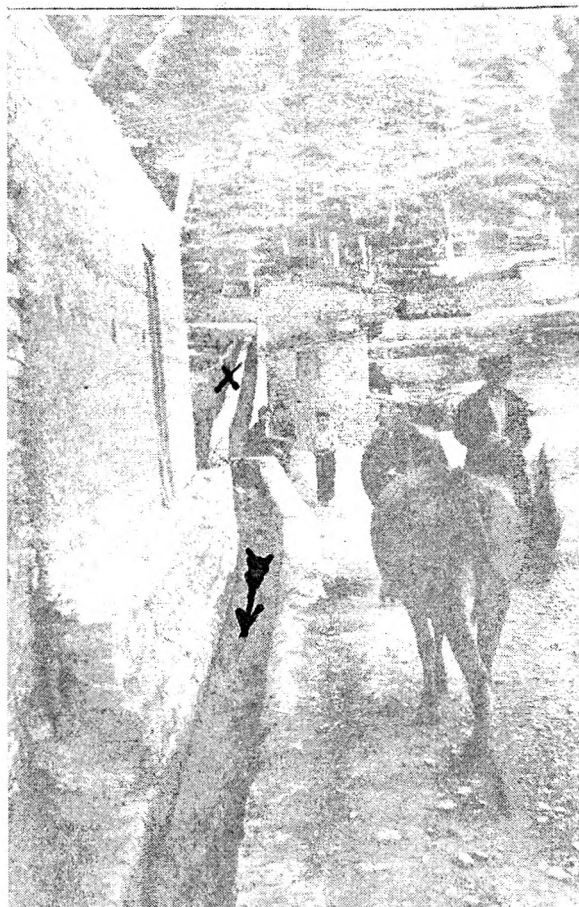

Рис. 7. Акведук, подающей воды через жилые камеры на поля. Черкей. Фото автора – 2004 г.

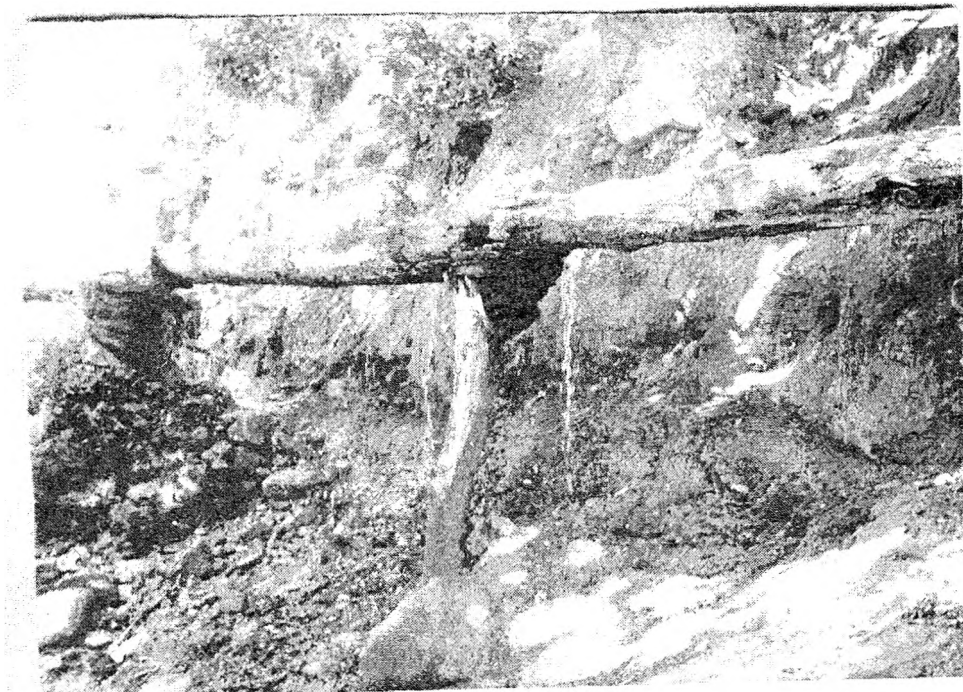

Рис. 8. Деревянный акведук. Гимри. Фото автора.

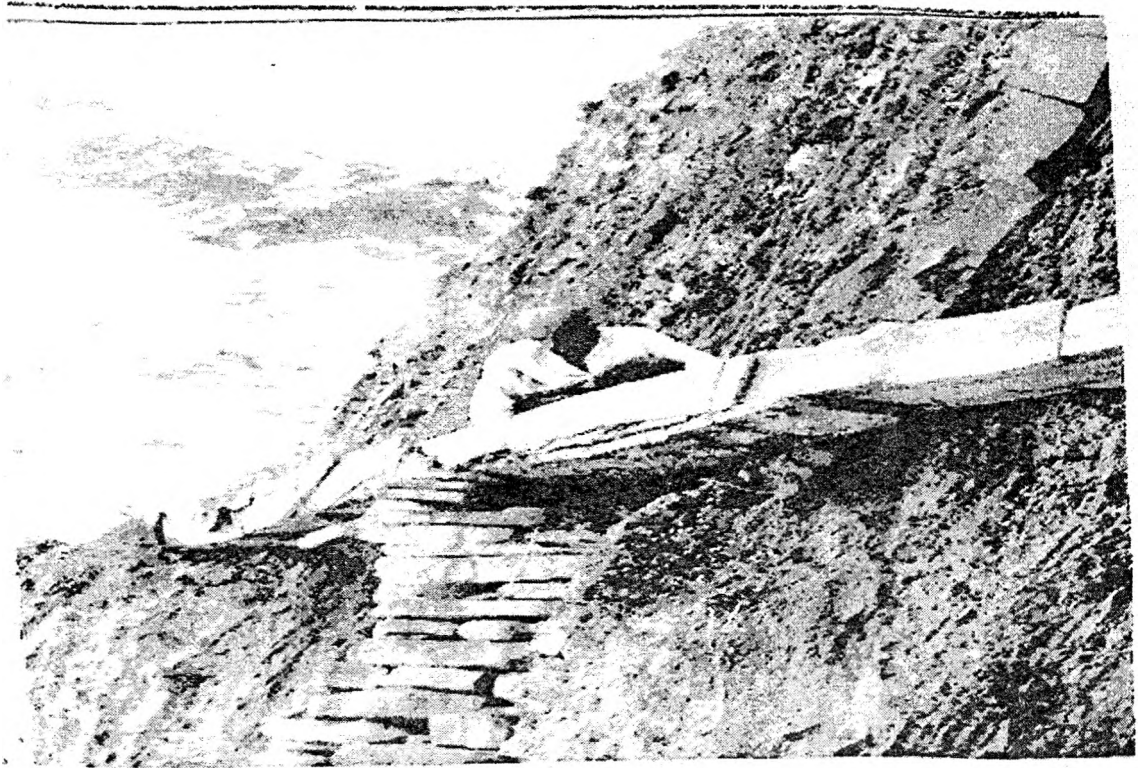

Рис. 9. Ремонт водопровода. с.Корода. Фото автора – 1967 г..

Б.Г. Алиев

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ О БОРЬБЕ ДАРГИНЦЕВ ПРОТИВ ИНОЗЕМНЫХ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ

Изучая историческое прошлое, исследователь пользуется различными источниками. В особенности это относится к исследователям древнего и средневекового Дагестана, что объясняется скудностью письменных источников по этим периодам. Именно поэтому дагестанские историки, занимающиеся средневековьем, изучая тот или иной вопрос, вынуждены часто обращаться к такого рода материалам, как топонимика, ономастика, эпиграфика, историко-этнографический материал и т.д. Среди них особое место принадлежит историческим преданиям и легендам. Исторические предания – это один из жанров устного народного творчества. В них отражаются исторические события, происходившие в далеком прошлом. Поэтому исследователей-историков, этнографов и др. предания прежде всего интересуют не как один из видов художественного жанра фольклора, а как фактологический материал, как один из видов источников, помогающий осветить историческое прошлое наших народов. С этой точки зрения предания, собираемые в основном в результате экспедиционных работ в районах Дагестана, для историков и этнографов выступают как источники по прошлой истории, так как в них исследователь находит то, что не нашло отражения или недостаточно освещено в письменных источниках. Следовательно, исторические предания как один из видов историко-этнографического материала имеют не только чисто познавательное, но и большое научно-практическое значение, выступая как один из видов, причем весьма значимый, источников при изучении исторического прошлого. Исторические предания – это устный исторический источник, содержащий значительные сведения по социально-экономической и политической истории. Как пишет проф. Р.М.Магомедов, несмотря на преимущества письменных источников, «в определенных отношениях устные источники более полны и лучше фиксируют некоторые стороны исторического процесса»¹.

¹ Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Махачкала, 1977. С. 10.

Как было отмечено, значение преданий и историко-этнографического материала вообще возрастает в условиях отсутствия или малочисленности местных письменных источников. Именно этим объясняется тот большой интерес, который вызывают исторические предания у исследователей истории средневекового Дагестана. На основе использования исторических преданий удается в некоторой (нередко и в основной) мере воссоздать или дополнить исторические события и факты.

Можно привести немало примеров, когда историки-дагестановеды умело используют в своих научных исследованиях историко-этнографический материал, в том числе и предания, при изучении различных вопросов хозяйственно-экономического, общественно-политического и культурного развития народов Дагестана. Однако, несмотря на такую значимость исторических преданий, исследователи не в достаточной мере занимаются планомерным, систематическим сбором и в особенности их публикацией. Хотя учеными-дагестановедами (этнографами, историками, фольклористами) проделана большая работа по сбору историко-этнографического материала, в том числе исторических преданий, но этого нельзя сказать о подготовке их к изданию, ознакомлению с ними широкого читателя. Можно указать лишь на большую работу, проделанную известным дагестанским ученым-историком, проф. Р.М.Магомедовым, который не только собрал большое количество исторических преданий, но и издал их в различных трудах. В его работах «Легенды и факты», «Легенды и факты о Дагестане», «Дагестан. Исторические этюды», «По аулам Дагестана»¹, наряду с другими материалами по истории и культуре народов Дагестана, имеется много интересных исторических преданий, которые широко применяются в научных изысканиях дагестанских исследователей.

Тот большой интерес, который вызывает издание исторических преданий в указанных трудах Р.М.Магомедова, говорит о необходимости продолжить это хорошее и необходимое начинание. Именно поэтому в период летних экспедиционных работ в районах Дагестана ученые Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук при сборе историко-этнографического материала большое внимание обращают на выявление и сбор разнообразных исторических преданий. Необходимо отметить, что эта работа проводилась и проводится по возможности и в наше трудное время, и не безуспешно. За последние несколько десятилетий сотрудниками Института собрано большое количество разнообразных исторических преданий, среди которых предания о возникновении крупных территориальных сел на основе объединения небольших, так называемых тухумных поселений, о распространении ислама в Дагестане в целом и в его отдельных регионах и среди различных народов, о борьбе народных масс против местных феодалов, о феодальных владениях и союзах сельских общин. Наиболее распространенными среди исторических преданий являются предания о борьбе народов Дагестана с иноземными завоевателями – арабами, монголо-татарами, войсками среднеазиатского завоевателя Тимура и персидских шахов, в особенности Аббаса I (начало XVII в.) и Надир-шаха (первая половина XVIII в.).

В данной статье не ставится цель говорить о всех преданиях, собранных историками и этнографами, так как это весьма большой вопрос и в небольшой статье невозможно охватить его полностью, простой перечень не представляет интереса ни для ученых, ни для широкого читателя. В данной статье мне хочется остановиться лишь на тех преданиях, которые собраны в основном мною (в отдельных случаях и другими исследователями) в даргинских районах и в которых отражена героическая борьба даргинцев, которую они вели вместе с другими народами Дагестана против различных иноземных завоевателей.

Наиболее ранний период борьбы даргинцев против иноземных завоевателей охватывают предания, связанные с распространением ислама в Дагестане, с хазаро-арабскими войнами, происходившими на территории Дагестана, и с борьбой дагестанских народов против арабских войск, силой оружия пытавшихся навязать им свою религию. В частности, события этого периода отражены в преданиях о разрушении города Хамур-Дарго (Хамур-Дарго), находившегося на территории нынешнего сел. Кичи-Гамри Сергокалинского района. Вокруг города была крепостная оборонительная стена со сторожевыми башнями. В предании говорится, что однажды сюда пришли какие-то завоеватели, которые обманули сторожевых и, захватив город, сожгли его. Они прибили подковы наоборот и следы их конницы вели не в сторону города, а от города на плоскость. На самом деле завоеватели пришли с плоскости и ждали, пока войска хамударгинцев пойдут в «погоню». Когда войска по тревоге сторожевых ушли в «погоню» на плоскость, завоеватели легко вошли в город и захватили его. В предании далее говорится, что оставшиеся в живых хамударгинцы расселились в селениях Башлы, Алходжагент, Утамыш, Мюрего и в некоторых селах Верхнего

¹ Магомедов Р.М. Легенды и факты. Махачкала, 1963; *Его же*. Легенды и факты о Дагестане. Махачкала, 1969; *Его же*. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1971. Вып. 1; *Его же*. По аулам Дагестана. Махачкала, 1977. Вып. 1; 1979. Вып. II.

Дарго. Впоследствии они вернулись на свою территорию и основали сел. Кичи-Гамри, что на кумыкском языке означает Маленькие Гамри.

В предании, записанном мною в кайтагских селениях, говорится, что для распространения ислама в Кайтаг с арабскими войсками приходил Абумуслим. Но ему не удалось распространить ислам во всех селениях Кайтага. Поэтому он приказал построить оборонительную башню на территории сел. Дзилебки в местности Варха. Это была граница между христианством, которое исповедовало местное население, и исламом, который приняли жители Кайтага, куда дошли арабские войска. Интересное предание было записано мною в сел. Акуша о принятии ислама. Рассказывают, что акушинцы приняли ислам в 114 г.х. (733 – 734 гг./). Тогда во главе акушинцев стоял Ахъуш, от имени которого, якобы и произошло название селения Акуша. Но это одна из существующих версий. Абумуслим написал письмо Ахъушу, в котором спрашивал, будут ли акушинцы мусульманами. Ахъуш написал ответ Абумуслиму, находящемуся тогда в Дербенте, что акушинцы согласны принять ислам. После этого Ахъуш заложил фундамент для мечети. Поэтому Абумуслим не пришел в Акуша с арабскими войсками. Селение тогда находилось в местности «Шейхла Гиниз» – в 6 км от нынешнего селения Акуша. Потом вместе с селением мечеть была перенесена на территорию нынешнего селения Акуша и построена на макушке горы, откуда видно все акушинское пространство.

Ряд преданий связан с упорной борьбой даргинцев против монголо-татар. В письменных источниках зафиксированы отдельные события, происходившие в этот период в Дагестане, в частности в Дербенте, Рича, Казикумухе и т.д. В них сообщается о нескольких походах монголо-татар в Дагестан в первой половине XIII в., о прохождении их войск по территории Южного Дагестана, героической и упорной борьбе агулов и т.д. С этими событиями, надо полагать, связано предание о борьбе даргинского селения Чирах против монголо-татар. В предании говорится, что завоеватели пришли в сел. Чирах по дороге, называемой Машраш-дашкапур. Завоеватели шли со своими семьями /женами и детьми/. Чирах находился в 6 км от нынешнего селения. Это был большой населенный пункт, который также назывался Чирахом. Ныне там находится ферма.

Монголо-татары пришли в Чирах, уничтожив сел. Рича. Чирах был защищен мощными оборонительными сооружениями. Поэтому завоевателям долго не удавалось его взять. В конце концов им удалось прорваться в аул. Защитники укрепились в большой мечети, и монголо-татары никак не могли ее взять. Тогда они схватили старуху, та под угрозой смерти указала врагу путь.

По другой версии монголо-татары проникли в селение благодаря предательнице. Она сообщила, что все мужское население собирается в джума-мечеть на молитву, и поэтому в это время легко можно проникнуть в аул через тайный ход. Завоеватели так и сделали. Ворвавшись в селение, они окружили мечеть, взяли ее и уничтожили всех, кто там находился. Убили они и предательницу. Завоеватели разрушили и селение, забрали скот и урожай, затем пошли дальше и осадили другое крупное селение, расположенное на берегу реки Ричахе. Захватить его не стоило большого труда, так как оно было ослаблено постоянной враждой с соседями.

Те, кому удалось спастись, образовали современное селение Чирах. Первые дома были построены на неприступной скале, где ныне старая часть селения – Барши. После заселения этой части стали заселяться и строить дома на территории вокруг скалы.

В сел. Харбук Дахадаевского района сохранилось предание о том, что отряд монгольского полководца Ногай через хребет Лес спустился к селению Красная Вода /ХинтГин шин/, находившемуся в 6 км к западу от нынешнего Харбука. Но жители харбукских поселений объединились и встретили врага в местности Шиятта мура хъяб (перевал сенокоса Шандана). На помощь харбукам пришли жители соседних селений. Перед началом боя состоялся поединок. Объединенный отряд даргинцев выставил на поединок самого храброго воина из селения Красная Вода по имени Белемук, а монголы своего воина Лугая. Белемук победил Лугая, сразив его копьем. После этого началась жестокая схватка, в которой даргинцы одержали победу. Монголы бежали с поля боя. С тех пор дорога, которая находится на этом месте, носит название Лугъайла къячлив (поворот Лугая).

Является ли ордынский полководец Ногай и Лугай, напавший на харбукские поселения, одним и тем же лицом, неизвестно.¹

Другие предания и легенды говорят о приходе монголо-татар в Кайтаг-Санчи, Карацан и т.д. Сохранившееся до сих пор старое кладбище на краю селения Карацан, называемое «Гуддир харби» (Нижнее кладбище), местные жители связывают с погибшими в сражении с местными жителями монголами. Согласно преданиям, монголо-татары дошли и до сел. Уркарах. В предании говорится, что завоеватели, захватив селение, взяли скот, богатство и ушли, оставив здесь своих приверженцев.

Сохранилось много преданий о борьбе даргинцев с войсками Тимура в 1395 – 1396 гг. Значение этих преданий в том, что они дополняют имеющиеся письменные источники и дают возможность уточнить места событий и маршруты завоевателей по территории Дагестана.

¹ Юсупов Х., Муталимов М. Харбукцы: история и культура. Махачкала, 1997. С. 31.

Интересно прежде всего предание, бытующее во многих даргинских селениях о том, что Тимур якобы был по происхождению из сел. Герга, находившегося раньше (до 1944 г.) в Сергокалинском районе, недалеко от нынешнего селения Нижние Мулебки. Безусловно, это является отголоском пребывания Тимура в этом селении и других окружающих населенных пунктах нынешнего Сергокалинского района.

Преследуя золотоордынского хана Тохтамыша, Тимур в 1395 г. вторгся на территорию Дагестана. Из письменных источников мы знаем, что войска Тимура с огнем и мечом прошли почти по всей территории даргинцев. Об этом пишут историографы Тимура Низам ад-дин Шами и Шереф ад-дин Йезди. Больше всего пострадали от завоевателей кайтаги и верхнедаргинцы. Об этом говорят и сохранившиеся предания. В них отражена храбрость даргинцев, жестокость и безжалостность завоевателей. Так, в одном предании говорится, что тимуровские войска встретили в Кайтаге упорное сопротивление. Кайтаги сами напали на войска Тимура и последние для защиты от них вынуждены были вырыть глубокий ров шириной в 3 – 4 м, который тянулся от холма, находящегося между селениями Башликент, Хапкайкент и Ачикент, до территории Баршамая и других кайтагских селений.

В какой-то мере это предание о строительстве завоевателями рва перекликается с легендой о земляном вале, известном под названием «*Аксак Теймурун хори*» (вал Хромого Тимура), который, начинаясь от Дербента курганами, идет через магал Терекеме на Утемишское поле, оттуда в виде вала ниже Буйнака и Тарков (Тарху), на Теймур-Куи (колодец Теймура) и через реку Сулак и оттуда далее на север.

Существуют любопытные предания, о которых писали А.-К.Бакиханов и Г.-Э.Алкадари¹, согласно которым один из эмиров по имени Губден, кривой на один глаз, был осажден со своим отрядом войсками Тимура. Зная, что ему не устоять, Губден, прибыв к Тимурову верхом на быке, сказал: «Я, слепой, приехал спросить тебя, хромого, за кого нас принимаешь ты, такой могущественный государь? Для чего с нами ведешь войну и что у нас есть такого, чтобы ты мог взять?». Согласно преданиям, Тимурову понравилась откровенность Губдена, за что он подарил последнему всю землю, расположенную вокруг селения Губден. Губден переселился сюда, и с тех пор селение стало называться его именем.

Надо полагать, что это предание является отголоском действительного пребывания Тимура в этих местах, о чем мы можем судить и из сведений указанных историографов Тимура, писавших, что наряду с другими населенными пунктами тимуровские войска взяли и крепость Балу, под которой можно иметь в виду один из древнейших населенных пунктов даргинцев Пилаул, который ныне является одним из кварталов Губдена, образованным переселенцами – оставшимися в живых после разрушения Тимуром Пилаула.

Согласно сохранившемуся в сел. Мюрего преданию, тимуровские войска приходили и в это селение. Тимур остановился со своими войсками в местности Чиригъуми къякъ и разбил здесь лагерь. Для защиты своего селения мюрегинцы на местности Гяйсала къякъ построили земляной вал, а на местности Хъаршила муза вырыли окопы. Тимур потребовал от мюрегинцев покорности и доставки в его лагерь красивых девушек. Мюрегинцы долго спорили и наконец пришли к решению – посылать в лагерь Тимура девушек по жребию. Первый жребий пал на дочь мюрегинца по имени Баганд, которого тогда не было в селении, и дочь его забрали без него. В тот же день Баганд вернулся в селение и застал плачущую жену. Узнав о случившемся, Баганд организовал погоню и, не доходя до местности Чятилла дубла, догнал всадника, увозившего его дочь. Он убил его забрал дочь и вернулся в селение. За такой смелый поступок мюрегинский джамаат дал Баганду земельный участок, который стал называться «*Зулум Бахъяндла хъу*» (сильного или храброго Баганда пахота).

Любопытное предание сохранилось в сел. Урахи Сергокалинского района. На базарной площади Урахи имеется специальное место (загон) для продаваемого скота, которое называется Тамилла Гяя (загон Тамилла). Рассказывают, что, когда в Урахи пришли тимуровские войска, на этом месте остановилась конница завоевателей. После чего это место стало называться урахинцами Тамилла Гяя. Завоеватели жестоко расправились с урахинцами, которые оказали им упорное сопротивление.

Сохранилось предание о борьбе с тимуровскими войсками жителей Верхнего Дарго. Тимур жестоко расправился с местным населением, которое, как и повсеместно в Дагестане, оказало завоевателям упорное сопротивление. Особенно жестоко расправился Тимур с центром верхнедаргинцев сел. Усиша (Ускиша), которое он не мог долго взять. И его взятие предание связывает с неким Каландаром. Это довольно широко распространенное среди народов Дагестана предание, в

¹ Бакиханов А.-К. Гюлистан - и Ирам. Баку: Элм, 1991. С. 81; Алкадари Г.-Э. Асари-Дагестан. Исторические сведения о Дагестане. Махачкала: Юпитер, 1994. С. 29 – 30.

котором говорится, что из Аварии на территорию Верхнего Дарго пришел со своим войском Каландар. Он решил завоевать и объединить поселения, находившиеся на территории современного селения Усиша. Это: Зирмуьк гЯя, Хьинала гЯя, Гьубши хIеркIла гЯя, МарцIла гЯя, Шургьгала гЯя, МухIула гЯя, ГIяндибатIала гЯя, ЧебяхIшала гЯя. На месте сел. Усиша располагалось поселение Усала гЯя. Сначала Каландар хотел завоевать поселение Усала гЯя и потом присоединить к нему остальные поселения. Усала гЯя было самым большим и сильным поселением, окруженным оборонительной стеной, и поэтому Каландару трудно было овладеть им.

Чтобы изучить положение в Усала гЯя, однажды Каландар пришел туда под видом нищего странника. Он зашел в один из крайних домов поселения, где жила одна старуха. Она пожалела «нищего» и поставила перед ним деревянный поднос с жареной мукой. Каландар стал есть, беря ее прямо с середины подноса, а не с края. Увидев, как он кушает, старуха сказала ему: «Зачем ты берешь еду с середины подноса, словно Каландар, который, оставив находящиеся вокруг поселения, хочет взять сначала Усала гЯя?» Каландар задумался над словами старухи и решил сначала взять все другие поселения. Он так и сделал. Только после этого смог Каландар овладеть и поселением Усала гЯя. Завоевав все поселения, Каландар переселил их жителей в самое большое из них – Усала гЯя.

Это предание перекликается с имеющимися письменными сведениями в работах историографов Тимура Низам ад-дина Шами и Шереф ад-дина Йезди, которые подробно описали сопротивление, оказанное «ушкуджинцами» (усишинцами, ускишинцами) тимуровским войскам, и жестокую расправу с ними завоевателей после взятия ими Ушкуджа¹.

Одновременно с событиями в Ушкуджа происходили события, связанные с взятием тимуровскими завоевателями другого соседнего с Усиша даргинского селения – Муги, о чем также сохранились различные предания. В одном из них говорится, что войска Тимура приходили в сел. Муги со слонами. С их помощью Тимур разрушил его. На месте под названием ХIяжитайла къатI, где лег один из слонов Тимура, был построен впоследствии хутор.

События, связанные с взятием Тимуром сел. Муги, нашли отражение в записи в рукописи книги «Канз ар-рагибин фи шарх Минхадж ат-талибин» Мухаммада б. Ахмад ал-Махалли, которая в прошлом хранилась в личной библиотеке жителя сел. Муги М.-З.Закаригаева. Здесь сказано: «797 [год] – дата прихода Тимурланга со своей громадной силой в селения (карийат) Дарга, разрушения [селения] Муха (Муги. – Авт.) и гибели в сражении его жителей (фахл) – юношей, детей и стариков.

Пропали уже все наши надежды [на спасение] из-за этих интриганов (воины Тимура. – Авт.), но тут пришла к нам помощь из вокруг лежащих селений: из Авара и Гумука и мы освободились от того великого несчастья. Я – Кади-Джабраил»². 797 г.х. (соответствует 27.X.1394 – 15.X.1395 г.)

Известно, что «Ушкуджа» Тимур захватил и разрушил в 1396 г. В связи с этим и приведенной записью о сел. Муги можно согласиться с предположением Т.М.Айтберова и А.Р.Шихсаидова, которые перевели и издали данную запись о том, что «во время похода 1395 г. войска Тимура проникли до сел. Муги, но были отбиты. После этого Тимур предпринял второй поход, в ходе которого были разгромлены Ушкуджан – Ускиша и другие селения»³.

Согласно преданиям, тимуровские войска дошли и до сел. Танты. Тантинцы в то время жили в девяти поселениях. На одно из них, которое называлось Кеддала (Кьведдала), и напали завоеватели. Взрослое население спряталось в ближайшей от поселения пещере, думая, что завоеватели не тронут детей и женщин. Но враги собрали их на току и растоптали своей конницей. Согласно преданию, из жителей селения Кеддала во время прихода завоевателей в живых осталась только одна женщина, которая убежала в сюргинское селение Цугни.

Интересное предание записали мы в сел. Мекеги Левашинского района. В нем говорится, что войска Тимура вторглись в Верхнее Дарго. Один из многочисленных отрядов двинулся на сел. Мекеги. Мекегинцы, не ожидавшие этого наступления на их селение, до этого отправили свои силы на помощь акусинцам. Однако вражеская вылазка не застала их врасплох. Укрывшись за крепостными стенами, они организовали оборону селения. И сколько бы отряд завоевателей ни штурмовал селение, им не удалось взять его. В одну из ночей неожиданно для врага через главные ворота вооруженные мекегинцы набросились на осаждавших завоевателей, взяли в плен предводителя тимуровских войск и многих из них уничтожили. Уцелевшая часть их отряда отступила от селения. Пленник был казнен и выброшен в местности Зурала бахI.

¹ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М. – Л., 1941. Т. II.

² Из дагестанских памятных записей / Перев., публик., коммент. Т.М. Айтберова и А.Р.Шихсаидова // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 1980. С. 110.

³ Там же. С. 110 – 111.

Со временем Тимур вместе с другими селениями Верхнего Дарго покорил и сел. Мекеги, где завоеватели учинили кровавую расправу, о чем имеются письменные сведения, упомянутых выше историографов Тимура, у которых Мекеги дается как «Укрепление Мика». Враги силой оружия навязали мекегинцам ислам.

Ряд преданий, бытующих среди даргинцев, связан с походами войск персидского шаха Аббаса I в начале XVII в. Такие предания сохранились в селениях Акуша, Усиша, Нахки, Урахи, Харбук и т.д.

Согласно одному из вариантов предания, сражение с персидскими войсками шаха Аббаса I в сел. Харбук продолжалось несколько дней. После ожесточенных боев кызылбашам удалось захватить оборонительную башню в местности Цулла бяхI (Склон башни). Но врагам так и не удалось ворваться в село. Защитники села каждый дом превратили в крепость. Ночью они разбирали свои дома и сооружали крепостные стены. Шахские войска несли огромные потери и поэтому отступили, надеясь вызвать харбукцев на открытую местность и расправиться с ними. В конце концов кызылбаша ушли ни с чем.¹

Ряд событий, связанных с походами войск персидского шаха Аббаса I в даргинские села, нашли отражение в письменных источниках (в арабоязычных записях и эпиграфических памятниках). Они несколько раз публиковались в различных сборниках, и поэтому, не останавливаясь на них подробно, отметим лишь, где и когда происходили события, связанные с походами завоевателей.

Походы войск шаха Аббаса I были обусловлены тем, что даргинцы, как и другие народы Дагестана, не желая покоряться персам, выступили против политики, проводимой здесь шахом и его ставленниками. Поэтому для их усмирения и полного покорения и посылались карательные отряды. Один из таких отрядов во главе со ставленником шаха в Ширване Юсуп-ханом был послан против Сюргинского союза и Акуша-Дарго в 1611 г., о чем сохранилась запись в арабской рукописи «Халл ал-Иджаз» Тажуддина Мухаммад ал-Керамани, переписанной акушинским кадием Хаджи-Мухаммедом в 1612 г. Согласно записи, объединенные силы даргинцев разгромили войска ставленника шаха, который потерял только убитыми 2000 человек.²

Обозленный таким исходом карательной экспедиции Юсуп-хана, шах в следующем (1612 г.) послал новое, более мощное войско против даргинцев. В битве, произошедшей около сел. Усиша, войска даргинцев были разбиты, они потеряли убитыми 4400 человек. Об этом сохранилась запись на могильной плите в сел. Шукты.³

Шах Аббас I не успокоился и после этой победы его войск и в следующие годы совершает против даргинцев новые походы. Сначала поход был совершен против сел. Урахи, а затем опять в сел. Усиша в 1613 или 1614 г., о чем сохранилась запись в арабской рукописи «Ал-Хисн ал-хасин».

Среди исторических преданий больше всего преданий о борьбе даргинцев и других народов Дагестана против войск персидского шаха Надиршаха. Персидские войска, согласно преданиям, приходили в одни и те же селения по нескольку раз. В одном из преданий говорится, что войска Надиршаха пришли в Верхнее Дарго. Надиршах остановился на поляне Хьярбуки диркья и потребовал от акушинского кадия явиться к нему в лагерь. Надиршаха удивил авторитет последнего среди акушинцев, и завоеватель изъявил желание посетить Акуша. Согласно преданиям, придя в Акуша, Надиршах взял в жены дочь акушинского кадия и ушел отсюда.

Предание это отражает имевший место в действительности поход в Акуша персидских войск, о чем имеются не только письменные сведения, но и записи в арабоязычных рукописях. Так, в записи имеющейся у жителя сел. Бутри Акушинского района Гаджи Гаджиева, говорится: «Пришли войска Тахмас-хана в вилайат Акуша в 1148 г.х.», т.е. в 1735 или 1736 г.

В сел. Мекеги мне рассказали, что персидские войска Надиршаха приходили и в их селение. Они остановились в местности БугЯр гинизла хьяб, где находилась питьевая вода и постоянно потравляли посевы мекегинцев. В то время в Мекеги старшиной был Дехела Муртузали, волевой и энергичный предводитель. Он пользовался у своих односельчан большим авторитетом и уважением. Когда весть о движении войск Надиршаха на сел. Мекеги дошла до мекегинцев, Дехела Муртузали проделал огромную работу по подготовке селения к обороне. Мекегинцы укрепили крепостную стену, а менее защищенные и уязвимые для врага места отстроили заново. В этих работах участвовало поголовно все население. Когда закончился подготовленный для строительства ка-

¹ Юсупов Х., Муталимов М. Указ. соч. С. 42.

² Алиев Б.Г. Акуша-Дарго в XVII – XVIII вв. Опыт монографического исследования социально-политической истории: Дис...канд. ист. наук. Махачкала, 1966. Л. 71 – 72; *Его же*. Памятники арабской письменности XVII – XVIII вв. по истории Верхней Даргинии // Уч. зап. ИИЯЛ ДФАН СССР. Махачкала, 1970. Т. 20. С. 260.

³ Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа X – XX вв. на арабском, персидском и турецком языках. Ч. III. Новые находки. М., 1980. С. 56 – 57.

мень, были сняты и использованы для укрепления оборонительной стены надгробные плиты на сельском кладбище. Таким образом, были использованы все надгробные памятники одного кладбища, которое превратилось в пустырь. Ныне это место называется АхьухИябрала, т.е. верхнее кладбище. Селение к приходу завоевателей полностью было подготовлено к обороне.

Отряд персидских войск остановился перед селением. Завоеватели потребовали, чтобы мекегинцы покорились и без боя сдали селение. Часовой у ворот селения сказал, чтобы они немедленно убрались, пока не пришел мекегинский старшина. Персы посмеялись над словами часового и потребовали вызвать старшину. Дехела Муртузали вышел к ним с вооруженной охраной, состоявшей из 20 молодых. Когда они пришли в лагерь персов, надировские воины, уставшие после перехода, отдыхали. Предводитель персидских войск вежливо встретил Дехела Муртузали. Он спросил Муртузали, как он добился такого высокого авторитета и уважения односельчан. Муртузали ответил ему, что стал уважаемым среди своих односельчан благодаря своей жене: она сама уважает его; когда он возвращается домой, она встречает его у ворот, угощает детей за присмотр за его лошадей, всегда любезна и приветлива с его товарищами. После этого предводитель персидских войск сказал, что мекегинцы находятся в безвыходном положении и чтобы они сдались без боя и покорились им. Ответ был коротким: покоряются только после поражения. Тогда предводитель персов раскрыл свое истинное лицо. Он набросился на Дехела Муртузали со словами: «Как ты смеешь в моем лагере (стане) так разговаривать со мной? Ты отсюда не уйдешь живым». Мекегинский старшина на это ответил: «Это ты находишься на моей земле. Я отсеку тебе голову, ты не успеешь даже пикнуть. Это мои молодцы заполнили твой шатер, а твои спят. Вознеси хвалу Аллаху, что мы уходим, не прикончив тебя, и немедленно убирайся».

Убедившись, что покорить мекегинцев ни хитростью, ни силой не удастся, персидские войска вынуждены были оставить свои замыслы и уйти.

Сохранилось предание, что войска Надир-шаха не смогли взять с ходу и сел. Нахки. Нахки раньше было сильно укрепленным населенным пунктом. Поэтому его называли Нуки-къала. Чтобы убедиться в этом, как говорится в предании, Надир-шах решил сам проверить это и пошел в Нахки, передевшись в нищего странника. Это было осенью, когда нахкинцы были заняты молотью зерна. Перед селением, с той стороны, откуда Надир-шах шел, находился ток. Нахкинцы дали «нищему» погонять по току быков, сказав, что они принесут ему поесть, а сами ушли в селение на обед. Когда Надир-шах гонял по току быков, он заметил там золотую миску (местные жители не знали, что она золотая, так как она была похожа на медную и была грязная), в которую собирали помет быков. Взяв в руки миску, Надир-шах сказал: «Кто знает, что ты золотая, кто знает, кто я такой?»

Надир-шах разузнал все о селении, осмотрел, как оно было укреплено, и ушел в свой лагерь. Затем он пришел в Нахки с многочисленным войском и завоевал его, уничтожив многих жителей.

Приход войск Надир-шаха в сел. Нахки – исторический факт. Причем приходили сюда персидские войска несколько раз, о чем говорят сохранившиеся записи. Согласно сведениям, собранным Р.М.Магомедовым, у одного из местных жителей сохранилась рукопись с завещанием, на полях которой сказано: «Тот, кто хочет знать, что произошло, знайте: дома разрушены кызылбашами. Село разрушено в 1735 году. Тогда убиты были жители в количестве 6055 человек. Свидетелями разрушений, убийства людей являются Таймаз-хан, Сурхай-хан и Шамхал».

В предании, записанном Р.М.Магомедовым, говорится о том, что во время нашествия кызылбашей на помощь сельчанам пришли из аулов Бутри, Акуша, Гинта. Бой длился 15 дней. В ауле сохранились надгробные плиты с именами погибших в борьбе с Надир-шахом.¹

Указанные события отражены и в записи в рукописи, имеющейся у жителя Нахки Раджаба Омарова, где говорится: «Это сообщение от тех, которые остались в живых после этого дня. Село разрушено кызылбашами в 1735 году. Среди нас убитых насчитывалось 635 человек. Эта запись прочитана у Таймаз-хана в присутствии Сурхай-хана, Шамхала и других улемов»².

Приходили войска Надир-шаха в сел. Нахки и в 1741 г. На полях рукописи «Ал-Махалли» имеется следующая запись, сделанная нахкинским жителем М.Сулеймановым: «Это память на будущее. В 1741 г. войска кызылбашей разрушили Нахки. Нахкинцы воевали с ними, они от нас (нахкинцев) забрали триста пятьдесят три человека: мужчин, женщин и детей. Мы против них воевали десять дней. Потом мы оставили Нахки. Пришлось оставить имущество, детей, матерей и отцов. Нераненных мужчин среди нас осталось двое. В селе, кроме одной коровы, одного быка и трех лошадей, не осталось ни овец, ни ослов. Потом начался голод, унесший мужчин, женщин и детей. Количество умерших мы не знаем. Одни говорят – 117, другие называют еще больше, - спаси нас Аллах! Потом нам удалось уточнить количество павших людей – 3635.

¹ Магомедов Р.М. Дагестан...1971. С. 158.

² Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Махачкала, 1977. С. 138.

Эта запись в присутствии Сурхай-хана, шамхала и других ученых прочитана Таймаз-хану».¹ Аналогичная запись имеется и в рукописи «Китаб далаил ал-хайрат» («Книга доказательств благодетелей»), которая находилась у арабиста сел. Усиша Акушинского района Магомеда Галбецова.

Имеются и другие записи с указанием других цифр о количестве убитых, с тем же годом похода, совершенного Надир-шахом в Нахки, – 1741 г.

Неоднократно совершал походы Надир-шах на непокорный Кайтаг, на что указывают и сохранившиеся предания в его различных селах. Так, в Карацане и в других селах известна легенда в ее различных вариантах, рассказывающая о борьбе против Магомеда – ставленника Надир-шаха в Кайтаге и Табасаране.

Обосновавшись у Чумус иниц (Соленого озера), неподалеку от современной станции Мамедкала, Магомед посылал в окружавшие его стан селения своих людей для сбора дани. Сперва он брал гроздь винограда с каждого жителя или же ее стоимость. Потом стал брать корзину и наконец дошел до того, что стал похищать девушек для шахского гарема. Население, возмущенное наглостью иноземцев, восстало. Селения объединились, избрали руководителей вооруженных отрядов, и они стали совещаться, как лучше организовать нападение на становище шахского наместника у Чумус иниц.

Руководитель отряда селения Хадаги предложил прибить лошадям подковы наоборот, чтобы следами лошадей обмануть противника. Большинство согласилось с этим, но сказали, что главное выступить не в одиночку, а соединиться вместе. Так и решили.

Выступили ночью. Сперва небольшой отряд напал на людей наместника Надир-шаха, а когда персы погнались за смельчаками небольшого отряда, основные силы восставших, засевшие в засаде, напали на людей шахского наместника и захватили почти все его войска. Наместник Надир-шаха послал новые войска, но горцев и след простыл. Погоня ни к чему не привела – отряд восставших ушел совсем не туда, куда показывали следы копыт. Так хитрость и сплоченность выручили горцев из беды.² На границе четырех районов: Кайтагского, Дахадаевского, Сергокалинского и Каякентского находится ущелье под названием ХІябкъяйла къада. Здесь сливаются несколько рек, текущие из ущелья Карабайла къада, находящегося ниже сел. Викри, Ванаша хІеркІ и Муйран хІеркІ, протекающие в ущелье Кумла къада. В результате их слияния и образуется большая река под названием Орта-Озень или Башлы-чай. На территории кутанов Къамуш ГІячи, находящихся ниже Башликента, сохранилось старое кладбище, занимающее около 20 гектаров. Здесь в древности находился огромный город, через который проходила дорога в горы. Многие завоеватели использовали ущелье ХІябкъяйла къада. Отсюда шли в горы и персидские войска Надир-шаха, с чем связаны названия ряда мест, где встречается и термин шах. Согласно преданиям, когда Надир-шах решил с плоскости совершить очередной поход в горы через это узкое ущелье и дошел до его начала, то неожиданно повернул свое войско в сторону Чумли. Он решил пересечь горный хребет, очищая его от деревьев. Так он проложил здесь дорогу (тропинку) в муйринские села. Эту дорогу до сих пор называют Шагъла лакки. По ней персидские войска прошли вверх до возвышенности Къяпала муза, находящейся выше ущелья Кумли къада. Продолжив путь далее, Надир-шах дошел до местности ниже Къянайла хъяб, расположенной рядом с сел. Зильбачи. Это было место сбора представителей муйринских сел, откуда видны многие окружающие села.³

Существует предание о том, что из Акуша-Дарго войска Надир-шаха двинулись в Каба-Дарго, Верхний Кайтаг, отсюда на плоскость. В одном из преданий, рассказанном мне в сел. Меусиша, говорится, что, когда жители его узнали о том, что войска во главе с Надир-шахом идут в их селение, они для его обороны вырыли за селением на местности ГІя ГинцІела глубокий и широкий ров. Дорога, по которой прошли войска Надир-шаха, впоследствии стала называться Шагъла гъуни (Дорога шаха).

Меусишинцы не смогли устоять против многочисленных сил завоевателей, и селение было взято врагом. За оказанное сопротивление в местности Сигъала дурегІи по приказу Надир-шаха завоеватели жестоко расправились с меусишинцами.

В сел. Кубачи мы записали предание о том, что Надир-шаху не удалось взять селение. Тогда он решил взять его хитростью. Надир-шах решил лишить кубачинцев воды. Поэтому он приказал прорыть ход к источнику от горы Табалла муза, длиною до 500 м. Но кубачинцы перехитрили Надир-шаха. Они вынесли на крыши своих домов бронзовые кувшины, в которых носят воду, и положили их наподобие пушек. В один кувшин положили известь, а затем залили ее водой. Изда-

¹ Там же. С. 139.

² Магомедов Р.М. Дагестан... С. 171 – 172.

³ Таинов Р. КІел къада // Замана. 17 дек. 1999 г.

лека казалось, что это пушка после произведенного выстрела. Увидев множество «пушек» на крышах домов, враги не осмелились взять селение и ушли.

Сохранилось предание об упорном сопротивлении, оказанном персидским войскам Надир-шаха харбукцами. Войска Надир-шаха, не доходя до сел. Харбук, остановились в 5 км от него в местности Хвюликила. Узнав о движении завоевателей, харбукцы вооружились и засели в оборонительных башнях, находившихся вокруг селения в местностях Цулла муза, Гашла барг, Буршнук муза и в центре селения в местности ГалгІя. Чтобы завоеватели подумали, что оборонительные башни обиты железом, харбукцы зарезали быков и намазали башни кровью, от чего с далекого расстояния они блестели и действительно напоминали железные. Харбукцы для обмана завоевателей пошли и на другую хитрость. Ночью дети, женщины и старики уходили из селения по направлению к местности Уракъани, находящейся в 5 км от селения. Переночевав там в лесу и на ближайших полянах, они с пением песен, с палками и флагами в руках возвращались в селение, чтобы завоеватели подумали, что харбукцам постоянно поступает помощь со стороны других даргинских обществ, расположенных вокруг Харбука.

Войска Надир-шаха находились около Харбука более 3 месяцев. Однажды, когда мужчины в пятницу из оборонительных башен ушли в селение на молитву, завоеватели узнали об этом и, обогнув селение с юго-запада по горам, решили незаметно напасть и овладеть им. Однако дежурившие в башне, расположенной внутри селения, женщины увидели врагов. Одна из них, которую звали ХІяжила Хадижат, решив задержать врагов, вооружилась кинжалом брата и пошла навстречу им. Остальные женщины последовали ее примеру. Хадижат погибла в неравном бою. Мужчины, узнав о наступлении завоевателей, вышли из мечети и напали на них. Завоеватели, бросив оружие и две пушки, отступили в свой лагерь. Место, где произошло это сражение, впоследствии стало называться Чарбаркъ (Возврат). После этого сражения харбукцы напали на лагерь врага, разгромили его, захватили оружие, лошадей и пленных. Оставшиеся в живых бежали.

Известно, что в период опасности для Дагестана его народы объединялись, шли на помощь друг другу. Таких примеров в истории Дагестана очень много. Особенно ярко это проявилось в период борьбы народов Дагестана с войсками Надир-шаха. Об этом говорят и сохранившиеся предания. Приведем одно из них, в котором говорится, что, когда войска шаха остановились возле даргинского сел. Мегеб и аварского сел. Чох, сюда со всех концов Дагестана начали стекаться вооруженные горцы.

По преданию, на помощь родственникам из Ме-Муги (сел. Мегеб, где проживали предки харбукцев) поспешил отряд из Харбука числом в 50 человек, имевших опыт борьбы с персами. Этот же отряд принял участие в крупном сражении, в которой горцы одержали победу, разбив армию Надир-шаха. Шах потерял 20 тысяч воинов, 79 пушек, 33280 лошадей, верблюдов и мулов, а также большую часть вооружения, а сам со свитой чуть было не попал в плен.

Согласно преданиям, больше десяти харбукцев не вернулись домой. В честь погибших на краю села были установлены стелы, и к настоящему времени сохранились некоторые из них.¹ Будучи в Верхнем Кайтаге, Надир-шах со своим многочисленным войском напал и на сел. Калкни, которое тогда находилось выше современного селения. Калкнинцы храбро сражались с завоевателями. Однако они не смогли устоять против многочисленного отряда Надир-шаха. За оказанное сопротивление Надир-шах собрал на месте сражения стариков и детей сел. Калкни и растоптал их своей конницей. Место это впоследствии получило название ХІела дургІала, что означает Кровавый ток.

Расправившись с калкнинцами, Надир-шах направился в близлежащее сел. Дибгаши. Он штурмом овладел им и жестоко расправился с местным населением, растоптав дибгашинских детей своей конницей. Место это стало называться ХІа шурагъи – Кровавое озеро.

Из сел. Дибгаши завоеватели направлись в сел. Чумли, расположенное в Нижнем Кайтаге, вырубая по пути лес. Дорога эта стала называться Шагъла гъуни, т.е. дорога шаха.

Во многих преданиях, собранных мною в даргинских селах, говорится просто о каких-то иноземных завоевателях, с которыми пришлось вести борьбу местным жителям. В них не конкретизируется, кто это были такие: арабы, монголо-татары, тимуровские войска или персидские завоеватели. Но это обстоятельство говорит о древности этих населенных пунктов и в то же время о давности происходивших там событий.

Любопытно отметить, что, согласно преданиям, все иноземные завоеватели приходили почти во все населенные пункты даргинцев, являвшиеся центрами союзов сельских общин. Поэтому не удивительно, что именно в этих селах сохранились наиболее интересные предания о борьбе с иноземными захватчиками.

Перечень собранных мною и другими исследователями исторических преданий можно было бы продолжить. Но, думается, что и приведенные здесь предания в достаточной мере раскрывают

¹ Юсунов Х., Муталимов М. Указ. соч. С. 44 – 45.

ту героическую борьбу, которую вели даргинцы, как и другие народы Дагестана, в средневековье с различными иноземными завоевателями. Кроме того, из них можно понять и убедиться в значимости для исследователей историко-этнографического материала в целом и исторических преданий в частности как важных источников, помогающих осветить политическую историю периода средневековья.

М.Г. Алиев

ДОМАШНИЕ ПРОМЫСЛЫ И РЕМЕСЛА АНДАЛАЛЬЦЕВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Андалальцами называли жителей селений, входивших в прошлом в Андалальский союз сельских общин, который находился по нижнему течению реки Кара-Койсу, на территории нынешнего Гунибского района. Территория, занимаемая андалальцами (*гИандалал*), представляла собою одну из центральных частей нагорного Дагестана. Во второй половине XIX в. Андалальский союз сельских общин был упразднен и возникло Андалальское наибство Гунибского округа, куда вошли селения: Ругуджа, Согратль, Чох, Кудали, Салта, Бацада, Мегеб, Кулла, Кегер, Обох, Унты, Гамсутль, Шулани, Бухты, Хиндах, Хоточ, а также ряд отселков и хуторов.

Андалальские селения всегда отличались хорошо развитыми ремеслами и промыслами¹. Многие из них являлись крупными ремесленными и кустарными центрами: Чох, Согратль, Ругуджа, Салта и др.²

Судя по данным многочисленных авторов, в Андалальском обществе существовали такие промыслы, как изготовление ювелирных изделий, оружейное и кузнечное дело, резьба по камню и дереву, обработка шерсти, кожи, шкур, плотничество и строительное дело.

По количеству ремесленников Андалальское наибство было одним из первых в Гунибском округе. В 1896 г. в этом наибстве было 358 ремесленников, в 1903 г. – 393 чел., в 1905 г. – 356 чел., в 1906 г. – 376 чел., в 1907 г. – 375 чел., в 1908 г. – 359 чел.³ и т.д. Больше всего, по тем же данным, было каменщиков, сапожников, а также серебряников и плотников.

Обработка металла. Андалальцы занимались изготовлением разных серебряных изделий⁴. Так «...в Гунибском округе производство серебряных изделий было развито, главным образом, в сел.: Чох, Ругуджа, Гамсутль, Согратль, Кулла, Обох, ... Бацада»⁵. Если брать в отдельности каждое андалальское селение, то, например, по словам Козубского Е.И., Согратль был известен: «...своей превосходной обработкой металла»⁶, «...изготовлением серебряных вещей и оправою оружия в серебре с чернью»⁷, а также там изготавливали оружие⁸. Как пишет Магомедов А.Д.:

¹ Берже А.Д. Краткий обзор горских племен на Кавказе. Тифлис, 1858. С. 41; Воронов Н.И. Из путешествия по Дагестану// ССКГ. Вып. III. Тифлис, 1870. СС. 16, 17; Утверждение Русского владычества на Кавказе. Сост. Потто В. Т. 3. Ч. I. Тифлис, 1904. С. 382.

² Измаил Мутушев. Исторический отдел // Весь Кавказ. Справочно-литературный сборник. № 1. Тифлис. 1903. С. 107; Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. В 5-ти томах. Т. I. Очерк Кавказа и народов его населяющих. Кн. I. Кавказ. С.-Петербург, 1871. СС. 513 – 514; Хашаев Х.-М.О. Занятия населения Дагестана. Махачкала, 1959. С. 63.

³ ЦГА. РД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 27. Л. 97. Ф. 21. Оп. 3. Д. 6. Л. 176. Д. 50. Л. 75. Д. 55. Л. 163. Д. 57. Л. 135. Д. 65. Л. 146.

⁴ Гене Ф.И. Сведение о горном Дагестане. 1835/1836г. // История, география и этнография Дагестана XVIII в. – 30 г. XIX в. Архивные материалы. Под редакцией М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М. 1958. С. 341; Асиятилов С.Х. Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев (XIX – первая половина XX вв.) Махачкала, 1967. С. 84.

⁵ Кильчевская Э.В. Аварское ювелирное искусство // Искусство Дагестана: Сборник. Махачкала, 1974; Агаширинова С.С. Домашние промыслы и ремесла// Материальная культура аварцев/ Под редакцией Ихилова М.М. Махачкала, 1967. С. 77; Народы Кавказа. В 2-х томах. Т. I. М. 1960. С. 443.

⁶ Козубский Е.И. Дагестанский сборник. В 2-х выпусках. Вып. I. Темир-Хан-Шура, 1902. С. 91; Очерки истории Дагестана. В 2-х томах. Т. I/ Под ред. Косвена М.О. Махачкала, 1957. С. 101.

⁷ Козубский Е.И. Памятная книжка Дагестанской области на 1895 г. Т-Х-Шура, 1895. С. 219; Он же. Памятная книжка и адрес-календарь Дагестанской области на 1901 г. Темир-Хан-Шура, 1901. Он же. Очерк кустарной промышленности// Труды первого съезда деятелей по кустарной промышленности Кавказа в городе Тифлисе. Тифлис, 1902. С. 190.

⁸ Газимагомедов М.Г. Народные художественные промыслы Дагестана. Махачкала. 1988. С. 31.

«Согратль был потайным изготовителем патронных револьверов, ружей»¹. Помимо всего этого, там производили чеканку на медных изделиях², а также местные мастера «владели техникой зерни, натуральной и ложной и техникой филигрании»³.

Из согратлинских мастеров серебряников второй половины XIX–начала XX в. можно упомянуть Абдуллу Умарова, Умаллява, Омара Агаева, Ису Гаджиева, Харжавова Магомеда (ГПумаляв), Имангазали, его сына Магомеда, Амирсо Али, Амирсо Абдулу, МахIамзал Ахмед, Гаппаса, АггалIумаля Магомеда, АггалисмагIил Курбана, Ханжар-Нурмагомеда, ГIабдул Курбана⁴, а также Абдулмагомедова Магомеда, Абасова Абаса; мастера по металлу – кузнецы и слесари: ХIанзаласул Ахмед, ГIабдул Магомед, Пакачилав, МахIмуля Апанди, Бахьулав, Шамаласул Абдулатип, их ученики – ГIабдул-ХIаким, Аггал Гамзат, ХIанипал Гамзат, Хачаибрагьимил МахIамза, Аббас Ахмедов и др.⁵ В Согратле также жили и работали мастера медных дел: Чураловы – Омар, Магомед, Ахмед, Али и Ислам; Исалабдулаев Омар, Мирзал Пирав, Гвергил Али, Бахьул Исагаджияв и др.; лудильщики: Хизрил Абдусамад, Гаппасов Султан, Исалабдулаев Магомед, ГIабдулахIисо Ахмед, Уллаев Гамзат и Али, Патахов Абдула и др.⁶

В другом крупном андалальском селении – Чох – был также широко развит ювелирный промысел (среди кубачинцев известен даже особый орнаментальный узор под названием «чохский накыш»)⁷. Чохский орнамент вошел также в обиход и лакских мастеров⁸. В Чохе работали мастера насечки. Здесь так же, как и в Согратле, производили чеканку и оправляли оружие в серебро с чернью. Некоторые чохские мастера владели техникой эмали. Из известных чохских мастеров второй половины XIX–начала XX в. можно назвать Мадиева Якуба, Назарова Омара, Инсалова, Магомедрасула (его сын), Ханикалова, Магомед-Аминова, Расула Гамзатова, Абдул-Самада Ахмедова¹⁰ и др.

В селении Ругуджа также были развиты ювелирный и оружейный промыслы. Как пишет Кильчевская Э.В., «в селении Ругуджа изготовлялись массивные наборные подвески, состоящие из множества фигурных деталей, цепочек, монет, нанизанного жемчуга и так далее»¹¹. Некоторые ругуджинские мастера, как и чохские, владели техникой эмали¹². К сожалению, не удалось обнаружить имен ругуджинских мастеров.

Еще один крупный центр металлообработки, в особенности оружейного промысла¹³ – сел. Гамсутль. Из гамсутлинских мастеров, творивших во второй половине XIX – начала XX в., нужно упомянуть легендарного мастера Чаландара – орнаменталиста по черни и глубокой гравировки. Его изделия ценились выше кубачинских и лакских. Он также владел технической отделкой, называемой «резьбой по железу и стали»¹⁴. Его сын Курбан Чаландаров также стал известным мастером декорирования оружия¹⁵. Из других гамсутлинских мастеров, этого же периода, нужно назвать Пирова Магомеда, Хужа-Хилява, Джахвара, Салиха, Мусу, Сулеймана Абдулазизова¹⁶.

¹ Магомедов А.Дж. Традиционное художественное ремесло Дагестана. Махачкала, 1999. С. 49.

² Чирков Д.А. Аварские медно-чеканные изделия XIX – XX вв. (селения Гоцатль и Ичичали) // Сб. тр. НИИХП. Вып. 7. М., 1973. С. 207.

³ Арбуханова И.Ш. Художественная обработка серебра у аварцев во второй половине XIX – начале XX в. Махачкала, 1962 г. // Рук. ф. ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 157 а. Л. 77.

⁴ Там же. Л. 24. Полевой материал. Гунибский район 2003.

⁵ Агаширинова С.С. Указ. соч. // Материальная культура аварцев. С. 69. Полевой материал. Информатор - Абакаров Магомед (с. Согратль.)

⁶ Арбуханова И.Ш. Указ. соч. // Рук. ф. ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 157 а. Л. 23.

⁷ Яковлев Н.Ф. О ювелирной промышленности в Дагестане. Махачкала, 1928. С. 2; Никольская З.А. Аварцы. // Народы Дагестана. Сборник статей. М. 1955. С.30; Дебиров П.М. Резьба по камню. М., 1966. С. 58.

⁸ Гамзатова П.Р. Женские ювелирные украшения Дагестана (XVIII – нач. XX в.) Махачкала, 1986. С. 39.

⁹ Чирков Д.А. Указ. соч. С. 204-207; Козубский Е.И. Оч. куст... // Тр. пер. съезда... С. 190; Арбуханова И.Ш. Указ. соч. // Рук. ф. ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 157 а. Л. 79.

¹⁰ Агаширинова С.С. Указ. соч. // Материальная культура аварцев. С. 69; Арбуханова И.Ш. Указ. соч. // Рук. ф. ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 157 а. Лл. 24,25.

¹¹ Кильчевская Э.В., Иванов А. Художественные промыслы Дагестана. М., 1959. Кильчевская Э.В. Указ. соч. С. 108.

¹² Арбуханова И.Ш. Указ. соч. // Рук. ф. ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 157 а. Л. 79.

¹³ Арбуханова И.Ш. Указ. соч. // Рук. ф. ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 157 а. Л. 24; Газимагомедов М.Г. Указ. соч. С. 31; Магомедов А.Дж. Указ. соч. С. 45.

¹⁴ Кильчевская Э.В. Аварский мастер Чаландар // Сборник тр. НИИХП. Вып. I. М., 1962. С. 86 – 91.

¹⁵ Алиев М.Г. Дагестанское оружие. Искусство художественной обработки XIX-XX вв. Махачкала. 1996. С. 39 – 44.

¹⁶ Агаширинова С.С. Указ. соч. // Материальная культура аварцев. С. 69; Арбуханова И.Ш. Указ. соч. // Рук. ф. ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 157а. Л. 25.

В селении Кулла была развита металлообработка и там как пишет Козубский Е.И., «...работало много кузнецов»¹. В селении Бухты жил мастер по имени Тайгиб, изготавливавший изделия из серебра (браслеты, серьги, кольца). А в соседнем селении Шитлиб было много лудильщиков: Абдугафар, Багаутдин, Абдулла по прозвищу «МохИроч» (врунишка). В селении Обох творили такие мастера-ювелиры, как Шахумиляв, Раджаб. Селение Шангода было представлено ювелирами Исубилом Курбановым, Абдулхаликом; лудильщиками Юсуповым Нажмутдином и Самедовым Омаром; кузнецом Омаровым Магомедом, изготавливавшими изделия не особо изящные, но очень прочные и долговечные².

Также нужно отметить способ сварки внахлест, который был распространен во многих аварских селениях, в том числе в Чохе и Согратле. Этот способ описывает в своей работе «Аварцы» А.И. Исламмагомедов. «Подготовленные путем высадки, – пишет А.И. Исламмагомедов – концы заготовок нагревали, складывали их и, нанося частые удары, закрепляли. При многократном повторении этого действия металл «сваривался», исчезал шов. При дефиците стали это была важная операция – у предмета из мягкого железа рабочий конец становился твердым, долговечным, трудно затупляемым»³.

Арбуханова З.Ш. в своей работе «Художественная обработка серебра у аварцев в XIX – XX вв.» пишет: «...аварскую работу можно спутать с лакской, особенно работу серебряников Андалалского вольного общества. Однако ее ни в коем случае не спутаешь с кубачинскими работами»⁴.

Резьба по дереву. В изучаемый период андалальцы особенно славились таким ремеслом, как обработка дерева. Этим промыслом занимались почти все селения Андалала. Так, например, в селении Ругуджа было развито деревообделочное производство: там изготавливали «мелкие точеные деревянные изделия...»⁵, а также «...круглые подставки и корыта, сколоченные из нескольких частей»⁶. Вот как описывает эти круглые подставки и корыта Дебиров П.М.: «Они орнаментированы узором растительного стиля в сочетании с изобразительными мотивами, путём врезания его в толщу дерева двухскатной резьбой. Узор и фон раскрашиваются масляными красками различных цветов»⁷. «В Ругудже, – сообщает Мовчан Г.Я., – во второй половине XIX в. амбары сменены длинными ларями с поднимающимися крышками (как у соседей даргинцев)»⁸. «В одной Ругудже – продолжает Мовчан Г.Я., – в употреблении шашечный двухплановый орнамент, обрамленный ногтевидными лунками. Только там встречены целые наборы мебели со спинками из сплошных, как газыри, ярусов точеных балясинок»⁹. «В с. Ругуджа, – пишет в статье «Резьба по камню и дереву в Дагестане» Башкиров А.С., – сохранился целый ансамбль художественной резьбы в обширных помещениях древних домов. Она покрывает монументальные столбы (колонны) со своеобразными капителями, подпирающие массивные балки потолочного перекрытия; перегородки комнат, двери с косяками, ставни, наличники окон и мебель в виде больших сундуков, закровов, для сыпки зерна, муки и т. п.»¹⁰. Селение Бацада известно своими плотниками¹¹, там изготавливали черпаки, ложки, вилки¹², а также люльки и цонтро (настенный комбинированный приборник)¹³. «Бацадинские «орто», – пишет Дебиров П.М., – поражают исключительной тщательностью вы-

¹ Козубский Е.И. Пам. кн. Даг. обл. на 1895 г. С. 217; Асиятилов С.Х. Место художественных промыслов и ремёсел в хозяйстве аварцев в прошлом и настоящем // Уч. зап. Т. XVII. (Сер. общ.-х. наук.) Махачкала, 1967.

² Полевой материал. Гунибский район. Информаторы: Ризванов Магомед (с. Бухты), Гоболова Аминат (с. Обох), Халилова Хадиджат (с. Шитлиб), Халилов Р.А. Шангода. Махачкала, 2001. С. 64, 65.

³ Исламмагомедов А.И. Аварцы. Историко-этнографическое исследование XVIII – начала XX в. Махачкала. 2004. С. 123.

⁴ Арбуханова З.Ш. Художественная обработка серебра у аварцев в XIX – XX веках. Махачкала, 1962 г. // Рук. ф. ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.3. Оп.3. Д.179. Л. 45.

⁵ Обзор состояния Дагестанской области за 1909 г. Темир –Хан –Шура, 1910. С.43. ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 4. Д. 53. Л. 3.

⁶ Дебиров П.М. Искусство резьбы по дереву аварцев. Махачкала, 1964. // Рук. ф. ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 194. Л. 69.

⁷ Там же. Л. 69.

⁸ Мовчан Г.Я. Старинный аварский дом. М. 2001. С. 454.

⁹ Там же. Л. 455.

¹⁰ Башкиров А.С. Резьба по камню и дереву в Дагестане// Художественная культура Советского Востока. М.–Л., 1931. С. 113.

¹¹ Козубский Е.И. Пам. кн. Даг. обл. на 1895 г. С. 217; Бутаев Д.Б. Дорога из Кумуха в Гуниб через Чох // Известия КОИРГО. Т. 23. С. 12,13.

¹² Дебиров П.М. Резьба по дереву. М. 1982. С. 15.

¹³ Идармачев Г.К. Чох. Махачкала, 1992. С. 95.

делки, законченностью, своеобразностью формы»¹. «В Салтах, – по словам Козубского Е.И., – выделяются особенно изящные (с горской точки зрения) поставцы для соли, ложки и т.п., вешающиеся на стену (учалтан – по-аварски, кусль-анкъ – по-даргински, кашикъ-салаганъ – по-кумыкски)»². Как пишет Дебиров П.М. в своей работе «Искусство резьбы по дереву аварцев», «...известными в народе самыми древними очагами деревообработки в Аварии являются ругуджинские и кюадинские хутора, затем селения Кулла, Бацада.... Эти аулы с древнейших времён находятся в непосредственной близости к дремучим лесным массивам»³. Поставцы, солонки, ступки и другие традиционные изделия, выполненные плоскорельефной резьбой мастерами кюадинских и ругуджинских хуторов, отличаются декоративностью и богатством крупно взятого узора⁴. Резьба по дереву также была развита в сел. Кулла. Там изготавливали треногие табуретки (куллас бакI), а также черпаки, ложки, вилки⁵.

«Резные диваны – самый капитальный предмет мебелировки старого жилища в обществах Глейсерух и Андалал, – сообщает Мовчан Г.Я., – во второй половине XIX в. заменяются огромными ступенчатыми ложами, совмещенными с закромами и называемыми урцан, неизвестными нам за пределами этих двух обществ»⁶.

Как было уже ранее сказано частыми изделиями андалальских мастеров являлись поставцы. В андалальских поставцах, как и в архитектурной резьбе этого района, применялась преимущественно штриховая разработка мотивов. Андалальские поставцы имели в основном кресловидные формы⁷.

Известными андалальскими мастерами второй половины XIX – начала XX в. по дереву были бацадинцы Махмуд Бадышев, Абакар Модонаниль (изготавливали лари); шуланинцы Ибач Тинасул, Мухама Исупилав (изготавливали поставцы, мерки); чохцы Назар-Омар, Шахмирза-Гаджи (изготавливали поставцы, домашнюю утварь); обохцы Али Алимухандиль (изготавливал мерки), Халалов Магомед, Шахумиляв; ругуджинцы Маммал Гиса, Хаджи Мухама, Бахул Муса, Менту Пали (изготавливали лари),⁸ и т.д.

Резьба по камню. Переходя к резьбе по камню, нужно отметить, что известными центрами обработки камня в Дагестане являлись селения Ругуджа и Согратль⁹. Это ремесло также было развито в селениях Мегеб, Чох, Обох, Гамсутль, Шулани¹⁰. Вот как объясняет столь высокое развитие этого ремесла у андалальцев Асиятилов С.Х.: «Этому способствовал ряд факторов, наиболее существенным из которых было отсутствие лесов в этой части Аварии. Большую роль сыграло и наличие в окрестностях этих селений таких сортов камня, которые легко поддавались обработке»¹¹. «В селении Ругуджа, – сообщает Дебиров П.М., – резным камнем покрыты целые фасады домов, представляя из себя монументальный композиционный комплекс»¹².

Высокий уровень андалальских мастеров-камнерезов подтверждают слова Кильчевской и Иванова: «...лучшими орнаменталистами среди аварцев были резчики Ругуджа»¹³. Они же отмечают, что «... в аварском резном камне (Чох, Куяда, Ругуджа и в другие соседние села) так же, как в аварском серебре, чувствуется несколько более своеобразная трактовка того же в своей ос-

¹ Дебиров П.М. Указ. соч. // Рук.ф. ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 194. Л. 71.

² Козубский Е.И. Дагестанский сборник. Вып. I. С. 90; Он же. Оч. куст... С. 67. ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 4. Д. 53. Л. 3.

³ Дебиров П.М. Указ. соч. // Рук.ф. ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 194. Л. 35.

⁴ Газимагомедов М.Г. Указ. соч. С. 52.

⁵ Бутаев Д.Б. Указ. соч. С. 12,13; Дебиров П.М. Указ. соч. // Рук. ф. ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 194. Л. 35. Л. 22; Его же. Резьба по дереву. С. 15.

⁶ Мовчан Г.Я. Указ. соч. С. 45.

⁷ Он же. Местные архитектурные школы в старинном аварском домостроительстве // Зодчество Дагестана. Сборник статей. Махачкала, 1974. С. 7; Газимагомедов М.Г. Указ. соч. С. 51; Дебиров П.М. Резьба по дереву. С. 66; Полевой материал. Гунибский район. Информатор Гоболова Аминат (с. Обох).

⁸ Дебиров П.М. Резьба по дереву. С. 237; Его же. Резьба по дереву в интерьере Дагестанского жилища // Зодчество Дагестана. Сборник статей. Махачкала, 1974. С. 102.

⁹ Умаханов М-С. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVIII веке. Махачкала, 1973. С. 40; Асиятилов С.Х. Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев (XIX – пер. пол. XX в.). Махачкала, 1967. С. 83.

¹⁰ Магомедов А.Дж. Указ. соч. С. 82.

¹¹ Асиятилов С.Х. Указ. соч. С. 83, 84.

¹² Дебиров П.М. К истории резьбы по камню в бывших Андалальском и Гидатлинском обществах. // Рук. ф. ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 32. Л. 33.

¹³ Кильчевская Э.В., Иванов А. Указ. соч. С. 13.

нове растительного орнамента. Узоры ругуджинского резного камня более линейны, энергичны по движению и очертаниям контуров»¹. По мнению Дебиров П.М., «...на памятниках из Андалала господствует растительный орнамент, которым покрывается вся декорируемая поверхность»². «Надмогильные памятники в Андалале украшались монументальной пластикой, как и архитектурные детали ... Андалалцы применяют монументальную резьбу в надмогильных памятниках»³. «Памятники Андалала, – продолжает Дебиров, – в композиционно-сюжетном отношении, да и в стилистическом, тяготеют к Южному Дагестану»⁴. Он же указывает на то, что «... архитектурные детали, имеющие именно разнообразную художественную форму, являются очень частыми явлениями в Андалале (капители в сс. Кудали и Салта)»⁵.

Прекрасные резные камни отмечены Башкировым А.С. в кладке дома Нахибашева, в с. Чох (конец XIX в.), а также домов Махмудова и Али-Кебед в сел. Ругуджа. О резных камнях в кладке дома Нахибашева Башкиров А.С. в своём труде «Искусство Дагестана. Резные камни» пишет: «... здесь и техника, и детали композиций, и стилистические оттенки настолько близки старине, что при первом взгляде на памятники, их можно принять за древние образцы»⁶.

В Андалале известны следующие имена мастеров резьбы по камню живших во второй половине XIX и в начале XX века: Медон Гамзат из сел. Чох, Али из сел. Обох, Алисултан из сел. Ругуджа, Ахмед-Дибир из сел. Согратль, Гумиласул Мухама из сел. Согратль, Абукиль Исбагин из сел. Шулани, Салахутдин из сел. Чох, Магомед Султан из сел. Чох, Абдукадиль Мухама из сел. Согратль, Хуршилов из сел. Согратль, Омар Мусаев из сел. Чох, Исмаил из Шулани, Омар Мусалалиев из Чоха, Алимагомед Абдуллаев и Эфенди Османов из Ругуджа, Али-Галбацов Магомед из селения Обох, Насух и Абдулкьасым из селения Шангода, Ахмед Бааров, Магомед Муртилов, Магомед Арацали из селения Бацада⁷.

Строительное дело. Некоторые андалалцы были прекрасными строителями, особенно мастера из селения Согратль: Халил-старший (руководивший строительством Чохской и других крепостей в период Кавказской войны), Якундил-Ахмед, Магомедгаджиев Али, Нурчил Юсупил Магомедгаджи (Нурчилав), Шамалав, Маангалов Магомед, Ягъан, Гитинов Тинав, ХАжил-Алиев Абдула и Магомед, Мирзаев Абакар, Агаев Магомед, Дамаданов Тинав, Мусаев Омар, братья Агаевы, Ашиковы, Гаджиевы, а также ХАжил Давуд, Мусал Магомед и Габдул-Амин (мастера-каменщики, построившие красивые дома, похожие на дворцы, богачам в сел. Чох), Накъиш Магомед, Шарипилав, Муртазалиев Магомед-ХАкуч и множество их учеников - последователей - Гуца Ибрагим, Кудав ХАкимил Абукар, Мохлокил Ахмед, Чинтилов Абдула, Гитинов Магомед и многие другие⁸.

Прекрасными образцами мастерства андалальских строителей являлись выстроенные ими дома как в самом набстве, так и за его пределами. Так, в сел. Чох во второй половине XIX в. – начале XX в. были отстроены прекрасные дома – усадьбы, такие как: дом Омаровых (закончен в 1891 г.), дом наиба Закарья Нахибашева (начат в 1869/70 – закончен в 1874/75гг.), дом Опокова Джемаладина (начат в 1857 г. – закончен в 1915 г.), дом Шуаевых.⁹ В 1875 г. в с. Чох местными мастерами Ибрагимом, Мусой и Кана-ХАжи был построен дом-усадьба Магомеда Мамалова. А в 1909 г. мастерами из селений Согратль и Чох Хаджил Давудом и Мусал Магомой (деревянные работы) в с. Чох был построен дом Битулава. Известный мастер из сел. Согратль Абдуламин в 1912 г. в с. Кумух построил «дом Шахшаева»¹⁰. Вот как описывает строительное дело андалальцев во второй половине XIX – начале XX в. Бутаев Д.Б.: «В сел. Согратль почти все взрослые мужчины – каменщики; они с ранней весны до поздней осени проводят время на заработках, для чего отправляются почти во все округа Нагорного Дагестана, а особенно в соседний Казикумухский

¹ Там же. С. 13.

² Дебиров П.М. О художественных образах в народно-декоративном искусстве аварцев // Ученые записки (Серия общественных наук). Т. VI. Махачкала, 1959. С. 219 – 220.

³ Он же. К истории резьбы по камню ... // Рук. ф. ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 32. Л. 124.

⁴ Там же. Л. 27.

⁵ Там же. Л. 43.

⁶ Башкиров А.С. Искусство Дагестана. Резные камни. М. 1931. С. 75.

⁷ Дебиров П.М. К истории резьбы по камню ... // Рук. ф. ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 32. Л.143; Его же. Резьба по камню. С. 65; Гусейнов М.М. Указ. соч. С. 38. Полевой материал. Гунибский район. Информаторы: Амирасулова Патимат (с. Ругуджа), Гоболова Аминат (с. Обох), Халилов Расул (с. Шангода).

⁸ Булатова А.Г. Лакцы. Историко-этнографическое исследование (XIX – начало XX в.) Махачкала, 2000. С.198; Полевой материал. Гунибский район, 2004. Информатор – Абакаров М. (с. Согратль).

⁹ Мовчан Г.Я. Старинный аварский дом. С. 313 – 334.

¹⁰ Дебиров П.М. Композиция внутренней планировки жилища// Художественная культура Дагестана XIX века. Сборник статей. Махачкала, 1989. С.117,119,121.

округ, где и зарабатывают очень хорошие деньги; их берут нарасхват и платят в день на хороших хозяйских харчах 1р.20к. – 1р.80к. Вместе с соградинскими каменщиками ходят по сёлам Казикумухского округа, отыскивая себе работы в качестве плотников и столяров, жители сел. Бацада и Кулла Гунибского округа (того же Андалальского участка). В сёлах Нагорного Дагестана при возведении построек одновременно с каменными работами производят и деревянные работы; поэтому хороший каменщик-соградинец берёт себе в товарищи такого же хорошего плотника-столяра бацадинца или куллинца и обыкновенно нанимаются вместе на поденные работы по постройке. Плотники-столяры получают 1р.20к. – 2р. в день на харчах хозяина. Бацадинцы и куллинцы весьма искусные столяры; можно удивляться их искусству и тонкости при производстве мелких ручных работ по дереву. Необходимо отметить, что всего этого они достигли без школы, исключительно путём домашней подготовки»¹.

Обработка кожи. Одно из главных мест в промыслах андалальцев занимала обработка кожи, но ею занимались не во всех селениях. В XIX в. в Гунибском округе этим промыслом славились селения Салта, Чох, Сограгль, Корода, Гонода, Гочоб, а также Бацада². На наличие в селении Салта обработки кожи указывают ряд авторов³. Так, например, в «Кавказском календаре на 1883г.» писалось: «...кожевенным производством исключительно заняты селения Салта, Корода и Гонода Гунибского округа; изделия их имеют сбыт и за пределы области»⁴. Также о наличии обработки кожи в сел. Салта свидетельствуют архивные данные: «...сафьяны и сыромятная кожа, изготовленные в сс. Салта, Корода и Гонода, распространены по всему Нагорному Дагестану», а также их «...сбывают в Чечне...» и «...везут в Терскую область, где меняют их на пшеницу и кукурузу...»⁵.

В Салта обработкой кожи в конце XIX в. занимались около 25-ти хозяйств⁶. В другом андалальском селении – Бацада до середины XIX в. кожевники были в основном райяты, а в конце XIX в. обработкой кожи стали заниматься и уздени⁷. В селении Шангода прекрасными мастерами-кожевниками были Алиев Алимрза, Алиев Ахмед, Мамалав, Маллаев Салих. Имелись мастера-кожевники и в селении Бухты⁸.

В селении Салта кожу изготавливали следующим образом. Материалом для этого служили шкурки коз, овец, коров, быков. Шкурки оставляли в воде на 10 – 15 дней, а летом – на два дня, пока не станут мягкими. Потом их обрабатывали известью. После этого шкуры нужно было помыть – при этом с них падала шерсть. Очищенные от шерсти шкуры оставляли в деревянных бочках на 2-3 дня, где находился куриный, птичий помёт в жидком виде. Вытащив из бочек, шкуры сшивали со всех сторон, оставляя небольшое отверстие, чтобы наполнить их растением скумпий. Через это отверстие наливали внутрь шкурки 3-4 раза тёплую воду. После этого кожу солили⁹.

Был ещё и другой способ обработки кожи – в основном овчин и шкур крупного рогатого скота (с. Бацада). Шкуру вначале расстилали, затем засыпали солью, подсушивали, потом основательно мыли. Затем мездру покрывали особой смесью – хIурухIел (изготавливалась из кислого молока, муки, соли). После этого шкуру свертывали шерстью наружу и оставляли на 3-4 дня. Потом её разворачивали, расстилали и подсушивали. Затем приступали к заключительному процессу обработки кожи, очищали мездру с помощью маленького скребка и мяли. Обработанные таким способом овчины шли на шубы и шапки. Кроме того, овчина обрабатывалась для бурдюков (хIанил кьучIа)¹⁰.

Говоря об обработке кожи, нельзя не упомянуть и такой промысел, как шорное дело. «Главными предметами шорного производства на Кавказе, – пишет Маргграф О.В., – являются принад-

¹ Бутаев Д.Б. Указ. соч. С. 12,13.

² Агаширинова С.С. Указ. соч. // Материальная культура аварцев. С. 68; Гусейнов М.М. Бацада. Историко-этнографический очерк. Махачкала, 1993. С. 22.

³ Дубровин Н. Указ. соч. С. 514.; Козубский Е.И. Пам. кн. Даг. обл. на 1895 г. С. 218; Он же. Оч. куст... С. 74; Магомедов Р.М. Общественно - экономический и политический строй Дагестана в XVIII – нач. XIX века. Махачкала, 1957. С. 380; Асиятилов С.Х. Указ. соч. С. 89; Идармачев Г.К. Указ. соч. С. 95. и др.

⁴ Дагестанская область в 1891 г. // Кавказский календарь на 1893 г. Тифлис, 1893. С. 156; Обзор состояния Дагестанской области за 1892 г. Темир – Хан – Шура, 1893. С.44.

⁵ ЦГА РД, Ф. 2. Оп. 1. Д.27. Л. 26; Д. 4. Л. 10. Л. 3.

⁶ Саидов Магомед-Саид. Салта (на авар. яз.). Махачкала, 2000. С. 85.

⁷ Гусейнов М.М. Указ. соч. С. 22.

⁸ Полевой материал. Гунибский район. 2002 – 2003 гг. Информаторы: Халилов Расул (с. Шангода), Ризванов Магомед (с. Бухты).

⁹ Полевой материал. Информатор Гаджиев Гусейн (с. Салта).

¹⁰ Гусейнов М.М. Указ. соч. С. 43.

лежности седла: обшивка его, подпруги, уздечки, треноги, пояса, подушки, нагайки и т.п. Шорный промысел здесь неразрывно связан с кожевенным делом или вернее с выделкою ремней, т.к. кожевники ремней в оконченной форме их не заготавливают¹. Были шорники и в таких селениях как, Чох, Согратль, Шангода, в сел. Кулла изготовляли седельные арчаки, а в сел. Ругуджа изготовляли сёдла².

Помимо уже перечисленных промыслов в Андалальском наибстве существовали еще и ремесла локального характера, то есть распространенные на узкой территории. Так, кегерцы изготовляли конские кнуты³, а бацадинцы славились добыванием «пищцI» (смола, черная жвачка), которую изготовляли из березовой коры и употребляли в народной медицине, а также там из шерсти выделывались паласы, хурджины, войлок, мешки и веревки⁴. В селении Бухты ткали паласы, хурджины и т.д. А шангодинские мастерицы Абукилай Ахмагалилай, Загъит, Салихат, Абидат, Заниха изготовляли паласы, хурджины, циновки⁵.

Андалальцы изготовляли также гончарные изделия. Так, например гончарный промысел был распространен в сел. Бацада. Там «... производство керамики – по словам А.Р. Магомедова – прекратилось в начале XIX в., но образчики ее доныне можно встретить кое-где в андалальских селах – ее отличает выработанность формы, ровный и сильный обжиг, красноватая или темно-бурая лощеная поверхность»⁶.

«Потребность в гончарных изделиях, как пишет Гасанов М.Р., – была довольно значительной в дагестанском ауле. Особенно часто они встречались в аварских, даргинских, лакских селениях, а именно Чох, Согратль, Ругуджа, Кубачи, Балхар и т.д.»⁷. В некоторых андалальских сёлах каминные, фасадные части жилых домов и т. д. украшали глиняной лепкой (Салта, Кудали, Гамсутль и т.д.)⁸.

Вдобавок ко всему некоторые андалальские села занимались шелководством. Так, в «Путеводителе по Дагестану», изданном в 1871 г., содержится информация, что «... в некоторых селениях Куядинского и Андалальского наибств разводятся тутовые деревья и производится выводка шелковичных червей; шелк, получаемый жителями, идет исключительно на удовлетворение домашних потребностей»⁹.

Андалальцы владели также искусством изготовления пороха. «... Общество андалальское, – записано в «Утверждении Русского владычества на Кавказе», – после андийского было самым промышленным в Нагорном Дагестане. Здесь в главном его пункте, ауле Салты, происходил обширный меновый торг разными предметами промышленности (бурками, лезгинскими сукнами, оружием и проч.), причем одним из предметов этого торга был порох, выделываемый преимущественно в андалальском обществе, где встречается самородная селитра»¹⁰. Об изготовлении пороха андалальцами пишет и Иоселиани П.: «Жители двух этих деревень (селения Хиндах и Хоточ – Автор) при Шамиле были свободны от звания военного. Они были обязаны делать порох. Свежие следы угля при углах и под углами их домов и жилищ напоминают их недавнее ремесло»¹¹.

Таким образом, кустарные промыслы играли большую роль в хозяйстве андалальцев. Для значительной части населения Андалальского общества они были во второй половине XIX в. единственным источником существования.

¹ *Маргграф О.В.* Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882. С. 157.

² *Козубский Е.И.* Пам. кн. Дагестанской области на 1895 г. С. 216-217; Он же. Дагестанский сборник. Вып. I. С. 90.; Идармачев Г.К. Указ. соч. С. 95-96; Дубровин Н. Указ. соч. С. 514; Полевой материал. Информаторы: Халилов Расул (с. Шангода), Ахдуханов (с. Согратль).

³ *Идармачев Г.К.* Указ. соч. С. 95,96.

⁴ *Гусейнов М.М.* Указ. соч. С. 22.

⁵ Полевой материал. Гунибский район 2003 г. Информаторы: Ризванов Магомед (с. Бухты), Халилов Расул (с. Шангода).

⁶ *Магомедов А.Р.* Керамическое производство в средневековом Дагестане (XV – XVII вв.) // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. Махачкала, 1984. С. 145; *Магомедов А.Дж.* Указ. соч. С. 75.

⁷ *Гасанов М.Р.* Основные отрасли и центры промыслов и ремесел народов Дагестана. XV–XVI вв. // Рук. ф. ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 245. Л. 65.

⁸ *Дебилов П.М.* Архитектурная резьба в Дагестане. М. 1966. С. 78 –85.

⁹ Путеводитель по Дагестану. Тифлис, 1871. С. 24.

¹⁰ *Владыкин М.* Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. В 2-х частях. Ч. II. М., 1885. С. 220.

¹¹ *Иоселиани П.* Путевые заметки по Дагестану в 1861 г. Тифлис, 1862. С. 37.

ПОСУДА И УТВАРЬ ТЮРКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА: КЛАССИФИКАЦИЯ И ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

В этнографической науке существует несколько классификаций кухонной и хозяйственной утвари и посуды. В данной статье в основу классификации положен материал (медь, чугун, железо, алюминий, глина, дерево, кожа, ткани), из которого сделаны кухонная и хозяйственная утварь, посуда.

В статье особое внимание обращено на распространение тех или иных видов утвари и посуды у разных народов (кумыков, дагестанских азербайджанцев, терекменцев и ногайцев). Учтены и преимущественные особенности назначения и использования тех или иных видов посуды и утвари во время повседневной, гостевой, праздничной, ритуальной трапез или в процессе приготовления пищи.

Медная посуда и утварь

Кухонная и хозяйственная утварь (савут-саба – кум., аяк-савыт – ног., габ, габгачаг – азерб., габ – терек.) тюркоязычных народов была достаточно разнообразной и состояла из медной (ез, бакыр – ног., ез, багыр – кум., мис – азерб., терек.), луженой посуды (багыр савут – кум., казан аяк, аяк – савыт – ног., бакыр савыт, габгачаг – азерб., багыр габ – терек.): котла¹ (кязан – кум., казан – ног., газан – азерб., терек.), сковороды с ручкой (ялгъав – кум., терек., ялгуча – азерб., саплы таба – ног.), сковородки без ручки (тава – кум., азерб., терек., таба – ног.), большого цедильника в виде глубокой миски с решетчатым дном (сюзгюч – сев. кум., аш сузаган – южн. кум., сузкэч, аш сюзен, аш сузан – азерб., терек., киркил – ног.), самовара, подносов из меди различной величины (тепси, сини – кум., нехер – большой поднос, сини – поднос маленького размера, бала нехер – поднос среднего размера, нимчэ, мис – азерб.; сини – терек., тепсе – ног.), разливательной ложки – половника (чомуч – кум., чемче, абкэрэн, чомчэ – азерб., чемче – терек., шомака – ног.), шумовки (чолпу – сев. кум., кепкил – южн. кум., кепкир, шолпа – ног., кэфкир – азерб., чалыкь – терек.), кувшина для воды (акъчалыкь – сев. кум., къуткъа – южн. кум., гутга – большой кувшин, фарш – кувшин средней величины, кутзе, куйум – азерб., гутга – терек., сосуды с двумя ушками (высокий медный кувшин с двумя ручками, подойник (для молока) инек савагъан багыр къаба или багыр къаба – южн. кум., сэрнич, сарниж – азерб., бадя – терек.)².

В каждом доме обязательно имелись маленькие кувшинчики с узким горлом, ручкой и длинным носиком для умывания и ритуального омовения (кумган – ног., къумгъан – кум., мошефе, афтава – азерб., афтава, бардаг – терек.).

У кумыков, азербайджанцев, терекменцев были распространены массивные медные /луженые/ кружки с одной ручкой (аякь – сев. кум., хинцла – южные кум., бирэлли, дэсти, чам, хинцла – азерб., парч – терек.), медные ведра (ведерко) сатыд – азерб.

Кроме того, каждая семья имела разнообразные тазы, предназначенные для умывания, стирки, купания. В зависимости от назначения они имели и разные названия. Так, например, большой таз для купания и стирки крупного белья у азербайджанцев и терекменцев назывался тешт (у азербайджанцев он еще назывался тас), а таз средней величины для небольшой стирки у них же назывался ашлав. У кумыков ашлав называли самый большой таз для купания и стирки.

Медный таз ногайцы называли ез элекен, а латунный – уьйкен. Кроме того, ногайцы еще различали бакыр элекен – медный таз из красной меди и ез элекен – медный таз из желтой меди.

Маленький таз для умывания и стирки мелких вещей у кумыков, терекменцев назывался летен, у ногайцев – табак, у азербайджанцев – лэйэн.

Были еще и другие медные сосуды. Так, например, у азербайджанцев были высокие сосуды для молока (кюпче, бести, бадия), разнообразные сосуды с медной крышкой (сатыл).

Следует отметить, что медные изделия у азербайджанцев были двух видов: лагидж мис – утварь, изготовленная в местности Лагидж в Азербайджане, и тахта мис – утварь, изготавливавшаяся

¹ Медных котлов в каждой семье было множество – больших, средних и маленьких. Это были целые комплекты, помещенные в одном котле. Самый маленький котелок азербайджанцы называли газанча.

² У многих были кувшины с крышкой, сделанной в виде купола.

из листовой меди в Дербенте.¹ Много медной посуды и утвари азербайджанцы, терекменцы, южные кумыки приобретали на дербентском базаре у кубачинцев, лакцев.

«Богатые хозяева, особенно из татар (т.е. азербайджанцев – Авт./, – отмечалось в «Кавказском календаре на 1914 г.», – шеголяют своею большою коллекцией медной посуды, отсутствие которой считается признаком бедности».² Здесь же говорится о классической форме высокогорных кувшинов и тазов, что «оригинальная, часто очень сложная и красивая резьба их придает изделиям этого рода весьма художественный характер» и они пользуются большим спросом.³

Много было медной посуды и у южных кумыков. Количество ее в этом регионе почти не было связано с имущественным положением семьи. Медную посуду имела любая семья. Она входила в приданое девушки, а вывешенная на стене и выставленная на полках служила украшением комнаты молодых. Так, например, состав приданого у южных кумыков различался следующим образом. Две стены комнаты молодоженов назывались багыр там (медная стена), одна стена – терезе там (оконная стена) и еще одна – тошек там (постельная стена). Одну медную стену должен был заполнить жених. Вся стена от потолка до самого пола увешивалась медной посудой. Другие – багыр там, терезе там и тошек там – должна была убрать невеста. Исходя из такого распределения готовили и приданое невесты. Медная посуда состояла из нескольких подносов (тепси) разной величины, кастрюль, тазов, кувшинов, кувшинчиков и другого».⁴ Кроме того, у этих же кумыков, когда невесту со своей свитой приводили в отведенную для нее комнату, подруги новобрачной требовали от родителей жениха большую медную кастрюлю, наполненную мукой или зерном, чтобы посадить невесту. В дальнейшем эта кастрюля также переходила в собственность невесты.⁵ Вообще же медная посуда и утварь фигурируют на многих этапах свадьбы кумыков Кайтага. Так, например, на арбе, где сидела невеста во время переезда в дом жениха, обязательно должна была гореть лампа, которую держала первая подруга невесты, – баш кьудагъыз. Войдя в комнату, последняя продолжала держать лампу до тех пор, пока за нее не заплатят выкуп. Затем она передавала ее одному из родственников жениха, который ставил ее на подоконник или на специально предназначенную для этой цели подставку у стены, но обязательно в комнате, где размещалась невеста. Эта лампа входила в состав приданого невесты. Непременное условие – она должна быть медной и желательна из желтой меди.

У ногайцев также были висячие лампы из меди – аспалы шырак. У азербайджанцев такие лампы назывались шар лампа, гарпуз лампа, гэндил. У многих тюркоязычных народов были медные чайники (чайдан – кум., шайник ног.). Чайники были разных размеров: большие, маленькие, свадебные, поминальные – на 10 – 15 литров воды. Азербайджанцы свадебные чайники называли бойку чайдан – большой чайник.

У ногайцев были специальные чаши для меда из желтой меди под названием бал тепшек. По свадебному обряду, в таких чашах гостям подавали мед. У некоторых состоятельных семей эти чаши были из серебра – кумис. К серебряной чаше обязательно бывала и серебряная ложка кумис касык и серебряный виночерпий (куыр егежи).

Медную посуду южные кумыки, терекменцы, азербайджанцы приобретали на рынке в Дербенте, а также в Азербайджане. Там же они приобретали и подвесные лампы (гэндил - азерб.).

Чугунная утварь и посуда

Широкое бытование у тюркоязычных народов в исследуемое время имела чугунная посуда и утварь. Она была представлена котлами, сковородками. Чугунные котлы у ногайцев назывались шойын казан, у кумыков – чоюн кьазан, у азербайджанцев и терекменцев – чоюн газан.

У ногайцев чугунные котлы были нескольких видов: кулакълы казан (котел с ушками), аспа казан, доьрт кулакълы казан (котел с четырьмя ушками для переноски), кыллы казан (висячий котел с ушками).

Для чугунных казанов обычно делались и чугунные крышки (казан капкаш – ног., кьапкъач – кум., азерб., терек.).

Медные котлы как правило не имели крышек и во время приготовления еды их накрывали медными подносами. Но у некоторых азербайджанцев были сосуды с медными крышками – сатыл.

Следует отметить, что кумыки, терекменцы, азербайджанцы все же чаще готовили еду в медных луженых котлах, а чугунными пользовались в исследуемое время редко. Последние ис-

¹ См.: Гаджиева С.Ш. Дагестанские азербайджанцы. XIX – начало XX в. М., 1999. С.153.

² КК на 1904 г. Тифлис, 1903. С. 97.

³ Там же. С.98.

⁴ Алимова Б.М. Брак и свадебные обычаи в прошлом и настоящем. Махачкала, 1989. С. 43.

⁵ Там же. С. 38.

пользовались чаще в полевых условиях пастухами, чабанами. В целом чугунными котлами чаще пользовались ногайцы.

Утварь и посуда из железа и серебра

В каждом доме была еще утварь и посуда из легкого железа, олова и т.д. Так, например, у ногайцев были жестяные противни (калай таба), металлические ложки (темир касык), вилки (шанышкыш или туьйрегиш), небольшие ложки (шай касык, бал касык), металлические крышки для казанов (казан капкаш), оловянные миски (кола аяк), сахарницы (секер савыт) и солонки (туз савыт). Из обыкновенного железа были самоварные трубы (самовар конасы), подносы (серде). В каждом доме были жестяные чашки (телетин аяк) и тазы (телетин элекен), тарелки (тептек), миски (теллек).

Почти каждая семья имела цепь для подвешивания котла над огнем (улакшын), топор (балта), столовые ножи (макар), ножны (кын), разнообразные шипцы (келпетин), крючки для подвешивания мяса (иргак), утюги (ийтув), разнообразные металлические крючки (каптырма, илмек), лопаты (темир казгыр, темир куьрек), ножницы (каншы). У некоторых ногайцев были проволоочные сита (темир элек), железные тазы (элекен), серебряные или медные наперстки (оймак), железные черпалки (шомака) и много другой утвари и посуды (коймалак).

Некоторая утварь и посуда у кумыков, азербайджанцев и терекменцев также была из обычного железа, алюминия. В каждом доме обязательно были шипцы (маша – кум., гаргабурун – шипцы с кривыми концами и маша – азерб., терек.), совки (хакеннез – кум.), разнообразные крючки для мяса (кьармакь – кум., гармаг – терек., гэнэрэ, чэнкэл – азерб.), железные емкости (дэббэ – азерб.), металлические черпалки (дол – азерб., чомуч – кум., терек.), железные лопаточки для теста (кьыргыч – кум., эрсин – азерб., терек.), большой нож для рубки мяса (чапачаг – азерб., чапкьу – кум.), чайники (чайдан – кум., азерб., терек., шайник – ног./, шомпол (сунбэ – азерб.), наперсток (ой макь – кум., терек., ускук – азерб.), треножник (чатма – азерб./, вертел (шиш – азерб., терек., чиш – кум.), шишэ чэкмэк (насаживать, нанизывать на вертел мясо (азерб., терек.), молоток (чокуч – кум., чэкич – азерб., терек.).

Состоятельные азербайджанцы, кумыки, терекменцы имели также серебряные ложки и вилки (гумуш гашыг, гумуш чиш – азерб., терек., гумуш кьашыкь, гумуш чиш – кум.). У некоторых были не только большие столовые ложки (хорэк гашыги – азерб., хурек кьашыкь – кум.), но и чайные серебряные ложки (чай гашыгы – азерб., терек., чай кьашыкь – кум.). В каждом доме были ножи разной формы и величины (бычаг – азерб., терек., бичакь – кум), совки (чалов – азерб., хакеннез – кум.).

Состоятельные азербайджанцы, терекменцы имели серебряные чарки (бадэ), бокалы (гэдэх), сахарницы (гэндгабы), солонки (дугабы, нэмэкдан), специальные сосуды для вина (сурахи, тунк), лампы (чыраг), подставки для лампы из серебра (чырагдан), пепельницы (кулгабы).

Гончарная посуда и утварь

Значительное место у тюркоязычных народов занимала гончарная посуда (сыныкь савут – сев. кум., сулевкен савут – южн. кум., балшык савыт – ног., сахсы габ – азерб., сулевкен габ – терек.).

Глиняная утварь у кумыков, терекменцев и азербайджанцев была представлена разнообразными тарелками (хадира – сев. кум., хадара – южн. кум., сахсы нимчэ – азерб.), мисками (сукара – кум., сахсы каса, сахсы сэхэн – азерб., сулевкен сукара – терек.), сосудами для воды (таш акьчалыкь – сев. кум., чолмек – южн. кум.: большой кувшин; у этих же кумыков кувшин поменьше назывался ачкьалыкь; куп – большой глиняный кувшин, купэ – небольшой кувшин, сэхэнк – средний глиняный кувшин для воды – азерб.).

Гончарная утварь была также представлена сосудами для молока (сутнек – южн. кум., сут савут – сев. кум., хума, хаба – азерб., терек.). Было множество сосудов для отстаивания молока. У разных народов они имели разные наименования. Так, например, у кумыков они назывались кьаба, у азербайджанцев – кувэч, у терекменцев – хаба. В каждом доме обязательно были и глиняные маслوبيки (сойреме – кум., нехрэ – азерб., терек.), глиняные сосуды для перегонки вина (мей – азерб.), виночерпий (саги – азерб.), кувшины для умывания и т.д.

У состоятельных городских жителей (г. Дербент) было много глиняной посуды (кашы), которую изготавливали в г. Кашане в Иране, где было сильно развито гончарное дело «кудэчилик». В их домах можно было встретить красивую глазурованную глиняную посуду бэрни. В богатых домах были большие цветочные вазы – кулдан, красивые масленки – ягдан и т.д.

Интересно отметить, что по сведениям пожилых дербентцев во многих домах у местных жителей были глиняные трубки с чашечкой для курения опиума (хочча).

Что касается ногайцев, то в более ранний период среди их домашней утвари почти не было сосудов из керамики. Вся их посуда была или деревянная, или из шкур животных, или же медная и

чугунная, что было обусловлено образом их жизни и характером хозяйственной деятельности, основу которой составляло кочевое или полукочевое отгонное скотоводство. Посуда из керамики здесь стала появляться гораздо позже. В исследуемое время уже в каждом доме можно было встретить глиняную посуду. Так, например, в больших кувшинах под названием балшык шоьлмек они хранили молоко и молочные продукты, воду, в горшках – каба готовили кислое молоко. У отдельных хозяев были большие глиняные миски (шара), мыльницы (сабын савыты), молочники (суьт савыты), тарелки и миски (табак), кружки (мешраппе). В огромных глиняных сосудах хранили топленый жир, другие жидкие приправы. В высоких и узких сосудах держали масло, мед, сметану, сыпучие продукты; в небольших сосудах отстаивали молоко, собирали простоквашу.

Деревянная утварь и посуда

У всех тюркоязычных народов Дагестана было довольно много кухонной и хозяйственной утвари из дерева. В кумыкских селениях можно было встретить узорные лари, долбленные чаши для супа, каши и т.д. Особенно много такой утвари было у южных кумыков.

При выделке утвари на местах использовали как дерево, так и подсобные древесные материалы. Отдельные сосуды шивали из коры и бересты. В долинах рек плели корзины из ивы и тальника, кошелки из лыка.

Деревянные изделия находили самое разнообразное применение в быту. В огромных ларях хранили муку, зерно, в больших долбленных кадках мочили фрукты, позже солили помидоры, капусту.

Всевозможная деревянная посуда использовалась и на кухне. В чанах и кадках замешивали тесто, взбалтывали кумыс, сбивали масло, собирали простоквашу. Из дерева были изготовлены корытца для рубки мяса, ковши, скалки, лопаточки для теста и хлебов, ведра для воды и другие необходимые при приготовлении пищи предметы.

Особенно богатым был ассортимент столовой посуды. В бедных семьях в больших чашах подавали праздничное мясное угощение к месту трапезы. Ногайцы в резных вазочках выставляли к чаю мед, сметану, масло и лакомства.

У ногайцев целый комплекс утвари предназначался для потчевания гостей кумысом: напиток выносили в резных бочонках и наливали ковшом в тонкостенные изящные чаши.

У кумыков деревянная утварь была представлена разнообразными подносами (агъач тепси), чашками (аякъ), корытами для замеса теста (кершен – сев. кум., керсен – южн. кум.), корытами для хранения готового теста (чара), каталками (акълав), ступками для чеснока (самурсакъ туяган), чашками (хадара, сукара), шумовками (кепкил), вилками (чиш), ложками (къашыкъ), деревянными лопатами для сажания хлеба в печь (къанга – южн. кум.), черпалками или половниками (чомуч), маленькими низкими столиками, стульями (санжал), железными лопаточками с длинной деревянной ручкой для переворачивания хлеба в печи (къалакъ), большими деревянными ложками для размешивания халвы (къалакъ къашыкъ) и т.д.

Из дерева же изготавливались сосуды для измерения сыпучих продуктов – зерна, соли и т.д. (сагъ, сабу).

Широкое бытование деревянная утварь имела у азербайджанцев и терекеменцев. Каждая семья обязательно имела в своем хозяйстве деревянные подносы, миски и чашки разной величины (чанаг), корыта для замеса теста (тэknэ), корыта для хранения теста (тэknэчик), тонкую, выпуклую у середины скалку для тонкого раскатывания теста (охлав). Почти в каждом доме были сосуды для измерения зерна (чанаг – мера для сыпучих тел, равная приблизительно 5 кг). Были специальные деревянные молотки или колотушки (тохмаг; у кумыков – токмакъ), деревянные ступки - хэвэнк, сита (шадара – редкое решето для провеивания зерна), обычное решето – (хэлбир, элек). У южных кумыков обычное решето для провеивания зерна называлось элек, сито для просеивания муки – къыл элек, а сито для праздничных пирогов, хлеба – дарай элек. Из дерева же изготавливались молотильные доски (вэл).

Из дерева азербайджанцы выдалбливали всевозможные кадки (тагар), кружки, ковши (тай-гулп), чаши, чашки (тас).

В конце XIX – начале XX в. среди бытовой утвари ногайцев также было много разнообразной посуды и утвари из дерева: столовая посуда – чаши для еды, кумыса, ковши с ручками для чая, кумыса, вазочки для меда, разнообразные сахарницы и солонки, совки, разливательные ложки, небольшие корытца для рубки мяса, лотки для провеивания зерна и замеса теста, подносы, деревянные миски разных размеров, шумовки, различные сосуды для воды, молока, хранения зерна. Были глубокие чаши, используемые для сбивания масла, перемешивания творожистой массы, мытья риса, крупы и т.д. Все они имели свои местные названия. Так, например, разнообразные половнички назывались шомакъа, шоьмиш; чашки – шоргъа, агъаш аякъ, тостакъан; большие тарелки, иногда используемые и как блюда или подносы – табакъ; большие миски – шара; деревянные корыта для стирки белья – текене, скалка для раскатывания теста – окълау или оклав; лопа-

точка для размешивания каши – балак, бастабалак; ступка – аук; бочка – боъкше; лопаточка для переворачивания хлеба в печи – калак; деревянная мерка, емкостью в 3 кг – саяк; поднос – серде; низкий обеденный стол на трех ножках – сапыра (у ногайцев была поговорка: «сыпыранъыз тойга шыксын» – «пусть ваш стол к свадьбе накроется»). Так обычно говорили в знак благодарности за угощение). Из дерева же были разнообразные миски – табак; ун табак, шара – миска для замешивания теста; достакай – деревянная чашка; кутык – ящик; куърек – лопата; агаш куърек – деревянная лопата; кырма – деревянная чашка, миска; олтыргыш – стул, табуретка; агаш ондырык – деревянная кровать; такта ондырык – топчан.

Были у ногайцев и круглые долбленные деревянные чаши без ручек – шорга; деревянные каддушки – шапшак.

Широко были распространены у ногайцев долбленные сосуды со вставным дном. Это подойники для кобылиного молока, ведра, маслобойки, сосуды для приготовления и подачи кумыса. Существовала у них и специальная посуда для меда (для его сбора, хранения, подачи к столу). Некоторые хозяйки в деревянных кадках хранили муку и зерно. Были небольшие банки для масла, сметаны и т.д.

Тюркоязычные народы пользовались и сосудами из коры, скорлупы и др. Так, например, у азербайджанцев были чашки из скорлупы кокосового ореха под названием кэшкул. Такие чаши в качестве сумки для сбора подаяний использовали дервиши. В каждом доме у азербайджанцев и терекеменцев были плетеные камышовые корзины сэбэт.

У ногайцев были ложки из бамбука (камыс касык), костяные ложки (муйиз касык), лейки (кона), специальные лопаточки из кости или бамбука (балак).

У кумыков были ложки разных размеров и формы из камыша (къомуш къашыкълар).

Из камыша ногайцы делали цеделки для калмыцкого чая и молока (суьтлик).

Все тюркоязычные народы Дагестана пользовались и посудой из высушенной тыквы (сукъабакъ – ног., къабакъ савут – кум.). Из тыквы делали ковши (къабакъ аякъ). Обычно из нее пили воду, ели молочные продукты. Такую посуду, удобную при кочевой жизни, ногайцы приобретали у своих оседлых соседей.

У азербайджанцев были соломенные корзины зэнбил.

Распространена была берестяная утварь, шиваемая конским волосом – разнообразные коробы, ящички для хранения хлеба и других продуктов. Для этой же цели у ногайцев была утварь из липовой коры. У некоторых сельских азербайджанцев можно было встретить и заплечные торбы из коры.

У многих тюркоязычных народов можно было встретить лыковые коробы. В них обычно собирали яйца.

У ногайцев были лыковые корзины, заплечные сумки с крышкой. Такую утварь обычно приобретали на рынке. Встречались также плетеные лозовые корзины с застежками, в них иногда хранили сушеные фрукты. Были корзины для бутылей цилиндрической формы.

Изделия из фарфора

Во многих домах тюркоязычных народов можно было встретить изделия из фарфора (чины или чини савут – кум., шын савыт – ног., чини габ – азерб., терек.).

У многих были фарфоровые пиалы (пиал, шын аяк – ног., пиала, чини сукара – кум., азерб., терек.), миски, чашки (финчан, финчанчыг – азерб.), тарелки (чини нимчэ – азерб., чини бошкъаб – кум., чини бошгаб – терек.) разных размеров. У многих состоятельных горожан встречались изделия китайского производства (чини - китайский фарфор /1/ - фарфор вообще /2/). В домах азербайджанцев, кумыков встречались фарфоровые супники (душбэрэхур – азерб., хума – кум.).

У состоятельных людей была и фабричная кузнецовская фаянсовая посуда (киреч савут – кум., киреш савыт – ног., киреч габ – терек., азерб.): мелкие тарелки (бошкъаб – кум., бошгаб – азерб., терек., тепек – ног.), чашки в форме пиалы (сукара, пияла – кум., аяк – ног. и т.д.), супники, разнообразные вазы, блюда (лимча – южн. кум., пилав бошкъап – сев. кум., нимчэ – азерб., терек.), чайники, чайные чашки и блюдца (налбеки – кум., ламбег – терек., азерб., шай тепшек – ног.). Отдельные городские жители (г. Дербент) держали в доме хрустальные бокалы, вазы (биллур – азерб.).

Кожаная утварь

В быту ногайцев и отчасти кумыков, терекеменцев, азербайджанцев для доения, содержания, изготовления, хранения и перевозки молока и молочных продуктов применялась различного рода кожаная и прочая посуда. Следует отметить, что ногайцы для доения овец и верблюдиц использо-

вали преимущественно кожаные сосуды. Широко применялись эти сосуды также для переноски и содержания воды.

Большую роль в хозяйстве ногайцев играли бурдюки (кожаные мешки саба, тулыкь, торсыкъ, артпакъ), сумки, в которых хранили хлеб, напитки, айран, муку, зерно и т.д. Из кожи ногайцы изготавливали и многие другие предметы хозяйственного быта. На козлиной или жеребьячей шкуре ногайка, например, месила и раскатывала тесто. Для подъема воды из колодца у ногайцев были специальные кожаные ведра (къавгъа, телек). Мужчины носили в кармане кожаные кисеты для табака (шонтай). Из кожи делали веревки, дорожные переметные сумки (артпак), небольшие сумочки (бокша). Кумыс также хранили в кожаных бурдюках из цельноснятой шкуры быка или барана, овцы. В бурдюках иногда хранили сыры и другие молочные продукты и кумыки, терекеменцы, азербайджанцы.

Кожаную посуду и утварь ногайцы шили из шкур лошади, коровы, быка, овцы, козы, теленка, верблюда. Кумыс чаще всего готовили в посуде из лошадиной шкуры, а коровьи и бычьи шкуры использовались для кожаных кадок, ведер. Из шкур овец, коз, телят изготавливали бурдюки и разнообразные сумки.

Для хранения молочных продуктов, перетопленного жира, ногайцы пользовались и сосулами, сделанными из различных органов животных (из брюшины крупного рогатого скота, из желудков коз, овец). Для этого использовали даже кишки лошади, коровы, быка и т.д. Из вымени домашнего животного делали сосуды для сметаны, кислого молока, пузыри для кумыса.

Сосуды из органов домашних животных получили широкое распространение у всех тюркских и монгольских народов.¹

Матерчатые мешки и сумочки, хранилища для зерна, муки

У всех тюркоязычных народов было множество разнообразных матерчатых мешков и мешочков с местными названиями. Так, например, самый большой мешок из грубой шерсти с застежками азербайджанцы называли – хэшэ; обычный мешок средней величины – бардан; большой шерстяной мешок из домотканой ковровой ткани – чувал; небольшой мешок – торба; маленький мешочек – торбачыг, а самый маленький – кисэ (кисет). Обычная сумка у них называлась – чанта, а сумка поменьше – чантачыг; переметная сума – хурчун.

Ногайцы знали следующие матерчатые сумки и мешки: бокша – сумочка; дорба – сумка, мешочек, торбочка; кап – мешок вместимостью в центнер; куржын – переметная сумка; йибек куржын – шелковый кисет; мшьшек – мешок.

Терекеменцы пользовались сумками из хлопчатобумажной пряжи – хэйбэ; сумкой для ношения на плече – чанта; переметными сумками – гаш хэйбэ и редким домотканым мешком из козьей шерсти – гыл торба.

У кумыков: къап (самый большой мешок с застежками); чашал (южн. кумыки – мешок вместимостью 50 кг.); харал (70 кг.), тутнич (маленький мешочек). Были у этих народов специальные хранилища, сосуды для хранения зерна, муки, сушеного мяса и т.д. У кумыков это были кур (погреб), кенну (плетеный и обмазанный с двух сторон сосуд), загъур (ларь), кумес (глиняный сосуд), четен (плетеная корзина).

У ногайцев были известны бежен (плетеная сапетка для хранения зерна и кукурузы в початках), ермагазы или маньгазы (погреб); шетен (плетеная корзина); кептиргиш (сушилка); аслык саклайган ер (зернохранилище).

Азербайджанцы обычно пользовались зирзэми (погребом); микидан (винным погребом).

В каждом доме еще была разнообразная тара иногда без специальных названий. Каждая уважающая себя семья обязательно имела во дворе точило (шар – ног., билев – сев. кум., чар – южн. кум., билев – азерб., терек.), точильный камень (билев – азерб., кайрак – ног., къайракъ – кум./, разнообразные чашечки (касачыг – азерб.); каменную ступку для соли, зерна (авангели – ног., дибэк – азерб.), ручную мельницу (киркирэ – азерб., кол термен – ног., эл дирмэн – терек., къол

¹ См.: *Антипина К.И.* Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962. С. 126 – 127; *Потанов Л.П.* Особенности материальной культуры казахов, обусловленные кочевым образом жизни // МАЭ. Т. 12. М.; Л., 1949. С.59; *Зиберт Э.В.* Сосуды из коровьего вымени в коллекциях Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР // МАЭ. Т.14. М.; Л., 1953. С. 94 – 96; *Тоцакова Е.М.* К вопросу о кожаных сосудах у южных алтайцев //Бронзовый и железный век Сибири: Материалы по истории Сибири. Вып. 41. Новосибирск, 1974. С.316; *Шитова С.Н.* Утварь из кожи у башкир //Хозяйство и культура башкир в XIX - начале XX в. М., 1979. С. 146 – 170; *Кочнев В.И., Семашко И.М.* Центральный и Северо-Западный Индостан// Этнография питания народов стран зарубежной Азии. М., 1981.С.64; *Оразов А.* Этнографические очерки хозяйства туркмен Ахала в XIX – начале XX в. Ашхабад, 1985. С. 150; и др.

тирман – кум.); стулья и кресла (курсу – азерб., санжал – кум.), круглый маленький столик (миз – азерб.), скатерть (суфрэ – азерб., достамал – кум.), веревку, скрученную из шерсти (чаты – азерб.); веревку, вязанную для ношения кувшина (айыл – кум., ног.); подушечку, которая находилась между спиной и кувшином /дум – кум./; топор (балта – кум., терек., азерб., ног.); вешалку (илгиш – ног.); просорушку (кели – ног.); полотенце (суьлги – ног.).

Глиняные изделия, маслобойки, всевозможные сосуды и т.д., а также деревянную утварь и посуду тюркоязычные народы приобретали у даргинцев, табасаранцев. Что касается фарфора и другой дорогой посуды и утвари, то основным источником их приобретения были рынки.

Количество и качество кухонной посуды и утвари, их разнообразие определялись не только имущественным положением семьи, но и экологией, профилем хозяйства и т.д. В зажиточных семьях использовались дорогостоящая медная чеканная утварь, а также привозная фарфоровая и фаянсовая посуда. В бедных же семьях преобладали изделия из дерева и керамики. Эти изделия обычно украшались орнаментом, резьбой. Они приобретались, как было сказано выше, у табасаранцев, даргинцев и кайтагов общества каттаган.

Кухонную посуду и утварь располагали по-разному.

У ногайцев, например, около «кровати», ближе к дверям, находилась полка (ундурок), на которой ставились глиняные и деревянные чашки, ложки и ковши.

Кумыки держали крупную утварь с правой стороны у входа в комнату. В самом низу, в специальной нише, располагались большие кувшины для воды, таз для стирки белья и купания (висел на стене), маленький тазик с кувшинчиком (кумганом) для умывания. На полках в хозяйственной комнате держали деревянную утварь и посуду для теста, хлеба и т.д. Дорогую посуду держали высоко на полках – тахча. В комнате невесты, в нарядной комнате (тизилган уй) на стенах вывешивали медные подносы, другую красивую медную посуду.

Почти у всех кумыков, терекменцев и азербайджанцев были специальные комнаты для приготовления пищи и хранения каждодневной посуды и утвари. Такая комната у азербайджанцев называлась мэтбэх, у кумыков – от уй или аш уй, у терекменцев – ашпазхана, у южных кумыков – ожак уй. Такие комнаты под названием казан уй были и у ногайцев.

В этой связи интересно отметить, что у ногайцев казан означал еще двор, семья. Ногайцы, например, говорили: «бзизин авылда без юз казан уй» – в нашем ауле пятьсот дворов. Думается, что различия в номинациях объясняются особенностями традиционного хозяйственного быта. Если для оседлых кумыков за основу наименования берется «очаг» (от, ожак), то у кочевниково-ногайцев это казан, вид вместительной утвари, в которой готовилась пища на одну семью и поэтому имевшего контекстуально и другое значение – хозяйство, семья.

Женщину, которая обычно готовила еду, азербайджанцы и терекменцы называли ашпаз. А если обед готовила молодая под руководством старшей, то в данном случае старшую называли ашпаз башы. Кумыки такую женщину называли къазанчы, ашбаз.

Топливом для приготовления еды в основном служили дрова (агъачлар – кум., азерб., терек., отын – ног.). Изредка пользовались и кизяком (кезек – кум., тээк – азерб., терек.). Для подтопки употребляли хворост, сушняк (чырпы – кум., азерб., терек.). Разжигали печь обычно лучиной (чыртлаг – азерб., терек.).

При приготовлении пищи женщины тщательно мыли руки, стригли ногти, прятали волосы, а перед замешиванием теста предварительно купались. Вообще тюркоязычные народы гигиене тела придавали большое значение. Не случайно, что у них были специальные банные перчатки для растирания тела; у азербайджанцев они, например, назывались кисэ.

Все тюркоязычные народы очень тщательно следили за чистотой посуды. Обычно на медной посуде появлялась зеленая ржавчина (чэнк – азерб., терек.; гог – южн.кум.), такую ржавчину считали золой (кул) преимущественно от сожженного подсолнечника, а также землей (песчаной, зернистой) и специальной желтой глиной. Для придания медной утвари и посуде особого блеска ее после тщательного очищения и мытья смазывали кашеобразным составом той же золы или желтой глины, откладывали на сутки, после повторного мытья и сушки натирали куском мягкой шкуры или бархата (казаны, подносы, самовар и т.д.). Таким же образом мыли и фарфоровую посуду. Глиняную посуду в теплое и жаркое время года несколько раз выносили на солнце. Зимой снаружи ее натирали нутряным жиром.

Весной, летом и осенью всю посуду и утварь по нескольку дней держали на воздухе. Считалось, что в противном случае в доме может появиться специфический, не очень приятный запах, который уже ничем не перебьешь.

Весной и осенью стирали и сушили паласы, ковры, постели, белили комнаты. После тщательной уборки на день – два в чистое помещение бросали ореховые листья и лишь затем уже заносили вещи в дом. Ниши, где хранилась постель, посыпали сушеными фиалками.

Кумыки, терекменцы, азербайджанцы придавали большое значение нормам, соблюдаемым при сервировке стола. Не принято было передавать гостям или членам семьи вилки, ложки, ножи непосредственно в руки; их приносили на подносе и ставили на середину стола. Нельзя было нож класть лезвием наружу, а вилки и ложки выпуклой стороной вверх, ночью мыть посуду (чтобы не ушел достаток-берекет), выбрасывать остатки пищи, вытряхивать скатерть с крошками, передавать еду непосредственно в руки.

В связи с расширением торговых и культурных контактов у тюркоязычных народов появилась возможность приобретать на рынке фабричную посуду и утварь. Вместе с новой утварью в повседневный быт входила и новая терминология. Однако доступ к фабричной посуде и утвари не привел к немедленному отказу от традиционной. Особенно это относится к ногайцам.

Утварь – одна из областей материальной культуры, без которой не обходилась ни одна семья. Популярность посуды и утвари, например, подтверждается особой ее ролью в свадебном ритуале. Кумыки Кайтага обычно приносили в дом невесты в качестве подарков посуду (кто казан, кто тарелку, кто самовар и т.д.). В доме невесты всю эту посуду и утварь выставляли напоказ.

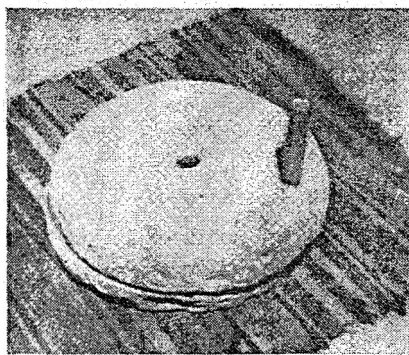
У ногайцев до сих пор бытует выражение «казан майлав» («обмазывание казана»). Когда погорельцы вселялись в новый дом, пострадавшая семья для своих родственников, соседей, друзей устраивала угощение. Специальные люди ходили по дворам и звали «казан майлавга келигиз» («приходите на казан майлав»). В качестве подарков гости должны были принести посуду.

Обращает на себя внимание, что у тюркоязычных народов Дагестана в сфере такой части материальной культуры, как традиционная кухонная утварь, много общего. Сходство наблюдается, например, в использовании шкуры, кожи для изготовления посуды и утвари. Подобного рода формы материальной культуры были знакомы многим тюркским и монгольским средневековым и современным народам, народам Дагестана, Северного Кавказа, Закавказья. Много общего наблюдается не только в видовом разнообразии посуды и другой утвари, но и в связанной с ним терминологии. В то же время в выборе определенного вида посуды и утвари для различных целей, в устройстве хранилищ для хранения зерна и т.д., в форме некоторых сосудов выявляется местное своеобразие.

Итак, делая вывод относительно кухонной и хозяйственной утвари, посуды тюркоязычных народов Дагестана, можно сказать совершенно определенно, что они находили самое разнообразное применение в быту и различались не только по материалу, внешнему виду, ярко выраженным своеобразием и многообразием, но и по назначению. В одних сосудах хранили или перевозили продукты, в других готовили еду, в третьих – подавали еду, а четвертые являлись торжественной (парадной) или ритуальной посудой и утварью.

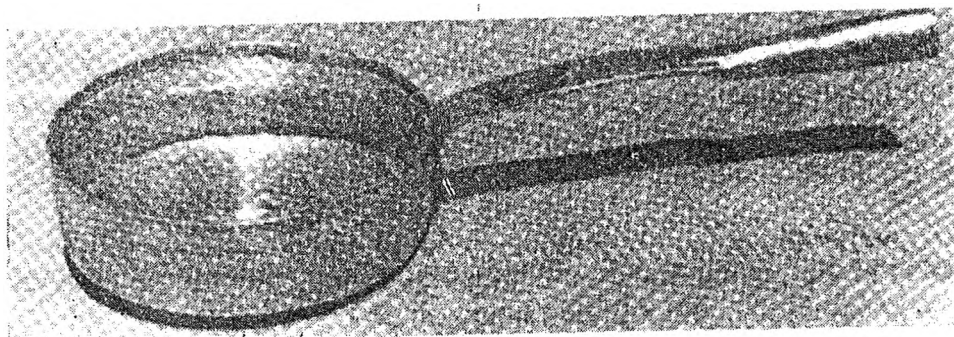
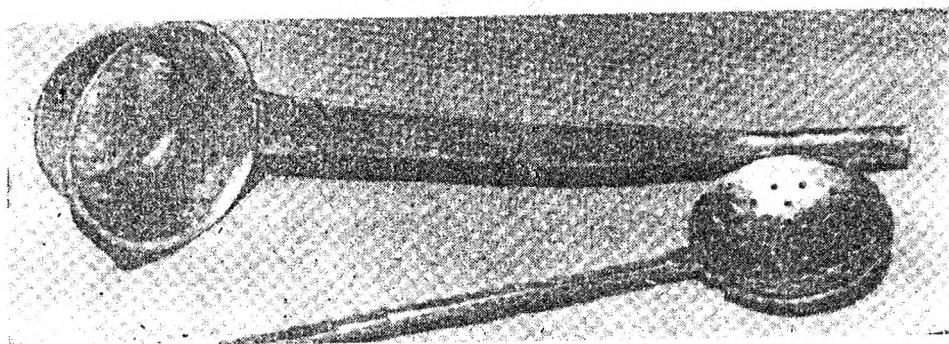
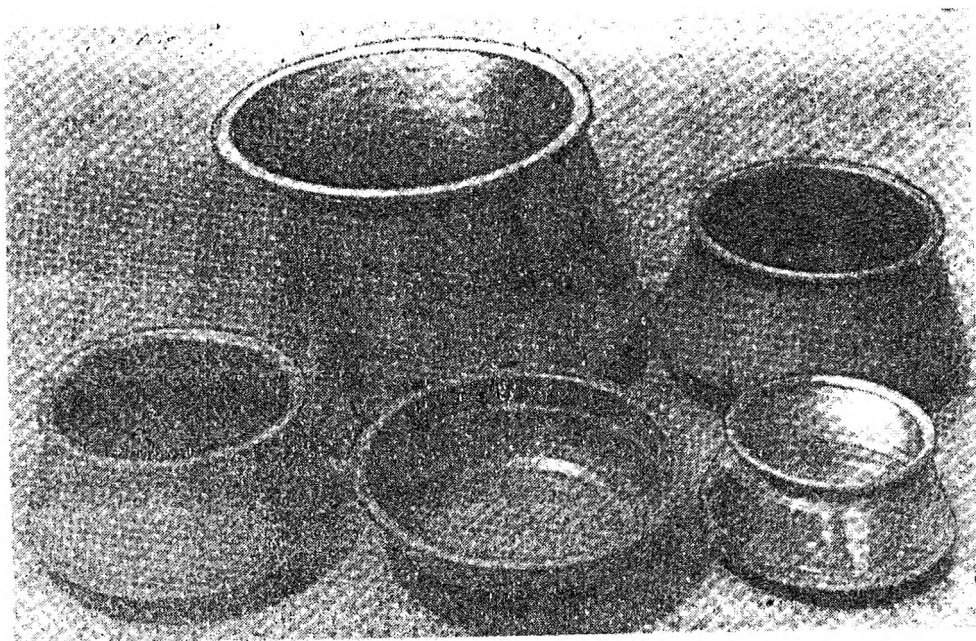
Таким образом, кухонную, хозяйственную утварь и посуду тюркоязычных народов Дагестана мы можем разделить еще на следующие виды: посуда и утварь для хранения, перевозки продуктов питания (зерно, мука, масло, сыр и др.); посуда и утварь для приготовления пищи; посуда и утварь для подачи еды; посуда и утварь, используемая для семейной, гостевой, праздничной и ритуальной трапез. Разумеется подобная классификация (деление посуды и утвари на семейную, гостевую, праздничную, ритуальную) в определенной мере условна.

Посуда и утварь находили не только разнообразное применение в хозяйстве и быту, они служили и украшением жилища. Поэтому их декоративным качествам придавали большое значение все слои населения. Художественные достоинства гончарной и деревянной утвари, предметов из меди ценились очень высоко, и эти предметы бытового назначения представляли из себя великолепные произведения искусства, составляя эстетическую культуру общества.

Ручная мельница.

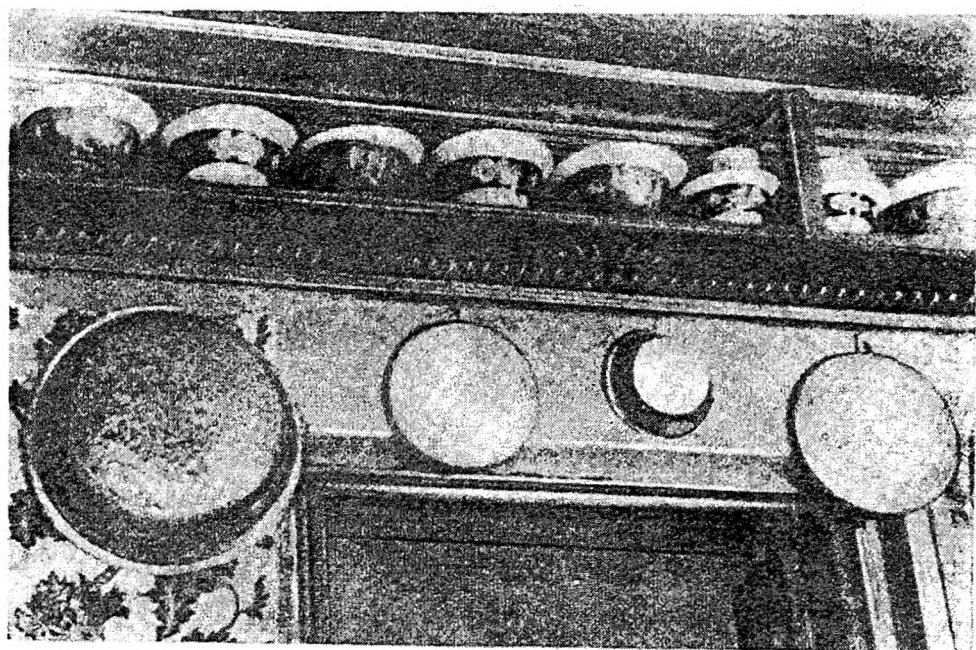
Фото из архива профессора С.Ш. Гаджиевой.

Медная посуда и утварь, с. Великент, Падар.
Фото из архива профессора С.Ш. Гаджиевой

Глиняная маслобойка (негъре) и ступка для толчения чеснока.
Фото из архива профессора С.Ш. Гаджиевой

Карниз – «такъча».
Фото из архива профессора С.Ш. Гаджиевой.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ В СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ КУМЫКОВ

Свадебный цикл – самый насыщенный ритуал в цикле семейных обрядов. Именно в них больше всего прослеживается культурное наследие и культурное развитие народа. В процессе сбора полевого материала во время поездок в села автору пришлось столкнуться с целым рядом дошедших до наших дней пословиц и поговорок, связанных со свадебной обрядностью. В предлагаемой статье мы постарались по возможности точно передать содержание оригинальных пословиц, поговорок, их своеобразный колорит.

Среди свадебных церемоний важная роль отводится выбору невесты, сговору, сватовству. Выбор невесты – один из ответственных моментов. Женщины заранее присматривали для своих сыновей невест, конечно же, каждая хотела взять для сына хозяйственную, трудолюбивую девушку. В этой связи говорилось, что посторонние раньше замечают повзрослевшую дочь, чем это успевают сделать собственные родители. Отсюда бытовала пословица: «Етишген кызны гёзуне ерленген эшек гёрюнмей!» - «Созревшая девушка не замечает оседланного осла, спотыкается об него!».

Особое значение придавалось мнению соседней девушки. До наших дней сохранилась пословица: «Анасы макътагъанны алма, хоншусу макътагъанны ал!» - «Бери не ту, которую мать хвалит, а бери ту, которую соседи хвалят!».

О девушке судили по матери, что выразилось в пословице: «Анасына къарап кызын ал, алма терекни тубюне гьармут тюшмес!» («Суди о дочери, глядя на мать, под яблоню груша не падает!»). У северных кумыков (Хасавюртовский район) бытовала поговорка: «Уясында не гёрсе учгъанында шону этер!» (дословно: птенец, выйдя из гнезда, будет делать то, чему научился в гнезде). В этом же районе нам рассказали о ряде ухищрений, к которым прибегали, чтобы узнать лучше, насколько бережлива и трудолюбива девушка. Выбрав подходящую кандидатуру и обсудив её на семейном совете, в дом девушки к её родителям отправлялись сваты. Когда входили в комнату, они старались незаметно уронить что-нибудь из вещей, стоящих у двери, был случай, когда сваты незаметно бросили на пол веник. Девушка, увидев гостей, вышла из комнаты, перешагнув через веник. Поговорив о том о сём, сваты, ни словом не обмолвившись о цели своего визита, ушли, сочтя девушку неряхой, ведь вместо того, чтобы поднять веник и поставить его на место, она перешагнула через него.¹

Информатор из села Ишкарты Буйнакского района вспомнила рассказ своей прабабушки, как та, переодевшись нищенкой, ходила по селу выбирать невесту для своего сына. В домах, где жили молодые девушки, она просила насыпать ей остатки от замеса теста. Ей подавали, где мало, где много. Только в одном доме девушка удивлённо взглянула на неё, сказав уважительно: «бабушка, у нас никогда не бывает остатков от замеса теста, дайте я вам насыплю немного муки!». Так женщина нашла своему сыну хозяйственную бережливую жену.² Девушку старались выбрать из тухума, равного по достоинству, по богатству и т.д. Бытовала поговорка: «Тенгинг булан тери тарт!», т. е. дело имей только с тем, кто не будет на тебя свысока смотреть. В некоторых аулах имеющие сыновей женщины присматривались к девочкам ещё с младенческого возраста (речь идёт не о люлечном сговоре). Так зародилась поговорка: «Къатын гишини жагълыгъын бешикни устынде сына» («Характер женщины можно испытать ещё в люльке»). Придавали значение и внешности девушки, но при этом говорили: «Арив къатын хоншуда яхшы» («Красивую женщину лучше видеть у соседей, а не дома»), «Аривню бетинден сув ичмес» (дословно: с красоты воду не пить). «Арив чю бар, суйгенин алса!» - (дословно: не красивая красива, а любимая красива!) Не одобрялась выдача замуж девушки в другое село. О таких в народе говорили: «Яхшы кызы озынни ари янына чыкъмас!» («Хорошая была бы, не пошла бы замуж в другое село!»)

Девочек старались рано выдать замуж, в 13, 14 и даже в 12 лет. Многие родители боялись, что с девушкой может случиться несчастье (похитят или что-то другое). В сознании многих поколений укоренилось мнение, что «от девушки надо поскорее отвязаться, пока она не принесла в дом горе», надо «избавиться от лишнего рта». «Гишини байлыгъы озыню еринде яхшы!» (дословно: чужое добро на своём месте хорошо!).

У кумыков Буйнакского района бытует и в наши дни пословица: «Кызы сакълагъанда бир, къанлы сакълагъанда бир!» (дословно: что взрослую дочь иметь в доме, что кровника иметь – одинаково!). Интересно, что само рождение девочки в доме уже считалось несчастьем, о чём сви-

¹ Полевой материал, собранный в Хасавюртовском районе в 2000 году.

² Полевой материал, собранный в Буйнакском районе в 2001 году.

детельствуют такие поговорки: «Улан десе уй тола, кьыз десе пашман бола!» (дословно: когда рождается сын – в доме богатство, от девочки – одни несчастья!), «Улан уйню орта багбанасы, кьыз- гишини чырындагы таш» (дословно: сын – краеугольный камень моего дома, дочь – камешек в стене чужого дома). Общество было заинтересовано, чтобы каждый юноша и каждая девушка в своё время вступили в брак и создали семью. Старых дев и холостяков не одобряли. Говорили, что их не любят даже мёртвые, мол, при виде умершей старой девы они отбегают от неё с криками «кёр бугъа геле!» (непереводимо).

Иногда сваты по нескольку раз приходили просить девушку. Бывало и так, что сваты приходили от разных парней. Видимо, отражением этого явилась пословица «Кьыз бар уйге кьырк атлы байланыр!» или же: «Юзню сюер, бирни алар» (в смысловом переводе – «В доме, где есть девушка на выданье, сорок всадников могут ходить вокруг» или же «Дружи с сотней девушек, бери одну по сердцу!»). Ещё говорили: «Кьыз гёрюп кьарамагъан, туз гёрюп яламагъан!» («Кто не дружил с девушкой, не встречался с ней, значит не знает и вкуса соли!»). Засватанной девушке готовили не только приданое, но и учили её, как вести себя в чужой семье, давали ей «насигъат» - поучения. Эта обязанность лежала в основном на плечах матери. Приведем некоторые из поучений, которыми мать провожала дочь в другую семью;

.....Ты, дочь моя, уходишь в дом чужой,
Там всё своё, там распорядок свой.
И свой закон.
Свои капризы у порога брось
И уважай привычки их любые.
Коль там хромые – обопришь на трость.
И надевай очки – коль там слепые.
Сумей большой огонь разжечь
На малом огоньке.
И хлеб большой сумей испечь
На небольшой муке.
Ты, дочь моя, уходишь в дом чужой,
Возьми с собой терпение в дорогу!
Терпенье – ключ и к дьяволу, и к богу
Ты тем ключом откроешь вход любой.
Ты, дочь моя, уходишь в дом чужой –
Вся жизнь твоя изменится отныне.
Умей теперь в работе быть рабыней,
А за столом – царицей молодой!

Мать знала, какие испытания выпадают на долю молодой невестки. Ведь основная тяжесть забот новой семьи ложилась почти всегда на неё. От её терпения, умения, характера зависело и отношение к ней родственников мужа. Сохранились пословицы и поговорки, свидетельствующие о положении молодой невестки в доме, об отношении к ней: «Къатынны малы къазанда яхшы!» (дословно: лучшее место для приданого жены – в кастрюле!). Видимо, речь идёт о том, что при разделе имущества, если дело доходило до развода, как можно меньше осталось жене (или чтобы та меньше хвасталась своим приданым?). Пословицы «Уй жанлы къатын инжил терекге ошар!» («Хозяйственная жена похожа на инжирное дерево!»), «Эрин яхшы сакъласа, эри къатындан къачмас!» («Если жена хорошо ухаживает за мужем, тот не поглядывает на чужих жён»), «Ожакъны берекети – къатынгишиден!» («Богатство семьи – от женщины!»), «Янгъы элек чюйде болар, янгъы гелин уйде болар!» («Новое сито красиво смотрится на крючке, а новая невеста - в доме») как нельзя лучше подчёркивают, чего ожидают от молодой невестки, какие заботы ложатся на её плечи с первых дней замужества.

Приведём и ряд пословиц, записанных в различных сёлах и свидетельствующих о положении молодой невестки в семье – «Къызым, сагъа айтаман, гелиним, сен тынгла!» («Дочь, тебе говорю, невестка, ты слушай и наматывай на ус!»), «Эрге гете – йырлай йырлай, эрден геле - йылай йылай!» дословно: выходит замуж – радуется, живёт при муже - плачет!), «Гелин турду - уй йыкъды!» («Невестка встала – дом развалила!»). Когда у одной свекрови спросили о новой невестке, та ответила пословицей: «Сюнкю алгъаны супсубай, элек алгъаны - дём - дёгерек!» (в смысле: за что ни возьмётся, всё валится из рук). Отношения невестки со свекровью во все времена оставляли желать лучшего. В селении Нижнее Казанище нам рассказали целую притчу о взаимоотношениях свекрови и невестки. Приведём один куплет из гёнгюрезов (напев вполголоса) невестки:

«... Ва вайнана вайнана,
Отгъа тюшсюн къайнана.
Къайнана отгъа тюшсе,
Гелин учуп айлана!»

«... Пусть свекровь сгорит в огне,
Свекровь попадѣт в огонь-
Невестка будет только радоваться!» ...¹

Традиционным для кумыкской семьи было патрилокальное поселение; примачество – отступление от нормы – считалось позором. В народе говорили: «Уьй гиев болгъунча, отгъа гирип ялгаган къолай» («Лучше войти в огонь, чем зятем в дом»). Интересно, что такая же поговорка бытует у казанских татар.

Ещё есть такой приговор – когда спрашивают, как дела, отвечают: «Уьй гиевден къолай!» («Всѣ лучше, чем у примака!»).

Собирая материал, всё больше убеждаешься, насколько богато устное народное творчество, как умеют в народе красиво и тонко подметить отношение к той или иной стороне жизни в наших сѣлах.

Г.-Р. А.-К. Гусейнов

К ЛОКАЛИЗАЦИИ ЧУНГАРСА И ВАБАНДАРА, ИЛИ ЕЩЕ РАЗ О СЕВЕРО – ЗАПАДНЫХ И НЕКОТОРЫХ ИНЫХ ПРЕДЕЛАХ «СТРАНЫ ГУННОВ» (нонов)

1. К лингвистической и этноисторической интерпретации этнонимов «гуннов»

Согласно китайским источникам, переведенным Иоакимфом Бичуриным, еще в царствование Мете, или Модэ (отождествляемого Иоакимфом с Огузом из сообщений Абуль-Гази), в 209-179 гг. до н.э. в западной части государства хунну (кит. *hun* или *hün*)² периода его расцвета были известны народы: Каангюй – до Амударьи, к юго-западу до Каспийского моря – юэ-джи и к северу от последнего – яо-шэ. В более поздних летописях, приводимых К. А. Инostrанцевым в книге «Хунну и гунны» (Л., 1926), имена этих народов транскрибируются несколько иначе и добавляются еще два имени: к западу от Кангюя лежала земля Су-дэ, Янь-цай и Алань-я. Последняя находилась на берегу Северного моря (Каспия)³ в условиях, когда традиционно упоминание страны Алания относится ко II в. н.э., и оно распространяется на равнины от Прикубанья вплоть до Северо-Восточного Кавказа, где нижнее равнинное течение Терека получает имя Алонта⁴. Сюда же примыкает армянская традиция, которая знает гуннов со II в. до н.э., но предполагаемая ее анахроничность⁵ не представляется ввиду вышеизложенного сомнительной.

Считается, что аланы оказались в поле зрения античных авторов в середине I в. н.э., и их присутствие фиксировалось в Подунавье, Подонье и на Кавказе⁶. Однако соответствующий этноним (греч. *Alanoi*, лат. *Alani*) не совсем полно отвечает своему староосетинскому – *allan⁷ – презентату. В этих условиях обращает на себя внимание более безукоризненное в фонетическом и семантическом (равнина, где [первоначально] локализуются (см. выше) аланы) отношениях общетюрк. алан «ровная, открытая и обширная местность», источником корня которого *al(a)-⁸ вследствие характерной для тюркских языков редукции анлаутного t->ш⁹ представляется возможным

¹ Полевой материал, собранный Буйнакском, Карабудахкентском, Хасавюртовском районах в 1995 – 2002 годах.

² Дёрфер Г. О языке гуннов // Зарубежная тюркология. М., 1986. Вып. 1. С.77.

³ Баскаков Н.А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». Л., 1985. С.13–14.

⁴ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С.86.

⁵ См.: Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979. С.19.

⁶ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С.85.

⁷ См.: Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М. –Л., 1958. Т.1. С.47.

⁸ См. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974. С.74.

⁹ Баскаков Н.А. Историко-типологическая фонология тюркских языков. М., 1988. С.36.

считать казах., к.-калп., тат., узб., уйг. дала, кирг. талаа¹, ног. тала «поляна», кум. тала «поляна (в лесу)», каковые могут представлять исходный по отношению к форме алан вариант, свидетельствующий о явно тюркском происхождении данного этнонима в условиях, когда как для раннего, так и позднего тюркского праязыка² вплоть до хуннского времени³ был присущ глухой t, который лишь в последующем мог переходить в д.

Не удивительно, что ввиду вышеизложенного уже в середине II в. н.э. античный писатель Дионисий Периегет в стихотворенном «Описании населенной земли» (ойкумены) упоминает к 160 г. н.э. на северо-западном Прикаспии вплоть до Дербентского прохода⁴ народ θουνοι [thunn-oj], θουνοι [thun-oj], ωνοι [он-oj], ωνοι [онн-oj], что дало повод К. Киесслингу выдвинуть предположение, будто Дионисий вместо обычного греческого Ουνοι [unn-oj] писал Ουίτιοι [uiti-oi] (уитии-утии). В действительности же, чтение Ουνοι восстанавливается по тексту комментатора Дионисия-Евстафия (писал между 1170-1175 гг.), дословно использовавшего Дионисия: «Унны, или θунны с буквой θ, каспийский народ, (который) суть скифский. Нужно следовать тем, которые пишут «унны» без θ». При этом достоверность данного сообщения является общепризнанной при расхождении в локализации⁵.

Если признать а ргіогі транскрипцию с начальным θ (θ) у Дионисия Перигета, отображающей соответствующее звучание рассматриваемого этимона, верной, то сразу же обращает на себя внимание близость данного смычного придыхательного [th] звука к межзубному (интердентальному) фрикативному θ[ç], который восстанавливается в качестве аллофона фонемы <s> для периода алтайской (до III в. до н.э.)⁶ общности тюркских языков в анлауте⁷ и выступает на месте греч. θ [th] в дальнейшем в позднегреческий (I-IV вв. н.э.) и среднегреческой (V-XV вв.) периоды развития греческого языка, когда имела место утрата придыхания⁸, т.е. [th] > [ç]. Вместе с тем θ[ç], обнаруживаемый на месте общетюрк. *s- в анлауте, присущ в настоящее время факультативно туркменским диалектам и говорам башкирского (наряду с h-<*s- в других туркменских и башкирских)⁹, а в чувашском и якутском анлауте s->Ø, т.е. отпадает, в т.ч. в якутском через стадию h-: s->h-> Ø¹⁰ – при том, что бытование аллофонов h- и Ø- для *s- в анлауте предполагаются для еще более древнего доалтайского периода истории тюркских языков¹¹. Вышеупомянутые процессы отнюдь не экзотичны и наблюдаются в других языках, т.е. носят характер фреквенталий: спираント h как наиболее слабый их всех согласных звуков часто утрачивается во всех позициях, в него может переходить анлаутный х-; придыхательные смычные неустойчивы и могут переходить в спиранты, в т.ч. th, интердентальный (межзубный) глухой аллофон которого может и утрачиваться в условиях, когда переход s->h-, в т.ч. в анлаутной позиции, имеет место и в других языках¹², в том числе якутском и башкирском, где допускается закономерность Ø<h<s~s¹³, прямо соответствующая вышеизложенной.

Сюда же во временном отношении примыкает упоминаемое в «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея¹⁴ (II в. н.э.) Χουνοι [хун-ој]¹⁵, которые локализируются при этом в различных, но ареально смежных друг другу регионах: на левобережье Днепра или Днестра, Северном Причерноморье, на Кавказе, между Манычем и низовьями Кубани, междуречье Урала и Волги к востоку от Дона¹⁶. Часто предполагают, что европейские гунны, о которых (χουνοι [хун-ој]) гово-

¹ Исхаков Ф.Г. Опыт сравнительного словаря современных тюркских языков // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1962. Ч.4. С.65–66.

² Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Фонетика. М., 1984. С. 170, 171.

³ Баскаков Н.А. Историко-типологическая фонология тюркских языков. С.11.

⁴ Джафаров Ю.Р. Гунны и Азербайджан. Баку, 1985. С.14; Гмыря Л.Б. Страны гуннов у Каспийских ворот. Махачкала, 1995. С.47.

⁵ Джафаров Ю.Р. Указ. раб. С.12, 108 комм.1.

⁶ Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969. С.152.

⁷ Баскаков Н.А. Историко-типологическая фонология тюркских языков. М., 1988. С.81.

⁸ Большой энциклопедический словарь: Языковедение. М., 1998. С.118, 119.

⁹ Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. С.246, 290; Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. С.223.

¹⁰ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. С.223.

¹¹ Баскаков Н.А. Историко-типологическая фонология тюркских языков. С.78.

¹² См.: Серебренников Б.А. Вероятные обоснования в компаративистике. М., 1974. С.93, 94, 118, 121, 124, 140.

¹³ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. С.397.

¹⁴ См.: Джафаров Ю.Р. Указ. раб. С.11.

¹⁵ Дёрфер Г. Указ. раб. С.77.

¹⁶ Джафаров Ю.Р. Указ. раб. С.11.

рится ок. 400 г.¹, но не сюнну упомянуты в частном согдийском письме IV в. н.э. как хwp, что считается идентичным китайскому hup или hūn². Хотя соответствующие письма датируются различно (II в. н.э., начало IV в. и ок. 196 г. [до начала Великого переселения народов]), буква w в них может передавать, кроме [au], как [u], [ū], так [o], [ō], и имеются буквы, обозначающие, с одной стороны [x], с другой – [h] и [h], начертания графем, передающих первый (x) и третий (h) звуки, совпадают³, что и дало, надо думать, весомые основания для их отождествления с китайским (см. выше) обозначением этнонима гуннов. Вместе с тем последние обнаруживают определенную близость к бур.(халх.)-монг. хун при калм. kün, ср.-монг.⁴, gü?ün, но при этом переход первичного k- (прамонг. *küyün)⁵ в бурятском языке и халхасском диалекте в х- имел место гораздо позже, ибо процесс постепенного изменения исходного согласного начинает происходить примерно со среднEMONГОЛЬСКОГО (см. выше) периода⁶, чем, в какой-то мере снимается известная гипотеза о монгольском происхождении гуннов⁷. Кроме того, постановка вышеупомянутого вопроса становится еще более неясной, если иметь в виду предлагаемое другими учеными различие азиатских хунну (hung-nu) и гуннов.⁸

Впервые территория расселения «гуннов» в Прикаспии была названа как «страна нонов» армянским историком Егише Вардапетом (V в. н.э.), который располагал ее севернее Дербента, именуемого им «воротами нонов», западный предел этой страны составляли Аланские ворота. Кроме того, по свидетельству того же Егише, часть нонов была известна под именем хайландуров. Иным названием вышеупомянутой страны, как полагал Я.А. Федоров, было в IX в. Сувар, который помещался им в Северо-Восточном Дагестане⁹.

В ранней – конец V в. – грузинской агиографии гунны также были известны и локализовались ею в Прикаспийской области в районе страны Чор (Дербент). Имя гуннов (хонни) сохранялись и в одной из грузинских хроник VII в., и они приходят в Картли, согласно ей, с юга как народ, изгнанный вавилонянами («халдейцами») в условиях, когда грузинский алфавит с самого начала (V в.) различал [x] и [h].

Еще раньше, в связи с событиями 217-238 гг. в Иране и Армении, упоминает гуннов, выведенных «из прохода Албании», аланского и Дербентского, и изгнанных армянским царем Трдатом III (287-323 гг.), армянский историк Агафангел, чей труд был составлен между 461 и 465 гг. и который после 301 г. упоминает о масаха-гуннах – в греческой версии Μασαχου των Ουννων [unnon]. О борьбе армянского царя Хосрова II Котака (322-338) с царем маскутов (т.е. масаха-гуннов греческой версии Агафангела) говорится в «Истории Армении» Фавстоса Бузанда, написанной в 70-х гг. V в., хотя современными историками, в принципе, первое сообщение относится к середине или второй половине V в., а второе считается переименованными событиями I в.н.э.¹¹

В этих условиях не удивительно, что упоминание европейских гуннов в различной форме Χουνοι [chūn-oi] у Птолема (II в. н.э.), Ούννοι [unn-oi], hunni у Прииска и Иордана (V и VI вв. н.э.) (а также Ουννων [unnon] между 613 и 619 гг.¹² – дают вполне закономерный повод ученым задаться вопросом: «Представляли ли собой эти народы одно и то же?»¹³ Проблема тем более актуальна, что вышеприведенные формы с инлаутным -и-, за исключением хунов византийского источника 400 г. и хуннов Птолема, указывают в конечном счете на исходный предполагаемый большинством западных ученых, вариант с первоначальным анлаутом *s-, каковой и обнаруживается в названии народа сюнну [hsung-hu], упоминаемого в китайских источниках периода династии Ранняя

¹ Гадло А.В. Указ. раб. С.18.

² См.: Дёрфер Г. Указ. раб. С.18.

³ Лившиц В.А., Хромов А.Л. Согдийский язык // Основы иранского языкознания: Среднеиранские языки. М., 1981. С.351,372,369.

⁴ Алтайские языки. М., 1993. С.102.

⁵ См.: Старостин С.Н. Алтайская проблематика и происхождение японского языка. М., 1994. С.237.

⁶ Алтайские языки. С.125.

⁷ См.: Дёрфер Г. Указ. раб. С.82,72; Баскаков Н.А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». С.39.

⁸ Тенишев Э.Р. Гуннов язык // Языки мира: Тюркские языки. М., 1977. С.52.

⁹ Гмыря Л.Б. Страна гуннов у Каспийских ворот. С.54; Гмыря Л.Б. Политические образования в эпоху Великого переселения народов. Этногенетические исследования. Махачкала, 1998. С.174–175; Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С.128.

¹⁰ Гадло А.В. Указ. раб. С.19–20.

¹¹ См.: Гадло А.В. Там же. С.31–34.

¹² Гадло А.В. Там же. С.107.

¹³ Дёрфер Г. Указ. раб. С.77.

Хань¹ (206 г. до н.э. – 25 г. н.э.), т.е. возвращает нас к государству Хунну, с которого и было начато настоящее изложение. Исключение в указанном отношении составляют $\omega\nu\omicron\iota \sim \omega\nu\nu\iota$ Дионисия Перигета и $\eta\omicron\nu\iota$ армянских источников, которые как будет показано в последующем, с уверенностью, начиная с II-V вв. н.э., могут локализоваться на Северо-Восточном Кавказе. При этом именно установление северо-западных и иных пределов их страны прежде всего, по языковым данным и составляет цель настоящей работы. Однако вместе с тем исследователи, насколько известно, не обращали внимание на удвоенный $-n$ в названии европейских гуннов у Приска и Иордана (у Дионисия он отражается непоследовательно и может носить характер описки), а также «унн» или «хунн» у Аммиана Марцелина в конце IV в. н.э.², который может отражать при основе на $-n$ флексию $-n$, которая в енисейских языках означает множественное число существительных одушевленного [!] класса, в тюркских – предполагается как показатель множественности в нескольких словах, что принимается не всеми тюркологами и алтаистами³.

Вместе с тем, учитывая, что в тюркских языках начальный $q - / - k +$ гласный $>$ начальный гласный со смычно-гортанным приступом $>$ начальный гласный без этого компонента⁴, а в греческом и армянском слова с исконным начальным $o-(b-)$ известны, можно предполагать, что гортанный приступ был передан в армянском перед ближайший h -, отсутствующий в греческом. В последнем в силу указанного обстоятельства и было допущено зияние – \emptyset в то время, как $[xun-oj]$ Птолема, возможно, демонстрируют иную диалектную, возможно, собственно болгарскую, судьбу анлаутного $q-/k-$, так как именно в чувашском в данной позиции наиболее последовательно $q->x$ ⁵, что характерно для древних болгаризмов венгерского и средневекового (XIII-XIV) поволжско-булгарского языка⁶ в условиях допускаемой (см. выше) локализации соответствующего этноса на Кавказе. Можно полагать при этом, что исходной формой в данном случае было $*xop$, так как общетюрк. $*o$ отвечает в чувашском в числе прочих репрезентатов u ⁷.

Не исключено, кроме того, учитывая, что в анлаутной позиции $x->h->\emptyset$ ⁸, а также локализацию хуннов Птолема на Кавказе (Ф.Альтхайм) при иных известных ее вариантах, можно предполагать, что анлаутный $x-$ у Птолема и источника 400 г. может передавать не только соответствующий звук, но и h -, как о том свидетельствует аналогичное обозначение указанных фонем тюркско-арабско-персидских слов в среднегреческом (V-XV вв.) языке (которому, как и древнегреческому, также был неизвестен звук $[h]$), в т.ч. редко $k-$ и в нескольких случаях q ⁹. С другой стороны, тот факт, что, например, неизвестный, подобно греческому, фонетической и графической системе русского языка h передавался в анлауте последнего, в частности, еще в XVIII в. через чистый гласный (\emptyset)¹⁰, вновь позволяет предполагать закономерную взаимосвязь как $\omega\nu\omicron\iota \sim \omega\nu\nu\iota$ Дионисия и $\eta\omicron\nu\iota$ армянских источников, так, имея ввиду вышеизложенное, и наличие каких-либо их отношений с «хуннами» Птолема и хунами источника 400 г. Это в условиях, когда первичным в корневом вокализме данных этнонимов является $-o-$, а случаи расширения $*u>o$ наиболее последовательно реализуются лишь в татарском и башкирском языках, являясь здесь отражением соответствующей древнейшей тенденции тюркских языков¹¹, что вновь позволяет восстановить исходное $[*xop]$, которое в варианте $xonn-$ известно, согласно вышеупомянутой грузинской хронике VII в., с вавилонских времен, а в Прикаспийском Дагестане с V в. и отразилось в топонимике, главным образом, Северо-Восточного Кавказа, как, впрочем (см. выше), и $*qon$ с возможными (булгарскими) модификациями ауслатного согласного¹², которые будут рассмотрены в последующем изложении, но о развитии $q->x-$ уже было сказано, то есть $*xop$. (ср. в указанном смысле кумыкское

¹ Дёрфер Г. Там же. С.77; Пуллиблэнк Э.Дж. Язык сюнну // Зарубежная тюркология. М., 1986. Вып.1. С.29–30.

² Гадло А.В. Указ. раб. С.11.

³ См.: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология. М., 1988. С.15–16; Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). Л., 1977. С.88–89.

⁴ Севортыан Э.В. О случаях падения начальных согласных в тюркских языках // Turcologica. Л., 1976. С.155.

⁵ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Фонетика. С.188.

⁶ Ахметьянов Р.Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. М., 1978. С.11,12..

⁷ Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970. С.149.

⁸ См.: Серебренников Б.А. Вероятные обоснования в компаративистике. С.94.

⁹ Толкачев А.И. О названии днепровских нартов в сочинении Константина Багрянородного «De administrando imperio» (в связи с работой Ю.Фалька на ту же тему) // Историческая грамматика и лексикология русского языка. М., 1962. С.58–59.

¹⁰ См.: Биржакова Е.Э. Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. М., 1988. С.186.

¹¹ См.: Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. С.170; Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Фонетика. С.167; Баскаков Н.А. Историко-типологическая фонология тюркских языков. С.88.

¹² Къумукъланы йырлары. Магъачкъала, 2002. С.184,188,189.

название с. Гуниб в Дагестане – кьуни, употребленное классиком кумыкской литературы Й. Казакком и Гунибских гор (Кьуни тавлар) с вариантом Гуни тав в кумыкском фольклоре)¹.

2. Об ареальных пределах «страны гуннов» (хонов) по топонимическим и этнолингвистическим данным

Другие авторы², имея в виду, в частности, упоминание Клапротом тушинского названия верховьев р. Чанты-Аргун – Хона (Схона), гору Хони на территории Хевсуретии, поселение хонов, изгнанных, согласно сведениям одной из грузинских IX в. хроник, описывающих события IV в. н.э., халдейцами (т.е. урартийцами), где-то в верхнем течении р. Арагви и ее притоков с населяющими их в то время пховцами, мтиулами, целканцами и чарталийцами, не в IV в., а значительно раньше, считают, что страна хонов, видимо, включала часть Дагестана, горные территории Тушетии, Хевсуретии, Чечни и Ингушетии. При этом рядом с хонами «Армянская география» VII в. называют племена двалов и цанаров, [обычно] локализуемые в Центральной части Кавказского хребта³. Имея в виду вышеупомянутый процесс х->h->Ø, сюда следует присовокупить самоназвание дагестанских гунзибцев, территориально близких к рассматриваемому ареалу – гьунзагь, хунзалис и унзо⁴, а также гьонкос, гьонкьодалас⁵.

Сюда же следует, по всей видимости, присовокупить отождествляемую с гуннами и упоминаемую в «Армянской географии» VII в. крепость Хунаркерт⁶, а у Л. Мровели (XI в.)⁷ крепость Хунани на восточных рубежах Картли, на правом берегу р. Куры, к северу от ее притока Гаузчая (центр Гардабанской области, примыкавшей к южным пределам Тбилисского района), либо, имея в виду, что по мнению Л. Мровели, ранее она именовалась Мтверской («Крепость из пыли») отождествить ее с городищем Топрах (Торпаг-кала (ср. азерб. торпаг «почва, земля, грунт», кум. топрак «земля, почва»). Кроме того, эта крепость, согласно данным «Географии Грузии» В. Багратиони (XVIII в.), располагалась вблизи исторического Халхала (близ Акстафы) на территории албанской (V в. н.э.) провинции Ути на правом берегу р. Куры (!) у пересечения границ Иберии, Албании и Армении⁸.

Сюда же, на наш взгляд, можно отнести впервые упоминаемое в XIII в. название в форме Хуналул (азерб. Хыналыг) селения Хиналул в горной части Кубинского района северо-восточного Азербайджана, где проживают хиналулцы, представленные в данном населенном пункте – Хенелег. Его первая часть – хене – возводится к названию области Хени в северо-западной Албании, впервые упоминаемой Гевондом (VIII в.) и расположенной к северу от Куры в современной Шеки-Закатальской зоне Азербайджана, вторая – тюркский (азербайджанский) аффикс –лык, присоединенный к данному топониму, известному в X в. форме хина, в то время, как жители вышеупомянутой области были известны в источниках под названием хенук, хенукт⁹.

Анализ показывает, что все исторические изменения корневой части данного ойконима в соответствии с фонетическими закономерностями чувашского (булгарского) языка¹⁰ могут быть представлены в следующем виде: Хун(а)-←*Хон-→Хын(а)- в то время, как хин. Хен(е)- и алб. Хен(и) указывают на более поздний вариант (см. выше) Хун(а)-, так как в чувашском языке общетюркское *[у] может отвечать и [ы], и [e(ë)]¹¹. С другой стороны, самоназвание хиналулцев khet, или кат, упоминаемое в источниках I (кет) и V (гат) вв. н.э., при хиналулском названии их села Кетш или Кетъш¹² (ср. район Куткашена, где проживают удины), вторая часть которого отражает, по всей видимости, чувашский (ăш) репрезентант общетюркского ич «внутренняя часть, внутренность»¹³, т.е. «внутренность кетов», полностью совпадает с эндозтнимом носителей одного из ени-

¹ Волкова Н.Г. Указ. раб. С.128–130.

² Волкова Н.Г. Указ. раб. С.128,129.

³ Лугуев С.А., Ризаханова М.Ш. Гунзибцы // Народы Дагестана. М., 2002. С.252.

⁴ Исаков И.Л. Гунзибский язык // Языки Дагестана. Махачкала-Москва, 2000. С.391.

⁵ Джафаров Ю.Р. Указ. раб. С. 59,112 прим.16.

⁶ Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. М., 1979. С.23,47 прим.30; 48 прим.33, 35.

⁷ См.: Джафаров Ю.Р. Указ. раб. С. 58,59.

⁸ Гейбулаев Гиясаддин. Ойконимы шахдагских этнических групп // Сборник научных материалов «Кавказ и Дагестан. История. Культура. Традиции». Махачкала, 2002. Т.1. С.9–11.

⁹ См.: Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. С.149–152.

¹⁰ Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. С.151–152; Серебренников Б.А. К проблеме истории гласных чувашского языка. М, 1984. С.10.

¹¹ Гейбулаев Г. Указ. раб. С.12.

¹² См.: Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. С.388–389.

¹³ См.: Большая советская энциклопедия, 3 изд. Т.12. С.12,70.

равнинной (Малой) Чечне, а также в надтеречных чеченских селениях Макане (Мекен-Юрт) и Зебир-Юрт¹, основанных к началу XIX в. переселенцами из собственно Чечни.

Более ранним ареалом проживания чунгуровцев следует, видимо, считать с. Атаги (Атака), которое в числе прочих было уступлено в более раннее время эндиреевскими князьями Турловым (Терлав), которые и «населили эти места жителями Нашшага»² из Западной Нагорной Чечни, будущими собственно чеченцами (нохчай), которые проживали не в самом Аргунском ущелье, а западнее него) указывает на их выход из ущелья р.Чанты-Аргун. Показательно при этом, что одни исследователи³ включают Чунгар-ой в число основных корневых чеченских тайпов, другие⁴ не делают этого, что дает основание предполагать их не(вай)нахское происхождение и в силу того, что, соответствующий населенный пункт в Чечне с аналогичным названием, согласно сведениям А. Сулейманова, картографировавшего тайпы Чечни и общества Ингушетии, как обычно, отсутствует.

Рассматриваемые названия города и тейпа могут быть возведены к отсутствующему в древнетюркском языке кумыкскому слову чунгур «яма, впадина; воронка; ров»⁵ с параллелями в иных кыпчакских языках: киргизское чын «крутой горный обрыв», «неприступная гора», казахское шын «горная крутизна», кара-калпакское шунгкыр, башкирское сьнкэ «глубкий (о посуде)», при чувашском чанкă «крутой», «обрывистый», «крутизна»⁶, которые, в принципе, может быть заимствованы из кумыкского чонкь «яма; впадина»⁷ в булгарскую эпоху, так как чувашское а может отвечать общетюркскому *о/*ō, *у/*у, *ы/*ы⁸, а в ареально смежных татарском и чувашском языках соответствующие формы отсутствуют⁹. При этом сюда же следует присовокупить ногайское шонкьыр «яма, углубление», карачаево-балкарское чуньур «углубление, ухаб, рытвина; яма, впадина», что позволяет интерпретировать вышеприведенные слова на базе модели к.-калп. шунгкыр как сложение чонкь (кум.) + пратюрк. *кьыр «степь», «горное плато»¹⁰ (сравни кумыкское литературное Чонкьатав – название хребта, где тав «гора», Чонгарский полуостров и г. Чонгар в Крыму).

В указанном смысле обращает на себя внимание прямое соответствие рассматриваемой лексеме хасавюртовского диалектного чунгур, носящего системный (о~у) характер по отношению к кум.лит. чонгур «рытвина»¹¹. При этом к вышеприведенным формам следует присовокупить карачаево-балкарское цунг-нгур, куманское чугьур, караимское чукьур, чукьыр, чугьур, цугьур, джуьур, дзугьур, крымско-татарское чукьур «яма», «нора», «воронка», «впадина», корневая часть которых отождествляется с туркменским чунг «глубокий овраг», и -нгур считается отыменным аффиксом, присоединяемым к односложным именным и глагольным основам для образования существительных и прилагательных¹². Не исключено, что здесь, помимо вышеизложенного, представлен аффикс имени действия -ыр~ар~ур с незначительной субстантивацией соответствующих производных¹³. Переход же (Чун)гур>(Чун)гар может быть объяснен тем, что в тюркских языках гласные второго (безударного) слога, находящиеся рядом с сонантом, подвергаются сильной редукции или исчезают¹⁴.

Все это дает основание предположить прошлое тюркское (кумыкское) наименование *Чунгур-су (>Чунгарс) реки Чанты-Аргун, на которой располагался соответствующий «город», точнее, как будет показано ниже, общество, чье название было идентифицировано с названием реки (су) – Чунгур, каковое (см. выше) отвечает особенностям текущих горных водоемов. Данный факт весьма примечателен, так как свидетельствует, вопреки общепринятому мнению, о бытовании еще в булгарское, точнее, до VII в. н.э., время форм кыпчакской речи на Северо-Восточном Кавказе, как и о пребывании ее носителей кумыков – здесь, которым и принадлежат наименования Чунгурсу и Чонкьатау.

¹Бакиханов А.-К. Гюлистан-и Ирам. Баку, 1926. С.90.

²Мамакаев М. Чеченский тайп в период возрождения. Грозный, 1973. С.23.

³Дауев Саламу. Чечня: Коварные таинства истории. М., 1999. С.222.

⁴Кумыкско-русский словарь. М., 1969. С.361.

⁵См.: Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964. С.320.

⁶См.: Кумыкско-русский словарь. С.360.

⁷См.: Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. С.157.

⁸См.: Егоров В.Г. Указ. раб. С.320.

⁹См.: Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. С.194.

¹⁰Керимов И.К. Хасавюртовский диалект кумыкского языка. // Уч. зап. Дагестанского государственного женского пединститута. Махачкала, 1957. С.210.

¹¹Хабичев М.А. Карачаево-балкарское именное словообразование. Черкесск, 1971. С.210.

¹²Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). С.170.

¹³Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. С.67.

¹⁴Гмыря Л.Б. Страна гуннов у Каспийских ворот. С.82–83.

5. Вабандар

Эта территория относится вместе с прочими к числу политических центров Прикаспия VIII в. и впервые упоминается ал-Куфи (X в.) в описании военной операции 722/723 гг. во главе с Джаррахом, когда последний после захвата Баланджара, отправился из этой области и «прибыл на территорию Вабандар», где имелось 40 тыс. домов. У ибн ал-Асира (XII-XIII вв.), «выступив из Баланджара, ал-Джаррах расположился у замка Олубандар (вариант Олугбендер), в котором было 40 тысяч тюркских домов (семей) и заключил с ним мир на условиях уплаты ими ежегодно определенной суммы». Других сведений в Вабандаре в источниках нет. По косвенным данным можно судить, что ближайшим соседом Вабандара было «владение Баланджар», находившееся к востоку от него¹.

По данным Гадло², еще ат-Табари-Балами (IX-X вв.) передает название этого «города» как Вабандар, а Ибн ал-Асир – «Олубандар» (вариант Олугбендер), причем имя «города»-«замка» явно включает, по мнению этого ученого, тюркское слово улу(улуг) – большой, великий и представляет собой одно из племенных объединений в глубине северокавказской степи.

Учитывая, что, действительно, собственно тюркский вариант первой части (олу-олуг) названия данного наименования означает великий (см. выше), которая присуща древним и новым восточнотюркским языкам³, а вторая –андар(-ендер) может быть соотнесена с аналогичной в Самандар (Семендер) и кум. Эндирей (Эндери), тюрко(булгаро)язычность которых обосновывается нами в специальной публикации⁴, представляется возможным отождествить с потенциально булгарским *ваб-репрезентатом корневой части древнейтюркской и мамелюкско-кыпчакского слова йавлак в значении «великий», «огромный», «страшный», широко представленного с иной семантикой в прочих живых и мертвых тюркских языках при общетюрк. йаблак (плохой), где -лак – суффикс⁵. Имея же в виду присущее лишь булгаризмам лакского⁶ и кумыкского (диал. варкъанат «летучая мышь» при яркъанат то же⁷) языков соответствие анлаутного в-, отвечающего й- в других тюркских языках, можно предположить ту же семантику и для рассматриваемого ваб- в условиях, когда часть андар/-ендер, как было установлено нами в отмеченной выше публикации, может означать «спуск», т.е. «великий, огромный, страшный спуск».

Что касается локализации данного города – замка, или страны, то обращает на себя внимание чеченское вӕррӕ, ингушское фӕррӕ устаревшее «житель Мецхальского общества в горной Ингушетии», первичный облик которого можно восстановить в виде *vab-⁸. Фаппинцами называют и жителей другого соседнего ингушского общества Жӕйрах (Джайрах). Западной их границей в Дарьяльском ущелье по р. Терек являлось с. Гвиели (Гиелта) нынешней Грузии, расположенное к югу от Ларса в Северной Осетии и к северу от Казбеги в Грузии, восточной – собственно ингушские общества Хамх и Цхъарой, на юге – Хевсуретия и Хеви (мохевцы). По легендам и преданиям, в древние времена здесь жили жиели (джелти)⁹, название которых представляется возможным отождествить с казахским жал «гребень, хребет горы, горная гряда» общетюркского характера¹⁰ при том, что анлаутный дж- указывает не столько на относительно позднее кыпчакско-ногайское, сколько, возможно, на среднебулгарское¹¹, если иметь ввиду поволжские памятники XIII-XIV вв., происхождение, а также на источник дунайско-булгарского типа¹².

При этом произведенная (на *ваб-) реконструкция и прошлое пребывание нонов в Тушетии подтверждается тем, что, во-первых, в этногенетических преданиях бацбийцев, или цова-тушин, их прародиной считается местность Вабуа, имя которой связывается с термином ваппи (фӕппи), и, во-вторых, пирикитские тушины, называя всех тушин бацбийцами, выделяют из них группу с нахским языком, именуя последних ваппий (ед.ч. – ваппуо). Фӕппий называют бацбийцев и жители Джераховского ущелья (собственно феппинцы). По мнению собственно ингушей (галгаев-

¹Гадло А.В. Указ. раб. С.121.

²См.: Севортыан Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. С.892.

³Гусейнов Г.-Р.А.-К. Еще раз о городе Семендере, хазарах и их языке // Вести Кумыкского научно-культурного общества. 2002–2003. №8-10. С.24–25.

⁴См.: Севортыан Э.В., Левитская Л.С. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1989. С.47.

⁵Джидалаев Н.С. Тюркизмы в дагестанских языках. М., 1990. С.22.

⁶Кадыраджиев К.С. Язык и история // Советский Дагестан, 1971. №4.

⁷См.: Иманайшвили Д.С. Историко-сравнительный анализ фонетики нахских языков. Тбилиси, 1977. С.202, 204, 188.

⁸См.: Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Грозный, 1978. С.7, 17.

⁹См.: Севортыан Э.В., Левитская Л.С. Этимологический словарь тюркских языков. С.85, 86.

¹⁰См.: Ахметьянов Р.Г. Указ. раб. С.12.

¹¹Хакимзянов Ф.С. Булгарский язык // Языки мира. Тюркские языки. М., 1997. С.49.

¹²См.: Волкова Н.Г. Указ. раб. С.161, 167–169.

цев), фяппий, живущие за хребтом в Грузии, тождественны хевсурам. Некоторые ингуши выделяют в своей стране, помимо прочих шахаров (городов!), Фяппишахар (Фяппи-город), который располагается ниже собственно ингушей, которые жили первоначально высоко в горах. При этом, несмотря на то, что обе группы говорят на одном языке («люди одного языка»), ощущение этнических различий между ними, особенно среди жителей горных селений, сохраняется до сих пор, причем собственно ингуши (галгаевцы) считаются социально более привилегированными, ибо в прошлом за убийство одного галгаевца следовало убивать двух фяппинцев¹.

Надо полагать, что, если иметь в виду сообщение Прокопия (V в.) о принадлежности в конце V в. при императоре Анастасии (491-518 гг.) вышеупомянутого Дарьяльского прохода «гунну Амбазуку», имя которого традиционно отождествляется с иранским (осет. Амбазук - «равноплечий») источником², что соответствующая область еще в указанное время входила в состав «страны гуннов». Тем более что, по данным того же Прокопия в интерпретации А.В. Гадло³, имел место «прецедент относительно раннего проникновения гуннских групп в горы Западного Кавказа» – в 549-550 гг., а на рубеже V-VI вв., по Прокопию, Дарьяльский проход еще не входил в область политического господства алан, ибо «крепость и Каспийские ворота» в его понимании принадлежали гуннскому предводителю Амбазуку⁴. При этом имя Амбазук может интерпретироваться не только на иранском, но и тюркском материале, если иметь в виду, что осетинское bæz-гун «толстый» общеиранского уровня⁵, отложившемуся в финно-угорских языках⁶, отвечает кумыкскому, карачаево-балкарскому, караимскому базыкъ то же, азербайджанскому базбурудлу «стройный, статный, представительный», кумыкскому, карачаево-балкарскому мазаллы «крупный, здоровый, рослый» (кумыкское), «большой, огромный, гигантский» (карачаево-балкарское), возможно, свидетельствующим об изначальной давности (-б>м- или м->-б) соответствующих контактов. И это в условиях, когда первая часть рассматриваемого антропонима может быть отождествлена с общетюркским «ан» «дичь, предмет охоты», к числу значений, которого в конкретных тюркских языках относится понятие «зверь, хищное животное», первое из которых совпадает с монгольским «ан(г)» «зверь»⁷, т.е. в конечном счете зверь, обладающий перечисленными выше качествами, что представляется более убедительным, чем явно натянутые «осетинское» слово в значении «равноплечий», каковое, в принципе, не имеет смысла.

Все пространство, занятое вышеупомянутыми ингушскими, в том числе Фяппинским, обществами, представляет собой направленный в сторону г. Владикавказа (по Военно-Грузинской дороге) спуск, расположенный между двумя вершинами – Казбек (5033 м) и Шан (4451 м) и занятый многочисленными башенными поселениями, не только построенными, по народным преданиям, теми же джелтами⁸, но и имеющими в значительной своей части тюркские⁹, в т.ч. болгарские¹⁰, названия, чем, в конечном счете, оправдывается вышеупомянутая характеристика Вабандара как «города-замка». В указанном смысле (тюркское (болгарское) происхождение фяппинцев) становится понятным кумыкское происхождение (от къакъалы «ущельный») самоназвания собственно ингушей - Кхаькхаьла¹¹, язык которых, надо думать, распространился среди фяппинцев относительно поздно, если иметь в виду, что миграция вайнахских племен из Закавказья в нынешнюю юго-западную нагорную Чечню (общества Нашаха и Галай) происходила в конце раннего – начале позднего средневековья с последующим распространением отсюда соответственно на восток и запад будущих чеченцев и (собственно) ингушей в смежные горные и предгорные районы в XVI-XVII вв.¹²

В заключение отметим близость рассматриваемого этнонима к названию гуннского и болгарского рода hon ogur с вариантом on ogur, а также к мужскому имени собственному у сабиров и

¹См.: Гадло А.В. Указ. раб. С.91.

²Гадло А.В. Указ. раб. С.91.

³Гадло А.В. Указ. раб. С.98.

⁴Абаев В.И. Указ. раб. С.257.

⁵Гамкрелидзе Т.В., Иванов В. В. Индоевропейские языки и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. С. 929.

⁶См.: Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. С.152.

⁷См.: Арсамаков Б.И. Аз и мы. Назрань, 2001. С.9.

⁸Арсамаков Б.И. Там же.

⁹Гусейнов Г.-Р.А.-К. О тюркизмах в топонимике Дарьяла и ДжГайраха (заметки на полях книги Б.И. Арсамакова «Аз и мы») // Материалы 3-й межвузовской научной конференции «Проблемы региональной ономастики». Майкоп, 2002. С.70–73.

¹⁰Гусейнов Г.-Р.А.-К., Ольмесов Н.Х., Хангишиев Дж. М. Рецензия на кн.: Арсамаков Б.И. Аз и мы // Вести Кумыкского научно-культурного общества. 2001. Вып.2–3. С.72.

¹¹Кобычев В.П. Расселение чеченцев и ингушей в свете этногенетических преданий и памятников материальной культуры // Этническая история и фольклор. М., 1977. С.183-184.

¹²Баскаков Н.А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». С.37,48.

гуннов, отождествляемого с вышеупомянутым этнонимом, в котором также имел место процесс утраты начального *h*¹. При этом (*h*)оногуры упоминаются в первой половине VI в. в числе народов, живущих за Каспийскими воротами, т.е. на территории междуморья к северу от Кавказа, где еще с конца V в. господствующее положение в восточном Предкавказье занимают савиры (сабиры), которые вытеснили отсюда в числе прочих племен и (*h*)оногуров². Не случайно, видимо, как уже отмечалось в предшествующем изложении, впервые «страна *ho*нов» упоминается именно в том же V веке.

В указанном смысле показательным является сообщение Л.Мровели, согласно которому «Хозоних, что был самым знаменитым в роду Лекана, ушел в горную теснину, воздвиг там город и дал ему свое имя Хозанихети»³, т.е. в конечном счете *Хонзаних, отождествляемый с нынешним Хунзахом. В названии последнего обращает на себя внимание его вариант, с одной стороны, приводимый в X в. ал-Масуди – Хумрадж, с другой – упоминаемое в «Картли Цховреба» в связи с монгольским нашествием XIII в. Гундзети и гундзы⁴. С точки зрения фонетических закономерностей тюркских языков наличие начальных *x*- и *g*- не только еще раз указывает на уже упоминавшееся исходное **qo*п-, но и на болгарское происхождение варианта Хумрадж, если иметь в виду при сравнении с формой Хунз наличие чередования *з*//*р* – ротацизма, известного всем болгарским диалектам – кубанскому, волжскому и дунайскому⁵, а также *-h*-м, что присуще чувашскому языку и считается в нем очень древним⁶, т.е., как минимум, восходящим к болгарской эпохе. Последнее обстоятельство позволяет предполагать развитие из вышеупомянутого исходного **qo*п этнонима кумыков, который еще в XVII в. был известен в форме *Komuck*⁷.

Не исключено, что эта форма могла отложиться и в самоназвании андийцев *кь*Ваннал, в котором *-ал* – показатель множественного числа, а *-нн*- могло развиваться из исходных *-нл*- или *-нд*-⁸, что указывает на исходное **кь*Юнл-/ **кь*Юнд-, если допустить передачу посредством лабиализованного *кь*В- тюркского **qo*-, ибо лабиализация сочетается в этом языке с велярными и увулярными согласными⁹. Имея же в виду, что в пратюркском в определенный период *n* и *l* не различались в середине слова¹⁰, можем полагать исходную форму данного этнонима в виде **qo*пla, где *-la* представляется возможным интерпретировать как чувашскую (болгарскую) разновидность тюркского аффикса *-лик*/-*лиг*¹¹, который обозначает в некоторых тюркских языках значение места совокупного расположения предметов, а также место жительства¹², т.е. «проживающий в населенном пункте с названием **qo*п» (ср. вышеупомянутое кумыкское название Гуниба – *Кь*уни).

Таким образом, практически все рассмотренные в предшествующем изложении этнонимы имеют болгарское происхождение в условиях, когда начальный **q*-, сохранившийся в кумыкском и андийском, представлен в большинстве болгарских диалектов, за исключением волжско-болгарского, где наблюдается его переход в *x*-¹³, как, впрочем, и в болгаризмах венгерского языка¹⁴. При этом, учитывая ойконим *Кь*уни, можно предполагать в качестве производящей (мотивирующей) основы пратюрк. **qo*п- «останавливаться на ночлег», «оседать»¹⁵, от которого при помощи древнейшего (реликтового) аффикса имени действия *-i*¹⁶, могла образоваться вышеупомянутая форма **qo*пi со значением «осевший», в отличие, по всей видимости, от кочующих этносов, какие, в принципе, были в истории человечества первичными. Сюда же относятся и этнонимы *qo*пuq и *qo*пaп (куманы среднерусских степей), корневая часть которых (*qo*п-) в силу отмеченных выше закономерностей может быть возведена к историческому **qo*п-, а аффиксальные

¹Гадло А.В. Указ. раб. С.52,55,59.

²Мровели Л. Указ. раб. С.25.

³Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. Указ. раб. С.240–241,289.

⁴Хакимзянов Ф.С. Указ. раб. С.49.

⁵Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Фонетика. С.336.

⁶Ханмурзаев К.Г. Дагестанские мотивы в поэзии Пауля Флеминга // Вестник ДГУ. 2004. Вып.6. С.31.

⁷Саидова П.А. Андийский язык // Языки Дагестана. С.275, 278, 279.

⁸Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. М., 1990. С.321.

⁹Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Фонетика. С.336.

¹⁰Левитская Л.С. Историческая морфология чувашского языка. М., 1976. С.126-127.

¹¹Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). С.104–105.

¹²Хакимзянов Ф.С. Указ. раб. С.49.

¹³Ахметьянов Р.Г. Указ. раб. С. 12.

¹⁴См: Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. С.194.

¹⁵Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). С.166.

¹⁶Там же. С.172–173.

части восходят к аффиксам имен действия, полностью перешедших в разряд существительных и прилагательных¹, причем в первом этнониме аффиксальная часть традиционно интерпретируется аналогичным образом².

Тем самым другая, наиболее распространенная этимология данных обозначений, связывающая их и с этнонимом кыпчак на основе цветового признака³, носит нерелевантный характер, ибо в конечном счете кумык и куман означают «оседлый». О том, насколько древним было пребывание предков кумыков на (Северном) Кавказе, свидетельствует упоминание в нартском эпосе кумского человека (кумака), Кумской (Гумской) равнины (долины).

М.Б. Гимбатова

НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА И ЛЕЧЕБНАЯ МАГИЯ НОГАЙЦЕВ (XIX–НАЧ. XX В.): РАЦИОНАЛЬНЫЕ И ИРРАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ЛЕЧЕНИЯ

Народная медицина является составной частью быта и культуры народа, областью народных знаний, включающих в себя представления о болезнях, их возникновении, протекании и лечении, методы и средства, применяемые при лечении, а также обряды и ритуалы, им сопутствующие⁴.

На протяжении многих веков у ногайцев, как и у других народов Дагестана, происходило накопление положительного лечебного опыта, что позволяло им успешно лечить некоторые заболевания. Отсутствие лечебных учреждений и квалифицированной медицинской помощи вынуждало людей заботиться о собственном здоровье, здоровье своей семьи и потому почти в каждой семье имели представления о целебных свойствах лечебных трав, молока, мяса и жира диких животных, которые широко применяли не только в лечебных, но и в профилактических целях.

Среди ногайцев были искусные лекари, которые были известны как в своем селе, так и далеко за его пределами.

Лечением людей занимались и мужчины, и женщины. Так, в свое время люди обращались за помощью к Самиев из Биарслана, Тамбике из Кумли, Патимат Магомедовой из Наримана, Терекбаю Терекбаеву из Арсланбека, Суюндук из Бекер-аула, Коккоз Молле из Есалы, Оразган Аджиниязовой из Бабаюрта.

Услугами ногайского лекаря воспользовался и русский писатель Л.Н.Толстой во время прохождения военной службы на Кавказе. В его записях сохранились такие воспоминания: «Ногаец Аип лечил мое горло порошком чернильного ореха. Он уверяет, что гладкий орех полезен для мужчин, а шишковый для женщин»⁵. Ногайские лекари, помимо собственных наблюдений, накопленного годами опыта, в своей практике использовали богатое наследие восточной медицины. Известно также, что ногайские лекари пользовались арабо-татаро-латино-русским фармацевтическим словарем, книгами по фармакологии, очень популярна была книга на татарском языке «О пользе членов и о сохранении здоровья»⁶.

Много пословиц и поговорок о здоровье дошли до наших дней. Так, ногайцы говорили, что «Болезнь с коня свалит» («Авырув аттан йыгар»), «Здоровый больного не поймет, сытый голодного не поймет» («Авырув кадинин сав билмес, аш кадинин ток бильмес»), «Больной Аллаха вспоминает» («Авырган алласын эскерер»), «Если нет здоровья – богатство зачем» («Савлык йок болса, байлык неге керек»), «Если есть здоровье, каждый день праздник» («Савлык болса, аьркуьн байрам»), «Богатство бедняка – здоровье» («Савлык ярлыдынь байлыгы»), «Чистота – залог здоровья, здоровье – залог богатства» («Газалык – савлык басы, савлык басы – байлык басы»).

В некоторых поговорках содержались и полезные советы: «Кто держит ноги в тепле, тот не заболит» («Аягын йылы саклаган авырмас»), «Кто мало ест и долго жует, тот не заболит» («Аз ашап, коьп шайнаган авырмас»), «Хоть голова не покрыта, ноги пусть будут в тепле» («Бас ашык

¹Еремеев Д.Е. К семантике тюркской этнонимии // Этнонимы. М., 1970. С.135.

²Копонов А.Н. К этимологии этнонимов кыпчак, куман и кумык // Ural-Altische Jahrbucher. Wiesbaden, Band 48.

³Аджиев А.М. Дальние дороги песни. Махачкала, 1977. С.35.

⁴ Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 4. М., 1989. С. 71.

⁵ Л.Н.Толстой на Кавказе. Подготовка текстов Б.С.Виноградова //Труды ЧИНИИ. Т. III. Грозный, 1961. С. 80.

⁶ Курмансеитова А.Х. Бытование арабописьменной книги у ногайцев//Современный быт и культура народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1990. С. 174.

болса, да, аяк йылы болсын»), «Если живот болит – не ешь, если глаза болят – руками их не трогай» («Йшинь авырса тамагыңды тый, козынь авырса, колыңды тый»).

Люди с сочувствием относились к больному. Больного навещали не только близкие родственники, соседи, но и знакомые из близлежащих аулов. Больному приносили продукты питания: молоко (суьт), сыр (пыслак), творог (ырымшик), мед (бал) и т.д. Его пытались всячески развеять, поднять настроение, желали скорейшего выздоровления и здоровья всей его семье, советовали обратиться к известному лекарю.

Ногайские лекари неплохо разбирались в анатомии и физиологии человека. Среди них были искусные массажисты. Некоторые болезни они лечили с помощью мануальной терапии.

Большой известностью пользовались костоправы (суьек уста), «яракшы» – (знаток костей). При вывихе или смещении поломанной кости ее приводили к нормальному положению путем вытягивания, вправления и массажа. На перелом накладывали дощечки-лубли и бинтовали тряпкой. Чтобы повязка затвердела, ее предварительно обмазывали тестом или намазывали. Известны были и другие способы фиксации кости: например, поврежденный участок обматывали бинтом, смазанным яичным белком. В других случаях накладывали свежесодранную шкуру барана, которая ссыхалась и образовывала тугую повязку¹. Последний способ был известен карачаевцам².

Народные лекари знали о пользе и целебных свойствах трав и широко применяли их как в свежем виде, так и в виде сухого порошка, использовали их корни и семена, делали из трав настои, отвары. Сбором лечебных трав занимались весной в период цветения, летом и осенью в зависимости от того, когда растения набирали целебную силу и насколько были полезны. Траву собирали не только лекари, но и простые ногайцы, в основном женщины и дети. Порой это событие превращалось в настоящее празднество.

Ногайские врачеватели успешно лечили внутренние болезни, инфекционные, кишечные заболевания, болезни головы, горла и носа, суставов, нервно-психические заболевания, детские болезни и гинекологические.

Сердце (юрекъ) ногайские лекари считали одним из важнейших органов человеческого организма. Болезнь сердца трудно поддавалась полному излечению. Больному рекомендовали покой, запрещали заниматься тяжелой физической работой, поили настоем подорожника («бака япрак») и давали черную редьку («кара туры») с медом. Табасаранские лекари при болях в сердце также рекомендовали своим больным принимать мед в смеси с черной редькой³.

При бронхите, кашле больного лечили барсучьим жиром, кислым молоком с толченым чесноком.

При лечении желудочных заболеваний использовали отвары из листьев подорожника, а также из травы «сар балак». В ход шли корни этого растения, в которых содержался желтоватый сок. Корни «сар балака» тщательно мыли, затем кипятили, делали настой и давали пить больному.

При болях в желудке для больного готовили также хинкал, халпаму из кукурузной муки с конским жиром.

Печеночные заболевания были также не редкостью. Для таких больных лекари рекомендовали делать отвар из конопли («кендир») и пить три раза в день.

При вздутиях живота ногайские лекари замешивали тесто с добавлением травы любисток («шийбой») и сметаны: раскатав его, прикладывали к животу. Практиковали и другой способ: на ночь живот смазывали сметаной, сверху посыпали измельченным калмыцким чаем, солили и перевязывали платком синего цвета.

При рвоте, отравлении больного поили простоквашей, айраном, а при изжоге, помимо перечисленных молочных продуктов, давали еще бульон из ягнятины. Лечение кисломолочными продуктами желудочно-кишечных заболеваний проводили и ботлихские лекари⁴. Растройство желудочно-кишечного тракта останавливали с помощью конского жира и чеснока: в горячую воду запытали немного муки, варили ее, постоянно помешивая, и за 5 – 10 минут до кипения добавляли чеснок и конский жир и уже готовую смесь, остудив, давали пить больному.

Ногайские лекари умели вправлять пупочную и паховую грыжу, осторожно массируя пальцами. «Ставить пупок на место» умели и горские лекари⁵.

Многолетние наблюдения за протеканием заболеваний и применение различных методов в их лечении позволяли лекарям выделять наиболее эффективные из них. Еще в XIX веке ногайские лекари пытались бороться с такими опасными инфекционными заболеваниями, как туберкулез, эспа, малярия, уносившими десятки тысяч людей.

¹ Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И. Ногайцы: Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1988. С. 194.

² Карачаевцы: Историко-этнографический очерк / Отв. ред. Л.И.Лавров. Черкесск, 1978. С. 278.

³ Алимова Б.М. Табасаранцы XIX – начала XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1992. С. 219.

⁴ Алимова Б.М., Магомедов Д.М. Ботлихцы XIX – нач. XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1993. С. 164.

⁵ Булатов Б.Б., Лугуев С.А. Духовная культура народов Дагестана в XVIII – XIX веках (аварцы, даргинцы, лакцы). Махачкала, 1999. С. 116.

Больших успехов ногайские лекари добились в лечении туберкулеза. Лечили туберкулез кумысом (кобыльим молоком) при соблюдении особой диеты. К ним съезжались из разных уголков Дагестана. Так, по словам информатора Й.Агаспарова, к его деду Амангельды приезжал кунак, даргинец по национальности, пить кумыс. Кумыс готовили по особому рецепту и давали пить больному по стакану три раза в день до еды¹.

Пытались лечить и оспу. Пораженные оспой места прижигали горячим войлоком, затем смазывали сливочным маслом и прикладывали горячую деревянную ложку. Такое лечение не всегда приносило желаемый результат, и все же за жизнь больного боролись до конца.

Больных малярией лечили при помощи шоковой терапии. Лекарь рекомендовал родственникам больного в тайне от него самого сбросить больного в водоем так, чтобы для больного это было неожиданностью. Искушавшись, таким образом, в воде, испытав своего рода шок, больной, обсохнув, как говорили, выздоравливал.

Дефицит воды и мыла в степи способствовал возникновению и распространению среди населения кожных заболеваний. Иногда источником и разносчиком инфекций являлись животные. Заражение чесоткой (кышув), лишаем (кемереу) происходило быстро. До сих пор у ногайцев существует пословица «Кышув тиймесе, аьдем касынмас» («Если чесотка не пристанет, человек не зачесется»). Избавиться от чесотки (кышув) помогал свиной (орагъажа). В высушенный и измельченный до порошкообразного состояния свиной добавляли немного пороха и сливочного масла, все тщательно перемешивали и полученной массой смазывали участки тела, пораженные чесоткой. Через два дня процедуру повторяли, и так до тех пор, пока больной полностью не выздоровеет. Топленным маслом лечили чесотку у детей.

Существовал еще один способ против чесотки: сыворотку кипятили, отстаивали, осевшую на дне после кипячения белую массу, похожую на творог, перемешивали с топленным маслом и смазывали больные места.

Лишай (кемереу, куьнтаз), как и чесотка, также был распространенным кожным заболеванием. Лишай лечили с помощью химического карандаша. Пораженное лишаем место обводили химическим карандашом и внутри очерченного круга писали две-три арабские буквы.

Такие методы лечения кожных заболеваний приносили определенные результаты, но решить эту проблему полностью все же не удавалось. Ногайским лекарям удавалось лечить различные раны, нарывы, фурункулы.

Например, при лечении фурункула использовали грудное молоко. Если фурункул (шуба) был у мужчины, то к больному месту прикладывали лепешку, замешанную на грудном молоке, которым вскармливали девочку, и, наоборот, если фурункул был у женщины, то лепешку замешивали на грудном молоке, которым вскармливали мальчика. Лепешку меняли до тех пор, пока фурункул не прорвется и весь гной не вытечет.

К фурункулам, нарывам прикладывали подорожник (бака япрак, каратаспа), как средство, вытягивающее гной и способствовавшее быстрому заживанию ран. Нарывы прижигали и горячим железом. Сырое мясо ягненка протыкали раскаленным на огне гвоздем и тут же прикладывали к нарыву и так повторяли три раза.

К открытым ранам прикладывали тесто, замешанное на яичном желтке с добавлением соли (шырш).

К кровоточащей ране лекарь прикладывал жженный войлок, который выполнял функцию кровоостанавливающего и антисептического средства. На раны посыпали и высушенную полынь (ювсан), измельченную до порошкообразного состояния. Такой порошок женщины клали мужчинам в дорогу.

Человеку, которого укусила собака, в целях предотвращения у него заражения крови, делали следующее. В рваную рану запускали блоху укусившей собаки, сверху прикладывали тесто и перевязывали куском материи. Повязку и тесто в течение месяца периодически меняли. По мнению ногайских лекарей, блоха высасывала «грязную» кровь и тем самым не давала инфекции распространиться по всему организму.

При укусе змеи лечили девясилем (андыс). Его применяли при лечении многих заболеваний. У ногайцев есть поговорка: «Андызды ердинь аты оьлмес» («В тех местах, где растет девясил, лошадь не сдохнет»).

Лечили и ожоги. При ожогах использовали высушенные и измельченные до порошкообразного состояния грибы и гусиный жир (каз май).

Среди ногайских лекарей широко было распространено лечение пиявками (суьлик). Их использовали для вытягивания дурной крови при болях в ногах, кровоточащих трещинах на губах и т.д.

¹ Агаспаров Й.А., 72г., с. Терекли-Мектеб П.З. 15.08.2001г.

Головными болями страдали в основном люди старшего поколения (бас авырув), лекари в таких случаях говорили, что у больных в лобной части головы скапливалась «плохая» кровь и, чтобы избавиться от нее, необходимо сделать кровопускание. Не каждый лекарь мог делать кровопускание, т.к. необходимо было знать, где скопилась кровь и в каком месте сделать надрез. Больного усаживали на тахту, поблизости держали таз для сбора крови. Пациенту брили голову именно там, где намечалось сделать надрез, нащупывали нужную вену и делали три небольших надреза, и при помощи специально приготовленного для этой процедуры рога (шертки) с кусочком бараньей кожи на конце, чтобы не поцарапать кожу головы, вытягивали плохую кровь, которая стекала прямо в таз. Лекарь чувствовал по состоянию больного, когда надо было прекратить процедуру и останавливал кровь, прикладывая к кровотокающим надрезам горячий войлок. Через некоторое время больной вставал и уже вполне здоровый отправлялся домой. При головных болях лечение кровопусканием практиковали многие лекари Дагестана, в частности табасаранские и хваршинские лекари¹.

Ногайские лекари знали о пользе лечебных средств животного происхождения и использовали при лечении различных заболеваний органов головы. Так, при отите (воспалении уха) лекарь растапливал нутряной жир лисы и закапывал его в ухо. Или высушенный член лиса замачивали в кипятке и в теплом виде затыкали в ухо и перевязывали теплым платком. К больному уху также прикладывали теплую пресную пересоленную лепешку.

При сильной ангине сначала массировали шею, предварительно смазав руки сливочным маслом, затем, перетянув платком подбородок, подтягивали его кверху трижды, произнося при этом «Бисмилла».

При заболеваниях горла, кашле больного поили молоком с козьим жиром, с медом. Отличным средством, используемым при насморке, был сок дикого лука.

При заболевании глаз (коз авырув) разбавляли мед в кипяченой воде и этим раствором промывали глаза. Такой метод лечения глаз был известен и большинству горцев².

Глаза лечили также детской мочой. Интересно, что, если глаза болели у мужчины, то их промывали мочой девочки, и наоборот, если глаза болели у женщины, то промывали их мочой мальчика. Известно также, что детской мочой лечили глаза аварские и лакские лекари³.

Зубную боль останавливали почти в каждой семье самостоятельно, для этого использовали семена травы «телмизан». Когда собирали семена «телмизана», то к ее корням обязательно закапывали монеты, как бы покупая их у травы. Старики объясняли это тем, что траву клали к покойнику из-за ее приятного запаха, и если якобы не откупиться чем-нибудь, то она обязательно придет за «долгом» в семью человека, который собрал ее семена и заберет с собой одного из членов семьи.

Собранные семена доводили до кипения в небольшом тазу, затем снимали с огня и быстро, пока пар не улетучился, подводили к нему больного. Он должен был стоять, нагнувшись над тазом, накрытый сверху покрывалом, и вдыхать открытым ртом пары этого отвара. По свидетельству информаторов после такой паровой бани в отвар из полости рта падали мелкие зубные черви и зубы уже не болели.

Лечили зубы и отваром из семян дурмана (дувшоьлмек), его закапывали в дупло больного зуба. Отваром из семян дурмана полоскали больное горло, парами отвара дышали при насморке.

Ногайские лекари успешно лечили болезни костно-мышечной системы. Для лечения использовали грязи, горячий песок, отвары, делали пропаривания, обтирания. Так, при радикулите (бел авырув) использовали заячью шкурку. Ее должны были тщательно высушить, обильно посыпать солью и только после такой обработки применять в лечебных целях. Прежде чем приступить к лечению, лекари заранее делали солевой раствор, укладывали больного на тахту и протирали приготовленным раствором больные участки тела, затем обвязывали заячьей шкуркой. Использование соли и тепла давало почти всегда положительные результаты.

Ломоту в суставах (ел авырув) лечили горячей сывороткой. В большом казане грели сыворотку (пыслак сув) и укладывали в него больного, покрыв сверху одеялом. Больной парился до тех пор, пока раствор был горячим. Как только сыворотка становилась теплой, его поднимали, быстро заворачивали в теплое одеяло, чтобы тело не остыло. Обычно такую процедуру проводили в вечернее время, чтобы больной мог сразу лечь спать. Этот способ лечения считался очень действенным. Сывороткой ломоту в суставах лечили и табасаранские лекари⁴. При ломоте суставов использовали также медвежий жир (аюв май), им растирали больные ноги, руки. Остеохондроз (бел сызлап авырув) лечили путем закапывания человека по голове в горячий песок.

¹ Алимова Б.М. Указ. раб. С.221; Мусаева М.К. Хваршины XIX – начала XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1995. С. 191.

² Булатов Б.Б., Лугуев С.А. Указ. раб. С. 127.

³ Там же. С. 127.

⁴ Алимова Б.М. Указ. раб. С. 220.

Ногайские лекари знали о целебных свойствах серной воды (коькирт сув) и грязей и рекомендовали их своим больным. Лечение суставов целебными источниками и грязями предписывали также аварские, даргинские и лакские лекари¹.

Большое внимание взрослые уделяли здоровью детей. Среди детских заболеваний наиболее распространенными являлись простудные и инфекционные заболевания. Родителям ребенка, заболевшего корью, ногайские лекари рекомендовали давать сладости и подслащенное молоко. Высокую температуру сбивали с помощью мыла. Тело больного намыливали и укрывали теплым одеялом на сутки: у сильно пропотевшего ребёнка температура тела приходила в норму и простуда отступала.

Одно из распространенных детских заболеваний - скрофулез (золотуха) лечили с помощью отвара полыни. В течение нескольких дней больного золотухой обмывали отваром из полыни (ювсан), пока признаки заболевания не исчезали.

Использовали полынь и при рахите. Одежду больного ребенка окунали в отвар полыни, высушив, надевали на него, а на ночь полынь клали под его матрац.

Ногайские лекари успешно лечили и такие детские заболевания, как энурез (ночное недержание мочи). Для излечения использовали старый помет зайца. Помет толкли, просеивали через марлю, полученный порошок добавляли в пищу больного в течение трех дней. Этот способ лечения почти всегда приносил положительные результаты. Взрослые женщины и сейчас используют этот метод для лечения энуреза. Во всех остальных случаях детей лечили точно так же, как и взрослых.

Женские болезни лечили в основном женщины-лекари. Их лечению поддавались такие заболевания, как мастит (воспаление молочных желез), эндометрит (воспаление матки).

Так, мастит (эмшек авырув) лечили отваром травы «телмизан». Ее использовали как в сухом, так и в свежем виде. Из этой травы готовили отвар и давали пить женщине. Эндометрит лечили паром отвара полыни. Женщины-лекари в небольшом количестве воды кипятили полынь в маленьком тазу, затем сажали больную женщину на этот таз, точно на горшок, окутав сверху плотной материей. Так больная сидела до тех пор, пока отвар не остынет. Пары отвара полыни благотворно влияли на здоровье женщины. Молодые женщины о целебных свойствах полыни узнавали от пожилых, которых в свое время лечили лекари, и при первых признаках болезни занимались самолечением, в точности выполняя процедуру. Аварские женщины в целях предупреждения нежелательной беременности пили натошак и перед сном по стакану отвара полыни².

Молочницу лечили с помощью пенки, получаемой при сжигании ивы (гал). Собирали ветки ивы и жгли ее на костре. При сжигании ива выделяла пенистую жидкость. Как только на ветках появлялась эта жидкость, костер быстро тушили и ею смазывали детородный орган. Жидкость, получаемая таким способом, применялась, скорее всего, как дезинфицирующее средство.

Ногайские лекари имели представление о возможных отклонениях внутриутробного развития плода, умели распознавать их. Так, при неправильном положении плода путем массажа поворачивали его в нужное положение. А при опущении плода (бала щекъен) лекарь с помощью еще двух – трех женщин брал за ноги женщину-роженицу и, держа вниз головой, тряс ее, затем укладывал на спину и делал массаж нижней части живота. Сначала лекарь массировал живот легкими встречными движениями, постукивая пальцами, затем легкими шипковатыми движениями. Все движения повторялись по три раза. После массажа низ живота обвязывали платком и завязывали узел на уровне пупка. Таким способом плод возвращали в правильное положение.

Большое внимание уделялось питанию будущих мам. Беременной женщине давали самый лучший кусок со стола. Все питательные продукты доставались кормящей матери. Для беременной женщины специально впрок заготавливали «курт» - это кисломолочный продукт, который давали женщине при токсикозе. «Курт» давали и детям как средство, укрепляющее костно-мышечную систему особенно в зимний период, когда ощущался дефицит молочных продуктов.

Наряду с рациональными методами лечения имели место и иррациональные способы. Часто после лекаря родственники приглашали к больному муллу. Бывало и так, что болезнь не поддавалась обычным методам лечения, и лекарь сам предлагал родственникам больного обратиться за помощью к мулле. Муллы успешно лечили психические заболевания, некоторые внутренние болезни, снимали сглаз. При лечении мулла произносил специальные молитвы, которые, по его мнению, по мнению самого больного и его родственников, обязательно должны были помочь. На наш взгляд, молитвы и произнесения определенных фраз религиозного характера играли роль своеобразной психотерапии. Вера больного в силы Всевышнего была настолько велика, что некоторые способы лечения, кажущиеся нам странными и непонятными, приносили положительный эффект.

¹ Булатов Б.Б., Лугуев С.А. Указ. раб. С.133.

² Мусаева М.К. Внутрисемейный контроль рождаемости у аварцев: рациональное и иррациональное // Наука и молодежь. Вып. 3. Махачкала, 2000. С. 282.

Так, например, эпилепсию лечили только при помощи молитв. Эту болезнь люди называли «шайтан урган» (букв. шайтан ударил), и излечить больного, по их представлениям, могли только молитвы, произнесенные муллою. При признаках эпилептического припадка люди, оказавшиеся рядом, сами оказывали первую помощь: укладывали больного на спину, разжимали челюсти, открывали рот и пальцами вытаскивали запавший внутрь язык, брызгали водой лицо и били по щекам, приводя больного в чувства. Затем родственники больного шли к мулле и рассказывали ему о симптомах болезни. Мулла назначал день, когда можно будет привести больного, до этого он оповещал еще трех мулл из близлежащих аулов о случившемся и приглашал их к себе в тот день, когда должны были привести больного. В назначенный день, собравшись четвером, муллы сидели вокруг больного и начинали читать молитву, при этом они передавали друг другу заранее обструганные палочки. Палочек должно было быть сорок (кырк). Так, сорок палочек, пройдя круг, должны были выгнать из тела болезнь и шайтана. После такой процедуры человека поднимали, и он уже вполне здоровый уходил домой. Родственники больного благодарили мулла за излечение и одаривали их деньгами или чаще всего продуктами питания.

В основном мулле показывали детей, на которых был сглаз. Сглаз определяли по следующим признакам: ребенок без видимой причины плакал, капризничал, не ел, становился вялым, у него повышалась температура. Мулла поручал родственникам ребенка зарезать годовалого барана. Из сердца, легких и печени сварить бульон и напоить им ребенка, а селезенку принести мулле. Над селезенкой мулла читал молитву и подвешивал ее в юрте так, чтобы она находилась прямо под звездой. На следующее утро в селезенку втыкалось двадцать поделенных вдоль палочек (всего 40), которые мулла ежедневно вытаскивал по одной. После этого уже сушеную селезенку каждый день по маленькому кусочку бросали в небольшое количество воды и давали пить ребенку. Правый глаз барана засушивали, заворачивали в тряпочку и клали в сундук. Это служило своеобразным оберегом для ребенка.

Интересно лечили мастит. Для этого брали правый башмак женщины, родившей двойню, и похлопывали им по больной груди с разных сторон, при этом произнося «Бисмилла» три раза. Видимо, женщина, родившая двойню, олицетворяла собой символ плодородия, а вещи, носимые ею, по мнению людей, могли принести желаемый результат.

Если маленький ребенок падал плашмя с небольшой высоты и после этого у него повышалась температура, появлялась рвота и головокружение, то старики говорили, что у ребенка печень сдвинулась со своего места (бавры авган - букв. печень перевернулась). В этом случае ребенку массировали шею, живот по часовой стрелке, затем брали ребенка за ноги и переворачивали через голову три раза, читая при этом молитву. Процедуру повторяли в течение трех дней по три раза таким образом, печень возвращали на свое место.

Сердце лечили тоже, на наш взгляд, удивительным способом. По представлениям ногайцев, сердце человека могло вылечить сердце барана. Для излечения больного специально резали барана, сердце которого еще в теплом состоянии клали на сердце больного. Если в течение двух часов сердце барана оставалось в твердом, не увядшем виде, то считали, что лечение помогло. Если сердце увядало, это означало, что лечение не принесло положительного результата и процедуру следовало повторить еще три раза с интервалом в 9 дней. К такому методу лечения люди прибегали в том случае, когда рациональные методы лечения уже не давали желаемых результатов. Понятно, что лечение бараньим сердцем не могло помочь больному от сердечного недуга, но все же такой метод лечения имел место.

Рациональные и иррациональные методы лечения тесно переплетались с магическими приемами. Лечебной магией занимались знахари, называемые у ногайцев «жени». Они лечили больных, предсказывали исход болезни.

Лечение заключалось в том, что утром и вечером «жени» читали молитвы над больным, поили его специальными отварами из трав. В лечебных целях использовали также сердце и печень черной курицы, сороки и удода. Для больных писали охранительные амулеты, которые носили на теле¹.

В борьбе с эпидемиями лекари в большинстве случаев были бессильны, иногда даже испытанные методы лечения были неэффективны. И тогда во время свирепых эпидемий устраивали «курманлык» (совместная трапеза с привлечением «жени» и духовенства). Смысл этого обряда, как нам кажется, заключался в том, чтобы умилостивить Всевышнего и отвести беду от людей, не дать болезни войти в аул, защитить народ от надвигающейся эпидемии. Курманлыки бывали мужскими и женскими. Это означало, что в них принимали участие только мужчины или только женщины².

Проводились также мероприятия, в которых участие принимали все жители аула. Руководителями подобных совместных мероприятий являлись духовные лица и «жени». Проводили их сле-

¹ Алейников М. Поверья ногайцев // СМОМПК. Вып. 17. Тифлис, 1893. С. 11.

² Там же. С. 12.

дующим образом: все жители аула вскладчину покупали корову, резали и снимали с нее кожу, волочили ее вокруг села, проводя вслед плугом глубокую борозду, при этом распевая молитвы¹.

Очерченный плугом вокруг аула круг символизировал магическое кольцо, через которое злой дух в виде свирепой болезни не должен был переступить. Многочисленные предрассудки и безраздельная вера людей в потусторонние силы имели значительный психотерапевтический эффект и такие мероприятия приводили к большому лечебному эффекту.

Таким образом, в традиционной народной медицине ногайцев тесно переплетались как рациональные методы лечения, так и иррациональные с применением магических действий, заклинаний, обрядов. Ногайские лекари имели представления об анатомии и физиологии человека, об этиологии заболеваний, умели правильно поставить диагноз и лечить с помощью лекарственных трав, лечебных средств животного и минерального происхождения различные болезни, в том числе детские, женские, оказывать помощь при родах, правильно применять в лечебных целях различные средства физического воздействия (тепло, холод, целебные воды, грязи, массаж). Все лекари во время проведения лечебных процедур произносили определенные молитвы, которые также благотворно воздействовали на психику больного и придавали еще большую уверенность лекаря, что в целом положительно сказывалось на исходе лечения.

В начале XX века в Ногайской степи появляются первые медицинские пункты. Так, в ставке Терекли-Мектеб была медицинская аптека с фельдшером, ветеринарная аптека с доктором и фельдшером².

В Ачикулакском приставстве работала районная Тукуй-Мектебская амбулатория, которая обслуживала одиннадцать населенных пунктов³. Несмотря на то, что кочевникам все-таки оказывалась квалифицированная медицинская помощь, решить проблему здравоохранения полностью не удавалось, так как медицинских пунктов было ничтожно мало, а нуждающихся в профессиональной врачебной помощи много. И потому еще долго наряду с научной медициной существовала традиционная, в которой прослеживаются связи с общедагестанскими медицинскими традициями, хотя она и отличалась некоторой этнической самобытностью и этнорегиональным своеобразием.

М-Р. А. Ибрагимов

ДИНАМИКА ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ДАГЕСТАНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XXI В.

Этнодемографические процессы в регионах России существенно отличаются друг от друга. Хотя в большинстве субъектов Российской Федерации фиксируются процессы депопуляции, в северокавказских республиках отмечается относительно благополучная демографическая ситуация.

Специфика этнодемографических процессов в полиэтничном и многоязычном Дагестане состоит в том, что они развиваются в лоне исламской традиции. Здесь и тарикатский ислам, тесно переплетенный с местными адатными нормами, а в последнее десятилетие и салафизм с его приверженностью к строгому соблюдению исламского образа жизни.

Население республики характеризуется высокими показателями рождаемости и естественного прироста населения по России, при этом уровень жизни здесь один из самых низких среди всех 89 субъектов Российской Федерации.

К началу 2005 г. население Республики Дагестан составило 2 млн. 621,8 тыс. человек (1,8 % населения РФ, 12 % населения Северо-Кавказского региона). По численности населения Дагестан занимает пятое место среди республик, краев и областей Южного федерального округа и 22-е место в Российской Федерации⁴.

К настоящему времени 1501,6 тыс. человек (57,3%) – жители сельской местности, которые расселены в 42 административных районах, остальные 1120,2 тыс. человек (42,7%) – это городские жители, проживающие в 10 городах (Махачкала, Буйнакск, Дагестанские Огни, Дербент, Избербаш, Каспийск, Кизилюрт, Кизляр, Хасавюрт, Южно-Сухокумск) и 19 поселках городского типа. Всего в республике насчитывается около 1600 населенных пунктов. Более пятой части населения сосре-

¹ Там же. С. 13-14.

² Капельгородский Ф. Караногай - страна кочевников и патриархального быта // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Л. 144.

³ Мутенин И.Т. Ачикулакские ногайцы // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 67. №196. Л. 46.

⁴ По утвержденной Росстатом оценке численности населения РФ на 1.1.2005 г.

доточено в столице Дагестана – городе Махачкале. Средняя плотность населения – 52,4 человека на км² (в РФ – 8,7; в Северо-Кавказском регионе – 50,0)¹.

Достоверные данные о численности населения Дагестана и его народов имеются с середины XIX в. Изменения численности населения Дагестана за вторую половину XIX – начало XXI в. представлены в таблице I.

Таблица I. Динамика общей численности и доля городского и сельского населения Дагестана за 1866–2005 гг.*

Население	1866г.	1897г.	1926г.	1939г.	1959г.	1970г.	1979г.	1989г.	2005г.
Все население, тыс. человек	531,0	710,5	744,2	1023,3	1062,5	1428,5	1627,8	1802,2	2621,8
Абс. Прирост, тыс. человек	-	179,5	33,7	279,1	39,2	366,0	199,3	174,4	819,6
%	-	33,80	4,74	37,50	3,83	34,44	13,95	10,71	45,48
Среднегод-й прирост, %	-	1,09	0,16	3,12	0,19	3,13	1,55	1,07	3,32
Сельск. нас., тыс. человек	-	669,6	659,2	802,8	747,5	923,7	988,2	1022,9	1501,6
%	95,3	94,2	88,6	78,5	70,4	64,7	60,7	56,8	57,3
Город. нас., тыс. человек	24,9	40,9	85,0	220,5	315,0	504,8	639,6	779,3	1120,2
%	4,7	5,8	11,4	21,5	29,6	35,3	39,3	43,2	42,7

- Составлено по следующим источникам: Комаров А.В. Народонаселение Дагестанской области // Записки кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Тифлис, 1873. Кн. VIII. С.49; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1905. Т.62. С.1; Т.68. С.1; Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. Т.5. С.342-346, 364; Госкомстат РФ. Перепись населения 1939 г. Д.41. Л.537, 540; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С.324, 350, 374; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1973. Т.4. С.133-134; Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1984. С.10, 76; Национальный состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1989. Часть II. С.13; Оценка Росстата численности населения в РД на 1.1.2005 г. Расчеты произведены в пределах современных административных границ Республики Дагестан.

Население края в пределах современных административных границ Дагестана в 1866 г. составляло немногим более 0,5 млн. человек (в тех границах – 449,5 тыс. человек)². До конца XIX в. численность населения Дагестана увеличилась в 1,3 раза, а в течение XX в. произошло утроение этой численности. В целом за последние 138 лет (1866–2005 гг.) численность населения Дагестана выросла на 2 млн. 91 тыс. человек, или почти в пять раз. Среднегодовой прирост населения составлял по 15 тыс. человек, или 2,85%; однако темпы его в разные годы были неодинаковыми.

Так, например, самая высокая доля прироста населения приходится на следующие периоды: 1926–1939 гг., 1959–1970 гг. и 1989–2002 гг., а самая низкая – на 1897–1926 гг. и 1939–1959 гг. Отчетливо фиксируются две демографические компенсаторные волны, которые следовали за Гражданской (1918–1920 гг.) и Великой Отечественной (1941–1945 гг.) войнами.

Доля городского населения увеличилась с 4,7 % в 1866 г. до 11,4 % в 1926 г. и 21,5 % в 1939 г., достигнув своего максимума – 43,9 % в 1992 г. и несколько снизившись до 42,7 % к началу 2005 г.

Общая смертность населения сократилась в 3,7 раза: с 22,0 ‰ в 1940 г. до 6,0 ‰ в 2004 г., а младенческая примерно в 10 раз: со 151,4 ‰ в 1940 г. до 42,1 ‰ в 1970 г., с 30,2 ‰ в 1986 г. и до 16,1 ‰ в 2004 г.

¹ Там же.

² Комаров А.В. Народонаселение Дагестанской области // Записки кавказского отдела Императорского Русского географического общества (далее – Записки КОИРГО) Тифлис, 1873. Кн. 8 С. 49.

Средняя продолжительность жизни выросла в Дагестане более чем в два раза: с 32,3 года в 1897 г. до 72,3 года (68,5 – мужчины и 75,9 – женщины) в 2003 г.¹

Мнение о том, что при царизме народы Дагестана были обречены на вымирание, не соответствует действительности. Динамика их численности со времени образования Дагестанской области в 1860 г. до Февральской революции свидетельствует об увеличении населения области в 1,7 раза, или примерно по 1,26 % в год: общая численность выросла с 433,6 тыс. человек в 1861 г. до 739,8 тыс. человек в 1917 г. (в границах тех лет)².

В первые десятилетия после окончания военных действий в Дагестане (с 1859 г. вплоть до начала XX в.) рост численности населения края был медленным, что объясняется не только демографическими последствиями тридцатилетней войны, но и новыми потерями населения, участвовавшего во многих восстаниях 1861–1863, 1866, 1871 гг. и особенно в восстании 1877 г., 300 активных участников которого были казнены и около 5 тыс. человек высланы в Сибирь. Убыль населения была вызвана также последствиями эпидемий холеры, натуральной оспы и тифа в 1892 и 1908–1909 гг. и другими факторами. Общее увеличение населения области было обусловлено в основном притоком сюда русского, украинского, немецкого и татарского населения. Переселенческое движение крестьян из центральных губерний России в равнинные территории, заселённые кумыками, всячески поддерживалось царской администрацией (предоставлением земель, агротехнической и финансовой помощью, льготных условий и т. д.)³. Статистические данные свидетельствуют и о притоке в этот период на Кумыкскую равнину чеченцев из Чечни⁴.

Воспроизводство населения Дагестана этого периода характеризовалось следующими показателями. Рождаемость была довольно высока (по имеющейся статистике – до 36 ‰ в год, но, вероятно, выше), что являлось следствием репродуктивного поведения, ориентированного на максимальное число рождений. Такое поведение, видимо, «провоцировалось» высокой смертностью – до 18–19 ‰, особенно высока была младенческая смертность.

Необходимость иметь большое число детей поощрялась условиями хозяйствования и способствовала лучшему функционированию семьи (средняя величина – около 5 человек) в дагестанском аграрном обществе. Высокой рождаемости благоприятствовали широко распространенное одобрение многодетности общественным мнением в Дагестане в XIX – начале XX в., ранее замужество, осуждение разводов и бездетности, поощрение многодетности, характерные для традиционного исламского общества.

Демографическое поведение населения, характерное для того периода, объясняется спецификой основных занятий (сочетание земледелия и скотоводства), уровнем социально-экономического развития населения (в частности, наличием патриархальных традиций), обычаем эндогамии и т.п. явлениями, всячески поддерживающими замкнутость отдельных селений, обществ, этнических единиц⁵.

Для Дагестана второй половины XIX – начала XX в. характерны относительная компактность и стабильность расселения народов в своих этнических ареалах сельской местности, сочетавшиеся с ежегодным сезонным сельскохозяйственным и промышленным отходничеством (преимущественно горского населения). Часть населения (в 1913 г. 90 тыс. человек в год, что составляло четвертую часть всех мужчин) вынуждена была выезжать на заработки на равнину и за пределы Дагестана (Баку, Грозный, Ростов и др.). Отходники были заняты на сельскохозяйственных работах, кустарных, рыбных и нефтяных промыслах.

Основными жителями городов (в 1897 г. 6% всего населения), расположенных на этнической территории тюркских народов Дагестана, в этот период были русские, азербайджанцы, персы, горские евреи и армяне. Из числа дагестанских народов относительно большую долю среди горожан составляли кумыки, остальные дагестанцы почти не были представлены в городах области⁶.

Ликвидация хозяйственной разрухи, вызванной Гражданской войной и восстановление экономики Дагестана в 1921–1927 гг. способствовали большой потребности в кадрах из России и дру-

¹ Данные текущего учета населения Комитета РД по государственной статистике.

² *Стебницкий И.И.* Статистическая таблица Кавказского края // Записки КОИРГО. Тифлис, 1862. Кн. 5; Статистический справочник Юго-Востока России // Труды Юго-Восточной плановой комиссии. Ростов н/Д., 1923 Вып. 2. С. 7.

³ *Ибрагимов М.-Р. А.* К истории формирования русского населения Дагестана (вторая половина XVI – начало XX в.) // Советская этнография. 1978. № 2. С. 93.

⁴ Народы Дагестана. Сборник статей. М., 2002. С. 38.

⁵ *Ибрагимов М.-Р. А.* Этническая ситуация в Дагестане в конце XIX - начале XX в. // Этносы и этнические процессы. Памяти Р.Ф. Итса. М., 1993. С. 170.

⁶ *Магомедханов М.М., Ибрагимов М.-Р. А.* К истории формирования современного этнического состава городского населения Дагестана // Современные культурно-бытовые процессы в Дагестане. Махачкала, 1984. С. 121.

гих республик Советского союза. На восстановление, реконструкцию и строительство новых заводов и фабрик, рыбных промыслов, предприятий стекольной, химической промышленности, железнодорожного транспорта были привлечены тысячи специалистов. Результаты этих перемещений, численность и этнический состав населения этого периода отражены в материалах Всесоюзной переписи населения 1926 г. (см. табл. 2). Они свидетельствуют о многонациональности населения края (переписью зафиксированы на территории республики представители более 80 национальностей) при больших различиях в численности отдельных этносов.

Среди населения Дагестана по своей численности выделялись аварцы, даргинцы, лезгины и кумыки (от 88 до 138 тыс. человек), составлявшие более половины (57 %) населения республики; лакцы, табасараны, ногайцы насчитывали по 20–40 тыс. человек.

Представляют интерес сведения о небольших по численности народах Дагестана, так как это была единственная перепись, зафиксировавшая численность всех малочисленных народов края (за исключением гинухцев, которые были отнесены к цезам). По данным переписи населения 1926 г., в республике насчитывалось (в тыс. человек): андийцев – 7,7; каратинцев – 5,3; тиндалов – 3,8; ахвахцев – 3,7; ботлихцев – 3,4; чамалалов – 3,4; цезов – 3,3; багулалов – 3,1; бежтинцев – 1,5; годоберинцев – 1,4; хваршинов – 1,0; гунзибцев – 0,1; арчинцев – 0,9; кайтагцев – 14,4; кубачинцев – 2,4 тыс. человек¹.

Другой особенностью этнодемографической ситуации в крае этого периода была весьма малая доля горожан–дагестанцев. Они составляли лишь 15,2 % всего городского населения республики, при этом более половины их приходилось на долю кумыков.

В материалах переписи 1926 г. нашло отражение имевшее в тот период переселенческое движение (с гор на равнину), которое до революции носило эпизодический и стихийный, а с 1924 г. приняло организованный характер. По переписи 1926 г. во всех равнинных округах насчитывалось 2,5 тыс. горцев: аварцев, даргинцев, лезгин, лакцев и др. (или 2 % населения равнин).

За 1926–1939 гг. численность населения республики увеличивается на 280 тыс. человек, или на 37,5%. Столь быстрый прирост обусловлен двумя факторами. Во-первых, за счет естественного прироста (который возрос с 4,6 ‰ до 20,2 ‰); во-вторых, притока в республику русских, украинцев, евреев, татар, армян, немцев и представителей других народов, приезжавших сюда по приглашению как специалисты и самостоятельно. В течение 1933–1937 гг. численность населения республики увеличилась на 160 тыс. человек (на 16,3 %), из них на естественный прирост приходится 120 тыс. человек, остальные – за счет миграции, при этом 78 % мигрантов составляли русские, украинцы, а также армяне².

Мигранты заселяли главным образом города. Число дагестанцев, переселившихся из сел в города за 1931–1937 гг., увеличилось с 20 до 147 тыс. человек (т.е. в 7,3 раза); при этом число аварцев, даргинцев и лезгин увеличилось соответственно в 14; 8 и 6 раз³.

Результаты изменений, происшедших в 1926–1939 гг. в численности и этнической структуре населения нашли отражение в материалах переписи населения 1939 г. (табл. 2).

Резкое уменьшение общего числа народов, которое зафиксировано в итогах переписи (где отсутствуют сведения о 19 народах Дагестана), следует объяснить стремлением руководящих деятелей республики стимулировать и искусственно ускорить процессы консолидации. Включение малочисленных народов в состав более крупных в Дагестане происходило в контексте общесоюзных установок того периода, ориентированных на слияние наций и народов СССР⁴.

В результате 14 малочисленных народов (13 андо-цезских и арчинцы) были включены в состав аварцев, а кайтагцы и кубачинцы – в состав даргинцев. В материалах переписи 1939 г. и во всех последующих эти народы не выделяются, они показаны в составе соответственно аварцев и даргинцев. Часть «исчезнувших» в материалах переписи 1939 г. народов (агулов, рутульцев и цахуров) вновь появляются как самостоятельные этнические единицы в переписи населения 1959 г. и во всех последующих.

На 1 января 1941 г., т.е. за шесть месяцев до начала войны, в Дагестанской АССР в границах того года проживало 967,8 тыс. человек, в том числе 765,6 тыс. в сельской местности и 202,2 тыс. в городах; из них в Махачкале 95,8 тыс. человек⁵.

¹ Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. Т. V. С. 342–343.

² Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГА РД) Ф. р.-260. Оп 10. Д 33. Л 3.

³ ЦГА РД Ф. р.-260. Оп 10. Д 33. Л 7–9.

⁴ Брук С.И., Козлов В.И. Этнографическая наука и перепись населения 1970 г. // Советская этнография. 1967. № 6. С. 6–8; Крюков М.В. Этнические процессы в СССР и некоторые аспекты всесоюзных переписей населения // Советская этнография. 1989. № 2. С. 29.

⁵ ЦГА РД Ф. р.-22. Оп. 39. Д. 36. Л. 7.

Великая Отечественная война остро сказалась на демографическом развитии и, в частности, на естественном движении населения Дагестана. Мобилизация более 150 тысяч мужчин в армию привела к нарушению семейных связей и сильному снижению рождаемости.

В 1941–1942 гг. общий коэффициент рождаемости населения в Дагестане сократился до 22‰, а к 1943–1945 гг. снизился до 9–11‰, т. е. произошло четырехкратное сокращение рождаемости населения. В условиях войны общий коэффициент смертности населения в 1942–1943 гг. вырос до 24‰, т. е. смертность населения стала в два раза превышать рождаемость¹.

Вместе с тем численность населения Дагестана за годы войны, несмотря на большие людские потери на фронте (около 90 тыс. человек) и в тылу, росла за счет механического притока в основном эвакуированного из прифронтовых районов населения. В 1945 г. в республике насчитывалось 1057,3 тыс. человек, однако затем стала сокращаться и к концу 1947 г. из-за отъезда беженцев население уменьшилось более чем на 300 тыс. человек².

В послевоенные годы рождаемость стала постепенно возрастать, однако только в 1956 г. среднегодовая численность родившихся едва достигла довоенного уровня. Переход на мирное развитие, а также различные санитарно-медицинские мероприятия снизили показатели смертности в республике к 1948–1950 гг. до 8–10‰³.

Во время войны в республике происходили значительные передвижения населения и, в частности, отток населения из сельской местности. Это было результатом мобилизационных мероприятий, депортаций представителей немецкого и чеченского населения, принудительного переселения части аварцев, даргинцев, лакцев и кумыков.

В октябре 1941 г. в соответствии с решением ГКО СССР из Дагестана были переселены в Казахстан 7,3 тыс. немцев⁴.

23 февраля 1944 г. все чеченцы и ингуши, проживавшие в Чечено-Ингушской АССР и прилегающих к ней районах Дагестанской АССР (Ауховском, Хасавюртовском районах и г. Хасавюрте), были выселены в Казахстан и Киргизию.

Следует оговориться, что на территории Ауховского района (созданного по указу Президиума Верховного Совета РСФСР 5 октября 1943 г.⁵ и, по сути, ещё не функционировавшему к моменту высылки) исторически сформировалась и компактно проживала субэтническая группа чеченцев, называемая чеченцы-аккинцы. Всего из Дагестана было депортировано более 37 тыс. всех чеченцев⁶.

Указом Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве ее территории» от 7 марта 1944 г. в состав Дагестанской АССР были включены 6 районов бывшей Чечено-Ингушетии⁷.

В эти новые районы в марте–апреле 1944 г. принудительно были переселены жители 224 аулов (в том числе 114 – полностью и 110 – частично) из 21 высокогорного района Дагестана с населением 62 тыс. человек, что составляло 17 % общей численности населения горной зоны республики⁸.

Сюда же в новые районы Дагестана было переселено более 3 тыс. аварцев, живших на территории Грузии.

Внутри республики также были проведены перемещения населения. В бывший Ауховский (переименованный в Новолакский) район переселили только лакцев из Кулинского и Лакского районов (около 7 тыс. человек). А в два населенных пункта – Сталинаул и Калининаул, переданных из Ауховского района в состав Казбековского района, переселили около 3 тыс. аварцев из с. Алмак, расположенного в том же районе.

Кроме того, более 1 тыс. кумыков из пригорода Махачкалы: селений Альбурикент, Кяхулай и Тарки, были поселены в трех чеченских аулах Байрамаул, Бамматюрт и Османюрт, расположенных в Хасавюртовском районе.

В итоге из Дагестана было перемещено свыше 100 тыс. человек: свыше 7 тыс. дагестанских немцев, 37 тыс. дагестанских чеченцев, в том числе и аккинцев, а также 70 тыс. аварцев, даргин-

¹ ЦГА РД. Ф. р.-22. Оп. 23. Д. 17. Л. 8; Д. 21. Л. 8; Д. 23. Л. 8; Д. 25. Л. 8; Д. 27. Л. 8.

² ЦГА РД Ф. р.-22. Оп. 39. Д. 47. Л. 4.

³ ЦГА РД Ф. р.-22. Оп. 39. Д. 5. Л. 22; Д. 45. Л. 7. Д. 48. Л. 7.

⁴ Кичихин А.Н. Советские немцы: откуда, куда и почему // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 33; Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать». Документы, факты, комментарии / Сост. Н. Бугай. М., 1992. С. 37, 38, 55, 58.

⁵ ЦГА РД Ф. р.-352. Оп. 2. Д. 51а. Л. 266; Оп. 14. Д. 22. Л. 22.

⁶ ЦГА РД Ф. п.-1. Оп. 2. Д. 1013. Л. 42.

⁷ Бугай Н.Ф. Правда о депортации чеченского и ингушского народов // Вопросы истории. 1990. № 7. С. 39; Историко-публицистический журнал «Ларгаш» («Ступени»). 1991. № 1. С. 2.

⁸ ЦГА РД Ф. р.-411. Оп. 3. Д. 1. Л. 93.

цев, лакцев и кумыков. Из общего числа дагестанцев-переселенцев около 55 тыс. человек поселили в районах бывшей ЧИАССР, присоединенных к Дагестану и более 10 тыс. человек - в предгорных и равнинных районах внутри прежних границ Дагестана.

В 1957 г. была восстановлена Чечено-Ингушская АССР и ей были возвращены присоединенные в 1944 г. к Дагестанской АССР шесть районов¹. Когда же чеченцы были реабилитированы и вернулись на родину, горцев переместили не на места их исконного проживания, а на земли кумыков.

Дагестанское население из районов Чечни (около 60 тыс. человек) было возвращено в ДАССР. Подавляющее большинство было расселено в Хасавюртовском, Кизилюртовском, Бабаюртовском, Каякентском и других равнинных районах республики, где были созданы 50 новых переселенческих населенных пунктов, 60 колхозов и совхозов². Меньшая часть дагестанцев из Чечни была переселена в свои исконные горные районы: в Ботлихский, Цумадинский, Цунтинский и др.

Чеченцам-аккинцам, возвратившимся из мест спецпоселения, было разрешено селиться в Дагестане, но не в своих родных селах бывшего Ауховского (ныне Новолакского) района, так как в нем остались жить лакцы и аварцы, которых власти решили оставить в этих сёлах.

Чеченцы-аккинцы были размещены на поливных землях в пригороде Хасавюрта и в Хасавюртовском районе, на территории, вплотную примыкающей к Новолакскому району (с. Нурадилово, с. Солнечное, с. Борагангечув и др.), где они раньше не проживали, а также в селах Бабаюртовского и Кизилюртовского районов. Лишь незначительной части их удалось поселиться в прежних своих аулах в Казбековском и Новолакском районах³.

Кумыки, насильственно переселенные в 1944 г. в чеченские селения Байрамаул, Бамматюрт, Османюрт Хасавюртовского района, в 1957 г., не дожидаясь официальных решений, добровольно, за счет собственных средств вернулись в свои селения Альбуригент, Тарки и Кяхулай, хотя решение государственных органов так и не было принято. Тем временем еще в 1944 г. земли их колхозов после переселения были переданы Махачкалинскому горсовету (6,2 тыс. га) и горным колхозам (2 тыс. га), и вернувшиеся жители этих сел остались без земли и работы⁴.

Для того чтобы освободить территорию под строительство переселенческих аулов для горцев на равнине, жители многих небольших кумыкских и ногайских селений и хуторов были переселены в более крупные.

Часть переселенцев аварцев, даргинцев и чеченцев была подселена в существующие кумыкские (Аксай, Костек, Муцалаул, Ботаюрт, Новокаякент и др.) и русские селения (Нечаевка, Покровское, Могилевское и др.).

Равнинные районы из этнически относительно однородных постепенно начали превращаться в этнически смешанные, с чересполосным расселением народов. Переселенческие мероприятия этого времени проводились без учета социально-этнических и экологических последствий для местного коренного населения. Экономический подход к этим проблемам превалировал над всеми остальными⁵.

К 1959 г. выросла численность русских; они вновь, как накануне войны, стали второй по численности этнической общностью в Дагестане, составив пятую часть всего населения. В значительной степени это обусловлено было тем, что в послевоенные годы в связи с интенсивным промышленным развитием и нехваткой квалифицированных кадров в республику по приглашению прибыло большое количество рабочих и специалистов, представителей различных национальностей, в основном русских.

В составе населения республики появляется новая этническая единица – корейцы (3,6 тыс. человек), прибывшие сюда из восточных районов страны (см. табл. 2). К концу 1950-х годов довоенная численность населения Дагестанской АССР была восстановлена.

На рубеже 1950–1960-х годов наблюдается самая высокая рождаемость (40–43 %) и самый высокий естественный прирост населения (33–36 %), что является естественной компенсаторной демографической реакцией на большие потери, понесенные населением в годы Великой Отечественной войны. Однако вскоре демографическое поведение населения Дагестана стало меняться: с середины 60-х годов отмечается постепенное сокращение рождаемости⁶.

¹Чеченцы-аккинцы Дагестана: к проблеме реабилитации. Махачкала, 1994. С. 9.

²Османов А.И., Гаджиев А.С., Искендеров Г.А. Из истории переселенческого движения и решения аграрного вопроса в Дагестане. Махачкала, 1994. С. 20.

³Ибрагимов М-Р. А. Аккинцы в Дагестане (XVI – XX вв.) // Историческая этнография. Межвузовский сборник. СПб., 1993. Вып. 4. С. 66.

⁴ЦГА РД Ф. р-168. Оп. 29. Д. 37. Л. 3.

⁵Традиционное и новое в современном быте и культуре дагестанцев-переселенцев. М., 1988. С. 32.

⁶ЦГА РД Ф. р.-22. Оп. 23. Д. 72. Л. 14; Д. 74. Л. 9; Д. 76. Л. 9; Оп. 39. Д. 187. Л. 9.

Эти изменения были вызваны демографическими последствиями войны (вступлением в брачный возраст людей, рожденных в годы войны), а также изменениями уровня социально-экономического и культурного развития: усилением процессов урбанизации в республике, более широким вовлечением женщин в общественное производство, ростом уровня образования и культуры, некоторым повышением возраста вступления в брак и другими причинами.

Горные районы еще со времен земельно-водной реформы 1927–1934 гг. получили на равнине во временное пользование земли под зимние пастбища, сыгравшие жизненно важную роль в решении их социально-экономических проблем. За 280 общественными хозяйствами 21 горного района было закреплено во временное пользование под зимние пастбища на равнине около 1,5 млн. га сельхозугодий, в том числе 137 тыс. га пашни¹.

В 1960-е годы наблюдается начало процесса формирования постоянного населения и создания в нарушение закона населенных пунктов на землях отгонного животноводства. Значительная часть населения ряда аварских, лакских, даргинских и лезгинских высокогорных (отдаленных и труднодоступных) небольших аулов в основном организовано (при участии партийных и государственных органов), а частью добровольно переселились на кутаны (временные животноводческие хозяйства) своих колхозов и совхозов. Они располагались в равнинных районах республики: Бабаюртовском, Хасавюртовском, Каякентском, Дербилтовском, Магарамкентском и др. Часть их начала селиться в городах (Махачкале, Хасавюрте, Кизилюрте, Дербенте и др.)².

В этот период в Дагестане начало развиваться виноградарство, трудовые ресурсы для которого частично обеспечивали горные районы. Разрушительные землетрясения 1966 и 1970 гг. ускорили массовый исход горцев на равнину.

Переселение привело к существенному смягчению остроты аграрных вопросов в горах, но в то же время породило массу проблем для жителей равнины, ставшей перенаселенной. В результате многолетних переселений на равнину за кумыкским населением осталось около трети земель, принадлежавших им до недавнего прошлого (до 1930-х годов), они оказались национальным меньшинством на своей территории. Кумыки, лишившись компактного проживания, попали в число обделенных земель народов Дагестана.

Такая политика привела к нарушению наработанных многовековым опытом и мудростью народов Дагестана традиций, согласно которым все народы располагали своей определенной территорией, каждая из которых была вовлечена в систему разделения труда (в горах развитие получили скотоводство, ремесла, садоводство, на равнине – в основном зерновое земледелие), обуславливающую свободный и взаимозаинтересованный обмен продуктами и предметами труда между жителями равнины и гор. Это одновременно служило и мощным фактором сохранения межнационального мира и взаимопомощи, чем традиционно славятся местные народы.

Сопоставление данных переписей 1959 и 1970 гг. показывает, что численность населения Дагестана увеличилась на 366 тыс. человек, или на 34,4 %, а среднегодовой прирост достиг 3,13 % – это один из самых высоких показателей в республике, что было обусловлено высоким естественным приростом и положительным сальдо миграции.

Материалами переписи 1970 г. зафиксировано начало процесса уменьшения численности русских, украинцев, татар и особенно корейцев в республике, которое объясняется с одной стороны их низким естественным приростом, с другой – оттоком за пределы Дагестана, отчасти вызванным массовым притоком горцев в ареал их проживания. Эта тенденция продолжала сохраняться и в последующий период вплоть до настоящего времени.

Другая особенность данных переписи 1970 г. – необычно высокий прирост (в 2-3 раза) чеченцев, европейских евреев и татов. Число первых увеличилось не только за счет высокого естественного, но и механического прироста. Число вторых выросло в основном за счет притока их в республику из центральных регионов России, а число татов увеличилось за счет смены этнической идентичности.

Дело в том, что значительная часть горских евреев под влиянием политико-идеологических причин, в том числе и некоторых проявлений антисемитизма, еще примерно с конца 1930-х годов, но особенно активно с конца 1960 – начала 1970-х годов стала называть себя татами, основываясь на том, что они так же, как и таты (иранский по происхождению и языку этнос), говорят на татском языке.

Этот процесс «татизации», поддержанный официальными властями Дагестана, сводился к «деиудаизации». Он привел к искусственному формальному разделению этого этноса на несколько

¹ Народы Дагестана. С. 492.

² *Ибрагимов М.-Р. А.* Народы Дагестана в XX в. (Этнодемографические проблемы) // Расы и народы. М., 1991. Вып. 21. С. 117; Османов А.И. Аграрные преобразования в Дагестане и переселение горцев на равнину (20 – 70-е годы XX в.). Махачкала, 2000. С. 95 и сл.

частей: на горских евреев и татов (кроме того, часть горских евреев записалась в паспортах и данных переписей населения «евреями», как и европейские евреи)¹.

За межпереписной период с 1970–1979 гг. численность населения Дагестана увеличилась почти на 200 тыс. человек, или на 14 %, при этом прослеживались заметные различия в динамике численности различных этнических общностей края. Наибольший прирост отмечался у табасаранов, агулов и рутульцев, несколько меньший – у аварцев, лезгин, кумыков и даргинцев, а замыкали этот ряд лакцы, ногайцы и цахуры. Постепенный отток последних в Азербайджан, где проживает две трети всех цахуров, ограничил возможность ощутимого увеличения их численности в республике, хотя они так же, как и другие народы Южного Дагестана, обладают высоким естественным приростом (табл. 2).

По темпам естественного прироста к дагестанцам близки чеченцы и азербайджанцы. Число русских, украинцев, армян, татар и других народов, как и в предыдущие десятилетия, продолжало уменьшаться по причине низкого естественного прироста и оттока за пределы республики. Существенно (в 2,5 раза) уменьшилось число горских евреев, которые вновь частично записались татами либо выехали за пределы Дагестана (в основном в Израиль).

Материалы переписи населения 1979 г. показывают, что именно в этот период характерной чертой этнической структуры городского населения Дагестана наряду с полиэтничностью становится возрастание доли дагестанских национальностей в городах до 60 %, происходившее за счет постоянного притока их в города².

Десятилетие между переписями 1979–1989 гг. отмечено уменьшением темпов прироста населения республики; оно увеличилось на 175 тыс. человек, или на 10,7 %. Это связано не только со снижением рождаемости (до 27,4 ‰ в 1989 г.) и уменьшением естественного прироста (до 21,0 ‰), но и с интенсивностью миграции населения в южные и центральные регионы России.

Дагестан традиционно относится к регионам с избыточными трудовыми ресурсами, уровень безработицы здесь самый высокий в РФ – до 32%, а среднедушевой доход самый низкий и примерно в 2,7 раза ниже среднего показателя по России. Это отразилось на миграционных процессах. Отрицательное сальдо миграции за период с 1966 по 1986 гг. выросло в четыре раза и составило 13,2 ‰³. В это время все большее число дагестанцев (более 100 тыс. человек) ежегодно выезжало на сезонные работы за пределы республики, часть из них не возвращалась.

За период 1950–1980-х гг. происходит превращение равнинных районов Дагестана из этнически относительно однородных в этнически смешанные районы с численным преобладанием переселенных народов. Это Бабаюртовский, Хасавюртовский, Кизилюртовский, Каякентский и Дербентский районы, каждый из которых включает представителей около 20 этносов. Такая полиэтничность, точнее мозаичность, является одной из характерных особенностей современного расселения народов равнинного и части предгорного Дагестана.

За эти годы на равнину перебралось более 300 тыс. горцев. Для них были созданы 106 новых поселений и более 100 колхозов и совхозов. Советское руководство Дагестана (в котором с конца 1940-х годов доминировали аварцы, а затем даргинцы) пыталось решить проблему нехватки земли в горах для своих народов за счет жителей равнины. После земельно-водной реформы 1927 – 1934 гг. животноводческие колхозы горных районов получили право пользоваться сельхозугодьями равнин в качестве зимних пастбищ⁴. Со временем горцы стали не только трудиться, но и жить на этих землях.

В равнинных районах появились десятки новых для этой территории относительно крупных этнических массивов аварцев, даргинцев, лезгин, табасаранов, лакцев и других горцев, которые составляли к 1995 г. более половины (54,5%, или свыше 740 тыс. человек) всего населения равнины⁵.

В результате равнинные жители (кумыки, ногайцы, русские, терские казаки, азербайджанцы) превратились в «национальные меньшинства на их исконной этнической территории»⁶.

¹ Ибрагимов М.-Р. А. Горские евреи в Дагестане // Народы Дагестана. Махачкала, 2002. № 1. С. 15.

² Численность и территориальное размещение населения Дагестанской АССР (По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). Махачкала, 1980. С.17.

³ Численность, естественное движение и миграция населения Дагестанской АССР в 1986 году. Статистический сборник. Махачкала, 1987. С.10; Социально-демографическая характеристика наиболее многочисленных национальностей и народностей Дагестана (По итогам переписи населения 1989 г.). Махачкала, 1992. С. 3.

⁴ Османов А.И. Аграрные преобразования в Дагестане и переселение горцев на равнину (20-70-е годы XX в.). С. 95, 276.

⁵ Основные национальности Республики Дагестан. Статистический сборник. Махачкала, 1995. С. 33 и сл.

⁶ Османов А.И., Гаджиев А.С., Искендеров Г.А. Из истории переселенческого движения и решения аграрного вопроса в Дагестане. С. 26.

Эти изменения были вызваны демографическими последствиями войны (вступлением в брачный возраст людей, рожденных в годы войны), а также изменениями уровня социально-экономического и культурного развития: усилением процессов урбанизации в республике, более широким вовлечением женщин в общественное производство, ростом уровня образования и культуры, некоторым повышением возраста вступления в брак и другими причинами.

Горные районы еще со времен земельно-водной реформы 1927–1934 гг. получили на равнине во временное пользование земли под зимние пастбища, сыгравшие жизненно важную роль в решении их социально-экономических проблем. За 280 общественными хозяйствами 21 горного района было закреплено во временное пользование под зимние пастбища на равнине около 1,5 млн. га сельхозугодий, в том числе 137 тыс. га пашни¹.

В 1960-е годы наблюдается начало процесса формирования постоянного населения и создания в нарушение закона населенных пунктов на землях отгонного животноводства. Значительная часть населения ряда аварских, лакских, даргинских и лезгинских высокогорных (отдаленных и труднодоступных) небольших аулов в основном организовано (при участии партийных и государственных органов), а частью добровольно переселились на кутаны (временные животноводческие хозяйства) своих колхозов и совхозов. Они располагались в равнинных районах республики: Бабаюртовском, Хасавюртовском, Каякентском, Дербентском, Магарамкентском и др. Часть их начала селиться в городах (Махачкале, Хасавюрте, Кизилюрте, Дербенте и др.)².

В этот период в Дагестане начало развиваться виноградарство, трудовые ресурсы для которого частично обеспечивали горные районы. Разрушительные землетрясения 1966 и 1970 гг. ускорили массовый исход горцев на равнину.

Переселение привело к существенному смягчению остроты аграрных вопросов в горах, но в то же время породило массу проблем для жителей равнины, ставшей перенаселенной. В результате многолетних переселений на равнину за кумыкским населением осталось около трети земель, принадлежавших им до недавнего прошлого (до 1930-х годов), они оказались национальным меньшинством на своей территории. Кумыки, лишившись компактного проживания, попали в число обделенных земель народов Дагестана.

Такая политика привела к нарушению наработанных многовековым опытом и мудростью народов Дагестана традиций, согласно которым все народы располагали своей определенной территорией, каждая из которых была вовлечена в систему разделения труда (в горах развитие получили скотоводство, ремесла, садоводство, на равнине – в основном зерновое земледелие), обуславливающую свободный и взаимозаинтересованный обмен продуктами и предметами труда между жителями равнины и гор. Это одновременно служило и мощным фактором сохранения межнационального мира и взаимопомощи, чем традиционно славятся местные народы.

Сопоставление данных переписей 1959 и 1970 гг. показывает, что численность населения Дагестана увеличилась на 366 тыс. человек, или на 34,4 %, а среднегодовой прирост достиг 3,13 % – это один из самых высоких показателей в республике, что было обусловлено высоким естественным приростом и положительным сальдо миграции.

Материалами переписи 1970 г. зафиксировано начало процесса уменьшения численности русских, украинцев, татар и особенно корейцев в республике, которое объясняется с одной стороны их низким естественным приростом, с другой – оттоком за пределы Дагестана, отчасти вызванным массовым притоком горцев в ареал их проживания. Эта тенденция продолжала сохраняться и в последующий период вплоть до настоящего времени.

Другая особенность данных переписи 1970 г. – необычно высокий прирост (в 2-3 раза) чеченцев, европейских евреев и татов. Число первых увеличилось не только за счет высокого естественного, но и механического прироста. Число вторых выросло в основном за счет притока их в республику из центральных регионов России, а число татов увеличилось за счет смены этнической идентичности.

Дело в том, что значительная часть горских евреев под влиянием политико-идеологических причин, в том числе и некоторых проявлений антисемитизма, еще примерно с конца 1930-х годов, но особенно активно с конца 1960 – начала 1970-х годов стала называть себя татами, основываясь на том, что они так же, как и таты (иранский по происхождению и языку этнос), говорят на татском языке.

Этот процесс «татизации», поддержанный официальными властями Дагестана, сводился к «деиудаизации». Он привел к искусственному формальному разделению этого этноса на несколько

¹ Народы Дагестана. С. 492.

² *Ибрагимов М.-Р. А.* Народы Дагестана в XX в. (Этнодемографические проблемы) // *Расы и народы.* М., 1991. Вып. 21. С. 117; *Османов А.И.* Аграрные преобразования в Дагестане и переселение горцев на равнину (20 – 70-е годы XX в.). Махачкала, 2000. С. 95 и сл.

частей: на горских евреев и татов (кроме того, часть горских евреев записалась в паспортах и данных переписей населения «евреями», как и европейские евреи)¹.

За межпереписной период с 1970–1979 гг. численность населения Дагестана увеличилась почти на 200 тыс. человек, или на 14 %, при этом прослеживались заметные различия в динамике численности различных этнических общностей края. Наибольший прирост отмечался у табасаранов, агулов и рутульцев, несколько меньший – у аварцев, лезгин, кумыков и даргинцев, а замыкали этот ряд лакцы, ногайцы и цахуры. Постепенный отток последних в Азербайджан, где проживает две трети всех цахуров, ограничил возможность ощутимого увеличения их численности в республике, хотя они так же, как и другие народы Южного Дагестана, обладают высоким естественным приростом (табл. 2).

По темпам естественного прироста к дагестанцам близки чеченцы и азербайджанцы. Число русских, украинцев, армян, татар и других народов, как и в предыдущие десятилетия, продолжало уменьшаться по причине низкого естественного прироста и оттока за пределы республики. Существенно (в 2,5 раза) уменьшилось число горских евреев, которые вновь частично записались татами либо выехали за пределы Дагестана (в основном в Израиль).

Материалы переписи населения 1979 г. показывают, что именно в этот период характерной чертой этнической структуры городского населения Дагестана наряду с полиэтничностью становится возрастание доли дагестанских национальностей в городах до 60 %, происходившее за счет постоянного притока их в города².

Десятилетие между переписями 1979–1989 гг. отмечено уменьшением темпов прироста населения республики; оно увеличилось на 175 тыс. человек, или на 10,7 %. Это связано не только со снижением рождаемости (до 27,4 ‰ в 1989 г.) и уменьшением естественного прироста (до 21,0 ‰), но и с интенсивностью миграции населения в южные и центральные регионы России.

Дагестан традиционно относится к регионам с избыточными трудовыми ресурсами, уровень безработицы здесь самый высокий в РФ – до 32%, а среднедушевой доход самый низкий и примерно в 2,7 раза ниже среднего показателя по России. Это отразилось на миграционных процессах. Отрицательное сальдо миграции за период с 1966 по 1986 гг. выросло в четыре раза и составило 13,2 ‰³. В это время все большее число дагестанцев (более 100 тыс. человек) ежегодно выезжало на сезонные работы за пределы республики, часть из них не возвращалась.

За период 1950–1980-х гг. происходит превращение равнинных районов Дагестана из этнически относительно однородных в этнически смешанные районы с численным преобладанием переселенных народов. Это Бабаюртовский, Хасавюртовский, Кизилюртовский, Каякентский и Дербентский районы, каждый из которых включает представителей около 20 этносов. Такая полиэтничность, точнее мозаичность, является одной из характерных особенностей современного расселения народов равнинного и части предгорного Дагестана.

За эти годы на равнину перебралось более 300 тыс. горцев. Для них были созданы 106 новых поселений и более 100 колхозов и совхозов. Советское руководство Дагестана (в котором с конца 1940-х годов доминировали аварцы, а затем даргинцы) пыталось решить проблему нехватки земли в горах для своих народов за счет жителей равнины. После земельно-водной реформы 1927 – 1934 гг. животноводческие колхозы горных районов получили право пользоваться сельхозугодиями равнин в качестве зимних пастбищ⁴. Со временем горцы стали не только трудиться, но и жить на этих землях.

В равнинных районах появились десятки новых для этой территории относительно крупных этнических массивов аварцев, даргинцев, лезгин, табасаранов, лакцев и других горцев, которые составляли к 1995 г. более половины (54,5%, или свыше 740 тыс. человек) всего населения равнины⁵.

В результате равнинные жители (кумыки, ногайцы, русские, терские казаки, азербайджанцы) превратились в «национальные меньшинства на их исконной этнической территории»⁶.

¹ Ибрагимов М.-Р. А. Горские евреи в Дагестане // Народы Дагестана. Махачкала, 2002. № 1. С. 15.

² Численность и территориальное размещение населения Дагестанской АССР (По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). Махачкала, 1980. С.17.

³ Численность, естественное движение и миграция населения Дагестанской АССР в 1986 году. Статистический сборник. Махачкала, 1987. С.10; Социально-демографическая характеристика наиболее многочисленных национальностей и народностей Дагестана (По итогам переписи населения 1989 г.). Махачкала, 1992. С. 3.

⁴ Османов А.И. Аграрные преобразования в Дагестане и переселение горцев на равнину (20-70-е годы XX в.). С. 95, 276.

⁵ Основные национальности Республики Дагестан. Статистический сборник. Махачкала, 1995. С. 33 и сл.

⁶ Османов А.И., Гаджиев А.С., Искендеров Г.А. Из истории переселенческого движения и решения аграрного вопроса в Дагестане. С. 26.

За последний межпереписной период 1989–2002 гг. численность населения Дагестана увеличилась на 774,3 тыс. человек, или на 43 %, а среднегодовой прирост составил 3,30 %, что свидетельствует о более высоком приросте, чем за весь предыдущий период¹. При этом рост численности населения происходил за счет естественного прироста. Незначительный прирост был получен за счет миграционного притока. В 1989–1990 гг., как и за весь предыдущий период, из республики убывало населения больше, чем прибывало. Начиная с 1991 г. число прибывающих в республику стало превалировать над числом отъезжающих, особенно в конце 1994 – начале 1995 г., когда сюда хлынул поток беженцев и вынужденных переселенцев из-за войны в Чечне (более 153 тыс. человек). В 1998 – 1999 гг. число прибывших продолжало преобладать над числом убывших на 1,0 тыс. человек.

Негативное влияние на демографические процессы в республике оказали война в Чечне, августовско-сентябрьские события 1999 г. в самом Дагестане. В результате боев произошло резкое ухудшение гуманитарной обстановки в Республике Дагестан: было разрушено 12 населенных пунктов в Ботлихском, Новолакском и Буйнакском районах, уничтожено около 200 объектов социальной сферы (школ, клубов, детских садов, дорог, ЛЭП, связь и т.д.), 7168 жилых домов (3684 не подлежат восстановлению). Без крова остались 17810 человек, а общее число беженцев достигло 38 тыс. человек. Погибло более 500 человек, в том числе 108 человек гражданского населения.

Объем прямого ущерба превысил 2,5 млрд. рублей. На ликвидацию последствий боевых действий и террористических акций из федерального и республиканского бюджетов было выделено и распределено около 1,5 млрд. рублей.²

Начиная с 2000 г. миграционная тенденция в Дагестане изменилась: число ежегодно убывающих стало превалировать над числом прибывающих примерно на 5–6 тыс. человек. Убывают в основном русские, украинцы, евреи, армяне, табасараны, а прибывают даргинцы, лезгины, аварцы, чеченцы.

Результаты этих перемещений и естественного движения населения, проявившиеся в изменениях численности и этнического состава населения этого периода, отражены в материалах переписи 2002 г. (см. табл. 2).

По-прежнему пять народов Дагестана составляют подавляющее большинство (до 80%) населения республики: при этом аварцы составляют уже почти одну треть всего населения, доля даргинцев, кумыков, лезгин и лакцев также выросла в основном за счет относительно высокого уровня естественного прироста. Высокая рождаемость также характерна для азербайджанцев и табасаранов, численность каждого из которых достигла свыше 100 тыс. человек. Заметное сокращение численности и доли русских, украинцев, горских евреев и некоторых других народов, проживающих в республике, вызвано в основном постоянным оттоком их за пределы Дагестана, а частично естественной убылью населения из-за низкой рождаемости и высокой смертности³.

Впервые при переписи населения 2002 г. получены сведения о численности малочисленных народов Дагестана, которые официально были зафиксированы еще при проведении переписи населения 1926 г. Официальная фиксация численности народов Дагестана, в том числе малочисленных народов, производилась Государственной плановой комиссией при СНК ДАССР ежегодно вплоть до проведения переписи населения 1939 г.⁴

В последующий период вплоть до переписи 2002 г. во время проведения переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 годов численность подавляющего большинства малочисленных народов отдельно не фиксировалась, поскольку их включали в состав более крупных по численности народов. Включение малочисленных народов в состав более крупных в Дагестане, как уже отмечалось, происходило в контексте общесоюзных установок того периода, ориентированных на слияние наций и народов СССР.

Однако они этнически не растворились окончательно в крупных этносах; более того, представители некоторых малочисленных народов (андийцы, дидойцы (цезы), бежтинцы, ахваццы, каратинцы и др.) многократно во время проведения переписей населения пытались получить⁵ и продолжают добиваться получения статуса самостоятельных этносов.

В соответствии с проектом Федерального закона «Основы правового статуса малочисленных коренных народов России» к ним в РД отнесены следующие народы: агулы, андийцы, арчинцы,

¹ Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года в Республике Дагестан. Махачкала, 2004. С.10.

² *Гаджиев Р.Г.* Час испытания: Хроника военных действий в Дагестане (август – сентябрь 1999 г.). Часть I. Махачкала, 2000; Часть II. Махачкала, 2004.

³ Национальный состав и владение языками, гражданство. Кн. I. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 4). М., 2004. С. 58-59.

⁴ Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928 Т. V. С. 342-343; ЦГА РД Ф. р.-260. Оп. 10. Д. 33. Л. 1.

⁵ *Ибрагимов М.-Р. А., Лугуев С. А.* Андо-цезы: вчера, сегодня, завтра // Возрождение. Махачкала, 1995. № 2. С. 80.

ахвахцы, багулалы, бежтинцы, ботлихцы, гинухцы, годоберинцы, горские евреи (таты), гунзибцы, дидойцы (цезы), кайтагцы, каратинцы, кубачинцы, рутульцы, тиндалы, хваршины, цахуры и чамалалы¹.

Однако подавляющее большинство из них не имеет самостоятельного этнического статуса: с конца 1930-х годов они записаны (зачислены) в состав более крупных по численности народов. В число аварцев включены 14 малочисленных народов: андийцы, арчинцы, ахвахцы, багулалы, бежтинцы, ботлихцы, гинухцы, годоберинцы, гунзибцы, дидойцы, каратинцы, тиндалы, хваршины и чамалалы. В состав даргинцев – кайтагцы и кубачинцы. Таким образом, Конституцией РД из двадцати признаны только четыре малочисленных народа: агулы, горские евреи (таты), рутулы, цахуры.

Проблемы малочисленных народов актуализировались после принятия Госдумой РФ Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ»².

Руководство республики в процессе разработки законопроекта неоднократно заявляло, что данный закон не может быть отнесен к малочисленным народам, проживающим на территории Дагестана, поскольку его статьи носят специфический характер и применимы только для малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Однако доводы руководства республики не были приняты во внимание. Исполнение закона поставит народы, проживающие на одной территории в одинаковых условиях, в неравное положение, неисполнение приведет к недовольству отдельных этносов, стремящихся самоопределиваться, отделившись от крупных народов, в которые ранее они были включены.

Среди актуальных вопросов развития малочисленных народов особое место занимает проблема их этнического и языкового статуса, которая приобрела довольно острый характер. Обще-признанным является то, что каждый человек вправе свободно определять свою этническую (национальную) принадлежность, изучать родной язык и культуру. Следует также признать, что каждый имеет право на восстановление своей принадлежности к исконному этносу. Окончательное решение их статуса – осознают ли они себя в качестве самостоятельных народов или как часть более крупных по численности этносов – будет принято самими представителями малых этносов.

По материалам переписи 2002 г. численность представителей малочисленных народов Дагестана, указавших свою этническую принадлежность, составила соответственно в РФ (и в РД): андийцев – 21808 (21270) человек, арчинцев – 89 (7), ахвахцев – 6376 (6362), багулалов – 40 (18), бежтинцев – 6198 (6184), ботлихцев – 16 (0), гинухцев – 531 (525), годоберинцев – 39 (2), гунзибцев – 998 (972), дидойцев – 15256 (15176), каратинцев – 6052 (6019), тиндалов – 44 (33), хваршинов – 128 (107), чамалалов – 12 (3), кайтагцев – 5 (4), кубачинцев – 88 (57) человек³.

Эти данные свидетельствуют о том, что лишь незначительная часть представителей малочисленных народов Дагестана, кроме андийцев, воспользовалась правом указать свою истинную этническую принадлежность. Это может означать либо то, что они не придают этому фактору значения, либо, что их этническое сознание достаточно трансформировалось и они инкорпорировались в состав соответствующих крупных по численности народов: аварцев и даргинцев.

Данная тема актуализируется некоторыми общественными объединениями, обвиняющими руководство Дагестана в ущемлении прав человека и народов.

Так, Национальный совет андийцев, созданный в мае 1998 г. после завершения военных действий в сентябре 1999 г., в которых андийцы проявили себя с самой лучшей стороны и были отмечены руководством республики, решил заявить о себе на политической сцене. В апреле 2000 г. состоялся съезд представителей сельских сходов населенных пунктов андийцев, где обсуждались вопросы: а) о создании андийского поселка в черте г. Хасавюрта, б) о национальной самоидентификации с установлением андийцам статуса малочисленного народа РФ, в) о признании их равноправия с другими народами Дагестана и создании для этого всех условий.

Результаты переписи 2002 г. выявили резкое уменьшение численности малочисленного народа Дагестана – горских евреев, которые в официальных документах фиксируются двояко – как горские евреи и как таты: в РФ – 3394 человек, в том числе в РД – 1066 человек⁴. В связи с ростом национальной и социальной напряженности из-за войн и конфликтов на Кавказе, отсутствием личной безопасности, неуверенностью в завтрашнем дне многие горские евреи вынуждены были принимать решение о репатриации. За 1990–2002 гг. из Дагестана в страны дальнего зарубежья (в

¹ Проект Федерального закона «Основы правового статуса малочисленных коренных народов России». М., 1993. Статья № 1.

² Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ». М., 1999.

³ Национальный состав и владение языками, гражданство. Книга 1. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Том 4). М., 2004. С. 7 – 18, 58 – 59.

⁴ Там же.

основном в Израиль) выехало около 13 тыс. человек; при этом наибольшее число выбывших приходилось на 1994–1995 гг.: по 1,8–1,4 тыс. человек ежегодно¹.

По итогам переписи 2002 г. преобладающая часть населения республики оставалась сельскими жителями (57,2%). Процесс урбанизации, происходивший до начала 1990-х годов, был прерван, а доля городского населения уменьшилась на 0,5 пункта. Вместе с тем увеличилась концентрация населения в столице Дагестана – г. Махачкале, где сосредоточено более 21% населения (545 тыс. человек).

За последние 13 лет в республике в число городов с численностью населения свыше 100 тыс. жителей вошли города Дербент (101,0 тыс. человек) и Хасавюрт (121,8 тыс. человек). Численность населения трех городов (Каспийск, Буйнакск и Кизляр) превысила 50 тыс. человек. Однако по уровню урбанизации населения республика занимает лишь 81-е место среди регионов России (доля городского населения в целом по России – 73,3%, по Северному Кавказу – 55,5%)².

В межпереписной период шел процесс увеличения числа сельских населенных пунктов, а также их укрупнения. Три четверти сельских жителей проживает в больших и крупных сельских населенных пунктах с числом жителей 1 тыс. и более; их число выросло в 1,4 раза.

Отток и естественная убыль населения повлияли на увеличение числа мелких населенных пунктов с числом жителей менее 500 человек. Число таких поселений уменьшилось на 15%, а число проживающих в них – на 11%; в них проживает менее 12% сельских жителей.

Впервые при переписи населения получены сведения о гражданстве населения России. Гражданами Российской Федерации назвали себя 2573 тыс. человек дагестанцев (99,9%), из них 0,2 имеют второе гражданство. 2 тыс. человек имеют гражданство других государств; 1 тыс. человек — лица без гражданства и 0,2 тыс. человек не указали своё гражданство.

Как и в целом по Российской Федерации, в Дагестане отмечается процесс демографического старения населения. По сравнению с переписью 1989 г. средний возраст населения республики незначительно вырос и составил 25,2 года в целом по республике; у мужчин – 24,0 лет и у женщин – 25,0 лет. Вместе с тем, население Дагестана является одним из молодых в стране.

Число супружеских пар составило 527 тысяч (по данным переписи 1989 г., 358 тысяч). Из общего числа супружеских пар 31 тысяча состояла в незарегистрированном браке. Так же, как и в предыдущей переписи, число женщин, указывающих состояние в браке, на 10 тыс. человек превышает число состоявших в браке мужчин. Увеличился удельный вес «никогда не состоявших в браке» мужчин (с 26,5% в 1989 г. до 32,2% в 2002 г.) и женщин – с 19,1% до 23,3%.

Процессы, происходящие в брачной структуре населения, сказались на числе и составе домохозяйств. Впервые после переписи 1897 г. за учетную единицу переписи была принята не семья, а домохозяйство. Переписью 2002 г. было учтено почти 570 тысяч частных домохозяйств, в которых проживает 2559 тыс. человек, или 99% всего населения Дагестана. Средний размер домохозяйства по Дагестану составил 4,5 человека (по России – 2,7). Свыше двух третей частных домохозяйств (67,7%) – это домохозяйства, состоящие из 4 и более человек (по России их четверть — 26,3%). Все большее распространение в Дагестане получают малые нуклеарные семьи.

Вырос образовательный уровень населения республики: 1650 тыс. человек в возрасте 15 лет и более имели образование основное общее и высшее, что составило 90% этой возрастной группы; их численность увеличилась за межпереписной период в 1,8 раза. Из 1000 человек в возрасте 15 лет и более основное общее образование и выше имели 895 человек (в 1989 г. – 773)³.

В настоящее время показатели естественного движения населения Дагестана пока еще относительно благополучны: рождается ежегодно по 40–41 тыс. человек, умирает по 15–16 тыс. и естественный прирост составляет 25–26 тыс. человек. Однако из-за отрицательного сальдо миграции (-5–6 тыс. человек) численность населения РД увеличивается ежегодно примерно на 20 тыс. человек.

Общий коэффициент рождаемости населения в Дагестане (15,9‰ в 2004 г.) примерно в 1,3 раза выше, чем в среднем по Северо-Кавказскому региону (12,0) и в почти 1,6 раза выше, чем в РФ (10,2), а общий коэффициент смертности (6,0‰) в 2 раза ниже, чем в республиках Северного Кавказа (13,6) и в 2,7 раза ниже, чем в РФ (16,4). Поэтому общий коэффициент естественного прироста (9,9‰) – один из самых высоких в России.

Половозрастная структура населения Дагестана относительно стабильна – мужчины составляют 48%, женщины – 52% населения. Доля детей в возрасте до 15 лет постепенно сокращается из-за падения рождаемости и составляет 30,7%, растет доля лиц трудоспособного возраста (58,3%) и старше трудоспособного возраста (11,0%). Ожидаемая продолжительность жизни составляет 72,3 года (68,5 – мужчины и 75,9 – женщины). Падает показатель жизнеспособности населения: за 1989–2004 гг. он снизился с 4,3 до 2,5⁴.

Подводя краткие итоги, следует отметить, что народы Дагестана со второй половины XIX до начала XXI века прошли сложный путь этнодемографического развития в составе России. Срав-

¹ Миграция населения Республики Дагестан в 1999 г. Статистический сборник. Махачкала, 2000. С.36; Демографический ежегодник. 2002 год. Статистический сборник. Махачкала, 2003. С.155.

² Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года в Республике Дагестан. С. 11.

³ Там же. С. 22 – 23.

⁴ Там же. С. 14; Численность и миграции населения Российской Федерации в 2003 году. Статистический бюллетень. М., 2004. С. 12 – 15.

Динамика этнического состава населения Дагестана за 1926 - 2002 гг. (в современных границах)¹

Национальность	1926 г.		1939 г.		1959 г.		1970 г.		1979 г.		1989 г.		2002 г.		Прирост 2002 г. к 1926 г. в %
	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%	
Все население	744,1	100,0	1023,3	100,0	1062,5	100,0	1428,5	100,0	1628,2	100,0	1802,2	100,0	2576,5	100,0	346,3
Аварцы ²	177,3	23,8	231,2	22,6	239,4	22,5	349,3	24,5	418,6	25,7	496,1	27,5	758,4	29,4	427,7
Даргинцы ³	125,7	16,9	151,1	14,8	148,2	14,0	207,8	14,5	246,9	15,2	280,4	15,6	425,5	16,5	338,5
Кумыки	87,8	11,8	101,5	9,9	120,9	11,4	169,0	11,8	202,3	12,4	231,8	12,9	365,8	14,2	416,6
Лезгины	90,5	12,2	96,8	9,5	108,6	10,2	162,7	11,4	188,8	11,6	204,4	11,3	336,7	13,1	372,0
Лакцы	39,9	5,9	51,9	5,1	53,5	5,0	72,2	5,1	83,4	5,1	91,7	5,1	139,7	5,4	350,1
Табасараны	31,9	4,3	33,4	3,2	33,5	3,2	53,3	3,7	71,7	4,4	78,2	4,3	110,2	4,3	345,5
Ногайцы	20,3	2,7	17,5	1,7	14,9	1,4	21,8	1,5	25,0	1,5	28,3	1,6	38,2	1,5	188,2
Рутульцы ⁴	10,3	1,4	20,4	2,0	6,6	0,6	11,8	0,8	14,3	0,9	15,0	0,8	24,3	0,9	235,9
Агулы	7,7	1,0			6,4	0,6	8,6	0,6	11,5	0,7	13,8	0,8	23,3	0,9	302,6
Цахуры	3,5	0,5			4,3	0,4	4,3	0,3	4,6	0,3	5,2	0,3	8,2	0,3	234,3
Русские	65,7	8,8	195,3	19,1	213,8	20,1	209,6	14,7	189,5	11,7	165,9	9,2	120,9	4,7	184,0
Азербайджанцы	23,4	3,1	31,2	3,0	38,2	3,6	54,4	3,8	64,5	4,0	75,5	4,2	111,7	4,3	477,3
Чеченцы	21,4	2,9	27,7	2,7	12,8	1,2	40,0	2,8	49,2	3,0	57,9	3,2	87,9	3,4	410,7
Евреи горские	11,6	1,6	10,9	1,1	16,2	1,5	11,9	0,8	4,7	0,3	3,6	0,2	1,1	0,0	-
Евреи европейс.	3,0	0,4	11,2	1,1	5,2	0,5	10,2	0,8	14,0	0,9	9,4	0,5	1,5	0,0	-
Таты	0,2	0,0	...	0,0	3,0	0,3	6,4	0,5	7,4	0,4	12,9	0,7	0,8	0,0	-
Украинцы	4,1	0,6	13,4	1,3	10,3	1,0	9,0	0,6	6,9	0,4	8,1	0,4	2,9	0,1	-
Армяне	5,8	0,8	6,2	0,6	6,5	0,6	6,6	0,5	6,5	0,4	6,3	0,3	5,7	0,2	-
Татары	1,5	0,2	5,4	0,5	6,0	0,6	5,8	0,4	5,7	0,3	5,5	0,3	4,7	0,2	-
Белорусы	0,2	0,0	0,9	0,1	1,3	0,1	1,6	0,1	1,2	0,1	1,4	0,1	0,5	0,0	-
Осетины	0,2	0,0	1,7	0,2	1,4	0,1	1,6	0,1	1,3	0,1	1,2	0,1	0,9	0,0	-
Грузины	0,7	0,1	1,9	0,2	1,7	0,2	2,1	0,1	1,1	0,9	0,1	0,0	0,9	0,0	-
Корейцы	-	-	-	-	3,6	0,3	1,4	0,1	0,7	0,0	0,6	0,0	0,3	0,0	-
Немцы	2,5	0,3	6,9	0,7	0,8	0,1	1,0	0,1	0,8	0,1	0,5	0,0	0,3	0,0	-
Персы	3,5	0,5	2,4	0,2	...	0,0	0,7	0,0	0,3	0,0	0,5	0,0	0,7	0,0	-
Прочие	5,4	0,7	4,4	0,4	5,5	0,5	5,4	0,4	7,3	0,4	7,5	0,4	5,4	0,2	-

¹ Общая численность населения Дагестана и численность каждой национальности республики даны в сопоставимых границах. Расчеты произведены в пределах в современных административных границ Республики Дагестан на 9.10. 2002 г. Таблица составлена по следующим источникам: Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. Т.5. С. 342-346, 364; Госкомстат РФ. Фонд «Перепись населения 1939 г. Д.41. Л. 537, 540; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 324, 350, 374; Итоги Всесоюзной переписи 1970 г. М., 1973 Т. IV. С.133-134; Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1984. С. 10, 40, 76; Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 127-128; Национальный состав и владение языками, гражданство. Книга 1. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 4) М., 2004. С. 58-59.

² В это число входит численность не только аварцев (138,7 тыс. человек в 1926 г.), но и андо-цезских народностей и арчинцев (38,6 тыс. человек).

³ В это число входит численность даргинцев (108,9 тыс. человек в 1926 г.), а также кайтагцев и кубачинцев (16,8 тыс. человек).

⁴ Численность рутульцев, агулов и цахуров в материалах переписи 1939 г. показана суммарно.

КУЗНЕЧНОЕ РЕМЕСЛО АВАРЦЕВ

Определенное место в хозяйственной деятельности аварцев в XV–XIX вв. занимала металлообработка, которая представлена была двумя направлениями: ювелирным и кузнечным ремеслами. Состояние их и удельный вес в хозяйстве определялись основными отраслями – земледелием и скотоводством, необходимыми для жизнеобеспечения населения. Если ювелирное ремесло было больше ориентировано на продажу и обмен за пределами своего селения, то кузнечное – на обеспечение собственных потребностей, предметы кузнечного производства должны были удовлетворять нужды населения своего селения, только небольшая часть их шла на продажу.

Изготовлением металлических предметов занималось небольшое количество лиц. Это было сугубо мужское занятие. Кузнечное дело – самое древнее ремесло, связанное с обработкой металла. «В Дагестане ее развитие было основано на достаточно богатых и доступных для разработок местных залежах сидеритовых руд и местной топливной базе. Высокий уровень металлургии железа и его обработки документирован многочисленными находками сырдутных печей и шлаков»¹. Такие очаги обнаружены на территории Гунибского района около селений Ахнада, Наказух, Согратль².

Освоение железа в горах Дагестана относится к рубежу II–I тыс. до н. э. И этот процесс продолжался до позднего средневековья. Железообработка имела большое значение в дальнейшем развитии производительных сил, так как основу экономики Дагестана составляли земледелие и скотоводство, а позднее и ремесло. В свою очередь уровень производства зависел от степени развития средств труда, и в первую очередь от этого зависел технический уровень сельского хозяйства, поскольку производство орудий труда земледельца было связано с состоянием и развитием техники обработки металлов и других материалов. До налаживания торгово-экономических связей с Россией металл добывался на месте, и в XVIII – начале XIX в. в Дагестане существовало литейное производство. По этнографическим материалам установлено, что добыча руды и ее плавка были очень трудоемким процессом, требующим глубоких знаний, трудовых навыков и усилий нескольких людей. Установлено, что на производство одного пуда кричного железа шло большое количество руды, 3–4 куб. м дров и 5,5 человеко-дней труда³. Получаемое железо было невысокого качества. Тем не менее, его производили, учитывая большой спрос на него. Было необходимо создание собственной базы изготовления металлических предметов, без которых немислимы были земледелие и сам быт горцев.

Однако еще в начале XIX в. железо оставалось дефицитом, и нехватка его сильно ощущалась.

С середины XIX в. купцы стали привозить железо из Кизляра, Астрахани и других городов России как товар, и оно было по качеству лучше местного и обходилось дешевле. Тем не менее, в целом железо, особенно сталь, было труднодоступно и стоило дорого. По рассказам старых кузнецов, в конце XIX века сталь обменивалась на курдюк или вяленое мясо по весу один к одному.

Для занятия земледелием становление кузнечного ремесла было просто необходимым условием, требовались профессиональные мастера, для изготовления нужных в хозяйстве и быту предметов. Появились и кузницы с инструментами и кузнецы. Кузнец становится важным человеком в коллективе – общине, он пользуется особым почетом и уважением. К его помощи прибегали в случаях тяжелой болезни, особенно детей, к нему шли за мудрым решением. Наряду со знахарскими обрядами и действиями, кузнец-лекарь действительно лечил: удалял больной зуб щипцами собственного изготовления, поил при желудочного-кишечных и других болезнях водой из кузнечного корыта – «закалочной водой», прием известный у многих народов, делал кровопускание при сильных болях в затылке. Безусловно, на кузнеца, связанного с железом и которому оно «подчинялось», распространялся культ железа, широко известный на Кавказе. С железом связаны легенды и предания, народы Дагестана почитали его так же, как многие народы мира. Ему приписывали сверхъестественную силу, лечебные свойства. В связи с этим Г.А. Гаджиев пишет: «Этим объясняется первостепенная роль, которая отводилась железу или металлу вообще в древних магических обрядах по изгнанию злых духов из тела больного, против сглаза или всякой скверны. Металл выступает в ранних верованиях народов панацеей от всяких болезней, средством для увеличения продуктивности скота, плодородности и плодородия полей, садов, благополучия

¹ Гаджиев М. Г., Давудов О. М., Шихсаидов А. Р. История Дагестана с древнейших времен до конца ХУ в. Махачкала, 1996. С. 134.

² См.: Криштопа А. Е. Средневековый очаг металлургии в бассейне Каракойсу // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980. С. 231 – 237.

³ Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси // Материалы и исследования по археологии (МИА). М., 1953. № 32. С. 22, 26.

дома, домашней обстановки и т. д. Не только железо, но и все, что в какой-то мере имеет связь с железом, стало считаться сверхъестественным ... это в первую очередь относится к железному стуку, якобы отгоняющему злых духов в обрядах; кузнечному делу, окруженному ореолом святости всему, что связано с кузницей и кузнецом»¹.

По своему положению в обществе кузнецы подразделялись на разные категории. Общественный кузнец, например, как бы находился на службе общины, делал все, что нужно для всех жителей селения – сельскохозяйственные орудия, предметы домашнего обихода. Была установлена одинаковая оплата для всех хозяйств, независимо от того, выполнил работу кузнец для этого дома или нет. Кузницу для него строили коллективным методом, джамаат выделял для нее удобное место ближе к центру аула.

Кузнец другой категории – это свободный мастер. Он работал на рынок или по заказу. Все, что требовалось для его ремесла, он должен был обеспечить сам. Ему было экономически выгодно заниматься только своим ремеслом, а необходимую по хозяйству работу выполнял нанимаемый для этого человек, в том числе обрабатывал и землю.

Итак, для кузнечного ремесла необходимо специальное рабочее место с конкретным оборудованием. Это было обычно небольшое помещение. У северной стены устроен стол, поверхность которого обмазана глиной – это горн, сбоку к нему пристроен мех – приспособление с растягивающимися кожаными складчатыми стенками для нагнетания воздуха. Центральное место стол-горна занимает очаг, над которым установлен зонт для выхода дыма. К горновому гнезду (очагу) сбоку = снизу подведена узкая керамическая трубка для подачи воздуха из меха. Количество подаваемого воздуха регулируется скоростью – амплитудой работы меха, для чего к задней широкой части нижней плоскости его прикреплен веревка, соединенная с жердью, которая при движении вверх-вниз, подтягивала нижнюю плоскость к верхней, выдавливая воздух. Поступление воздуха в мех и его подача в очаг осуществлялась через клапаны.

Основным опорным инструментом была наковальня. Ее устанавливали сбоку = спереди горна так, чтобы мастер, оставаясь на месте, мог взять щипцами предмет и положить его на наковальню. Наковальню укрепляли на уровне пояса к крепкому массивному деревянному чурбану, наполовину закопанному в землю. Обычно наковальня была двурога, хотя, в общем, они были разных форм и размеров; их покупали на базарах по довольно дорогой цене. Вокруг наковальни должно быть достаточно просторно, чтобы, если нужно, мог работать помощник-молотобоец (он становился напротив мастера) и тот, кто растягивал мех.

Рядом с горном (впереди) находится каменное корыто с водой для охлаждения кузнечного инструмента и закалки изделий. Кузнецы рассказывали, что вода в корыте, «работавшая», не портится, она приобретает специфический вкус и некоторые люди приходили специально, чтобы ее пить. Корыто время от времени тщательно очищали от окалины железа (металлической корки, образующейся при закаливании) и меняли воду. Инструменты лежали на столе (горне). На столе с другой стороны очага, где стоял кузнец, лежала небольшая куча угля, от которой он время от времени часть подбрасывал в огонь. А ящик с углем находился в углу за горном.

Основными инструментами, которыми работал кузнец, были молотки разных размеров и форм, кувалды, клещи, щипцы плоскогубные, кусачки, зубила, пробойники, напильники, ножницы по металлу. Инструменты были самодельные, в основном клещи с разными формами губок и пружинящими рукоятками для прочного удержания поковок во время сильных ударов кувалдой или тяжелым молотом. Необходимым инструментом были тиски, особенно для зажима раскаленных заготовок, когда надо было придать им фигурные формы и при выполнении работ с применением напильника.

Кузнецы изготавливали из черного металла сошники, мотыги, кирки, серпы, косы, ножницы для стрижки овец, топоры, специальные ножи (чалта) с широким лезвием типа мачете для рубки сена, хвороста, лопаты, тесла для мельничных жерновов, предметы кухонной утвари, треножники, цепи, светильники, щипцы, ножи, конскую упряжь, подковы и гвозди к ним, железные детали для плотничьих инструментов, инструменты для обработки кожи, дверные петли и ручки и многое другое.

При кузнечных работах выполнялось множество операций – отрубка, осадка, протяжка, пробивка, гибка, скручивание, свивание, сварка. Особого внимания заслуживает сварка – соединение двух заготовок, нагретых до определенной температуры, с помощью ударов. В Куяда, Чохе, Согратле, других аварских селениях применяли способ сварки внахлест. Подготовленные путем высадки концы заготовок нагревали, складывали их и, нанося частые удары, закрепляли. При многократном повторении этого действия металл «сваривался», исчезал шов. При дефиците стали это была очень важная операция – у предмета из мягкого железа рабочий конец становился твердым,

¹ Гаджиев Г.А. Амулеты и талисманы народов Дагестана. Махачкала, 1996. С. 152 – 153.

долговечным, трудно затупляемым. Следует отметить, что аварские кузнецы достигли высокого уровня мастерства в этой сложнейшей операции. Это была трудная и ответственная операция, от которой зависели качество изделия и стойкость рабочего орудия. Необходимо было соблюдать температурный режимковки: при слабом нагреве металла он плохо куется и на изделии могут появиться трещины; нагревание выше необходимой температуры приводит к порче металла – перегосу, в результате чего он при ковке разрушается. А температуру нагретого металла определяли визуально по цвету закаливания. Соблюдение нужной температуры (для разных изделий разной) нагреваемого металла было очень важно при закалке изделий: при перегреве (начался процесс разрушения) оно может треснуть, тогда вся работа идет на нет, и металл испорчен, недостаточный нагрев приводит к слабой закалке и снижению стойкости. Для закаливания изделия, исходя из его вида, назначения, формы и типа металла, применяли родниковую воду, сырую нефть, влажную землю, охлаждать оставляли на воздухе.

Помимо необходимых в хозяйственной деятельности орудий труда и предметов домашнего обихода, кузнецы ковали художественные изделия: светильники на треножках с листовидными чашами, надочажные цепи, ограды для балконов, цепевидные засовы на воротах из скрученных прутьев, кольца-ручки для ворот, уздечки. Наиболее трудоемким процессом была выковка цепи. Цепи были разной формы и размеров в зависимости от фантазии кузнеца и желания заказчика. На очажной цепи мастер, не меняя ее утилитарного назначения, оттачивали свое умение, выказывая уважение к предмету, о чем свидетельствуют часто встречаемые фигурные элементы, витые детали (художественная фантазия мастера). Несколько слов о железных ограждениях веранд, балконов, появившихся в домах богатых аварцев во второй половине XIX в. Эти работы были выполнены местными кузнецами, соблюдавшими в рисунке определенные художественные традиции народа. Здесь каждая деталь, кованная у горна, приобретала легкую, красивую форму и выполняла самостоятельную роль в общем рисунке.

Кузнец работал всегда стоя, садился во время нагревания заготовки в горне, работал в обычной одежде, но фартук обычно шили из обработанной телячьей шкуры – она защищала одежду от раскаленной окалины, разлетающейся при ударе молотка о металл.

В заключение отметим, что кузнечное ремесло для аварцев имело важное хозяйственное значение, оно было связано с земледелием и в целом достигло высокого уровня. Кузнец был почитаемым, уважаемым человеком в селении, имена некоторых мастеров знали во всем обществе.

А.И. Исламмагомедов

К ВОПРОСУ О ТЕРРИТОРИИ И НАЗВАНИИ ОБЩЕСТВА АНДАЛАЛ В XIII – XVIII ВВ.

Интерес к истории и политической жизни своего народа, его обычаям и традициям, культуре и устному народному творчеству проявляет каждый человек. Особенно он возрос в последнее время, когда произошла смена общественно-экономических отношений, усилились демократические тенденции, насущными стали духовные потребности, выросли национальное самосознание и самоуважение. Среди многих исследуемых и интересующих людей тем главной стала тема об образовании селений и организации их в союзы. Проблема становления и развития союзов сельских общин Дагестана является сложной и многоплановой. В этой небольшой заметке хочу обратить внимание читателя на одну запись, касающуюся общества Андалал – одного из самых больших союзов сельских общин Дагестана в XVI–XVIII вв.

Эта запись сделана в конце одного из списков хроники «Тарих Дагестан». В настоящее время известно уже около 40 списков. «Тарих Дагестан» Мухаммадрафи относится к числу ценных и сложных исторических сочинений, освещающих историю Дагестана X–XIV вв. Ценным в сочинении является список обществ, отрывок, где перечисляются доходы шамхала Гумика. Само усиление шамхальства, по-видимому, относится к началу XIV в. Все списки чем-то отличаются друг от друга. Список «оказался настолько «жизненным», настолько «актуальным», что корректировался в зависимости от места, происхождения или переписки».¹ В подробном перечне (он есть почти во всех списках) населенных пунктов, обществ, участков, которые должны были вносить ежегодно харадж (дань) кумухскому шамхалу (потомкам Хамзы и Аббаса) нет общества Андалал и селений, входящих в него. Только в одном – 21- списке, после обычного перечня субъектов имеется дополнительная (поздняя) запись: «Все эти хараджи удостоверены и зафиксированы в тарихе, в селении Гази-Кумух, их придерживались при начале ислама в Дагестане ввиду насильственной

¹ «Тарих Дагестан» Мухаммадрафи // Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М., 1993. С. 95.

исламизации населения. Что касается нижеследующих селений Айвицху и они: Члувх, Сугьраль, Глубувх, Мухлуб, Гьамсукь, Кудалиб, Кугьуриб, Салта, Кьуруда, Гьуниб, Хлутлчл, Гьунуди, Киндахи, Ругьжаб, то на них нет податей (хараджат), кроме быка на каждое селение в год назначения шамхала за то, что они добровольно приняли ислам без сопротивления и вооруженной борьбы. Все эти названные селения под одним именем Г'андалал были свободными по свидетельству казикумукских (гьумувкь) эмиров и их алимов».

Таким образом, можно считать, что документ свидетельствует о существовании в этот период независимого общества Андалал и поэтому эти селения не платили шамхалу Гумика харадж.

В другом переводе записи последнее предложение дано в такой редакции: «Все названные селения получили единое название Андалал ввиду освобождения их от хараджа при свидетельстве эмиров Гази – Гумика и их Алимов».¹

В связи с этой записью возникает вопрос: что означает селения Вицху (Вицхо)? Вицхинский участок казикумухского шамхальства (с 1860 года округ) состоял из лакских селений Унчукатль, Кума, Куркли, Куба и других, расположенных ниже Кумуха на левой стороне реки Казикумухское Койсу. Они граничат с аварскими селениями, входящими в общество Андалал. По этой записи получается, что общество Вицху состояло из лакских и аварских селений и занимало огромную территорию от Казикумухского Койсу до аварского Койсу на северной широте 42°15'.

Может быть, это был союз свободных узденских селений, заключенный, чтобы оградить себя от разных притязаний казикумухского шамхала и хунзахских ханов. Известно, что горцы не любили подчиняться чьей-либо власти. Они, имея выраженный свободолюбивый характер, выступали вместе как против, своих, так и иноземных поработителей. Это настроение отражено и в ада-тах. В одном из документов, датированном XVII в. («Свод решений, обязательных для жителей андалальского округа») сказано: «Если кто-нибудь из наших возьмет лошадь или оружие с условием служить эмиру (подразумевается хан, вероятно, казикумухский, территория которого непосредственно граничила с территорией Андалальского «вольного общества» – Х-М. Хашаев), то, что взял, становится нашим, под каким бы предлогом он его ни приобрел – по просьбе или другим путем.

Если кто из нас к эмирам пойдет без дела и особой нужды и пробудет у них 3 дня, то с него взыскивается 100 баранов.

Если кто из нас даст в пользу эмира выгодные ему свидетельские показания, то с него взыскать 100 баранов».²

Есть и другие сведения, подтверждающие высказанное положение. Например, «Соглашение жителей селения Убра», где говорится: «При их, хана или нукеров, посещениях селения Убра (лакское селение, соседнее с андалалцами – А.И.) для отбора у кого-либо имущества или убийства человека, убринцы должны биться с ними... Если кто-либо не будет драться с эмирами, ... то все его недвижимое имущество – дом, пахотные земли, сенокосы перейдут в общественную собственность».³ Таким образом, независимость свою эти общества рассматривали как условие своего существования.

Вернемся к указанной записи. Если так называемый объединенный Вицху был антифеодальным союзом, то почему, по какой причине он распался? Согласно «Тарих Дагестан» лакские селения Унчукатль и Куба (Кубали) платили харадж шамхалу, а аварские селения нет. Получается, что общественное положение селений в одном обществе было разное. Теперь о названии «Вицху». Любопытно, об этом говорит и А. Комаров. Он пишет: «Когда-то Андалал был одним из самых больших обществ Дагестана и назывался Вицхо. Название это сохранилось в Вицхинском наместничестве Казикумухского округа».⁴ Возможно А.В. Комаров был знаком с текстом тариха, введенным в научный оборот М.А. Казембеком в 1851 г. в качестве приложения к «Дербенд-наме» (арабский текст, переведенный на английский язык). В связи с вышесказанным можно допустить два предположения.

Первое, наиболее вероятное то, что автор этой дополнительной записи в 21 списке «Тарих Дагестан» ошибся в названии общества и в его составе. Название Вицху (Вицхо) существовало, но имеются большие сомнения, что так называлось прежде общество Андалал. Почему эти селения получили название Г'андалал «ввиду освобождения их от хараджа»? Что означает этноним Г'андалал (г'андалав) и когда он возник? Известно, что территория, на которой жили аварцы в XII–XIII

¹ Там же. С. 96.

² Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. Архивные материалы / Составление, предисловие и примечания Х-М. Хашаева. М., 1965. С. 63.

³ Из истории права народов Дагестана. Материалы и документы / Составитель А.С. Омаров. Махачкала, 1968. С. 223.

⁴ Комаров А.В. Списки населенных мест Дагестанской области // Сборник статистических сведений о Кавказе. Т. 1. Тифлис, 1869. С. 8.

вв., была разделена на множество самостоятельных политических образований со своими названиями. Это время для Аварии стало временем больших внешних и внутренних исторических, социальных, политических событий. Усилились межфеодалные раздоры. В хронике «Тарих Дагестан» сказано: «В это время между ними (правители Авар) и эмирами Гумука начались страшные войны и сатанинские распри».¹ На этот период падает завершение процесса распада небольших тухумных поселений и сложение (объединение) на их базе крупных населенных пунктов – территориально-тухумных сельских общин. Государство (нуцальство) Серир начало распадаться на ряд мелких феодальных владений, образовались крупные союзы сельских общин, усилились и стали независимыми.

Комментируя текст сочинения арабского автора X века, В.Ф. Минорский пишет: «Под заголовком ас-Сарир «Царство трона» Ибн Руста говорит в действительности о нескольких княжествах... Власть Сарира простиралась на «замок адал и гумик». Гумики (кумухи, ныне лаки), живущие на восточном рукаве Кой-Су, легко могли быть вассалами Сарира; адал остается загадкой, хотя несколько названий, оканчивающихся на лал, может представлять собой аварскую общину, расположенную по верхнему течению реки Кара-кой-Су. Ее центр Чох».² Основываясь на сказанном, можно предположить, что союз сельских общин с названием Андалал в упомянутое время уже существовал. Есть некоторые попытки расшифровать, этимологизировать этноним Гландадал, но какого-либо приемлемого объяснения не существует, поэтому эти мнения не привожу. Может быть, есть смысл связать слово «гландалал» (андалал) с названием местности Гланада (территория селения Ругуджа) у реки Кара – Койсу, где находился центр (замок – крепость) феодального образования, существовавшего предположительно в IX – XIII веках. Позже, на этом месте – Гланада майдан – собирались представители селений общества Андалал для обсуждения и решения наиболее важных вопросов, касающихся всего джамаата (бо). Полагаю, что население данной области изначально называлось «гланадалал», наподобие «хунз» (Хунзах), «гландал» (Анди), «каралал» (Карата), «бальхал» (Ботлих), «цледехл» (Цудахар) и т.д. Слова гланадалал и гландал в арабском написании выглядят одинаково **عندال** с исчезновением феодального образования – ханства и сложением гражданского, вольного общества – союза равноправных сельских общин – постепенно слово гланадалал приобрело форму гландалал, второй звук «а» во втором слоге исчез.

Второе предположение по поводу вышеназванной записи в 21 списке «Тарих Дагестан». Возможно, такое общество некоторое время существовало, и автор записи назвал его Вицху. Известно, что временами изменялось общественно-политическое положение как вольных обществ, так и феодальных владений. Усиление по какой-то причине феодального владения приводило к присоединению к нему некоторых селений из соседних обществ и наоборот, когда оно ослабевало, отходили от него и не платили ему дань. Возможно, время от времени казикумухские ханы заставляли некоторые андалальские селения платить дань, когда Казикумухское ханство ослабевало селения отходили от него и не платили ему дань, освобождались от податей. Так не случалось с селениями Бухты, Шангода, Шитли (селения андалальского общества): казикумухские ханы иногда заставляли их платить дань. Очень может быть, что когда Казикумухское ханство ослабевало по причине раздоров между претендентами за шамхальство – ханство, ряд лакских селений тяготеющих к независимости от феодала, – а таковыми были вицхинские селения, – присоединялись к сильному обществу Андалал, находившемуся в постоянной оппозиции к ханству.

Автор записи, наряду с известными андалальскими селениями, включил в общество Андалал селения Кьуруда (Корода), Гьунуди (Гонода), отстоящие от аула Чох, расположенного приблизительно в центре Андалала, более чем на 50 км. Общение между Согратлем, Чохом и селениями Корода и Гонода было затруднительным еще и потому, что между ними находится Куядинское общество. Можно допустить, что и куядинские селения и хутора (их было более 50) входили в одно общество с вицхинскими и андалальскими, и в таком случае этот союз представлял собой могущественное политическое объединение, которое могло противостоять любому внутреннему и внешнему врагу (вспомним походы Тимура, Осман-паши и Надир-шаха). Здесь следует отметить, что подтверждением сказанному могут служить сведения из арабоязычного сочинения «История потомков Мухаммадхана Казикумухского», входящего в рукописный сборник исторических материалов. В нем границы андалальских земель отмечены по левой стороне Аварского Койсу. Вот, что пишет переводивший сочинение Т.М. Айтберов: «Отпрыски Муххамадхана, попросив пощады, ушли тогда в вилайт Хид и Андалал и попросили местность, и Андалал дал местность Хунуда (Гонода) и Хужал (Гочатль)...». Войско Андалал (под «войском» – аварское «бо» – следует понимать общество – А.И.) дало им землю: до моста Курудэ (Корода), края горы Чина (гора Чина (Чина)

¹ «Тарих Дагестан». С. 104.

² Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда. М., 1963. С. 218–219.

расположена в Хунзахском районе) до Хадани; до места перед Голубиной скалой (Маккакьурда сиби); до края, с которого течет вода (Линту рагалди); до Киркини.

Это местность, которую дало им войско (общество – А.И.) Андалал...»¹

Комментируя слова «до места перед Голубиной скалой», переводчик пишет: «Около сел. Гочатль имеется местность «Под голубиной скалой» (Маккакьурукь). Возможно, что в «Истории потомков» речь идет именно об этой Голубиной скале».²

Трудно представить себе такое вольное общество в средневековом Дагестане, разнонациональное по составу и превосходящее по размерам все горные феодальные владения, но и отрицать такую возможность тоже нет оснований. Некоторые данные говорят о его существовании, но это предмет отдельного исследования.

А.М. Магомеддаев

К ВОПРОСУ О ПОХОРОННО – ПОМИНАЛЬНЫХ ОБРЯДАХ АВАРЦЕВ

Во время археографической экспедиции в сел. Могох Гергебильского района РД нами был обнаружен весьма интересный документ, имеющий отношение к похоронно-поминальным обрядам, совершавшимся в сел. Могох. Этот документ – завещание (васият) жителя селения Могох.

На наш взгляд, документ интересен еще и тем, что он характеризует традиционные подходы к похоронам не только селение Могох, но и, возможно, и близлежащих селений: Гоцоб, Уркачи, Буцра, Чалда и др.

Необходимо подчеркнуть, что отдельные вопросы, указанные в документе, в настоящее время не имеют места в сел. Могох (например, за рытье могилы и т.д. денег не берут).

Кроме того, интересен и тот факт, что денежные единицы называются по персидски («туман», «аббаси») («Габбаси»), «шахи» («шагьи») и т. д.), хотя имели хождение русские деньги.

Документ регламентирует только похороны, других действий (дележ имущества между детьми, родственниками и т.д.) этот документ не предусматривает.

Краткая палеографическая характеристика документа:

– Бумага российская фабричная (мануфактурная), несколько пожелтевшая от времени. На правом верхнем углу тисненый штамп: «Первушин и сыновья. Фабрика № 1 в г. Вятке».

Эта бумага поступала в Дагестан во второй половине XIX века.

– Размеры – 17,5 см. x 11,2 см (Ниже мы воспроизвели документ в его натуральной величине);

– количество строк – 9;

– чернила: черные, поблекшие от времени;

– почерк традиционный дагестанский насх;

– датировка: в самом документе дата не указана. Судя по палеографическим данным, документ составлен во второй половине XIX века;

– архитектура (внутренняя структура) документа: наблюдается четкий порядок изложения текстового материала;

– преспикт (начальная часть) документа: в начале идет invocatio (т.е. богословская преамбула – «басмалла», «хамдалла», «сал’ама»);

– основная часть (наррация, т.е. повествование) – содержание завещания;

– петиция (просьба) – указан исполнитель завещания.

Перевод документа:³

Во имя Аллаха милостивого, милосердного! Хвала Аллаху, господу миров! Да благословит Аллах и приветствует Мухаммада и всех его последователей!

А затем Мухаммад, сын Ханза⁴ завещал три тумана⁵ обществу селения Могох на расходы, связанные с его похоронами, согласно адату (традиции), существующему среди сельчан:

– на раздачу садака (милостыни) в течение семи дней – семь аббаси¹ – по

¹ Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. С. 183.

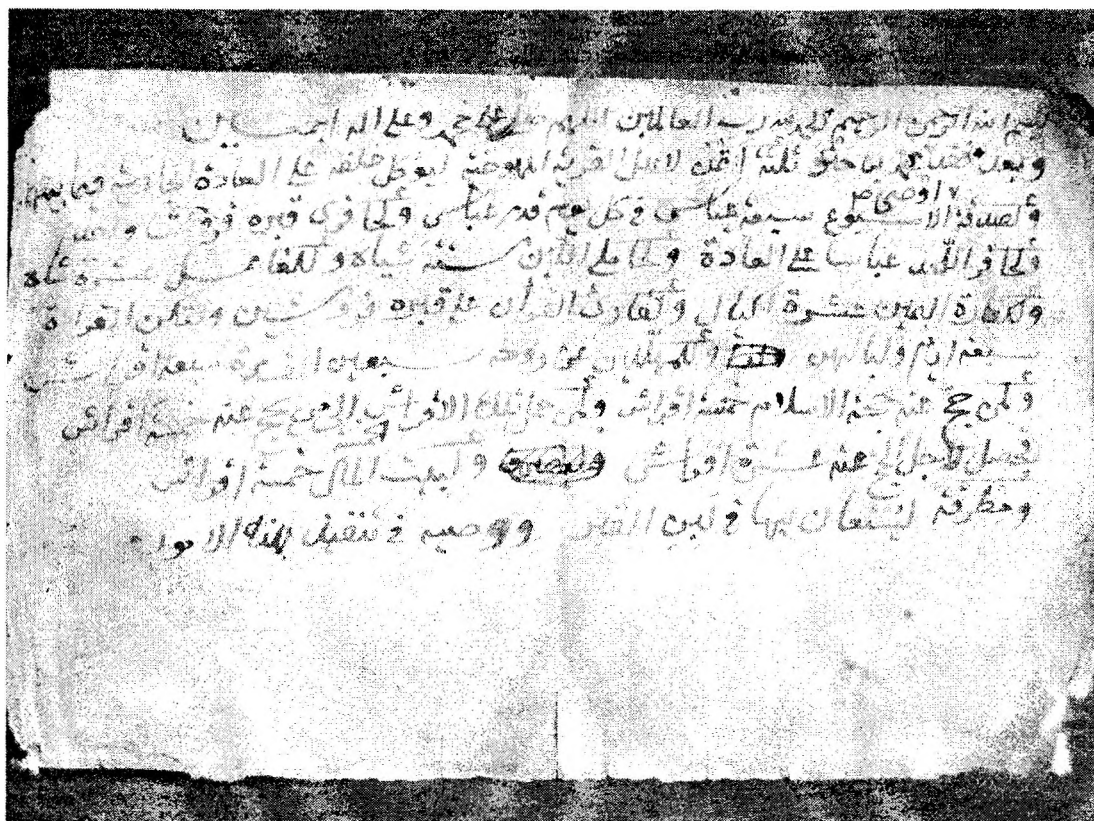
² Там же. С. 186.

³ Автор статьи выражает благодарность старшему научному сотруднику ИИАЭ Омарову Х.А. за его консультации при переводе данного документа.

⁴ Ханза – трансформированное от имени Хамзат.

⁵ Туман – десять рублей.

- одному аббаси каждый день;
- двум копальщикам (могильщикам), выкопавшим для него могилу – один рубль (на двоих);
- выкопавшему лахду (могильную нишу для покойника) – два аббаси, как по адату (традиционно) принято;
- доставившему плиты² на могилу – шесть шагьи,³
- обмывшему джаназу (тело покойника) – десять шагьи;
- кафаратул-ямин (садака за искупление прегрешений) – десять кайлов (зерна);⁴
- чтецу Корана на могиле – два рубля. Коран должен быть прочитан в течение семи дней и ночей;
- совершившим зикр (произношение ритуальных формул) семьдесят тысяч раз – семь рублей;
- тому, кто совершит хадж за него – пять рублей;
- доставившему эти пять рублей тому, кто согласен совершить хадж – пять рублей вознаграждения;⁵
- всего на хадж за него – десять рублей;
- байтул-малу (общественной казне) – пять рублей и кувалда (молот) для использования при добывании и подготовке надмогильных плит;
- завещано выполнение этих дел Мухаммаду... (остальное стерто).

Фотокопия документа.

¹ Аббаси – 20 копеек.

² В сел. Могох (автор этих строк сам из этого села) для лахду традиционно плиты готовили из песчаника. Карьер находится в 2–3-х километрах от селения.

³ Шагьи – пять копеек

⁴ Кайл – 15-16 кг (или около пуда).

⁵ То есть, тот, кто найдет человека, согласного совершить хадж за Мухаммада, сына Хамзата, получит вознаграждение в сумме 5 рублей.

ТРАДИЦИОННЫЙ ИНСТИТУТ ПРИСЯГАТЕЛЬСТВА И СОПРИСЯГАТЕЛЬСТВА У ГОРЦЕВ ДАГЕСТАНА

Одним из уникальных и самобытных институтов по урегулированию и регламентации общественных отношений в традиционных обществах горного Дагестана являлся институт присягательства и соприсягательства. Основанный на адатных и шариатских нормах, а также морально-нравственных предписаниях, этот институт в течение многих веков способствовал практически безошибочному определению правонарушителя в горской системе судопроизводства.

Конфликты в любом обществе и во все времена занимали не последнее место в человеческих взаимоотношениях, а если были конфликты, то соответственно сложились методы и способы их конструктивного разрешения. При разрешении конфликтов большое значение придавалось безошибочному определению виновника происшедшего, от чего в значительной степени зависели благополучный исход в разрешении конфликта по принципу неотвратимости наказания. Способы и методы безошибочного определения виновника происшедшего базировались на нормах обычного права, шариате и морально-нравственных предписаниях и максимально учитывали психологические особенности горцев.

Здесь важно учитывать следующий существенный психологический момент – индивидууму свойственно скрывать негативные мотивы своего поведения даже от самого себя, а уж что говорить, когда дело касается противоправных деяний в обществе, а тем более – преступлений. Стало быть, обеспечение социальной справедливости было одним из важнейших условий стабильности, от которой зависела морально-нравственная атмосфера в сельском обществе.

В методах и способах безошибочного определения преступника горцы не только находили возможность компенсации материального ущерба пострадавшей стороне, но также добивались соблюдения и сохранения морального паритета между конфликтующими сторонами. Все это обусловило возникновение у них множества способов и методов относительно безошибочного определения виновника происшедшего по разным правонарушениям и преступлениям.

Наибольшее распространение среди горцев имели такие методы опознания правонарушителей, как свидетельства очевидцев, вещественные улики, а при воровстве также применялись такие способы психологического воздействия, как перекрытие урины (по-аварски «кварш бухьин»), вращение тарелки (по-аварски «табакI сверизаби») и т.д. Среди всех этих способов и методов определения преступника универсальным и широко распространенным, безусловно, являлся институт присягательства и соприсягательства.

Традиционно сложилось так, что присягательство и соприсягательство у горцев различались двух видов – именем Аллаха и разводом с женой – «хатун-галлах». Следует оговориться, что присягательство разводом с женой своими корнями уходит к периоду доисламской Аравии: «Хатун-галлах принадлежит к числу коренных обычаев аравитян и была воспринята законодательством Магомета».¹

Помимо общепризнанных форм присягательства в обыденной жизни использовались и такие бытовые клятвы – солнцем (у аварцев «ЗобалхIаги»), землей («ракьалхIаги»), матерью («гьаюрый эбелалхIаги») и т.д. Эти бытовые клятвы у народов Дагестана также уходят своими корнями к периоду доисламских верований, и соответственно при адатных и шариатских разбирательствах не признавались. Известный русский исследователь адатных норм Дагестана XIX века А.В. Комаров по этому поводу писал: «По шариату присяга допускается только одним именем Бога: Валлахи, Биллахи, Таллахи. Присяга качествами Бога, Кораном, священными местами и проч. не действительна».² Здесь трудно согласиться с А.В. Комаровым, так как клятва на Коране у народов Дагестана применялась довольно часто. Присягали на Коране, как правило, в мечети и обязательно публично, что накладывало большую ответственность на присягателя и являлось назиданием для всех присутствующих. В случае лжеприсяги присягающий на Коране рисковал своей морально-нравственной репутацией в джамаате, которой горец дорожил свято.

В зависимости от обстоятельств происшедшего применялась также очистительная присяга, когда пострадавшая сторона требовала от подозреваемого очиститься принесением присяги о своей непричастности к совершенному злодеянию.

Таким образом, в институте присягательства и соприсягательства традиционно сложились свои обязательные правила и нормы, несоблюдение которых делало сам акт принесения присяги недействительным. Адаты сельских обществ строго регламентировали такое положение, когда не

¹ *Ладыженский А.М.* Очерки социальной эмбриологии. Ростов-на Дону, 1929. Сноска 2. С.159.

² *Комаров А.В.* Адаты и судопроизводство по ним. // ССКГ. Т. I. Тифлис, 1868. С. 19.

всякий добровольец имел право быть присягателем или соприсягателем. Так, адаты Казикумухского округа регламентируют порядок принесения присяги следующим образом: «В тех случаях, когда требуется присяга, ближайшие родственники подозреваемого для оправдания его должны быть призваны к присяге: первым отец, братья, сыновья обвиняемого, за ним все родственники со стороны отца, а по недостатке или по неимении их призываются и со стороны матери».¹

Также существовала строго определенная категория лиц, не имевшая права приносить присягу и быть соприсягателями.

Так, адаты, принятые в обществе Каралал, запрещают назначать в соприсяжники того, кто имеет с присягающим вражду по убийству, «ибо присягающий не очищается и не подтверждает с подобным соприсягателем, если даже произошло примирение между ними наподобие вступления в родственные отношения путем брака».²

А согласно кодексу Умма-хана Аварского «к присяге не привлекаются: дибир, будун, давший обет об отказе от присяги, раб и наемный работник. Давшим обет не давать присяги считается тот, который пошел к старейшинам воеводства с коровой, подарил ее им, и они, получив корову, признали за ним право не привлекаться к присяге».³

Помимо перечисленной категории лиц, согласно Кодексу Умма-хана к присяге не привлекаются юноши и девушки, не состоящие в браке; также нельзя привлекать к присяге 2-х лиц из одного хозяйства; вовсе не допускается к присяге раб, если он даже отпущен.⁴ Относительно запрета приносить присягу лицам рабского сословия необходимо заметить, что в Аварском ханстве были целые селения, такие как Ках, Квани и Тлейлух, которые не могли присягать за жителей других деревень, потому что они платили подать.⁵

Во многих обществах не допускали к присяге также женщин. Такой запрет существовал, например, в обществах Гинта, Мачада и Тлях. В обществах Хочода, Зиури, Гоор, Кахиб, Тлянуб к присяге не допускались холостые. В Чохе по адату лицо, не дающее «Салам» присягателю, должно быть отстранено от присяги.⁶

Необходимо заметить, что далеко не во всех обществах был наложен запрет на женское присягательство и соприсягательство. Однако повсеместно было принято, что две женские присяги приравнивались к одной мужской и это было санкционировано Кораном: «Берите в свидетели двух из мужчин. А если не будет мужчин, то-мужчину и двух женщин, на которых вы согласны как на свидетелей... И пусть не отказываются свидетели, когда их зовут».⁷

К числу наиболее часто определяемых методом присягательства антиобщественных деяний в горских обществах относились кражи и грабежи, что естественно, если учесть, что такие деяния являются тайными и наиболее тщательно скрываемыми. Соответственно адатные нормы при кражах и грабежах старались учитывать обстоятельства и степень тяжести антиобщественного деяния и с учетом этого коррелировать число соприсягателей. Так, в адатах Казикумухского округа записано: «Если краденная вещь будет найдена в сараях, загонах или скотском дворе, хозяин этих строений присягает и с ним 12 человек ближайших родственников. Если уворованы бараны из овчарни – 12 присяжников, а если с пастбища и украден 1 баран – 1 присяжник, 2 – 2, 3 – 3, 12 – 12 присяжников».⁸

В зависимости от тяжести совершенного преступления число соприсягателей колебалось от 1 до 50. Естественно, самое большое число соприсяжников, согласно адатным нормам, предусматривалось за такие тяжкие преступления как убийство, прелюбодеяние и кражи. Согласно адату Ункрагль-Чамалальского общества, «если обвиняемый в умышленном убийстве не сознается, то его должны очистить 50 человек: 25 по выбору наследников убитого и 25 по выбору убийцы; если не очистится, то он отвечает как сознавшийся убийца».⁹

Согласно нормам обычного права даргинцев, «если какая-либо незамужняя женщина делается беременной и об этом узнают все, то она указывает на виновника. Тот или признается в этом, тогда должен жениться на ней, или отказывается; тогда 40 человек с его стороны (родственники)

¹ Комаров А.В. Указ. соч. С. 19.

² Адаты каралальцев// РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 557. Л. 34.

³ Памятники обычного права Дагестана XVII – XIX вв. / Составитель Х.-М. Хашаев. М., 1965. С. 267.

⁴ Там же. С. 268.

⁵ Из истории права народов Дагестана... С. 48.

⁶ Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – нач. XIX века. Махачкала, 1957. С. 73.

⁷ Сюкияйнен А.Р. Мусульманское право. М., 1986. С. 216.

⁸ Из истории права народов Дагестана... С. 54.

⁹ Там же. С. 153.

должны присягнуть, что он прав».¹ Число соприсягателей по убийствам в разных обществах было разным и доходило до 50.

Решение о согласии на присягу или отказе от нее не является добровольным делом подозреваемого или пострадавшего; порядок принесения присяги регламентируется общинной властью с помощью адатных норм. Так, в адатах келебских селений отмечается: «Если кто без ведома общинной власти предложит присягу по делам убийства, ранения и поджога, то с него взыскивается штраф в размере одного барана».²

Одним из самых тяжких грехов считалось ложное присягательство и соприсягательство.

В случае, если не хватало количества соприсяжников, адатные нормы предусматривали повторение присяги наличным числом присягателей до нормы 50 раз.

«В случае, когда хотя бы один из привлеченных отказывался удостоверить виновность подсудимого, то последний считался оправданным».³

Можно было не сомневаться в истинности того, что 50 соприсягателей подтверждали правду, тем более что присягатели рисковали своей честью и морально-нравственной репутацией в джамаате. Как отмечает М.К. Мусаева относительно хваршин, «лжеприсяжничество было исключительно редким явлением, и дело здесь не в денежном штрафе, а в опасении общественного «поричания, нежелании подвергнуться моральному ostrакизму».⁴

Лжесвидетельство у всех народов Дагестана считалось пороком, который соответственно наказывался как морально, так и материально. Так, в шамхальстве Тарковском и Мехтулинском ханстве избалованный в ложной присяге «подвергается денежному взысканию, показание его и свидетельство не принимаются».⁵

Довольно строгое наказание предусматривают адаты келебских селений по отношению к лжесвидетелю: «Если кто дал ложное свидетельское показание и скрыл то, что знал, не дав свидетельского показания, то с него взыскивается штраф в размере 20 овец и медный котел весом в 4 ратала».⁶

В бежтинских адатах также устанавливалась значительная ответственность — 15 овец за лжесвидетельство,⁷ а в сел. Гента за дачу ложной клятвы взыскивался бык стоимостью в 8 овец⁸.

А чтобы нести материальную ответственность в случае лжеприсяги, присягающий должен иметь необходимые для этого средства. Поэтому адат Технуцальского общества предусматривает: «Для принятия очистительной присяги воспрещается назначать не имеющего имущества на 100 руб....».⁹

Наряду с морально-нравственной и материальной ответственностью в лжеприсяге важное значение имел религиозный аспект. Сам факт принесения присяги на Коране также говорит в пользу этого. Среди горцев всегда бытовало предубеждение, что за ложное присягательство обязательно последует божья кара если не на этом, то в загробном мире. По этому поводу известный исследователь права А.М. Ладыженский отмечал: «Если принять во внимание религиозность горцев, если учесть, что они были глубоко убеждены, будто за лжеприсягу им придется понести на том свете более жестокое наказание, чем всякая другая земная кара, то станет ясным значение присяги как бесспорного доказательства».¹⁰

Однако в правосознании народа лжесвидетельство представлялось не очень предосудительным, если была территориальная выгода¹¹, особенно если земельный спор возникал между двумя общинами, а это в свою очередь указывало на исключительную значимость земли для горцев. Поэтому в горах бытовал бродячий сюжет о присяге на территории соседнего джамаата в обуви, набитой землей со своей территории. Так, в Салатавии сохранилось предание, согласно которому в конце XIX века между джамаатами Гуни и Буртунай имел место земельный спор относительно пограничной поляны, которая до сих пор носит название «ДагIбадул тала» (буквально, — «спорная

¹ *Даггат Б.В.* Материалы по обычному праву даргинцев // Из истории права народов Дагестана... С.83.

² Адаты келебских селений // Памятники... С. 74.

³ *Ладыженский А.М.* Указ соч. С. 158.

⁴ *Мусаева М.К.* Хваршины. XIX – нач. XXв. Махачкала, 1995. С. 143.

⁵ Сборник адатов шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского. // Памятники... С. 186.

⁶ Адаты келебских селений // Памятники... С. 77.

⁷ *Омаров А.С.* Горский адат Дагестана //РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 74. Л.165.

⁸ Книга селения Гента // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.5. Оп. 1. Д.1658. Л. 38.

⁹ Адаты Технуцальского общества // Памятники... С. 137

¹⁰ *Ладыженский А.М.* Указ. соч. С. 158.

¹¹ *Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XIX – нач. XXв. М., 1988. С. 99.

поляна»). Согласно этому преданию трое почетных буртунаевцев – хаджиев, набив обувь землей со своей территории, принесли присягу о принадлежности спорной поляны своему джамаату. По прошествии некоторого времени все трое лжеприсягателей скончались, а в народе их смерть стали объяснять как наказание за якобы принесенную ложную присягу. Такие случаи с неблагоприятным для лжеприсягателей исходом настораживали всех намеревающихся принести ложную присягу, что имело психологическое давление на общество в смысле назидания.

За лжесвидетельство могли лишить человека на определенный срок (или навсегда) права давать обвинительную присягу. Это наказание весьма ощутимое, ибо исключает возможность прибегать к адатному способу судебных доказательств.¹

Как было сказано, присягу приносили в мечети, приложив руку к Корану в присутствии свидетелей. Однако в отдельных обществах устанавливалось специальное место для принятия присяги – учар. В селении Мачада, например, такой учар был установлен под домом Абдурагима.² Такой же учар был установлен в селениях Аварского ханства, где согласно кодексу Умма-хана Аварского, «если двое подрались на учаре, тот, кто первый ударил, должен уплатить штраф стоимостью 2 быка».³

При разбирательстве дел между родственниками, как правило, к присягательству не прибегали, так как это только усугубляло вражду на почве недоверия между ними, что считалось оскорблением.

Далеко не все дозволялось опознавать методом присяжничества. Согласно адатам Каратинского общества не опознаются: деньги, хлеб, зерно, сукно, шерсть, мясо и железо в кусках и соответственно нельзя по ним присягать. Напротив, опознаются: одежда, овчина, лошадиные и воловьи шкуры.⁴

Однако со 2-й половины XIX в. с распространением и утверждением российского законодательства в Дагестанской области роль и значение института присягательства и соприсягательства медленно и неуклонно падает. В 1912 году русский исследователь адатного права Николай Рейнке относительно горцев Дагестана отмечал: «...религиозность настолько пала, что лишь немногие страшатся принести лжеприсягу; с другой стороны, родовой быт настолько ослаб, что взаимный надзор членов рода одного за другим почти прекратился; потому соприсяжники фактически лишены возможности по совести удостовериться то, в чем они приносят присягу».⁵

Аналогичное утверждение высказал также другой известный исследователь права И.Я. Сандрыгайло: «Излишнее и иногда вовсе не нужное для дела требование присяги послужило к упадку ее значения; явились люди, давшие обет никогда не присягать, явились клятвотступники и наемные присягатели».⁶

Но традиционно институт присягательства и соприсягательства в течение многих веков вплоть до окончательного присоединения Дагестана к России и даже в последующий период являлся наиболее эффективной формой выявления преступника и правонарушителя, способствуя тем самым урегулированию взаимоотношений в обществе. Необходимо заметить, что как в исторической литературе, так и в преданиях и легендах почти не встречается (за исключением поземельных споров) случаев несправедливого наказания после принесения присяги, чего нельзя сказать о современном судопроизводстве. В этом, бесспорно, немалая заслуга принадлежит институту присягательства и соприсягательства, который еще долгие годы сохранял свое значение в общественном быту горцев Дагестана, а у многих народов мусульманского Востока до сих пор пользуется широкой популярностью.

Недаром современное российское судопроизводство возвращается к давно забытому суду присяжных, что свидетельствует о большом значении и доверии к институту присягательства и соприсягательства не только у мусульманских народов.

Резюмируя сказанное, отметим, что традиционный институт присягательства сыграл важную роль в урегулировании общественных взаимоотношений у народов Дагестана. Становление этого института происходило под влиянием адатных и шариатских норм, а также традиционных морально-нравственных предписаний. Порядок присягательства и соприсягательства в каждом обществе имел свои особенности и строгую регламентацию, нарушение которого делало принесение присяги недействительным. Принесение лжеприсяги наказывалось в обществе моральным порицанием и даже остракизмом, что поднимало роль этого института в качестве безошибочного мето-

¹ Николай Рейнке. Горские и народные суды Кавказского края. СПб, 1917. С. 48.

² Адаты селения Мачада. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1658. Л.Л. 17 – 18.

³ Кодекс Умма-хана Аварского. // Памятники... С. 263.

⁴ Адаты Каратинского наибства // Памятники ... 149.

⁵ Николай Рейнке. Указ. соч. С.28.

⁶ Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. Тифлис, 1899. С.14.

да определения нарушителя. Однако с распространением русских законов в Дагестане во второй половине XIX века роль и значение института присягательства и соприсягательства медленно, но неуклонно падает.

М. М. Маммаев

О ФОРМИРОВАНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ СПЕЦИФИКИ ИСКУССТВА МАЛОГО ЭТНОСА В ПРОЦЕССЕ ЕГО ЭТНОГЕНЕЗА

Вопросы, касающиеся формирования этнического своеобразия искусства малых этносов в процессе их этногенеза, относятся к числу мало разработанных тем в науке. Известным историком и этнологом Л.Н. Гумилевым более 30 лет тому назад были высказаны оригинальные идеи о взаимосвязи процесса этногенеза конкретного этноса и формирования этнической специфики его искусства, а также роли природной среды и различных социально-экономических факторов в складывании этой специфики¹. Идеи эти служат исследователям важным ориентиром в изучении вопросов этнического (национального) своеобразия искусства любого народа. Глубоко верная мысль Льва Николаевича о том, что «декоративное искусство, архитектура, орнаментика, каллиграфия являются индикаторами исторических процессов этногенеза, а линии этногенеза – скелет большой системы, непеременимым членом которой является искусство»², помогает не только правильно осветить этногенетические проблемы, но и прояснить важные вопросы теории и истории искусства.

В данной статье кратко освещаются некоторые вопросы, касающиеся формирования этнической специфики искусства в историческом процессе этногенеза малого этноса на примере искусства одного из малых дагестанских народностей – жителей поселка Кубачи Дахадаевского района. Одни исследователи считают кубачинцев отдельным малым этносом со своим самостоятельным языком, этнопсихологией, образом жизни, производственной деятельностью, своеобразной материальной и духовной культурой. Другие рассматривают их как этническую группу даргинцев – одного из коренных дагестанских народов, а язык как один из диалектов даргинского языка³.

Этническое многообразие Дагестана обусловило необычайное богатство языкового и культурного наследия этого горного края. Расположенный на стыке двух крупнейших историко-культурных зон – Юго-Восточной Европы и Передней Азии, он издавна служил ареной передвижения древних этнических групп, взаимодействия культур, столкновения идеологий и сложных военно-политических событий. Свои следы в местной материальной и духовной культуре оставили такие разноэтнические кочевые и полукочевые племена, как сарматы, аланы, гунны, савиры, булгары, авары, тюрки, хазары, которые проникли в Дагестан в начале и середине I тыс. н.э.⁴, принося с собой характерные черты, присущие культурам Евразийских степей.

В раннем средневековье Северо-Восточный Дагестан становится колыбелью Хазарского каганата, переросшего к VII в. в одну из крупных раннефеодальных империй Юго-Восточной Европы⁵ с присущим для его культуры синкретизмом – слиянием традиций различных степных культур – кочевников и оседлых цивилизованных народов.

На многие века определили политическую и культурную ориентацию горного края арабские завоевания в Дагестане, начавшиеся в середине VII в., затянувшиеся надолго и повлекшие за собой существенные изменения в идеологии и культуре дагестанских народов⁶.

Процесс исламизации Дагестана, охватывающий весьма длительный период с VII по XV века, завершился утверждением здесь мусульманской веры и суннитского толка как официальной религии и идеологии. Принятие дагестанскими народами ислама оказало огромное влияние на их исторические судьбы и на все сферы духовной культуры. Начиная с VII – VIII вв. Дагестан надолго оказался в сфере политического и культурного влияния стран арабо-мусульманского Востока.

Вместе с исламом в Дагестан проникла высокая и передовая в условиях средневековья арабо-мусульманская культура, впитавшая в себя важнейшие достижения в области науки, философии, медицины, художественной литературы стран Ближнего и Среднего Востока.

¹ Гумилев Л.Н. Искусство и этнос // Декоративное искусство СССР. 1972. №1. С. 36 – 41.

² Там же. С. 37.

³ Магомедов А.А. Кубачинский язык. Тбилиси, 1963. С. 13.

⁴ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. М., 1988. С. 93 – 99.

⁵ Там же. С. 118 – 122.

⁶ Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII – XV вв.). Махачкала, 1969. С. 124 – 125.

Одновременно с этим в Дагестане распространились специфические формы искусства, пришедшие художественной культуре мусульманских стран Востока. Запреты ортодоксального ислама изображать живые существа и жесткие рамки религиозных канонов направили творчество дагестанских мастеров на разработку орнамента, который еще в эпоху средневековья становится необычайно богатым по видам и многообразным по композиционным решениям¹.

Вместе с тем специфика природных условий горных районов Дагестана, определенная их изоляция, относительная удаленность от культурных центров предопределили здесь возможность длительного автохтонного развития малых этносов и сохранения древних культурных традиций и языков.

Все отмеченные события и обстоятельства оказали свое влияние на общий процесс этнокультурного развития дагестанских народов.

Формирование современных коренных народов и этнических групп (малых этносов) Дагестана происходило в течение многих столетий. Процесс этот завершился, вероятно, в XII – XIV вв. сложением характерных для каждой народности и этнических групп особенностей материальной и духовной культуры (жилище, одежда, украшения, язык, фольклор, обряды, ритуалы, традиции и т.д.). Но при всем этом они имели и немало общих черт, обусловленных единством их исторических судеб, культурными, этническими и хозяйственными связями, сходством социально-экономического и духовного развития, природно-географических условий. Вместе с формированием коренных народов и этнических групп Дагестана происходил активный процесс закрепления специфических художественных особенностей их искусства, которые сохранились до настоящего времени.

Л.Н. Гумилев совершенно справедливо подчеркивал, что каждый этнос оригинален и неповторим, значит и создаваемое им искусство несет черты самобытности.² Яркими чертами этнического своеобразия обладает декоративно-прикладное искусство упомянутых выше жителей пос. Кубачи. Этнические особенности искусства кубачинцев складывались в течение длительного периода времени вместе с этническим становлением и развитием их самих как малого этноса («народности одного селения», Е.М. Шиллинг). На протяжении всей своей истории селение Кубачи являлось крупным и широко известным художественным центром, где изготовлялось изысканно отделанное холодное и огнестрельное оружие, высокой степени развития и совершенства достигли ювелирное дело, медночеканное производство, художественное бронзовое литье, резьба по камню и дереву, обработка кости, ручное узорное вязание и вышивка. Известный этнограф-кавказовед Е.М. Шиллинг, автор ценной монографии о кубачинцах, пишет «об известной обособленности кубачинской культуры», «о некотором выделении кубачинцев в прошлом среди соседей по уровню культуры и вооружению»³ об эндогамных запретах⁴ (кубачинцы в прошлом не смешивались браками с представителями других этносов), определенной замкнутости бытовой стороны жизни, а также о навыках и особенностях мастерства.⁵ При определенном этническом родстве кубачинцев с жителями соседних селений Амузги, Сулевкент, Ашты и Шири, говорящих на кубачинском диалекте, при том, что между кубачинцами и жителями указанных селений существовали издавна налаженные производственные и хозяйственно-экономические связи, в этнокультурном отношении жители сел. Кубачи оставались в прошлом и ныне продолжают оставаться в значительной мере обособленным малым этносом. Материальная и духовная культура кубачинцев при общности ее с материальной и духовной культурой даргинцев и других народов Дагестана обладает чертами этнического своеобразия, проявляющегося в особенностях традиционной одежды, женских украшений, жилища, бытовой утвари, доисламских верований и обрядов, фольклора, народной хореографии.

Этнические особенности четко прослеживаются в медночеканном искусстве – одном из развитых металлообрабатывающих производств сел. Кубачи⁶, имеющем очень древние традиции и продолжающем активно функционировать по настоящее время. Из меди и латуни здесь изготавливают водоносные сосуды сугубо местной формы, встречающиеся только у кубачинцев. Это боль-

¹ Маммаев М.М. Исламское искусство Дагестана: формирование и характерные черты // Ислам и исламская культура в Дагестане. М., 2001. С. 87.

² Гумилев Л.Н. Указ. соч. С. 36.

³ Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. М. – Л.; 1949. С. 12, 24.

⁴ Там же. С. 6.

⁵ Там же. С. 3.

⁶ Шиллинг Е.М. Указ. соч. С. 60–66. Рис. 25; Маммаев М.М. О медночеканном искусстве сел. Кубачи. Истоки и некоторые особенности его современного функционирования // Искусство Дагестана в контексте современной художественной культуры. Сб. статей. Махачкала, 1988. С. 134–145. Рис. 1–5.

шой сосуд «мучал» и малый сосуд «кутка», отделанные рельефным чеканным орнаментом¹. Только в сел. Кубачи выделывают и ритуальные латунные сосуды «нукнусы» в форме ведерок с чеканной и весьма своеобразной орнаментацией². В силу специфики быта и культуры кубачинцев, о которой писали многие исследователи, перечисленные виды медных изделий, отличающиеся не только большим своеобразием форм, но и художественной отделкой, изготавливаются исключительно для нужд местных жителей. Наряду с разнообразной медной и бронзовой посудой, происходящей из ремесленных центров Закавказья (Азербайджан, Армения) и стран Ближнего Востока (Египет, Иран, Ирак, Сирия), металлические сосуды местного производства – литые бронзовые котлы разной вместимости со съёмными медными орнаментированными крышками, водоносные сосуды «мучал» и «кутка», ритуальные сосуды «нукнусы», а также подносы с гравированным растительным орнаментом, в общем убранстве интерьера жилой комнаты кубачинцев³ выполняют важную декоративную функцию. Эти же сосуды используются и при проведении ряда своеобразных кубачинских ритуальных церемоний – во время свадьбы и на следующий послесвадебный день, при торжественном вождении новобрачной по воду к источникам на окраине селения. Сосуды «мучал», «кутка» и «нукнус» в прошлом входили и ныне входят в обязательную часть приданого дочери. Мать заранее заботится, чтобы они были готовы до ее сватовства. Мучалы в прошлом использовались и в особых церемониальных обрядах членов кубачинских мужских союзов «гулалла акь букун»⁴.

Своеобразием форм и декоративной отделкой отличаются и серебряные украшения – массивных форм браслеты, кольца, фигурные нагрудные подвески («тябкья»), подбородочные цепочки («гунапикь»), подвески-амулетницы, серебряные, выполненные в технике филигрании и зерни бусы и т.д., которые изготавливались в XVIII–XIX вв. (вероятно, и намного раньше, но образцы подобных украшений, созданных ранее XVIII в., до нас не сохранились) кубачинскими мастерами только для женщин своего селения.⁵ Е.М. Шиллинг относит эти украшения, как и медночеканные изделия, к слою (пласту) кубачинского искусства замкнутого местного стиля в отличие от «высокоразвитого и сложного искусства златокузнецов, представленного растительным орнаментом»⁶.

«Если произведения искусства развитого растительного стиля кубачинцев и казикумухцев, – отмечает Е.М. Шиллинг, – сближаются с искусством народов Закавказья, Ирана, Турции и стран Аравийского полуострова, то произведения замкнутого местного стиля – медночеканные изделия, женские серебряные украшения за пределами селения не встречаются, они характерны только для искусства этого селения»⁷.

Богатая, в какой-то мере пышная отделка ювелирных серебряных украшений кубачинок с обильным применением драгоценных и полудрагоценных камней (бирюзы, альмандин, сердолик и др.), зерни и скани, позолота придает этим изделиям величие, парадность, торжественность, что вполне соответствует их назначению как нарядных украшений невесты, а затем молодой жены. Они как нельзя лучше соответствовали и ее необычайно яркой и нарядной одежде из восточной парчи, шелка, атласа, а также вышитого золотыми и серебряными нитями головного убора «каза».

Весьма своеобразный стиль, характерный для ювелирных женских украшений сел. Кубачи XVIII – начала XX в., восходит, вероятно, к началу I тыс. н.э., когда на обширной территории Евразии, а также стран Закавказья и Ближнего Востока получили распространение ювелирные изделия, отделанные камнями-самоцветами, зернью и сканью, а в середине I тыс. н.э. так называемый «полихромный инкрустационный стиль» получил свое дальнейшее развитие. В Дагестане этот стиль нашел широкое применение в ювелирных изделиях Предгорного и Северо-Восточного Дагестана, отделанных драгоценными и полудрагоценными камнями, цветными стеклами, а также зернью, образующей треугольные и многоугольные фигуры⁸.

В процессе длительного развития полихромный стиль кубачинских ювелирных изделий (так назовем условно этот стиль) приобрел очень ярко выраженное этническое своеобразие. Были вы-

¹ Шиллинг Е.М. Указ. соч. С. 65. Рис. 25, 1–3; Искусство Кубачи. Илл. 67; Маммаев М.М. Указ. соч. Рис. 2,5.

² Шиллинг Е.М. Указ. соч. Рис. 25, 5; Маммаев М.М. Указ. соч. Рис. 3.

³ Искусство Кубачи. Илл. 121.

⁴ Шиллинг Е.М. Указ. соч. С. 158.

⁵ Шиллинг Е.М. Указ. соч. С. 53, 143. Рис. 68; Искусство Кубачи. Илл. 105–110; Гамзатова П.Р. Женские ювелирные украшения Дагестана (XVIII – нач. XX). Махачкала, 1986. С. 31 – 39. Рис. 18 – 23.

⁶ Шиллинг Е.М. Указ. соч. С. 141.

⁷ Там же. С. 142.

⁸ Маммаев М.М. Декоративно-прикладное искусство Дагестана: Истоки и становление. Махачкала, 1989. С. 32.

работаны местные, канонизированные формы украшений, значительно усовершенствована сама техника ювелирного дела.

Яркими чертами этнического своеобразия обладает не только декоративно-прикладное искусство кубачинцев, но и другие виды искусства, например, хореография. Традиционное танцевальное искусство кубачинцев – это одна из развитых в прошлом и самобытных форм народного художественного творчества, отшлифованного веками и обладающего многообразием своих видов. Е.М. Шиллинг при описании кубачинского цикла союза неженатых (мужских союзов) «гулалла акь букьун» рассматривает исполняемые членами союза на сельской площади такие виды ритуальных танцев, как «аскайла» (танец воинов), «запайла» (смысловое значение не ясно), «кикилатла» (парный танец), «хабар-хасла» (смешанный танец членов мужских союзов разных возрастных групп; в нижнем квартале Кубачи этот вид танца называли «хутура»), «дерхъла» (обычный парный танец), «КукI-дерхъла» (танец вприсядку), хъучмалла» (танец ряженных)¹. Каждый вид перечисленных танцев исполнялся торжественно, с особой тщательностью и в определенной последовательности, под аккомпанемент зурны и барабана. Танцевальная музыка отличалась разнообразием метра и темпа, мелодичной яркостью, остротой ритмики. «Выполняя в течение длительного времени, – пишет Е.М. Шиллинг, – ежедневно по два раза полную программу обязательных танцев, участники игры (т.е. союза неженатых. – Авт.) хорошо их усваивали. Это считалось очень важным, так как ошибки влекли за собой взыскания»².

Помимо отмеченных выше сугубо мужских танцев, исполнявшихся членами союза неженатых, у кубачинцев существовали еще танцы, которые исполнялись на свадьбах с участием женщин, девичьи танцы, исполнявшиеся членами девичьих сообществ в месте их сборищ – в специальном девичьем доме «юсбалла хъал», где девушки занимались вязанием, вышивкой, танцами под пение и хлопанье в ладоши и т.д.

Существовали и молодежные танцы, исполнявшиеся во время молодежного праздника «улилла шинне бахъне» – хождения по воду от сглаза (к источнику между сел. Амузги и Шири, в 15–17 км юго-западнее сел. Кубачи). Во время возвращения домой с заполненными водой кувшинами мучал и кутка (их несли только девушки) участники праздника, юноши и девушки, периодически делали остановки и устраивали танцы.

Молодежные танцы устраивались с наступлением сумерек и почти до зари и в первый день кубачинской свадьбы. В танцах участвовали только молодые люди. Тон задавали при этом члены девичьих сообществ – «юсбалла юсбе». Танцами сопровождалась и гуляния молодежи по четвергам в окрестностях сел. Кубачи в горах³.

Многие из названных выше танцев, исключая танцы членов союза неженатых, исполняют и в наши дни под аккомпанемент зурны и барабана или чугура, гармоники, под пение и хлопанье в ладоши, но былое совершенство танцев и высокое мастерство их исполнителей уже утрачены.

Одна из характерных черт народного искусства – это тесная взаимосвязь, взаимопереплетение его различных видов и жанров – хореографии, музыки, песен. Танцы всегда сопровождаются народной музыкой. У кубачинцев в традиционной бытовой (фольклорной) музыкальной культуре немало общего с народным музыкальным творчеством даргинцев. Но в ней имеются и определенные местные различия – в музыкальном строе, ритмике и мелодиях. Такими же чертами самобытности и своеобразия обладает песенное (вокальное) творчество кубачинцев. Народные певцы слагали и исполняли песни как на «чисто» кубачинском языке в сопровождении игры на чугуре (четырёхструнный музыкальный инструмент) или на гармоне, так и на смешанном кубачино-даргинском языке, употребляя для рифмовки даргинские слова и целые предложения. Кубачинцы создали довольно богатое и самобытное песенное творчество, в котором представлены все виды жанров устно-поэтического творчества дагестанских народов.

Словесное искусство – кубачинский фольклор, типологически близкий к фольклору даргинцев, имеет свои особенности, обусловленные характером основной трудовой деятельности жителей сел. Кубачи – мастеров-оружейников и ювелиров, что нашло отчетливое отражение в кубачинских пословицах и поговорках, легендах и преданиях, в песнях и сказках. Исследователь кубачинского фольклора Ф.О. Абакарова отмечает, что «специфика фольклора аула Кубачи как вида народной культуры ... обусловлена не только этнолингвистическим фактором, но и особенностью деятельности, психологией этого маленького народа. Что и нашло яркое отражение почти во всех жанрах фольклора кубачинцев, которые веками вместе с их искусством обогащались и совершенствовались»⁴. Она же пишет о том, что «для кубачинского песенного фольклора характерно широ-

¹ Шиллинг Е.М. Указ. соч. С. 154 – 155.

² Там же. С. 155.

³ Там же. С. 188 – 189.

⁴ Абакарова Ф.О. Кубачинский фольклор. Этнолокальные особенности. Махачкала, 1996. С. 16.

кое употребление терминологии, связанной с трудовым занятием народа. Даже любовная лирика пронизана производственной лексикой. В небольшой песне «Гяче бикъна у кижиб» («Ты сидишь в своей мастерской») представлено восемь терминов: «матяхI» – изделия мастера, «цубла дакъи» – монтировать, «хьацI чикабищи» – нанести чернь, «люгъий» – полировать, «дуп» – штихель (резец), «дицIий» – плавить, «хьацI» – чернь, «Гяче бикънала» – мастерская.

Эти термины в песне не случайный набор тех или иных, известных в кубачинском быту слов. Все они подчинены художественному замыслу, раскрытию переживаний влюбленной, которой близко все, что связано с трудом возлюбленного, мастера-ювелира¹.

Как точно подмечено Ф.О. Абакаровой, своеобразный кубачинский «ювелирный налет» прослеживается во всех жанрах фольклора кубачинцев, и это делает то или иное произведение узнаваемым, «кубачинским», с ярко выраженной идеализацией труда. Здесь находит полное отражение материальная культура с присущей только данному народу спецификой².

Сошлемся еще на один пример, приводимый в работе Ф.О. Абакаровой, из любовной лирики кубачинцев, в которой «для достижения выразительности в описании внешности горянки использовано мастерство орнаментального искусства, что характерно именно для кубачинских песен. Система изобразительных средств в любовных песнях по своему изяществу часто носит «ювелирный» характер: возлюбленный – плетенный серебряной нитью узор внутри золотых часов – «муръге сахIягIла дуккид цуб асле делкун накъиш», серебряный кувшин, который по стройности не имеет себе равных – «дила ахтарак къунне, сал у дикъзиб либакка». А возлюбленная в поэтическом воображении мастера-златокузнеца – зеркало в серебряной оправе – «хан асла ляхIямцIала», куропатка из червонного золота – «бацI мад мутилла къахъба», тело у нее из белого серебра – «цуб асла хамха», пальцы отточены из перламутра – «садапла тIуппе», ногти из слоновой кости – «магылла микне», жемчужные зубы – «игъналла сулбе», язык острый как поточенный резец – «бумказиб дуп» и т.д.³

Мы несколько подробно остановились на кубачинском фольклоре, привлекая при этом пространственные выдержки из работы Ф.О. Абакаровой, потому что фольклор и декоративно-прикладное искусство исторически развивались параллельно, в общем русле развития всего народного искусства⁴. Они были органически и непосредственно связаны с народным бытом, хозяйственной деятельностью, семейными и трудовыми обрядами и активным досугом. В устном творчестве народа и в декоре произведений народных художественных ремесел в разных формах и в различных художественных воплощениях отражена реальная историческая действительность и идеологические представления народных масс, их понимание добра, красоты, справедливости, их светлые мечты и надежды на лучшее будущее. Являясь составными частями подлинно народной культуры, и фольклор как словесное художественное творчество, как искусство слова, и народное декоративно-прикладное искусство как творчество рукотворное объединяют еще такие характерные черты, как коллективная природа творчества и индивидуальное начало, вариативность исполнения, традиционность, относительная устойчивость основы и подверженность ее внутренней динамике и обогащениям, яркая поэтическая образность и глубокая содержательность. И устное народное творчество и декоративно-прикладное искусство подчиняются общим закономерностям исторического развития народного искусства в целом, хотя каждому из них свойственны индивидуальные, свои неповторимые особенности, поскольку каждое из них представляет специфическую область художественной деятельности народа и обладает ярко выраженной этнической спецификой.

Одним из важнейших составных элементов традиционной культуры кубачинцев является их язык, обладающий четко выраженной этнической спецификой. Он включен в «Красную книгу языков народов России». При классификации дагестанских языков его относят к бесписьменному языку. Но бесписьменным он стал в советское время. До этого письменность среди кубачинцев начала распространяться с XIV в., когда в эпиграфических целях стали использовать арабские надписи. В XIV–XV вв. Кубачи становится одним из крупных центров мусульманской культуры, где строились кварталные и соборная (пятничная – Джума) мечети, были открыты мусульманские учебные заведения – мактабы и медресе. В большом количестве создавались копии арабских рукописных книг по различным отраслям знаний. Высокой степени совершенства достигла арабская каллиграфия. Среди части населения получили распространение арабский, персидский и тюркские языки. На кубачинский язык были переведены восточные медицинские трактаты, художественная и богословская литература (основы вероучения ислама). Позднее на кубачинский язык

¹ Там же. С. 19, 50.

² Там же. С. 45.

³ Там же. С. 24.

⁴ Маммаев М.М. О взаимосвязи фольклора и декоративно-прикладного искусства Дагестана // Проблемы межжанровых взаимосвязей в фольклоре народов Дагестана. Махачкала, 1990. С. 122 – 132.

были переведены дагестанские исторические сочинения – хроника «Дербенд-наме», составленная на рубеже XVI – XVII вв. Мухаммадом Аваби Акташи и пользовавшаяся широкой известностью в Дагестане. В XIX в. была переведена с арабского на кубачинский язык «Краткая хроника по истории Кайтага» («История Каракайтага») и другие сочинения. До 1928 г. кубачинцы, как и все народы Дагестана, пользовались так называемым аджамским письмом – арабским алфавитом, приспособленным для передачи фонетических особенностей местных языков.

Черты этнического своеобразия выявлены Е.М. Шиллингом и в народной одежде – одной из специфических форм прикладного искусства, в архитектуре жилища и других сферах материальной и духовной культуры кубачинцев, «богатой, давно сложившейся, достигшей устойчивых, твердых форм и весьма своеобразной и во многом отличающийся от культуры соседей»¹.

Искусство кубачинцев прошлого и настоящего настолько своеобразно (при несомненном наличии сходных черт с искусством других дагестанских народов – лакцев, аварцев и т.д.), что оно служит одним из этнодифференцирующих признаков при разграничении дагестанских этнических групп и этнографических общностей. Своеобразие материальной и духовной культуры, традиционного быта, высоко развитого искусства, особенности языка и т.д. кубачинцев не случайно привлекали особое внимание многих русских и западноевропейских ученых и путешественников прошлого. О происхождении кубачинцев в отечественной и зарубежной историко-этнографической литературе XVIII – XX вв. написано намного больше, чем о народах Дагестана, вместе взятых². При этом высказывались самые различные, порою фантастические предположения относительно их происхождения и истоков их искусства.

Одни считали их выходцами из европейских стран (Франция, Германия, Италия), другие – из стран Востока (Иран, Византия). На основе глубокого изучения материальной и духовной культуры, быта, общественного строя, искусства кубачинцев Е.М. Шиллинг установил, что жители сел. Кубачи «представляют собой по существу группу или часть крупного дагестанского народа даргинцев. ... Легенды самих кубачинцев и их соседей и домысли Гербера, Бракеля, а вслед за ними и многих других о «франкском» (европейском) происхождении кубачинцев реальных оснований под собой не имеют»³.

Причины особенностей культуры и искусства кубачинцев стали проясняться тем отчетливей, чем глубже стали изучать их историю во взаимосвязи с историей окружающих их народностей и всего Дагестана в целом. Не изучив историю любого этноса невозможно в должной мере познать этническую специфику его искусства. И на эту сторону вопроса обращал внимание Л.Н. Гумилев, который писал, что «памятники [искусства] дают представление об истории народа, а уже известная, пусть в общих чертах, история помогает разобраться в значении заново открываемых или не полностью понятных памятников»⁴.

Чтобы постичь своеобразие искусства любого этноса, необходимо прояснить вопросы его этногенеза, социального развития, особенностей «ландшафта и эпохи» (Л.Н. Гумилев). Известно, что развитие искусства детерминировано уровнем социального развития общества. Но это не универсальная закономерность. Л.Н. Гумилев вполне обоснованно полагал, что «существующая наряду с ним (т.е. социальным базисом искусства. – Авт.) этническая обусловленность не менее реальна и наглядна. Например, в средние века феодальная формация охватывала все оседлые земли от Атлантического океана до Тихого. Но похожи ли готические соборы на китайские пагоды, шатровые церкви на индийские храмы? Как разнятся персидские миниатюры и итальянские картины, хотя те и другие выполнялись в XV в.!»⁵

Искусство кубачинцев издревле развивалось в широких взаимосвязях с искусством многих стран и народов. Оно вообрало многое из художественных культур Востока, сохранив при этом свою этническую специфику. Феномен кубачинского искусства – искусства малого этноса состоит в том, что оно в ходе своего многовекового развития не только обогащалось за счет элементов декоративно-прикладного искусства других народов (азербайджанцев, армян, грузин, русских, иранцев, осетин, черкесов и т.д.), но и оказало определенное влияние на развитие ювелирного дела и производства художественно отделанного оружия более крупных этносов Северного Кавказа,

¹ Шиллинг Е.М. Указ. соч. С. 173.

² Маммаев М.М. Проблема происхождения кубачинцев в историко-этнографической литературе XVIII-XX вв. // Современное состояние и перспективы развития исторической науки Дагестана и Северного Кавказа (Тезисы докладов научной конференции). Махачкала, 1997. С. 52 – 54.

³ Шиллинг Е.М. Указ. соч. С. 3, 14.

⁴ Гумилев Л.Н. Указ. соч. С. 41.

⁵ Там же. С. 37.

Закавказья, Ирана и т.д., где кубачинские мастера в XIX – XX вв. работали отходниками – оружейных дел мастерами и ювелирами¹.

Этническое своеобразие – проявление ярких черт самобытности в искусстве кубачинцев – стало достаточно отчетливо проявляться еще с эпохи средневековья, особенно с XIII–XV вв., когда искусство сел. Кубачи достигло необычайно высокого уровня развития и совершенства. Здесь в то время были созданы выдающиеся произведения художественного бронзового литья, камнерезного искусства и резьбы по дереву, оружейного дела, которые вошли в сокровищницу мировой художественной культуры. Многие из этих произведений – литые бронзовые котлы с превосходной декоративной отделкой, каменные рельефы-детали архитектурного пластического декора и художественно отделанное оружие, вывезенные в разное время из Кубачи, ныне хранятся в таких крупнейших отечественных и зарубежных музеях, как Государственный Эрмитаж, Российский этнографический музей в Санкт-Петербурге, Оружейная палата Московского Кремля, Лувр в Париже, Музей Виктории и Альберта в Лондоне, Метрополитен-музей в Нью-Йорке и ряде других. Значительное количество их находится в республиканских музеях – Дагестанском государственном объединенном историческом и архитектурном музее и Дагестанском государственном музее изобразительных искусств им. П.С. Гамзатовой в Махачкале.

Высокоразвитое художественное ремесло и оружейное дело являлись основой существенно экономического и культурного подъема сел. Кубачи в XIII – XV вв. (названного в средневековых восточных письменных источниках городом), сделавшей его крупнейшим не только в Дагестане, но и на всем Восточном Кавказе художественным центром, средоточием мусульманской учености и духовности. Проникновение в сел. Кубачи в конце XIII – нач. XIV в. вместе с исламом арабо-мусульманской культуры существенно обогатило его традиционное искусство. Она дала новый толчок для его дальнейшего развития и обогащения. Она же определила на многие века путь исторического развития искусства Кубачи в общем русле развития художественной культуры и искусства стран мусульманского Востока.

Достигшее блестящего для своего времени расцвета искусство Кубачи периода XIII–XV вв. предопределило его будущее развитие и этническую специфику. Оно оставило яркий и глубокий след не только в истории искусства Дагестана, но и в многоликой общечеловеческой художественной культуре средневековья.

Искусство дагестанского селения Кубачи – один из ярких примеров взаимообусловленности этногенеза малого этноса и формирования в ходе этого процесса этнической специфики его искусства.

И.И. Маремшаова

ТРАДИЦИОННЫЙ ПРОМЫСЕЛ БАЛКАРСКИХ ЖЕНЩИН: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

С глубокой древности основу хозяйствования в Балкарии составляло скотоводство (малчлык), что было обусловлено как этногенетическими корнями, так и физико-географической средой. Оно определило весь образ жизни балкарцев. Особенно это характерно для дореформенного периода, т.к. после отмены крепостного права появились новые поселения, жители которых отошли от традиционного хозяйствования.² Скот кормил, одевал, давал средства для покупки хлеба и фабричных изделий, для уплаты налогов и аренды земли. Скот был основным мерилем и эквивалентом стоимости. Основным видом скотоводства в Балкарии было овцеводство. По сведениям, собранным в Балкарии, в 1866 году здесь насчитывалось овец 118273 головы на 1455 дворов.³ В начале века поголовье овец возросло до 223788.⁴ «Сравнивая скотоводство пяти горских обществ с таковыми же у туземцев других округов Терской области, – констатирует Н.П. Тульчинский, – мы увидим, что горцы имеют больше скота против Грознеского округа в 1,7 раза, Владикавказского в 3,4 раза, Хасавюртовского в 1,9 раза и Кабарды в 1,3 раза; овец против Грознеского округа в 8,3 раза, Владикавказского в 6,6 раза, Хасавюртовского в 3,3 раза и Кабарды в 3,5 раза; лошадей про-

¹ *Аствацатурян Э.Г.* Дагестанские мастера серебряного и оружейного дела в городах Северного Кавказа и Закавказья в конце XIX – начале XX в.// СЭ. 1976. № 1. С. 112 – 124; Искусство Кубачи. С. 52 – 60.

² *Текеев К.М.* Карачаевцы и балкарцы. Традиционная система жизнеобеспечения. М., 1989. С.5.

³ *Грабовский Г.А.* Экономическое положение бывших зависимых сословий Кабардинского округа. СЕКТ. Тифлис, 1870. Ш. С. 24.

⁴ *Тульчинский Н.П.* Пять горских обществ Кабарды. Терский сборник, Владикавказ, 1903. Вып.5. С.187.

тив Грознеского округа в 4,4 раза, Владикавказского в 2 раза, Хасавюртовского в 2 раза и Кабарды в одинаково».¹

Преобладание мелкого рогатого скота в структуре стад у балкарцев обусловило производство сукна и других изделий из шерсти в большом количестве. В пореформенный период овцеводство в Балкарии продолжало развиваться, появилась ориентация хозяйств на рынок. Тенденция развития балкарского овцеводства в целом во второй половине XIX века определяется 89% роста.² В соответствии с этой цифрой можно предположить, что продукты овцеводства и, в частности, шерсть и шерстяные изделия увеличились пропорционально и тоже стали предметом купли-продажи. Таким образом, овцеводство в Балкарии становится рациональным экономическим действием, означающим рефлексию в соотношении средств и конечных целей. В соответствии с субъективной оценкой своих возможностей и условий труда в Балкарии складывается определенная экономическая ориентация, в центре которой находится овцеводство как оптимальный результат сочетания традиции и рациональности. Не секрет, что нормы потребления варьируют в разных обществах, а предмет потребления выступает в качестве маркеров статуса. Пользуясь этим термином социальной антропологии, можно заключить, что маркерами (символами) статуса в балкарском обществе было и остается по сегодняшний день наличие скота, и в частности овец. В овечьих отарах Балкарии присутствовало два вида овец – карачаевская «митис» и своя горная овца «таулу кьой».

Наличие двух разновидностей овец определило разнообразие продуктов овцеводства. Но, безусловно, главным у них была шерсть. Ее обработка и производство нитей и сукна были прерогативой женского населения Балкарии. «Дело это сосредоточено исключительно в руках женщин, – пишет Н.П. Тульчинский, – и им же принадлежит доход с продажи сукна. Горская женщина чрезвычайно трудолюбива: где бы вы ни встретили горскую женщину, беседует ли она с соседками, разговаривает с мужчинами, идет ли из селения в селение за 5-6 верст, везде – в сакле и на улице, у нее неизбежно в руках и веретено, которое, безостановочно кружась, мучит нитку. Встретить женщину без этих атрибутов, значит или она больна или очень бедна».³ Единственным этапом во всем процессе получения и обработки шерсти, в котором участвовали мужчины, была стрижка овец. Но и в этом им помогали женщины. Они поднимались в назначенный день на кошары, где содержались, как правило, овцы трех-четырех семей для того, чтобы собирать состриженную шерсть. Способ стрижки в Балкарии не имел отличительных этнографических черт и был похож на аналогичный процесс у других народов Кавказа. Для удобства до начала стрижки рыли небольшие ямы приблизительно 70 – 80 см глубиной, 90 – 100 см диаметром, садились на край ямы, опустив в нее ноги (по колено) и положив на колени овцу стригли. Состриженная шерсть падала в яму. По свидетельству информаторов, это было очень удобно, но сегодня этот способ не практикуется. Количество овец, постриженных за день, зависело от мастерства стригалей и колебалось от 30 до 60 голов. Иногда на помощь в стрижке приглашали самых бедных жителей села и платили за работу либо отходами, либо шерстью самого плохого качества, из которых они делали полубурки.⁴ У некоторых народов Северного Кавказа день стрижки отмечали как праздник. Это было одно из важнейших событий скотоводческого календаря, происходивших дважды в год: ранней весной и поздней осенью. Однако, несмотря на то, что стрижка овец была серьезным этапом в овцеводческом цикле и сулила определенную экономическую выгоду, опросы информаторов не подтвердили какую-либо особую праздничную обставленность этого события в Балкарии. А в это время в соседней Кабарде, как отмечали исследователи, на стрижку крупные скотоводы приглашали опытных стригалей. О дне стрижки извещали соседей, родственников. Для их угощения на кош привозили национальный напиток – бузу. Если стрижка длилась несколько дней, то ежедневно резали барана. Возможное объяснение этому кроется в различном характере хозяйственно-культурного типа этих народов. Кабардинцы, будучи земледельцами, относились к скотоводческим мероприятиям с большим трепетом, тогда как для скотоводов Балкарии эта процедура отмечалась обыденностью. Кроме того, как было сказано выше, балкарцы во время стрижки обходились своими силами. В то время как кабардинцы приглашали для работы мастеров, поэтому вступал в действие обычай гостеприимства и хозяева обязаны были устраивать пиршество.

Стрижку производили специальными ножницами (кьой кьыпты), сделанными местными кузнецами. Дата стрижки обговаривалась заранее, но не приурочивалась специально к какому-либо празднику или знаменательному событию. Единственным предубеждением, существовавшим

¹ Там же.

² Битова Е.Г. Социальная история Балкарии XIX века. Сельская община. Нальчик, 1997. С.89.

³ Тульчинский Н.П. Указ. раб. С.188.

⁴ Информатор Атгаева Бислима, 1903 г. р., с. Булунгу.

у балкарцев, было не начинать дело в среду. Существовала даже присказка: « В среду даже свинья волосинку не уронит».¹

Полученную после стрижки шерсть делили между семьями и отправляли в село.

Вторым этапом в процессе обработки шерсти была ее сортировка. В балкарских селах она проходила по нескольким принципам.

Первым принципом была сортировка шерсти с овец разной породы (карачаевской и горской). Вторым – шерсть перебирали, складывая состриженную с шеи, ног, со спины и боков отдельно. «Ценной считалась шерсть, состриженная с бочков, спинной части и живота овцы... А шерсть, снятая с шеи и ног овцы, считалась более грубой и менее прочной».² Пол и возраст овец при сортировке не учитывался; главным было разграничение по мягкости. Однако в литературе мы встретили мнение о том, что при распределении шерсти по сортам отдельно группировалась шерсть яловых овец и ягнячья шерсть.³ Данный принцип сортировки не был подтвержден информаторами в Балкарии и, вероятно, имеет место у других северокавказских народов. Шерсть весеннего и осеннего сострига отличалась по своим качествам, но поскольку в период между стрижками шерсть перерабатывалась, то это деление вряд ли можно отнести к принципам сортировки.

После сортировки приступали к мытью шерсти. Для этого в котлах кипятили воду и заливали шерсть в емкости, оставив на 2-3 часа. После этого шерсть выкладывали в корзины и давали воде стечь. Затем женщины несли корзины с шерстью к реке, чтобы прополоскать ее. Опускали корзины в реку и проточная вода промывала шерсть, удаляя остатки грязи (фото 1).

Сушили шерсть, разложив на солнце. Из вымытых и очищенных отходов, балкарские женщины изготавливали постельные принадлежности: матрацы, подушки, одеяла, которые становились частью приданого девушек. Если в селе становилось известно о намечающейся свадьбе, все жительницы села несли шерсть в дом невесты. Это было своеобразное проявление института взаимопомощи. Для продажи отбиралась только самая грубая шерсть и то в небольшом количестве. Мягкая, качественная шерсть шла только на производство изделий.

Шерсть, предназначенную для переработки, чесали. Но так как без мыла или других моющих средств шерсть оставалась недостаточно чистой, ее чесали либо возле печки, либо на солнце в зависимости от времени года. Это делалось для того, чтобы оставшиеся частички жира на шерсти растопились, тогда шерсть становилась мягкой. Для этой процедуры использовалось специальное приспособление «таракъ». При чесании вверх в руки попадала более качественная шерсть, которая использовалась для продольной нити в ткачестве. Она называлась «бойхалы» и была толщиной приблизительно 2 мм. Внизу оседала шерсть худшего качества, из которой изготавливали поперечную нить «аркъау». Для взбивания и перемешивания шерсти использовались своеобразные приспособления: лопатка – «кълакъ», палочки – «саба» и лукообразное изобретение «жыйа».

Почти каждая балкарская семья вплоть до 40-х годов XX века имела свои ткацкие станки – «тауат» (фото 2).

Особым мастерством в выделке сукна на рубеже XIX – XX веков славились Баксанское и Хуланское общества. Цена одного аршина доходила до 1 рубля «Сукно изготавливается кусками длиной в 100 и более аршин и в 0,5 ар. ширины, цвета преимущественно светло-серого. Размер этого производства зависит от размеров овцеводства обществам распределяется так: Чегемское общество производит 114,500 ар., Баксанское 108,500 ар., Балкарское 100,000 ар., Хуламское 41,000 ар., и Безенгиевское 27,000 ар., итого 390,400 ар., приходится на двор 170 ар.»⁴ Для изготовления бурок чесали отдельно собранную шерсть, как правило, иссиня-черного цвета. При отсутствии черной шерсти красили ту, которая имела в распоряжении. Использовали только натуральные красители – кору березы («къаын-къабукъ») и кору ольхи («жеркъ-къабукъ»). Последняя особенно много произрастает в Безенгийском ущелье. Кору названных деревьев собирали весной и аккуратно сушили в тени так, чтобы на ней не появилась плесень и не завелись насекомые. Затем ее измельчали на куски размером приблизительно 15 см и вымачивали в воде три-четыре дня. Затем раствор кипятили. Чтобы проверить готовность раствора, куски коры размальевали, если они оказывались на изломе белыми, это означало готовность к применению. Для стойкости красителя в состав добавляли древесную золу (только не смоляную, сосна и ель исключались), а также растительное вещество «кердеюк», добываемое в верховьях Актопрака. К сожалению, идентифицировать его с русским эквивалентом не удалось. Раствор с добавками не кипятили, это могло привести в негодность настой коры. В готовом растворе шерсть держали в течение суток. Аналогичным

¹ Информатор Мизиев Хамзет, 1927 г.р., с. Булунгу.

² Зафесов А.Х. Животноводческое хозяйство в Адыгее. Майкоп, 1967. С. 19.

³ Информатор Замаева Соният, 1924 г.р., с. Янкой.

⁴ Тульчинский Н.П. Указ. раб. С. 188.

образом красили бурки без украшений и орнамента. После покраски ее полоскали в реке, вывернув наизнанку, и сушили в тени¹.

Изделия из шерсти, производимые балкарскими женщинами, пользовались большим спросом на рынках. Особенно популярны они были в Закавказье.² В своем топографическом, статистическом и этнографическом описании Кавказа И. Бларамберг писал: «Они едут торговать в Имеретию до Рачи и Они по реке Риони, эти населенные пункты удалены, по некоторым сведениям, на 55 верст от их главного поселения Улу-Малкар... Товары, которые они везут, это главным образом, войлочные бурки, коричневое и светло-желтое сукно, считающееся очень качественным, войлок, башлыки и меха»³. Аналогичные сведения встречаются у С. Броневского: «Балкары малозначащие торговые обороты свои производят в имеретинской провинции Раче, куда возят для продажи войлок, бурки, чекмени, лисьи и куньи шкуры».⁴ Однако не всегда балкарцы вывозили свою продукцию за перевал. Часто сами сваны приходили покупать или выменивать изделия балкарских мастериц. Для обмена они привозили с собой хлопчатобумажные и шелковые ткани, подушки из перьев, сушеные фрукты.⁵ Последние особенно прельщали балкарскую ребятню, и они заранее готовились к приезду сванов, «стягивая» понемногу шерсть во время сортировки у женщин, чтобы выменять ее позже.⁶ Следует отметить, что, приобщая детей к труду, балкарцы учили девочек в первую очередь обращаться с шерстью, мальчиков умению ухаживать за домашними животными. А.А. Кириш, совершивший поездку по Северному Кавказу и изучавший летние коши горцев, отметил, что повсюду на стойбищах встречал 6-7-летних мальчиков, ухаживающих за скотиной.⁷ Девочки тоже примерно в этом же возрасте начинали помогать матери управляться с шерстью. К 10-11-летнему возрасту, они уже становились хорошими помощниками по заготовке пряжи.⁸

И сегодня, несмотря на современное усовершенствование традиционных ремесел, привлечение модернизированных вязальных, чесальных, прядильных и прочих установок, девочек обучают умению обрабатывать шерсть в том же возрасте, что и раньше. Автор этих строк и сама неоднократно была свидетелем того, как 8-9-летние девочки ловко обращаются с шерстью. Это, безусловно, относится к жительницам сельской местности. Трудовая подготовка подрастающего поколения осуществлялась путем передачи умений и навыков непосредственно от матери к дочери и далее по прямой родственной линии. Об этом красноречиво говорит балкарская пословица: «Дочь работающей и будет работающей».⁹ Процесс обучения часто сопровождается шутками и прибаутками. Например, если у нерадивой девочки часто падала прялка, на этот счет говорили: «Десять пальцев, как десять женщин, как не можете удержать (пропустить) одну нитку».¹⁰ Однако приобщение к труду в целом начиналось задолго до обучения конкретным операциям с шерстью. По рассказам информаторов, женщины обычно пряли на возвышении, т.к. крыша дома в старых балкарских аулах была полом другого дома, то, восседая на чьей-то крыше, женщина пряла, спускаясь во двор другого дома, где часто играли дети. Если падала или рвалась нить, дети должны были все поправить.¹¹ Так незаметно и ненавязчиво дети учились помогать старшим. Производством пряжи, сукна и войлока не исчерпывается перечень изделий из овечьей шерсти. Несколько особняком в этом списке стоит производство ковров (киизов) и обработка бараньих шкур, из которых шили шубы и тулупы. Обработанную овечью шкуру и сегодня используют в быту как с декоративной, так и с практической целью. Обработывают же шкуры старинными традиционными способами. Первый способ называется «эфик ашатхан» и заключается в следующем. Шкуру овцы зарезанную осенью или весной замачивали в холодной воде, промывали затем уже чистую шкуру погружали в заранее

¹ Информатор Кулиева Фатимат, 1918 г. р., с. Булунгу.

² Барасбиев М.И. Этнокультурные связи карачаевцев и балкарцев с народами Кавказа. Автореф. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Нальчик, 1999.

³ Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Нальчик, 1999. С.321.

⁴ Броневский С.М. новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч.2. М., 1823. С.217.

⁵ Информатор Гаева Зайнаф, 1889 г.р., с. Безенги.

⁶ Информатор Чоччаева Зухра, 1916 г.р., с. Безенги.

⁷ Кириш А.А. Очерк развития сыроварения у казаков и горцев Северного Кавказа // Кубанские областные ведомости. 1883, № 44.

⁸ Шаманов И.М. Хозяйство и хозяйственный быт карачаевцев в XIX – нач. XX в. Канд. дис. М., 1970. С.243.

⁹ Гуртуева М.Б. Этнопедагогика карачаево-балкарского народа. Нальчик, 1997. С.61.

¹⁰ Информатор Кулиева Фатимат, 1918 г.р., с. Булунгу

¹¹ Информатор Улакова Зоя, 1924 г., с. Кенделен.

приготовленный раствор: кислое молоко (айран) смешивали с мукой и солью, оставив на 2-3 дня настояться. Мытую шкуру опускали в раствор, придавливали гнетом и оставляли на 15 дней. По истечении этого срока ее доставали и полоскали холодной водой (только ту часть, где располагалась шерсть, т.е. предварительно сложив шкуру вдвое шерстью наружу). Затем сушили в тени и растягивали.

Второй способ – «балата этген» – также требовал предварительной подготовки. Айран перемешивали с мукой до консистенции блинного теста и оставляли на 2-3 дня, чтобы смесь забродила. Затем этой массой густо смазывали шкуру, чтобы она пропиталась ею. Потом шкуру сворачивали, если было холодно, заворачивали во что-нибудь и оставляли на 6-7 дней. Передерживать дольше было нельзя, т.к. шерсть могла отделиться от кожи. После этого шкуру растягивали.

Эта процедура была одинаковой и не зависела от предыдущего способа обработки. Шкуру подвешивали на высоту человеческого роста и тянули вниз ногой при помощи приспособления (ийре-агъач). После растяжки шкуру расстилали на ровной поверхности и засыпали мукой внутренней сторону, после чего брили ее каким-нибудь острым предметом, например косой. При необходимости процедуру растяжки повторяли и размягчали шкуру руками. Теперь шкура становилась мягкой и пригодной для дальнейшей использования.¹ В начале XX века под влиянием привозных тканей балкарские женщины стали пытаться достигнуть разнообразия в расцветке сукна, смешивая в процессе расчесывания шерсть разных цветов. В зависимости от пропорции основы и утка получали разный цвет готового сукна: от сизого до рябого. Кроме того, появляется сукно в тонкую полоску и мелкую клетку.²

К этому же периоду относится появление сукна бухара-чепрен, которое внешне напоминало каракуль. Для его изготовления давали уток из непрядной шерсти, вытягивали вверх петли и валяли сшитые полосы сукна. Эта технология была распространена не столь широко, как обычное традиционное производство, и ею владели лишь некоторые мастерицы, среди которых Шаваева Радым, Гемиева Налмаз, Эльбаева из селения Булунгу. В Карачае этот вид сукна выделяли чаще.

Говоря о шерстяном промысле балкарцев, невозможно не упомянуть производство киизов – войлочных ковров (фото 3).

По сложности это производства стоит на первой ступени и включает в себя более сорока отдельных операций.³ На оригинальность готовых киизов обратил внимание еще в XIII веке Вильгельм Рубрук: «Этот войлок около верхней метки они украшают красивой и разнообразной живописью. Перед входом они также вешают войлок, разнообразный от пестроты тканей».⁴ По мнению А.С. Пиралова, искусство производства цветных войлоков восходит к кочевому периоду истории предков горцев.⁵ В условиях натурального скотоводческого хозяйства войлочное производство у балкарцев получило устойчивую базу. Узорные ковры балкарцев обладают всеми характерными чертами народного искусства. Изготовить войлочный ковер в одиночку было невозможно, поэтому в процессе его изготовления участвовали подсобные рабочие, как правило, девочки-подростки, которыми руководила опытная мастерица.⁶ От ее опыта и вкуса зависел результат работы. Киизы подразделяются на несколько групп с учетом технологии производства, орнамента, размеров, предназначения. Это ала киизы, жыйгик киизы, бичген киизы.

Несмотря на то, что в некоторых балкарских домах еще можно увидеть войлочные ковры, их массовое производство ушло в прошлое. Чтобы не потерять этот традиционный балкарский промысел, в отдельных селах пожилые женщины, владеющие навыками производства киизов, пытаются возродить его, обучая молодежь народному ремеслу. К числу таких носителей народных традиций и знаний относятся Айтекова Нальгиша, 1918 г. р., из селения Яникой; Теммаева Абидат, 1909 г.р., из селения Верхний Баксан; Ахиев Даулет, 1935 г.р., из села Белая Речка. Вне длительного процесса накопления знания невозможен прогресс, утрата даже части народных знаний непременно затормозит дальнейшее развитие, так как изменение техник производства и материальной культуры неразрывно связано с практикой. По этой причине локальное знание стало одной из важных тем современной социокультурной антропологии. В прежних антропологических подходах была принята эволюционная схема развития производства – от охоты и собирательства до скотоводства и различных типов земледелия. Современные антропологи обнаруживали, что скотоводство не вписывается в эту схему, поскольку развитие скотоводства в большей степени зави-

¹ Информатор Мусакаева Бисмилат, 1903 г.р., с. Булунгу.

² Студенецкая Е.Н. Одежда // Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968. С. 163 – 164.

³ Текеев К.М. Указ.раб. С.16.

⁴ Рубрук. Путешествие в восточные страны. СПб, 1911. С. 39.

⁵ Пиралов А.С. Краткий очерк культурной промышленности Кавказа // Кустарная промышленность России. Т.3. СПб, 1913. С. 62.

⁶ Кузнецова А.Я. Народное искусство карачаевцев и балкарцев. Нальчик, 1982. С.62.

сит от экологического фактора.¹ Экологическими условиями обусловлен и успех торговли продуктами скотоводства и, в частности, изделиями из шерсти. Известно, что торговля имеет смысл только тогда, когда может быть предложено нечто, пользующееся большим спросом в другом месте. В сельскохозяйственных сообществах, где производят одно и то же и затем одновременно после сбора урожая предлагают это на продажу или для обмена, торговля не может идти бойком. Если же есть экономическая дифференциация и потребность в обеспечении инфраструктуры рынка – то развитие торговли гарантировано. На границах экологических зон создается благоприятная обстановка для возникновения и развития торговых контактов. Высокогорная скотоводческая Балкария и плоскостная земледельческая Кабарда – яркая иллюстрация вышесказанному. Однако было бы заблуждением в традиционном балкарском обществе утверждать, что торговля возводилась в ранг первостепенной важности. Опираясь на концепцию «нравственного хозяйства»², можно смело сказать, что повседневная жизнь довольно замкнутого балкарского общества жестко регламентировалась нравственными внутренними принципами, которые определенным образом ограничивали коммерческую деятельность. В рамках нравственной экономики предпринимательская деятельность регулировалась моральными обязательствами, ограничивавшими возможности накопления капитала. Но время вносит свои коррективы как в политические, экономические, культурные, так и в морально-нравственные устои любого общества.

Национальная культура каждого народа проявляется обычно в форме национальных традиций, т.е. таких традиций, которые наиболее ярко выражают черты культуры и быта, отличающие этот народ от другого. Бытование национальных традиций чаще всего ограничивается одним этносом. Национальные традиции, как и любые развиваются и изменяются.³ Традиция «шерстяного промысла» в Балкарии также изменила свою форму. Переломным моментом стала депортация в 1914 г. Согнанные с насиженных веками мест, оторванные от привычных занятий, балкарские женщины все же не утратили традиционные навыки работы с шерстью. После возвращения из ссылки в обиходе появляются спицы, которые по сегодняшний день являются главным рабочим инструментом балкарских женщин. До выселения они пользовались всего лишь одной спицей для вязания платков.⁴

«Шерстяной» промысел балкарских женщин во многом помог им встать на ноги после возвращения на родину в 50-х годах XX в. Помогает он выжить и в экономически сложных условиях постсоветской России. Свитера, кофты, жилеты ручной работы из грубой шерстяной нити вывозятся женщинами в различные уголки России и ближнего зарубежья, где пользуются большим спросом (фото 4).

Многие мастерицы используют сегодня в своем ремесле вязальные машины, современные модные отделки, но еще можно встретить изделия с традиционным орнаментом.

Вязание шерстяных изделий приобрело форму этнического предпринимательства балкарской женщины и создает стереотип и имидж группы. Если балкарка не занимается вязанием, то над ней при случае подтрунивают, говоря в шутку: «Ты что, не балкарка?» (фото 5).

Стереотип всей этнической группы формируется на основе наиболее видимых элементов поведения отдельных ее членов, заметных подавляющему большинству. «Так, если в этнической группе есть торговцы и рабочие фабрик, то представители большинства в первую очередь заметят торговцев».⁵ По этому принципу складывается стереотип восприятия балкарской женщины, в основе которого лежит многовековая традиция, выросшая из хозяйственного уклада жизни всего общества и представляющая собой, по Рэдфилду, малую традицию, т.е. местное сельское знание, не коррелирующее с «большой традицией», генетически обусловленной городской культурой.

¹ Шредер Х. Экономическая антропология. СПб, 1999.

² Scot V. C. The economy of the Peasht. N.H. 1976.

³ Васильева Г.П. Некоторые тенденции современных национальных традиций в материальной культуре народов Средней Азии и Казахстана // Советская этнография. 1979. №3. С. 19.

⁴ Информатор Кулиева Фатимат, 1918 г.р., с. Булунгу.

⁵ Ильин В.И. Социальное конструирование национального меньшинства // Этнические стереотипы в меняющемся мире. М., 1998. С. 22 – 23.

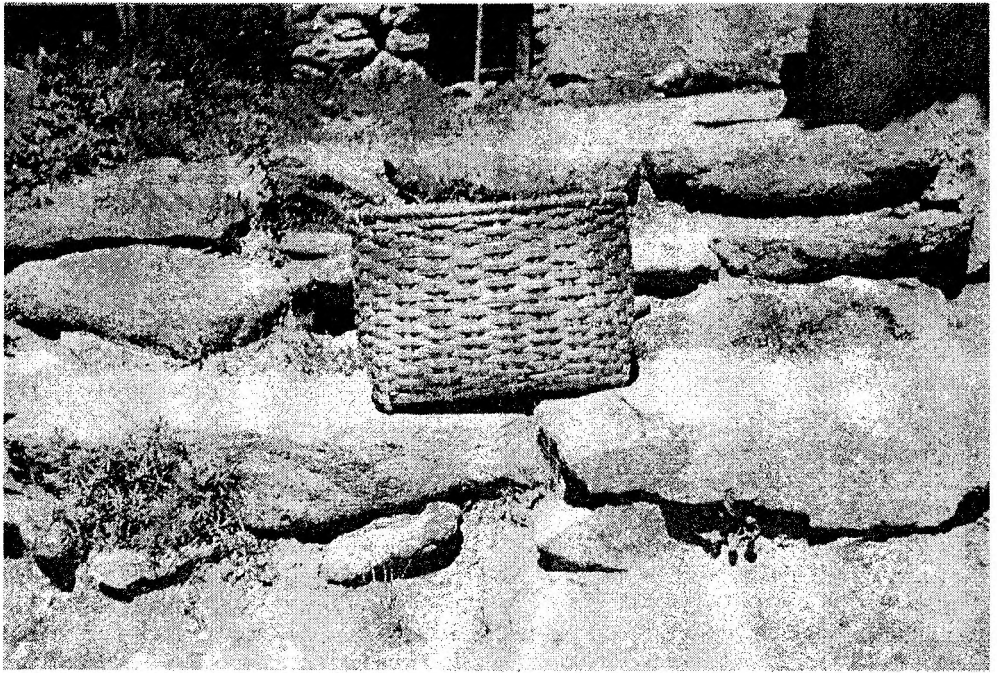

Фото 1. Корзина для промывания шерсти

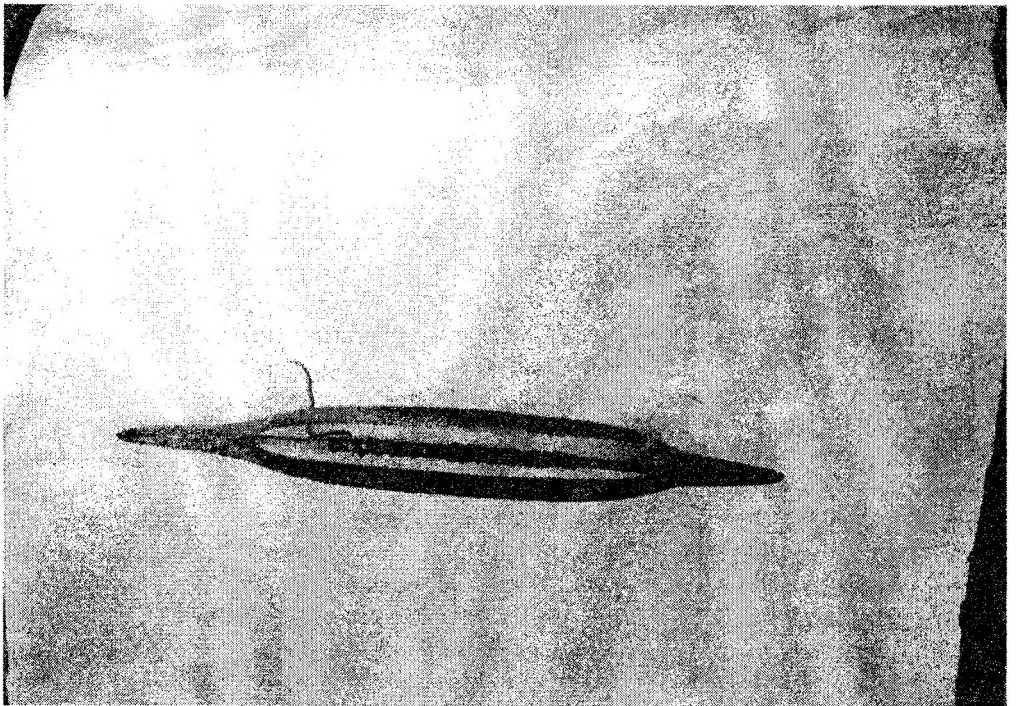

Фото 2. Элемент ткацкого станка
Из произведенного полотна шили башлыки, гетры и другую одежду

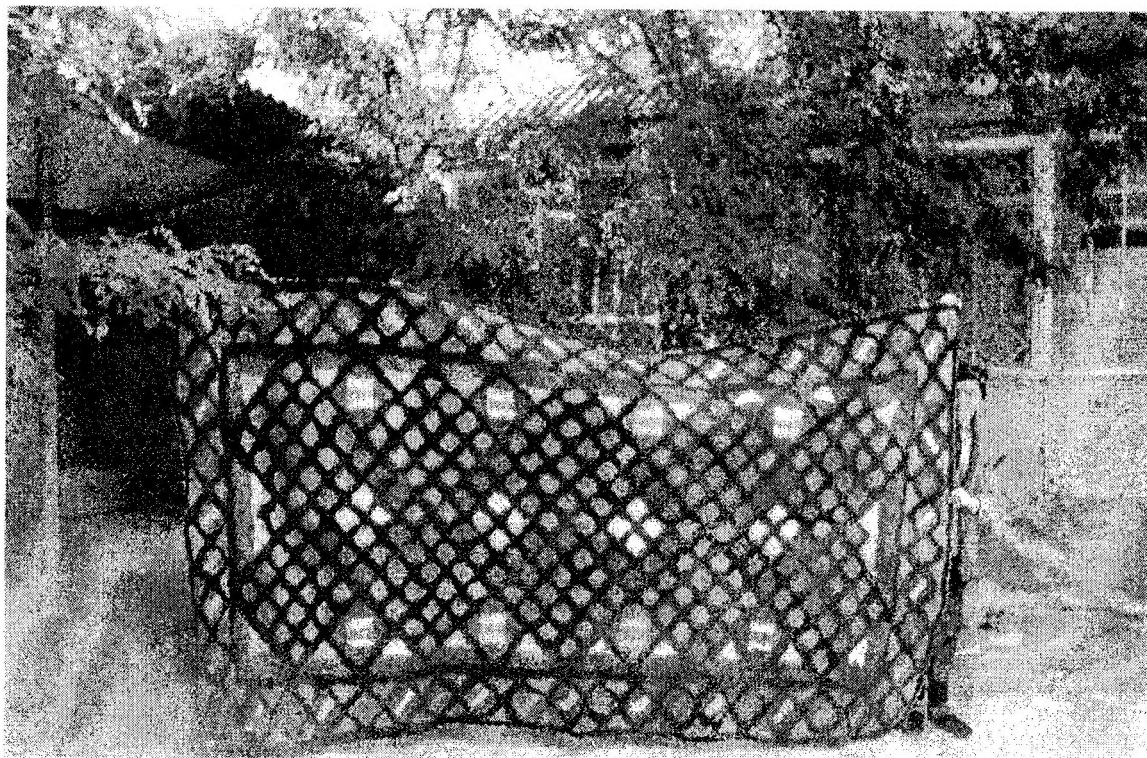

Фото 3. Балкарский кииз

Фото 4. Грубошерстный свитер ручной работы

Фото 5. Балкарка за работой

М. К. Мусаева

ТРАДИЦИОННЫЕ ИГРУШКИ НАРОДОВ НАГОРНОГО ДАГЕСТАНА

Изучение игровой культуры дает ценнейшую информацию по самым различным сторонам и аспектам жизнедеятельности народов и этносов. Народные игры, как считают исследователи¹, будучи составной частью обрядовых циклов, помогают составлять представление о религиозных верованиях и идеологических воззрениях народов, о древней социальной структуре общества, об этнокультурных взаимосвязях и т.д. Нет такого места на земле, где дети не играли бы в игрушки. Для ребенка они служат мостом между вымыслом и реальностью. В силу своего таланта дети с помощью игрушек всегда способны воссоздать радостный мир своей фантазии, могут путешествовать из одного мира в другой, смешивая реальность и вымысел. Свои представления о цвете, форме, звуке, чувствах, привязанности, нежности, взаимоотношениях между людьми и даже ощущение безопасности ребенок связывает также именно с игрушками. Детские игрушки дают нам возможность проникнуть в прошлое человечества. Кроме того, в них отражается возникновение новых форм материальной культуры, когда устаревшие предметы быта часто превращались в игрушки и становились свидетельством прошлого. Игрушки, естественно, тесно связаны с игровой культурой в целом. Развлечение, игра, времяпрепровождение, спорт – все эти слова, в частности на аварском языке, имеют один общий корень «хIазе», что означает «играть». Происхождение слова «кукла» («ясикIо») связано с

¹ Дибиров М. А. Дагестанские народные игры как историко-этнографический источник для изучения народного календаря// Календарь и календарные обряды народов Дагестана. Махачкала, 1989.

уменьшительной формой слова «яс» – дочь, девочка, что можно буквально перевести как доченька. Так же, но во множественном числе словом «ясиклаби» называют у аварцев и игрушку вообще. У этого народа без слова «играть» слово «игрушка» не употребляется – есть только понятие «играть в игрушки» («ясиклабаз хIазе»). Выявляется связь подобного расклада у аварцев с санскритом (с небольшой разницей).¹ У других народов Нагорного Дагестана (даргинцев, лакцев) есть специальный термин, обозначающий куклу – «нача» (*дагс.*) и «ссихьу» (*лакс.*), хотя и у них слово «игрушка» производное от слова «кукла».

«Изучение игр и игрушек представляет для этнографа серьезнейший интерес. Быт, верования, воззрения народа в пленительной миниатюрной форме, но ярко и наглядно проходят в играх детей», — подчеркивала исследователь В.Н. Харузина еще в начале прошлого века в статье, опубликованной в сборнике «Игрушка. Ее история и значение»², которая является, по существу, обобщением всего известного в тот период этнографического материала по традиционной игрушке различных народов России. Игра занимает огромное место в жизни ребенка, в детском мироощущении. Ведь не случайно отмечается, что именно в процессе игры ребенок познает окружающий его материальный и духовный мир. Еще более важным является социализирующий аспект игры: моделирование взрослого социума с присущими ему межгрупповыми отношениями и этикетно-поведенческими нормами.³ К тому же поведение ребенка в процессе игры – это адекватное возрастным потребностям и физиологическим характеристикам особенное психологическое состояние. Надо отметить, что дагестанские исследователи и те, кто апеллировал в своих работах к дагестанскому материалу, часто привлекали сюжеты, связанные с народными играми, поскольку множество их, относясь к досуговой, внепроизводственной сфере человеческой деятельности, являлись неотъемлемой частью и взрослой жизни – как мужской, так и женской⁴. К детской игровой деятельности чаще всего в своих исследованиях обращались фольклористы, педагоги и иногда исследователи семейно-брачных отношений.⁵ Имеется достаточно публикаций, также посвященных непосредственно традиционным играм многочисленных народов Дагестана⁶. Для наглядности и сравнения есть необходимость дать небольшой перечень исследований по этой же теме у других народов Кавказа⁷.

¹ См.: *Джотиндра Джайн*. Традиционная индийская игрушка. <http://achababa.tripod.com>.

² См.: Игрушка у малокультурных народов М., 1912.

³ См.: *Магомедов М.З.* Народные игры лезгин в XIX – начале XX века. Автореф. канд. дис. на соискан. уч. степ. канд. ист. наук. Махачкала, 1994. С. 7.

⁴ См.: *Егоров В.П.* Некоторые формы организации досуга сельского населения Дагестана // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1972. Вып.3.; *Исламмагомедов А.И.* Мужские собрания гьоркьо рукь у аварцев // Тез. докл. науч. сессии, посвящ. итогам экспед. исслед. ИИЯЛ в 1984 – 1985 гг. Махачкала, 1986; *Он же*. Формы общественного досуга у горцев Дагестана // Вопросы общественного быта народов Дагестана в XIX – начале XX в. Махачкала, 1987; *Дибиров М.А.* Обрядовые игры и состязания дагестанской свадьбы // Брак и свадебные обычаи у народов Дагестана в XIX – начале XX в. Махачкала, 1986; *Он же*. Народные игры и состязания в дагестанских мужских союзах // Вопросы общественного быта народов Дагестана в XIX – начале XX в. Махачкала, 1987; *Булатова А.Г.* Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX – начале XX века. Ленинград, 1988; *Булатов Б.Б., Лугуев С.А.* Духовная культура народов Дагестана в XV–XIX веках (Аварцы, даргинцы, лакцы). Махачкала, 1999; *Карпов Ю. Ю.* Джигит и Волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб, 1996; *Он же*. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб, 2001; *Он же*. К вопросу об эволюции традиционных социальных институтов в горской общине: (институт «кор» в Западном Дагестане) // Этнокультурные процессы: Традиции и современность. Л., 1991 и др.

⁵ См.: *Абакарова Ф. З.* Дагестанская детская игровая поэзия // Жанры фольклора народов Дагестана. Махачкала, 1979. С. 82 – 106; *Она же*. Дагестанский фольклор о трудовом воспитании детей. Махачкала, 1989; *Мирзоев Ш.А.* Народная педагогика Дагестана (Содержание, формы и методы воспитания.) Махачкала, 1986; *Магомедов А. М.* Этнопедагогическая культура дагестанцев. Вопросы теории и методологии. Махачкала, 2002; *Гаджиева С. Ш.* Очерки истории семьи и брака у ногайцев в XIX – начале XX в. М., 1979. С. 3 – 156.; *Она же*. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. М., 1985 и др.

⁶ См.: *Дибиров М.А.* Народные игры и спорт в Дагестане. Махачкала, 1968; *Он же*. Дагестанская народная физическая культура. Махачкала, 1975; и др.

⁷ *Гоножук Г.А.* Из истории физической культуры и военной подготовки адыгов в прошлом // Культура и быт адыгов. Майкоп, 1978. Вып. 2. С. 193 – 207; *Арутюнян В.Х.* Идеи воспитания в

Материал игровой деятельности раскрывает основные аспекты воспитания детей, рисует широкую картину общего процесса социализации ребенка, охватывающей все сферы традиционной культуры. Некоторые игровые действия осуществлялись при помощи различных предметов, приспособлений или игрушек. Надо отметить, что игрушки остались вне поля зрения дагестанских исследователей и не получили соответствующего их значимости внимания. Возможно, это связано и с тем, что в отечественной науке в целом, как отмечают исследователи, игрушка не была предметом пристального внимания и не заняла того места, которое она занимает в мировой науке.¹

Прежде чем перейти к изложению материала, следует остановиться на принятой многими исследователями (но далеко не универсальной) в настоящее время классификации игрушки. Прделанная в этой области работа позволила исследователям прийти к выводу о единстве большинства видов игрушек у всех народов мира. В частности, А. Е. Аркин, обобщая предложенные ранее исследователями варианты классификации игрушек, утверждает, что существуют «игрушки, которые образуют как бы основную тему, в многочисленных разнообразных вариациях повторяющуюся на различных широтах и долготах земного шара, у различных народов»². Вследствие этого игрушка предстает как очень древнее и сложное по своему содержанию явление человеческой культуры.

К этим «изначальным игрушкам» он относит следующие группы: звуковые (сенсорные) игрушки – трещотки, погремушки, жужжалки, бубенцы и т. д.; двигательные (моторные) игрушки – мяч, волчок, бильбоке и т. д.; оружие; образные игрушки – куклы и игрушки, изображающие животных.

Представленная классификация достаточно компактна, приемлема в любых экосистемах и применима в отношении игрушек практически всех без исключения народов, независимо от их социально-экономического развития. Однако полевой материал, собранный у народов Нагорного Дагестана, позволяет составить чуть расширенную классификацию, которая, как нам кажется, более презентабельна в условиях, где не было развито производство «кустарных игрушек». Хотя надо отметить, что и кустарные, и фабричные игрушки имели распространение в горах Дагестана, однако в очень ограниченном количестве и не во всех слоях общества. Они попадали чаще всего в семьи, отцы которых уходили в города на заработки.

Прежде всего вспомним, что есть традиционные, отобранные множеством поколений детей и взрослых игрушки первичные, изначальные, универсальные. Применяя принцип, предложенный выше, мы имеем следующий расклад для народов Дагестана – игрушки бывают:

- 1) звуковые (погремушки, свистульки т.д.),
- 2) двигательные (мяч, волчок, ходули, качели и т.д.);
- 3) оружие (лук и стрелы, кинжал, ножи и т.д.);
- 4) орудия труда и предметы быта (серп, лопата, вилы, кувшины, стулья, сундучки и т.д.);
- 5) образные (изображения животных, куклы);
- 6) конструктивные (песок, глина, камушки, деревянные бруски и т.п.).

Сюда же относятся палочка, веревочка, шишка, ракушка и пр. – всё, что может быть всем.

армянских народных сказках. Ереван, 1962; *Азаматова М.З.* Народные игры адыгов //УЗАНИИ. Майкоп, 1970.Т. 2. С. 370 – 379; *Виноградов Г.* Детский фольклор и быт (программа наблюдений). Иркутск, 1925. С.3–84; *Гуртуева М.Б.* Балкарский фольклор о народном опыте воспитания. Нальчик, 1974. С. 3 – 145; *Киржинов С.С.* О народном воспитании у адыгов//УЗАНИИ. Майкоп, 1974. Т. 17. С. 495–504; *Шоров И.* Народные детские игры в системе физического воспитания адыгов//УЗАНИИ. Майкоп, 1968. Т.8; *Дзуцев Х.В., Бесаева Т.З.* Этнография детства у осетин. Владикавказ, 1994; *Гагиев С.Г.* Осетинские национальные игры. Орджоникидзе, 1958; *Детство в традиционной культуре народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа* //Сб.ст.: Кунсткамера. Отв. ред. *Рахимова Р.Р.* СПб. МАЭ, 1998; *Соловьева Л. Г.* Грузия. Этнография детства. М., 1995; *Тамурзаев Д. М., Байрамкулов Х. К.* Карачаево - балкарские народные игры. Нальчик, 1998; *Багиров Дж.* Детские игры и народные обряды в сел. Шихлы Казахского района Азербайджана//СЭ.1936. № 4–5; *Мафедзев С.Х.* Очерки трудового воспитания адыгов. Нальчик, 1984. С.3 – 170; *Он же.* О народных играх адыгов. Нальчик, 1986. С. 3 – 142; *Он же.* Адыгские подвижные игры для детей // Вопросы этнографии и этносоциологии Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1981.С. 81 – 411; *Он же.* Адыгские детские игры в XIX – начале XX в. // Археолого-этнографический сборник. Нальчик, 1974. Вып. 1. С.189 – 207; *Уарзиати В.С.* Народные игры и развлечения осетин. Орджоникидзе, 1987; и др.

¹См.: *Джостиндра Джайн.* Традиционная индийская игрушка//<http://achababa.tripod.com/>; *Кудрявцев В.Т., Урмурина Б.Г.* Игрушка// <http://www.napua.ru/>; и др.

² См.: *Аркин А.Е.* Ребенок и его игрушка в условиях первобытной культуры. М., 1935.

Многие традиционные игрушки были как бы уменьшенными копиями предметов, с которыми ребенок сталкивался повседневно, и потому содержали в себе существенный элемент реальности.

В игрушки играли дети, некоторыми из них окружали себя и взрослые. Такой интерес к игрушкам предполагает давнюю историю существования этих предметов традиционного быта.

Традиционная игрушка (как впрочем, и игровая культура в целом) как явление специфически человеческое во все времена оказывала важное и во многом определяющее влияние на формирование личности. Понятно, что в использовании определенных видов игрушек существовали половозрастные ограничения и предпочтения.

Первый этап охватывает рождение и младенчество; второй – детство; третий – отрочество и период обучения. На первых двух этапах сами игрушки и игры с применением игрушек занимали важное место в умственном и физическом развитии ребенка.

Что же касается системы влияния традиционной игрушки на сознание ребенка, то она была продуманной и многоплановой, воздействуя на все уровни ощущений – тактильный, визуальный, звуковой; через игрушки ребенок обогащал свои знания, умения, навыки, необходимые для адекватной «социализации» в конкретно-исторических условиях, ведь именно в период детства в ребенке закладывается широкий круг навыков и понятий, подготавливающих его к дальнейшей взрослой созидательной деятельности в коллективе людей.

Первой игрушкой, с которой сталкивался ребенок, независимо от пола, была звуковая игрушка погремушка («зирхеро» – *аварс.*; «гьергъатIала» – *лакс.*), которую делали из бараньего или козьего мочевого пузыря: мочевой пузырь свежесрезанного животного промывали и, предварительно вложив в него горсть бобов или зерен какого-нибудь злака, надували и просушивали. После просушки бобы или зерна, стучаясь о стенки задубевшего пузыря, гремели – получалась погремушка. Делали ее и из отрезка надутых кишок. Погремушки такого типа имели очень широкое распространение практически у всех народов Нагорного Дагестана. Погремушками служили иногда и раскрашенные полые куриные яйца: у яйца осторожно при помощи параллельных дырочек вынималось содержимое, оно промывалось и просушивалось, внутрь насыпалось зерно, дырочки закупоривались (обычно воском или бумагой при помощи мучной болтанки, которую аварцы называли «шилищ»). От одного ребенка к другому переходили в семье погремушки, сделанные из дерева: из мягкой древесины вытачивались две одинаковые полые полусферы с ручкой. Полость заполняли горстью зерна, кукурузы или фасоли; половинки сфер прикладывали друг к другу и перевязывали, предварительно сложенными в несколько раз (в зависимости от их толщины) скрученными нитками. Для того чтобы нитки не сползли, заранее делались на поверхности полученной деревянной игрушки бороздки. Погремушку раскрашивали или разрисовывали. Изготовление такой игрушки требовало определенных навыков, и, естественно, не все могли ее смастерить самостоятельно, поэтому ее даже делали на заказ. Эффект погремушки создавать шумы достигался и при помощи ритмических ударов друг об друга медного тазика и деревянной ложки.

В некоторых состоятельных семьях погремушками для младенцев служили и серебряные изделия – полые шары, заполненные мелкими металлическими предметами.

Так как исследователи считают, что "беспредметные" игрушки никогда не существовали в истории человечества и не использовались даже применительно к воспитанию детей самых ранних возрастов, можно предположить, что и погремушки были предназначены не только для отвлечения и "занятия" ребенка.

В них, прежде всего, отражены известные, общественно выработанные сенсомоторные эталоны, в ходе овладения которыми у ребенка первоначально формируются важные перцептивные и двигательные способности (собственно, для этого игрушка и "задумана взрослыми"). При помощи погремушек (по реакции на издаваемый ими звук) проверяли также наличие или отсутствие у ребенка слуха и зрения. Возможно, в погремушки вкладывался и некий сакральный смысл – отгонять от ребенка злых духов и другие вредоносные силы, перед которыми грудной ребенок, как считалось, был особенно беззащитен.

Игрушечные "свистелки", предназначенные для детей того же возраста и чуть постарше, призванные также отгонять от ребенка злых духов, демонов, были и первыми "музыкальными инструментами", с которыми сталкивался ребенок. Возможно, именно через эти донельзя простые игрушки, созданные взрослыми для детей грудного и самого младшего возраста, каковыми являлись погремушка и свистелка, дети получали первоначальное музыкальное «образование». Свистелки («щинкьеро», «Iонкъ» – *аварс.*; «шютIтIухи», «шюрщютIала» – *лакс.*; «изоттане» – *дарг.*) делали для детей из различных материалов, но чаще всего вырезали из дерева и лепили из глины (иногда их обжигали), причем, им придавали вид самых разных птиц и раскрашивали. Свистелки также являлись обучающими игрушками – благодаря им ребенок знал, что птицы издают мелодичные звуки.

Важным предметом игровой деятельности детей мужского пола любого возраста считался мяч («торгло», «сакрех», «топ» – *авар.*; «торлы» – *дарг.*; «ттуп» – *лакс.*) – двигательная игрушка. Традиционный мяч имел далеко не тот привычный нам вид. Одна из разновидностей – мяч, который делали специально для маленьких детей: это надутый бычий мочевого пузыря, подсушенный обязательно в тени. Другой, для детей постарше, делали из туго свернутых в клубок, а затем прошитых кусков овчины, которые чаще всего оставались после шитья повсеместно распространенных в горах Дагестана овчинных шуб. Бытовали в горах и войлочные мячи. При их производстве использовалась способность шерсти сваливаться при воздействии на нее горячей воды. Туго свернутые шары самых разных размеров из овечьей шерсти (не лучшего качества, чаще отходов) не просто выдерживали в горячей воде, а кипятили, а затем просушивали. Надо сказать, что часто дети сами шивали всякое тряпье, придав им форму шара, и играли им. Естественно, что из такого мяча, когда им играли, выбивались лохмотья, и он быстро выходил из строя. Возможно, именно из-за такого мяча у жителей с. Ругуджа (совр. Гунибский район) появилось выражение относительно растрепанного, неаккуратно одетого человека: «торгло (торгло) гладын» («как мяч», т.е. «выглядишь, как мяч»). Есть сведения (с. Глярата), что иногда вместо мяча использовали бурдючок ягненка, который набивали всяким тряпьем, шерстью, предварительно придав ему, насколько это было возможно, шарообразную форму.

Наиболее распространенной игрушкой, предназначенной для маленьких девочек, была кукла (образная игрушка) – подобие живого существа, главным образом, человека.

Первые ее образцы изготавливали для детей, как правило, взрослые, из самых различных материалов. Самой удобной для использования считалась мягкая, так называемая тряпичная кукла. К примеру, известно, что именно такая кукла, в отличие от деревянной или глиняной, снимает психологический барьер между ребенком и "миром больших вещей", воспитывает ласковое, необязливое отношение к миру. Технология изготовления подобной куклы была довольно проста: прежде всего выкраивалось из ткани, войлока или из овчины шерстью внутрь туловище, оно прошивалось и туго набивалось шерстью, соломой, сеном, реже опилками (в с. Ругуджа еще и растительным пухом «къент»), а затем с учетом необходимых пропорций пришивались к туловищу, набитые тем же составом, руки и ноги. В последнюю очередь пришивали голову, поскольку она нуждалась в более тщательном оформлении: вышивкой или угольком ей «оживляли» лицо, пришивали косы из волокон черной шерсти или чаще всего из натуральных волос. Исследователи считают, что наиболее архаическим образцам кукол лица, как таковые, не были присущи, их начали вышивать цветными нитками или раскрашивать красками сравнительно поздно. Автор раздела, (который, кстати, тоже отмечает отсутствие на Северном Кавказе внимания к такой интересной теме, как игрушки¹), посвященного осетинским куклам относительно этого предположения отмечает: «Этот интересный факт можно понять, если вспомнить, что кукла требует не созерцания; чужой мысли, а игры с ней. Иначе есть опасность односторонне оценить куклу с чисто визуальной стороны. Излишнее сходство, натуральность, подавляющая фантазию, слишком большая подробность вложенного в нее сообщения ей вредит. С этой точки зрения, подобная безликость является не просто какой-то беспособностью ребенка передать мельчайшие черты лица, а специфической реальней дидактической мысли».²

Наряд куклы, как правило, в миниатюрном исполнении в точности соответствовал тому, что был распространен в том или ином обществе. Иногда для куклы специально делали украшения – бусы, монисты; платье украшали вышивкой, имитирующей нагрудные серебряные украшения, без которых был немислим женский костюм многих народов Дагестана.³

Следующими по распространенности были куклы деревянные – их вырезали из цельного куска дерева мягкой, удобной для обработки породы. Такие куклы чаще всего имели распро-

¹ «Этнографические наблюдения свидетельствуют о том, что человек общается с куклой гораздо чаще, чем это может показаться. Взаимосвязь человека с куклой продолжается от его рождения до самой смерти, активно участвуя при всем этом в семейной и общественной жизни. Такая связь, на наш взгляд, и явилась причиной того, что на куклу не обращают особого внимания, считая ее обычной, ординарной вещью. Вероятно, подобная точка зрения послужила тем негативным фактором, из-за которого в осетинской этнографии кукла не привлекала специального внимания исследователей.» (См.: *Уарзиати В. С.* Народные игры и развлечения осетин. Орджоникидзе, 1987. С. 57.)

² *Уарзиати В. С.* Народные игры и развлечения осетин. С. 59.

³ См.: *Гаджиева С.Ш.* Одежда народов Дагестана XIX – нач. XX в. М., 1981; *Булатова А.Г., Гаджиева С.Ш., Сергеева Г. А.* Одежда народов Дагестана. Этнографический атлас. Пушкино, 2001; и др.

стертые как крылья руки. Волосы такой куклы пришивали на небольшой кусок ткани, который приклеивали на голову при помощи мучного клея. Под механическим или иным воздействием такой «чепец» с волосами часто отклеивался. Их тоже тщательно одевали в одежду, соответствующую традициям общества.

Глиняная (необожженная) кукла, внешне напоминала деревянную, но она не была такой же прочной. Кроме того, куклу из глины, если речь не шла об обжиге, чаще всего лепили себе сами дети. Следует отметить, что кукла в жизни детей играла двойную роль: в раннем детстве она была просто игрушкой («дахlалаб нани» – *авар.* детский лексикон – «красивая /хорошая/ ляля»), одежду для которой сшили взрослые; позже, для подростков 7 – 10 лет кукла служила своеобразным «манекеном», одевая который, причем, соревнуясь, друг с дружкой, девочки учились навыкам кройки и шитья.

Помимо вышеназванных видов кукол, которые требовали некоторых усилий и привлечения помощи взрослых при изготовлении, дети часто сами себе создавали недолговечные куклы из подручного материала: кукурузных початков (особенно, когда хотели изобразить запеленатого грудного младенца), соломы, шелковых ниток (ср. Ругуджа, Куяда, Хутни – «гьарт ясикlо»). Делали временные куклы даже из цветов со шляпками (тип ромашки, василька и др.): лепестки опускали вниз и перевязывали, так, чтобы получилась головка «куклы», а по бокам – «ручки», одевали ее в растительный наряд и использовали в игре (ср. Кули, Сумбатль, Цовкра /совр. Кулинский район./; Куркли, Кара, Унчукатль /совр. Лакский район./ и др.).

Самый простой вариант куклы тот, который дети делали себе сами: крестик из двух прутиков, перевязанных нитками, верхнюю часть «креста» заматывали нитками – это была голова; на вторую часть крестовины надевали импровизированное или предварительно сшитое платьице или черкеску (если для игры нужен был мужской персонаж). Куклы, сделанные детьми, при всем кажущемся примитивизме их изготовления отличались большой творческой фантазией.

В процессе поисков материала об игрушках у народов Нагорного Дагестана обнаружена одна закономерность: чаще всего куклы повторяли, как правило, женский образ; если и изготавливали куклу-мальчика для долговременного пользования, то только из дерева и глины, об этом свидетельствует и полевой материал, в частности, в небольшом двустихии, записанном проф. М.А. Агларовым у женщины по имени Адаба из с. Ирганай (совр. Унцукульский район): «Чlартазул васикlо, расул ичикlо. Мун чи гьечlолъини, гьалеб буклана» («Тряпичная кукла мужского рода, ичикlо, из волос. Я подозревала, что ты не мужчина») – так пренебрежительно говорится о кукле-мальчике, сделанном именно из тряпок. Куклу-мальчика так же, как куклу-девочку, одевали со всей тщательностью в одежду, соответствующую по покрою традициям конкретного общества.

Особую категорию составляли куклы, сделанные для использования в календарных и семейных обрядах – чаще всего их пекли из теста пшеничной, изредка кукурузной, муки. В обрядовых куклах, из чего бы она ни была сделана, воспроизводилась лишь общая схема конструкций аналогичного типа. Техническим нюансам придавалось второстепенное значение. Главное заключалось не в воссоздании конкретных характеристик вещи, а в наделении ее смыслопорождающими свойствами. Этими куклами не играли, они нужны были на очень короткий срок для определенных манипуляций или действий, после окончания которых, в зависимости от обряда, их съедали или сжигали. Т.е. следует отметить, что «кукла» – понятие многогранное и многофункциональное. В жизни женского общества, как современного, так и традиционного, она выполняет не только одну функцию – быть игрушкой для ребенка, ее «возможности» гораздо шире.

Она является магическим средством, апотропейным предметом для проведения репродуцирующих обрядов, сопровождая девушку в брачную жизнь у многих народов традиционных обществ. Иногда кукла — средство ворожбы, порчи, доброго или злого внушения, воздействия на это существо, подобием которого она служит. Иными словами, кукла как нельзя лучше отображает этнографические особенности конкретного народа, соединяя воедино дидактические возможности, а также элементы материальной и духовной культуры определенной эпохи. Как вы понимаете, объект нашего внимания – обыкновенная детская игрушка – кукла, и одна из ее функций – дидактическая.

Обычные детские куклы чаще всего использовали во время игры в «дом» («рукъ хlазе» – *авар.*; «рlрlжиз» – *дарг.*; «ссихьрал къатри буллан» – *лакск.*: буквально «играть в дом») или в «дочки – матери» («эбель –яс» – *аварск.*; «неш – рурсбе» – *дарг.*; «ниттихьул – душрул» – *лакск.*). При этом игра в «дом» была коллективной и имела две разновидности: первая, при которой воссоздавались семейные дела и взаимоотношения, играя только куклами (куклы «ходили» в гости, «воспитывали» детей, «делали» что-то по «дому», «имитирова-

ли» различные семейные и общественные обряды и т.д.), т.е. участниками игрового процесса были куклы, которыми «руководили» дети; вторая разновидность – активными участниками были сами дети, которые изображали взрослых (семейные пары), а куклы считались их детьми. Причем, до 5–6 лет в эту игру (во втором варианте) играли и мальчики.

Часто дети (как мальчики, так и девочки /до 10 лет/ совместно и раздельно, в зависимости от сценария игры), причем со всеми нюансами, в реальном времени разыгрывали то или другое семейное или общественное мероприятие – свадьбу, сватовство, «мавлид» (поминальный обед), даже похороны; посиделки во время шелушения кукурузы, «чесания» шерсти, помощь при «постройке» дома (моменты соблюдения одного из общественных институтов – обычая взаимопомощи), стрижку овец (для этой игры мальчишки, соревнуясь, заранее лепили глиняные изображения баранов – (ср. Бутри, Верхние Мулебки, Гинта, совр. Акушинский район), сбор винограда, фруктов (ср. Гимры, Унцукуль, Ашильта и др., совр. Унцукульский район); и другие бытовые действия, которые (естественно, с перерывами на реальную жизнь) продолжались даже несколько дней.

В игру «дочки – матери», где игровой процесс предполагал вербальное обучение «матерью» (девочкой) своей «дочери» (куклы) навыкам ведения домашнего хозяйства, рукоделию, поведению в определенных ситуациях и т.д., можно было играть и в одиночку. В этой игре ребенок получал прекрасную возможность для повторения и закрепления «пройденного материала» (воспитательных бесед с матерью или с бабушкой) при помощи куклы.

Развитие, достраивание ребенком педагогических замыслов, преворяемых взрослыми в игрушке, дополнительная (подчас – существенная) переработка в идеальном плане уже идеализированного в ней содержания, превращают ее в подлинно развивающий, воспитательно-образовательный инструмент. Самостоятельно изготавливая привычные традиционные игрушки, а затем, играя, с ними, дети начинают наделять их новым смысловым содержанием.

Наличие куклы и подобных игр предполагает, что игры проходили не в пустом пространстве, что каждая семья по мере своих возможностей старалась создать игровое пространство для своих детей. Таким местом являлся «кукольный дом» («ясиклудул рокъ» /ругудж./, «ясиклуд рукъ» – *аварск.*; «начурбала къали» – *дарг.*; «ссихьрал къатта» – *лакск.*), т.е. уголок в комнате, на веранде, на галерее, на сундуке, нередко в маленьком сундучке, вообще где угодно, где была возможность создать «кукольное пространство». Оно состояло из игрушечных (как вполне внушительных, так и миниатюрных) деревянных (сделанных взрослыми) или глиняных (чаще слепленных самими детьми) предметов быта: стульчиков, ларей, сундучков, полочек, печки, детской люльки и т.д. Стены этого, часто условного пространства, как нам говорили (с. Кегер, Гунибский район), обвешивались лоскутами ткани (как было принято у взрослых). Для обустройства кукольного дома часто использовалось все, что было ненужно в хозяйстве: сломанная ложка, дырявый тазик, даже осколки разбитой фаянсовой или фарфоровой тарелки – их дырявили, и подобно тому, как висели в «нарядных комнатах» (кунацких) взрослых на стенах «кузнецовские» и так называемые «испикские» тарелки, их тоже развешивали для красоты на «стену» кукольного дома. Если деревянные игрушки детям изготавливали чаще всего родители, то глиняные – дети обычно лепили для себя сами, взрослые подключались только в том случае, когда игрушку предстояло подвергнуть обжигу.

Миниатюрные игрушечные предметы домашнего обихода и копии других предметов открывали дверь из маленького мира ребенка в большой мир, окружавший его. Игрушки и развлекали, и поучали его. По большей части почти все традиционные игрушки были как бы уменьшенными копиями предметов, с которыми ребенок сталкивался повседневно, и потому содержали в себе существенный элемент реальности.

Особенно это касалось миниатюрных копий предметов домашнего обихода и хозяйственного назначения. Кухонная утварь в игрушечном варианте, как, например, поставцы, мерки, скалки (в некоторых аварских и даргинских селах – ср. Ахкент, Кутиша, Леваша, Наскент, совр. Левашинский район, игрушечные скалки делались полыми, вовнутрь клали камушки, дети развлекались, заставляя их греметь и издавать ритмичные звуки), сито, ложки и т.д., позволяла девочке, подражая матери, учиться пользоваться ими. То же можно сказать и о детских серпах, косах, мотыгах, лопатах, топориках и других уменьшенных копиях орудий труда, при помощи которых детей готовили выполнять посильные хозяйственные обязанности как в поле, куда их брали с собой уже с 7–8 лет, если дома не было других маленьких детей, так и в доме.

Такие игрушки хозяйственного назначения выковывались из железа. Поскольку их производил профессионал–кузнец, они в большей степени были похожи на настоящие взрослые оригиналы. Деревянные предметы домашнего быта, кухонную утварь изготавливали чаще всего дома дедушки, реже отцы детей, соответственно они были более условны, хотя в некото-

рых семьях к их изготовлению подходили весьма серьезно. Профессионально сделанные, прекрасно украшенные игрушки были предметом гордости и даже хвастовства детей. Естественно, что эти простые детские предметы делались не только для забавы, но и для того, чтобы ребенок с помощью форм, материалов, красок познавал мир окружающих вещей.

Многими из вышеназванных игрушек хозяйственного назначения, особенно орудиями труда, пользовались как мальчики, так и девочки.

Подобно тому, как куклы, о которых мы говорили выше, являлись принадлежностью игр только девочек, были игрушки, которые считались атрибутом только мальчишеских игр; к ним относились деревянные кинжалы в ножнах, колчаны для стрел, копыя и другие предметы мальчика-воина. Надо сказать, что украшали детское оружие не менее затейливой, чем предметы, предназначенные для взрослых, резьбой, они покрывались изысканным узором.

Часто игрушечный кинжал из дерева становился украшением костюма ребенка 4 – 6 лет, как это было принято у взрослых. Уже в этом возрасте его приучали правильно носить оружие. Чуть позже во многих семьях с соответствующим достатком, деревянное оружие заменяли металлическим, но тоже миниатюрным.

В середине XIX века, когда в массовом порядке у народов Дагестана получили распространение пистолеты, которые также стали украшением мужского костюма (мастера-серебряники стали изготавливать даже специальные серебряные цепи для пистолетов «тапанчадул раххас», с. Ругуджа). Соответственно появилась «игра в войну» («рагъхлай» – аварск.; «иржиз дургъбали» – дарг.; «дьявильий букан» – лакск.), которая в некоторых аварских селах имела и другое название – «ких-ких» (сс. Кутиша, Урма, Салта) или «ких хлазе», «ких хлай» (сс. Куяда, Ругуджа, Кегер) (*говорят, именно такой звук издавали пистолеты с длинными дулами, характерные для того времени*). Эта игра от привычной, в которую часто играли дети, «сражаясь» деревянными кинжалами, отличалась тем, что здесь были задействованы деревянные пистолеты. У игры были строгие правила, которые требовали очень честного подхода. Тот, чье туловище (грудь, спина) попадало в поле зрения противника, считался «убитым» и выбывал из игры; если из-за укрытия были видны только конечности (руки, ноги) или голова, играющий выходил из строя на определенное время, т.е. считался раненым. Нельзя было спорить, доказывать, что при слове «ких – ких», которое произносил «стреляющий», противник не «убит» или «не ранен». Такой спорщик рисковал быть неприятым в следующий раз в игру.

Еще одной любимой игрушкой мальчиков считался «волчок» («цццалларкы» – аварск.), прототип современной юлы. Представлял он собой деревянный конусообразный цилиндр, который «раскручивали» при помощи кожаной, красиво переплетенной плетки с кисточкой на конце.

Существовал волчок двух разновидностей – «зимний» (раскручивали на льду) и «летний» (им играли на сланцевой плите или на другом ровном месте на земле). Диаметр первого варианта волчка был в два-три раза больше второго. Поверхность игрушки украшали резьбой, боковую часть покрывали цветным рисунком, эстетика волчка и плетки целиком зависели от фантазии ее владельца.

Летом мальчики во время купания на реке устраивали запруды и там наперегонки пускали узкие деревянные лодочки, очень напомиавшие известные «каноз». Как правило, эту игрушку дети строгаи сами.

Любимой осенней игрушкой мальчиков (сс. Акуша, Куркли, Куяда и др.) являлись рога только что зарезанного барана, вычищенные изнутри и насаженные на палку. При этом процесс вычищения рогов тоже превращался в соревнование: рог со всего размаха издали бросали в стенку, выигрывал тот, у кого полость рога очищалась раньше других. При помощи этих палок с рогами мальчики 7 – 10 лет устраивали сражение, при этом рогом нельзя было колоть, палку друг у друга просто выбивали. Каждый, выронивший палку, проигрывал и выбывал из игры.

Дети помладше (5 – 6 лет), используя эти палки с рогами, изображали всадников. Мальчики, у которых были деды, имели, как правило, больше игрушек, особенно таких, которые требовали при производстве некоторых усилий. К подобным игрушкам относились вырезанные из дерева фигурки различных диких (волков, медведей, туров и др.) и домашних животных (лошадей, козлов, баранов, даже верблюдов – их изображения становились известны благодаря тем, кто ездил на заработки или возвратился после совершения «хаджа», и др.), к ним приделывали иногда деревянные колеса и катали. Самой любимой игрушкой маленьких мальчиков являлась довольно большая деревянная голова лошади, насаженная на палку. Мальчишки гонялись друг за дружкой, восседая на этих лошадаках, изображая всадни-

ков, подгоняющих их плеткой. Фигурки животных делали и из глины, чаще всего их лепили сами дети.

Большую группу составляли так называемые конструктивные игрушки, собственно говоря, их трудно назвать таковыми, поскольку не нужно было прикладывать никаких усилий на их изготовление – это в основном природные материалы (камни, речная галька, палки, растения и т.д.), которые использовались как дополнительные приспособления при различных играх. Дети, причем и мальчики, и девочки, часто любили собираться на плоских крышах домов, находить там характерные разноцветные камушки (от бледно-желтого до терракотового и темно-коричневого) особой мягкой породы. Этими камушками, размочив их слюной или реже водой, можно было рисовать на сланцевых плитах, которыми обычно бывали обложены края плоской кровли. Рисовали зверюшек, цветы, радугу и т.д. и раскрашивали их.

При помощи маленьких речных камушков, одинакового размера почти повсеместно и мальчики, и девочки играли в игру «3 камня», которая напоминала современную игру «крестики – нолики», с той лишь разницей, что играли в нее не на бумаге, а на нарисованном на земле или сланцевой плитке квадрате, и вместо рисованных значков поле заполняли камушками.

Естественно, что это далеко не полный перечень игрушек, которые использовались в игровой деятельности народов Нагорного Дагестана. Но даже имеющийся в наличии материал позволяет сделать некоторые выводы. Традиционные для дагестанцев игрушки были на определенных этапах истории своеобразным отражением социального строя, хозяйственного быта, материальной и духовной культуры, религиозных верований дагестанского народа. Многие игровые действия осуществлялись при помощи игрушек, которые создавали как взрослые, так и сами дети.

Особое значение имел материал, из которого изготавливались игрушки. С давних времен для этого использовались, как мы уже отмечали, самые разнообразные материалы: тряпки, кожа, овчина, дерево, глина (обожженная и необожженная), металл, некоторые кости животных; различный подручный материал – тыква, солома, шелковые нити, кукурузные початки, тесто и т.д.

Глиняные и терракотовые игрушки хороши тем, что их можно было разнообразить до бесконечности, каждый день создавать что-то новое: сделать каждому ребенку свою игрушку, какой нет у других детей, для каждой игры слепить новую куклу. Эти игрушки были хрупки, но способ изготовления прост, поэтому всем доступен. Яркая одежда тряпичной куклы, необычная резьба или раскраска некоторых деревянных миниатюрных предметов быта сообразно детской фантазии оживляли их примитивные формы.

Для игрушек, позволявших воссоздавать мир взрослых в мире детской фантазии, очень подходил металл. Не случайно точные копии орудий труда производились именно из него. Хотя гораздо больше изобретательности и фантазии вкладывалось в фигурки, изготовленные из глины, дерева, материи, кусочков войлока, растений, перьев и т.д.

Существовало половозрастное распределение игрушек, хотя в некоторых случаях оно было и относительным, например хозяйственными орудиями в миниатюре, фигурками животных могли играть, как мы уже отмечали, и мальчики, и девочки. Четкое разделение существовало только в оружии и куклах. Девочки играли в куклы, укладывали их в миниатюрные люльки, пели колыбельные песни, шили им одежду и т.д. – игра превращалась в своеобразную трудовую и семейную школу. Мальчиков интересовали игрушки, которые знакомили их с хозяйственной жизнью, а также имели определенное военное направление, позволявшие получить навыки, необходимые для настоящего мужчины во взрослой жизни.

Именно игрушка способствовала первичной инкультурации ребенка. Не случайно исследователи пишут, что игрушка – это предмет, который с раннего детства постепенно вводит его во владение материальной и духовной культурой человеческого общества,¹ и рассматривают игрушку как особую форму его жизни, в которой осуществляется связь ребенка с окружающим взрослым миром.

Именно в игре ребенок учится взаимодействовать с окружающим миром, не касаясь его вплотную, а лишь моделируя наблюдаемое в нем в своем, безопасном и отгороженном от взрослых пространстве. Здесь соединяется реальность и воображение, создаются разнообразные миры, параллельные взрослому.

¹ Рейнсон – Правдин А.Н. Игры и игрушки народов Обского севера (социальные корни игры)// СЭ. 1949. №3. С. 131.

Игрушка "работает" в игре лишь тогда, когда она не мешает, а способствует игровой фантазии ребенка. В раннем возрасте легче всего в игру включается простая игрушка, наделяемая детской фантазией самыми разнообразными, изменяющимися возможностями и свойствами.

З.Б. Рамазанова

ПИЩЕВЫЕ СЕЗОНЫ ГОРЦЕВ ДАГЕСТАНА

(XIX - нач. XX в.)

Традиционная модель питания существенным образом зависит от экологической среды обитания этноса и во многом определяет его хозяйственно-культурную деятельность. Человек испытывает не только прямое воздействие физических и химических факторов среды, но и опосредованные, через пищу. Пищевой рацион этноса во многом определяется его хозяйственно-культурным типом (ХКТ). В то же время существует и обратная связь – в определенной ХКТ зависит от экологически обусловленных и этнических традиций и исторически сложившейся модели питания.

Здесь проявляется закономерность, отмеченная С.А. Арутюновым: говоря о моделях питания, связанных "при своем возникновении с определенным ХКТ и претерпевающих вместе с ним различные модификации по мере его эволюции", он затем добавляет, что зависимость модели питания от ХКТ неоднозначна и не абсолютна, она может сохраниться при исчезновении породившего ее ХКТ¹. Этой закономерностью и объясняются земледельческие традиции в питании народов Нагорного Дагестана, т.к. дагестанская модель производящего хозяйства оказалась, безусловно, земледельческой и сохранила в дальнейшем свой характер в закрепившихся земледельческих традициях горцев, несмотря на слабую земледельческую базу. Необходимо отметить, что и все основные животноводческие продукты были характерны как ХКТ предгорья, так и высокогорья, разница может заключаться в объемах.

К народам Нагорного Дагестана вполне применима формулировка С.А. Арутюнова и о единой зерно-молочной модели питания, сложившейся при складывании производящего хозяйства².

Экологическая специфика Нагорного Дагестана с его резко континентальным климатом, значительной приподнятостью над уровнем моря, растительным и животным миром во многом обусловила тип хозяйства земледельцев-скотоводов и связанную с ним модель питания. Его основными компонентами были зерно+молоко+мясо с преобладанием мучных изделий, растительной пищи в целом.

Соотношение между потребляемым количеством мучной пищи, мяса, молока и молочных изделий зависело от сезона хозяйственного года горцев.

Народы Нагорного Дагестана делили годовой хозяйственный цикл на четыре сезона, соответственно временам года: зимний, весенний, летний и осенний. И в каждом времени года выделяли по три месяца.

Исследование показывает, что у всех народов Горного Дагестана значительное развитие в прошлом получил природный фенологический календарь, основанный на смене явлений природы в разные времена года, а также в отдельные периоды тех или иных времен года. Именно этот календарь был тесно связан с трудовой деятельностью народа, с нуждами хозяйства, его создала в течение многих веков народная мудрость и наблюдательность. Он был связан с климатическими условиями, поэтому имел множество локальных вариантов³.

У лакцев и аварцев по фенологическому признаку год делился на месяцы, хотя названия их ныне во многих случаях трудно восстанавливаются; у даргинцев же времена года делились по фенологическому признаку на отдельные небольшие периоды по 6 – 10 – 12 дней, которые наиболее четко фиксировали те или иные периоды, главным образом, природные изменения и были тесно связаны с хозяйственными занятиями⁴.

1. Этнография питания народов стран Зарубежной Азии. Опыт сравнительной типологии. М., 1981. С. 249.

² Этнография питания народов стран Зарубежной Азии. С.233.

³ Булатова А.Г. Сельскохозяйственный календарь и календарные обряды народов Горного Дагестана. Махачкала. 1985. РФИИАЭ. Ф.3. Оп.3. Д.624. Л.20.

⁴ Булатова А.Г. Сельскохозяйственный календарь. Л.20.

Хозяйственный год народов Нагорного Дагестана можно разделить еще на четыре "пищевых" сезона¹, различающихся по структуре питания соответственно природным изменениям, поскольку именно в питании наиболее отчетливо отражаются и закрепляются все малейшие варианты хозяйственного комплекса различных этнических и социальных групп.

В зимний «пищевой» период главную роль в питании народов Нагорного Дагестана играли блюда с мясом, в основном сушеным, являющиеся дополнением к мучной пище. Сюда входили: хинкал с сушеным мясом и сыром, суп фасолевый с сушеными конечностями или куском курдюка; а в сезон охоты ели и турье мясо. Важное значение имели также молочные продукты – разные сыры (из овечьего молока, из коровьего).

Рассмотрим некоторые блюда, приготовляемые в зимний период; здесь в первую очередь необходимо отметить разновидности хинкала, особенно их много у лакцев в зависимости от муки, из которой они готовились. Разумеется, хинкал готовили во все периоды, но особое предпочтение отдавалось этому блюду именно в холодное время, так как оно считалось более сытным, чем хлеб, особенно в сочетании с бульоном, и хорошо согревало в зимнюю пору².

У лакцев готовили хинкал их пшеничной, бобовой и кукурузной муки. Готовили его, преимущественно, на мясном бульоне, а иногда и без него. В таких случаях хинкал ели с сыром. Чаще всего готовили лацы разновидности хинкала "гъавккури", известный под другим названием как крученный хинкал. Для этого из круто замешанного теста отрезали кусочки теста, которые в свою очередь раскатывались в стержни, затем эти стержни резали на клешки (кусочки теста, квадратики по 1-1,5 см.) и большим пальцем надавливали так, что тесто закручивалось наподобие ракушки. Этот хинкал ели с бульоном, добавив толченый чеснок. Кулинцы добавляли еще сюда же молоко и картошку.

Еще готовили тонкий хинкал "кЮла гъавккури" – из тонко раскатанной лепешки вырезали небольшие квадратики. Варили его тоже в основном на мясном бульоне и ели с бульоном (в отличие от даргинцев и народов Южного Дагестана, которые ели его без бульона, т.е. запивали бульоном в конце, добавив толченный чеснок). Для разнообразия иногда готовили еще "чабанский"³ хинкал "хУхчу ххункI" или "хъат риршу ххункI".

Технология приготовления этой разновидности хинкала весьма несложна: от круто замешанного теста отрывают по куску, раскатывают его в стержни и, придавив ладонями и скалкой, раскатывают, затем режут на квадратики, чуть больше чем тонкий хинкал. Ели этот хинкал руками или деревянными вилками, макая в чесночную приправу или запивая бульоном с чесноком. Ели его с мясом или с сыром.

В качестве разновидности можно здесь же привести и хинкал из кукурузной муки - "хАжикIал ххункI", для приготовления которого тесто заваривали кипятком, чаще всего замешивали на кипящем бульоне, где должен был вариться хинкал. Готовили хинкал, отрывая маленькие кусочки от теста и придавая им форму маленьких круглых лепешек. Ели кукурузный хинкал с курдюком, запивая бульоном с толченым чесноком, или ели, макая в урбеч с маслом. Сюда же можно отнести и хинкал из бобовой муки: в кипящий бульон потихоньку лили по ложке массы, приготовленной из бобовой муки, яйца и зелени (приправы - "ей"). Попад в кипятком, масса тут же сворачивалась в виде шариков.

Рассматривая пищу даргинцев в зимний "пищевой" период, отметим, что одним из любимых блюд у них также считался хинкал из пшеничной и кукурузной муки⁴. Для пожилых готовили хинкал из пшеничной муки, добавив туда немного солода для придания некоторой мягкости тесту. В основном готовили крупный хинкал - чабанский хинкал, ели, макая в чесночную приправу. Если не было мяса, то ели, добавив к чесноку сывороточный уксус. Еще готовили "тонкий" хинкал – из тонко раскатанной лепешки вырезали небольшие квадратики и варили на мясном бульоне, ели с мясом, после хинкала пили бульон. Кроме этих разновидностей, даргинцы готовили еще и хинкал в виде ракушек, а также из кукурузной муки по той же технологии, что и у лакцев. Из кукурузной муки готовили также хинкал в виде шариков, внутрь которых клали по кусочку жира, затем, слег-

¹ Крупиц И.И. Питание и экология хозяйства ненцев Большеземельской тундры в 20-х годах XX// Некоторые проблемы этногенеза и этнической истории народов мира. Сборник научных трудов. М., 1976. С.66.

² Османов М.О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана. Махачкала, 1996. С. 210.

³ Рамазанова З.Б. Пища народов Нагорного Дагестана в зимний «пищевой» период// Лавровские (Среднеазиатско-кавказские) чтения 1998-1999. Краткое содержание докладов. Санкт-Петербург, 2001. С. 99.

⁴ Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 273; Рамазанова З.Б. Пища народов Нагорного Дагестана в зимний «пищевой» период. С. 99.

ка придавив их между ладонями, опускали в кипящий бульон. Ели такой хинкал с мясом, макая в чесночную приправу. Иногда его ели и без мяса, добавив в толченый чеснок сывороточный уксус - "кьанц", запивали бульоном. Хинкал ели деревянными палочками вместо вилок.

Хинкал считался одним из любимых блюд и у аварцев. Готовили его из пшеничной, ячменной, ржаной, кукурузной, просяной, гороховой муки. Одна из разновидностей хинкала "ratġu хинкIа": пресное тесто из пшеничной муки раскатывали в тонкую лепешку толщиной около 2-3 см и резали длинными лентами. Затем от узких полосок отрывали рукой кусочки над кипящим котлом и опускали в кипящую воду. Варили эту разновидность на воде, на мясном бульоне, в молоке. При подаче его заправляли жареным курдюком и чесноком. В случае, если хинкал готовили на воде, его заправляли кислым молоком. Был и другой способ приготовления "ratġu хинкIа". Хинкал сначала варили в воде. Через некоторое время воду сливали и в котел наливали молоко. Как только молоко закипало, котел снимали с огня. Такой хинкал подавали с бульоном. В качестве приправы использовали чеснок.

Другой вид хинкала – "гьангун хинкIа" – хинкал с мясом. Его готовили как "спутник" к вареному мясу. Сварив мясо, вынимали его из бульона, опускали в бульон заранее приготовленное, раскатанное (толщиной 4-5 см) и разрезанное на большие куски тесто. После варки вынимали шумовкой, поливали сверху бульоном, заправленным чесноком. Ели хинкал с мясом. В конце жelaющим подносили бульон. При замесе теста для приготовления "гьангун хинкIа" добавляли содовую воду, которую женщины иногда приносили специально из сел. Инхоквари¹.

Хинкал "исашундаб хинкIа" готовили так же, как и "ratġu хинкIа", но заправляли его растертым сыром, творогом, растопленным маслом.

Следующий вид хинкала – "гьисин хинкIа" – варили в бульоне или просто воде. Из теста делали длинные полосы, которые затем раскатывали скалкой или разминали пальцами, отрывая от них четырехугольные кусочки (примерно 3 x 3 см). Когда хинкал сварится, его подавали в собственном бульоне, заправленном чесноком или подливой из прожаренного курдюка или нутряного сала - "кьалия".

Этот хинкал готовили из любой муки, за исключением кукурузной. Мясо подавали отдельно. Хинкал в бульоне в предгорных районах встречается реже².

Еще готовили хинкал из кукурузной муки, замесив тесто на крутом кипятке, где должен был вариться хинкал. Готовили хинкал, отрывая маленькие кусочки от теста и придавая им форму маленьких круглых лепешек. Им же придавали форму шариков, сдавленных пальцами посередине. Ели кукурузный хинкал в основном с сушеным мясом, курдюком, запивая бульоном с чесноком.

К блюдам, приготовляемым в зимний "пищевой" период можно отнести пельмени с начинкой из творога, из внутренностей и ливера, которые хранились в сывороточном уксусе, из сушеных трав, с яйцами и мелко нарезанным нутряным жиром. В селении Вихли (Кулинский район) готовили блюдо из гороха на бульоне из сушеных языка, бараньих ножек и т.п. с добавлением соли. Крышку котла плотно закрывали, и в котле, помещенном в горячую золу, томили зерна. Варить ставили с вечера и оставляли до утра.

В этот период готовили также пироги с разными начинками – "чуду". В качестве начинки использовали тыкву, нарезанную тонкими кусочками, добавляли туда соль, перец, жир, жаренный с луком, мелко нарезанное сушеное мясо, несколько яиц (у даргинцев). На особые торжества готовили чуду с творогом: творог перетирали руками, добавляли туда жареный лук, яички, соль, готовили его полукруглой формы.

При выпечке в золе хлеба из кукурузной ("мучари"), ("хIяжланкIила кьацI"), просяной ("мучила мучере"), гороховой муки (кьарала кьацI") его помещали на каменной или железной плите, чтобы он не рассыпался, сверху закрывали другой плитой и на нее насыпали горячие угли³.

Зимой народы Нагорного Дагестана пекли хлеб у себя дома на металлическом листе, установленном на треножнике. Одновременно грелись у очага и готовили хлеб и пищу. Пекли еще хлеб из кукурузной муки, добавив туда нутряной жир и жареный лук.

Преимущественно в зимнее время лакцы нынешнего Кулинского района пекли интересную разновидность хлеба – "аьтIиччатI" (досл.: плачущий хлеб). Тесто замешивали на закваске, куда добавляли чабрец, мелко нарезанный нутряной жир, соль, приправу – "ей". Такой же хлеб пекли иногда и из кукурузной муки.

Печеные изделия с начинкой были распространены у аварцев. Чуду назывались у них по-разному. В это время пекли они чуду с начинкой из внутренностей скота, выдержанных в уксусе из сывороток. Пекли чуду круглой формы (особенно андалальские аварцы – "ботишал", сел. Чох) с

¹ Алимова Б.М., Магомедов Д.М. Ботлихцы. XIX – начало XX в. Махачкала, 1993. С. 90.

² Материальная культура аварцев. Махачкала. 1967. С. 279.

³ Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. С. 276.

начинкой: вареный картофель смешивали с соленым творогом, полукруглой формы чуду готовили с тыквой, заправляли солью, тмином, луком, жареным с жиром.

Небезынтересно отметить разновидности хлеба, выпекаемые хваршинами из ячменной и ржаной муки («миржикI») и кукурузные палочки («горгоба чангарас»), которые пекут на углях, засыпав золой. Хлебу и лепешке придавали форму полосок длиной 20 – 25 см и шириной в два пальца, кукурузные палочки были короче и в сечении имели круглую форму (1–1,5 см)¹. Весной после отела коров в рацион входили молоко, молочные изделия (сметана, творог) и т.д. Сюда же можно причислить пельмени с яичной начинкой, которые готовились у многих с началом полевых работ как наиболее сытное и калорийное блюдо. Наиболее удобной и распространенной едой (завтрак) во время полевых работ считались хлеб, сыр, буза, толокно, смешанное с сыром, и т.п.

А. Омаров отмечает, что, «когда пахали поле, то по утрам мать приготавливала завтрак для пахаря: хлеб с сыром клала в холщовый мешочек, и вместе с кувшинчиком бузы отправляла на пашню. В это время на полях везде встречались мальчишки, девушки и женщины с такими же мешочками, в которых лежал хлеб или толокно, и без исключения все с кувшинчиками бузы. Все они несли завтрак для пахущих. К полудню в ауле дымились трубы, и каждая хозяйка приготавливала горячую пищу к обеду.

Обычно горцы не едят днем теплого; только в холодное время на завтрак нагревают суп или же просто навар от хинкала, оставшийся от ужина; иногда готовят похлебку с мукою, т.е. кипятят воду и подмешивают в нее немного муки, а иногда прибавляют туда и молока, и с этой похлебкой едят хлеб и толокно. Но в полдень не едят ничего горячего, а ограничиваются одним хлебом или толокном, к которому прибавляют молоко или сыворотку, если имеют дойную корову. Так же точно и во время пахоты к полудню всегда готовят горячее. Самое обычное кушанье для пахаря есть колдуны с яйцами... Мать поддерживала обычаи и всегда удовлетворяла аппетит пахаря яичными колдунами, которые подавала с обыкновенной подливой и с чесноком»².

В эти весенние месяцы в рацион входили, как уже отмечалось, пельмени с яичной начинкой, с начинкой из молозива, которые заправлялись яичками, жиром, тмином, солью.

Весной готовились каши из зерна крупного помола на бульоне из сушеного мяса (в основном кость, язык, сердце, курдюк). Подобные каши готовились весной, особенно в день весеннего равноденствия, в магических целях.

Весной, как правило, в начале сельскохозяйственных работ, совершались магические действия, в которых многие компоненты питания народов Нагорного Дагестана выступали как символы плодородия. Например, не случайно, видимо, пахарю готовили пельмени с яичной начинкой. Скорее всего, они здесь одновременно выступают и как символы плодородия. Необходимо отметить, что в Нагорном Дагестане почти у всех народов во время праздника "первого плуга" в борозду клали хлеб с запеченным яйцом и пекли пироги с яйцами, курдюком, изюмом диаметром до 1 м и высотой 0,5 м³. Этот пирог предназначался победителю состязаний в беге или скачках, проводимых специально после проведения первой борозды. Магическая сила яйца выводилась из того, что оно содержало в себе зародыш будущей жизни, что якобы "способствовало ее постоянному возрождению (круговорот: жизнь – смерть – жизнь)"⁴.

Ритуальные "хлеба", изготовляемые к началу сельскохозяйственных работ утыкались орехами, изюмом, горохом, что преследовало цель изобилия и умножения пищи, чему служили по народным представлениям "кушанья, отличающиеся множественностью: орехи, бобовые, зерна злаков"⁵.

В земледельческой обрядности народов Нагорного Дагестана, проводимой в начале весны, подчеркивалась распространенность хлеба как дара или жертвы, вызванной его ролью "главного, наиболее "действенного" средства повышения плодородия земли магическим путем. Семантика хлеба включала в себя представление о жизни, воскресении, живом существе"⁶. Хлебу приписывались способности отгонять болезни, придавать силу, вследствие чего хлеб был так активно задействован в роли дара и жертвы во время календарных обрядов.

¹ Мусаева М.К. Пища хваршин: традиции и новации // Система питания народов Дагестана (XIX-XX в.). Махачкала, 1990. С. 38.

² Омаров А. Как живут лаки // ССКГ, Тифлис, 1870. Вып. 3. Отд. 3. С. 35.

³ Гаджиева С.Ш., Османова М.О., Пашаева А.Г. Указ. раб. С.55.

⁴ Листова Н.М. Пища в обрядах и обычаях // Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 164.

⁵ Там же.

⁶ Рикман Э.А. Место даров и жертв в календарной обрядности // Календарные обычаи и обряды. С.183.

К началу сельскохозяйственных работ многие приурочивали приготовление каши из цельных зерен на бульоне из сушеного мяса (язык, сердце, ножки и др.). В селении Вихли лакцы варили эту кашу из зерен 9-ти разновидностей. Эта каша включала такие компоненты, которые не являлись составной частью повседневной пищи.

Весной, когда подходили к концу зимние запасы и резко ощущалась нехватка витаминов, включение в рацион дикоросов насыщало организм необходимыми ему витаминами¹. Различные виды диких растений и поныне не потеряли своего значения. Как известно, большинство культурных растений произошло от дикой флоры. Но там, где для них не было соответствующих условий и они были незначительным, удельный вес в использовании дикой флоры с течением времени не уменьшился. Поэтому в горах фрукты и овощи заменялись пригодными для питания различными дикими травами и плодами особенно в неурожайные годы. Наибольшее количество видов шло в пищу в отваренном виде. Так, горцы готовили весной похлебку на молоке с добавлением крапивы² "гугут" (лакск.), "гъого" (хваршинск.)³, куда добавляли сушеное мясо, затем готовили суп с добавлением конского щавеля "дараччи" (лакск.), в котором имелись такие компоненты, как рис, картошка - называлось блюдо "шарбат". Кроме крапивы и конского щавеля, в рацион питания горцев входили дикорастущие лебеда, щавель, черемша, дикий лук, листья ромашки, всякие корни, к которым можно отнести крахмалосодержащие разновидности диких клубней, например, корень лопуха, клубни бутены, имевшие сладковатый вкус, которые выкапывали ранней весной на пашне и ели в сыром виде. А что касается листьев, стеблей диких растений, то весной готовили пельмени с крапивой⁴, черемшей, диким луком. Зелень смешивали с творогом, яйцами, курдюком, луком. Вообще для приготовления пельменей и чуду из зелени траву мелко резали, солили, отжимали и превращали в однородную массу, после чего уже добавляли творог, жир и топленое масло, а иногда и свежий сыр, затем начинали печь чуду или варили пельмени.

С июня месяца начинался летний "пищевой" период, когда "наступало время для полевых первых летних работ - после того, когда хлеба и травы поднимались довольно высоко"⁵.

Это было время начала женских работ, как, например, очистка хлеба от сорных трав. Каждая хозяйка по окончании домашнего утреннего распорядка выходила в поле и брала с собою шерстяной мешочек, в который клала для своего обеда полчурка с сыром или горсть толокна.⁶ Следует отметить, что летняя дневная трапеза проходила, в основном, в поле и очень часто состояла, как уже было сказано, из хлеба, сыра, толокна и кувшинчика бузы.

В летний пищевой период большое место в рационе питания горцев отводилось молочным продуктам, снижалось количество потребляемых дикорастущих растений.

В начале лета зелень шла на начинку многочисленных чуду и пельменей в смеси с маслом, творогом, с жиром и другими специями. В это время в высокогорье одно из наиболее употребительных блюд - пельмени и чуду с крапивой, которые готовились в сочетании с маслом, яичками, луком и т.д. Некоторые дикорастущие имели двойное назначение. Их употребляли и в виде зелени, и в виде приправы (например, чабрец, мята, тмин и т.д.) сырыми, вареными, настоянными и высушенными.⁷ Летом (середина лета и до конца) одновременно шла заготовка дикорастущих на зиму (в основном сушка). Горцы заготавливали на зиму съедобные дикие травы: засушивали дикий лук, мяту, чабрец, семена тмина, конский щавель, лебеду, зверобой и др.

В садоводческих селениях достаточное внимание уделялось заготовке впрок фруктов: фрукты разделяли на дольки и раскладывали на солнце на паласах, на специальных циновках, сплетенных из ветвей.

Другой способ сушки фруктов состоял в том, что предварительно они подвергались пропариванию в специальных ямах "тарум"⁸.

¹ См.: Григулевич Н.И. Стабильность локального пищевого комплекса как результат успешной адаптации переселенцев // Этническая экология. Теория и практика. М., 1991. С. 188.

² Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Дидойцы (цезы). Махачкала, 2000. С.103.

³ Мусаева М.К. Хваршины. XIX – начало XX века. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1995. С. 74.

⁴ Рамазанова З.Б. Традиционные блюда, продукты и напитки лакцев // Наука и молодежь. Вып. I. Махачкала, 1997. С. 263.

⁵ Омаров А. Как живут лаки. С. 43.

⁶ Там же.

⁷ Рамазанова З.Б. Дикорастущие, овощи и фрукты в системе питания даргинцев (конец XIX – начало XX вв.) // Краткое содержание докладов Лавровских (среднеазиатско-кавказских) чтений 1993 г. Санкт-Петербург, 1994. С. 25.

⁸ Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А. Г. Указ. раб. С. 284.

Сушили также лесные ягоды и фрукты. Из плодов алычи и сливы варили кислую пастилу "тйуршу", которая служила приправой к пище. "Для этого алычу заливали небольшим количеством воды и варили. Чтобы косточки отделились от мякоти, ее процеживали через специальную ситку. Получившуюся кашеобразную массу разливали тонким слоем на большой круглый поднос – "тлас" и подсушивали на солнце"¹.

Жители садоводческих селений Нагорного Дагестана готовили муку из сушеных диких груш.

Способом заготовки впрок фруктов было мочение, которому подвергались определенные сорта груш. Яблоки, груши сохраняли до зимы, а некоторые сорта и до весны. Дикорастущие растения и плоды неравномерно распределены в отдельных селениях Нагорного Дагестана. Особое множество диких растений употребляют в высокогорной зоне, особенно в свежем виде, что благотворно сказывается на здоровье. Кухня народов Нагорного Дагестана изобилует летом блюдами из зелени, это в основном чуду с многочисленными начинками. Народная память из поколения в поколение передавала знания о действии лечебных трав и их настоев на организм человека при различных заболеваниях.

Не менее важным, чем мясо, компонентом питания народов Нагорного Дагестана были молоко и молочные продукты, на приготовление которых шло молоко в основном коров, коз и овец. В употреблении молока придерживались определенного традиционного отношения к молоку разных животных и способов его наиболее рационального использования. Особенно вкусным и лучшим по качеству считалось молоко коров, которое шло на приготовление масла, сыра, творога впрок, а также на приготовление разных блюд – это всевозможные каши, супы, хинкал, а также для забеливания чая. Все молочные продукты, изготавливаемые из молока, можно распределить на две основные группы: скоропортящиеся и долгохранящиеся. К числу первых относятся сметана, пенки, простокваша, кислое молоко (мацони).

К числу долгохранящихся и ежегодно заготавливаемых на зиму продуктов относятся масло, сыр, сушеный творог.

Отметим еще, что в горах сажали из овощей. В основном это: картофель, морковь, чеснок, лук, редька, бурак, капуста, зелень. Больше всего употребляли картошку. Примерно с сентября наступал "осенний" период пищевого года, когда начинали забивать скот. С начала заморозков, когда скот достигал наиболее упитанного состояния, проводился массовый забой на мясо и шкуру. Свежее мясо ели обычно осенью в момент массового забоя скота. Остальное время, зимой и весной, питались мясом, прошедшим предварительно обработку в целях консервации. Сроки проведения забоя варьировали в зависимости от климатических условий.

Большое значение в быту горцев имело хранение продуктов. Во время разделки мясо сразу же сортировали в зависимости от способа его хранения. Известны следующие способы хранения: соление, засушивание. Эти методы сводились к предохранению мяса от порчи, вызываемой бактериями и мухами.

Мясо солили и выдерживали 1-2 дня в шкуре самого зарезанного животного, затем вешали на специальные крюки на хорошо обдуваемом ветром месте.

Во время забоя готовили блюдо из почек, печени, нутряного жира, картофеля. Почки, печень заворачивали в нутряной жир (как бы в сетку), сверху обматывали тонкими кишками, которые невозможно начинять – получалась как бы колбаса в жировой сетке, и с ней готовили хинкал. Сезонным мясным блюдом, приготовляемым сразу же после убоя скота, является вывернутый желудок, наполненный фаршем из ливера с нутряным жиром, луком и специями "хелисерисан" (дарг.)², "сариса" (аварск.)³, "майлухсса" (лакск.). Мясо, кроме сушки, еще и консервировалось, например, в виде приготовления колбас. Готовили колбасы для одноразового употребления. Некоторые виды кишок начинялись смесью: картофель мелконарезанный, крупа пшеничная, жир нутряной, тмин, мелконарезанный лук, соль, немного воды, концы завязывали и варили в подсоленной воде.

В этот период готовили пельмени с мясной начинкой, начинкой из внутренностей, выдержанных в сывороточном уксусе, пекли разные чуду с начинкой из свежего мяса.

Кроме пельменей, в это время готовили различные супы на мясном бульоне. Но тем не менее мясо всегда являлось дополнением к мучной пище, т.е. в основную еду входит все, что произведено из зерна, муки крупы. Чтобы сказать "кушать", говорят "кушать хлеб", а подсобным является все, что готовят из мяса, молока овощей, фруктов, разные приправы, соусы⁴

¹ Там же.

² Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А. Г. Указ. соч. С.279.

³ Материальная культура аварцев. С. 284.

⁴ Османов М.О. Печенье и вареные мучные изделия и хлебопекарные устройства в Дагестане в XIX - начале XX вв. // Система питания народов Дагестана (XIX - XX вв.). Маахчкала, 1990. С. 115.

В питании народов Нагорного Дагестана, сложившемся еще в древности, отражена двусоставная комплексность хозяйства и быта, а также ориентированность прежде всего на продукты зернового полеводства и молочного скотоводства, тогда как мясные добавки к пище играли хотя и очень заметную, но, по существу, второстепенную и дополнительную роль. Поэтому к питанию Нагорного Дагестана можно применить формулировку С.А. Арутюнова о двуединой зерно-молочной модели питания, сложившейся после сложения производящего хозяйства¹.

М.Ш. Ризаханова.

ЖИЛИЩЕ ГИНУХЦЕВ (XIX – XX ВВ.)

Гинухцы – один из малочисленных народов Дагестана, живут в Западном Дагестане, у подножья гор Большого Кавказского хребта, на склоне горы Охтльо, в сел. Гинух (Гьино-мест.). Самоназвание – гьинози, гьенозе. Аварцы называют их гьенукьад, бежтинцы – гьенокьас, гьенокьалас, грузины – инохьели. По территории гинухцев протекают реки Барике-ихо, Атас-ихо и Башу-зас-ихо, правые притоки р. Андийское Койсу, одной из значительных рек Дагестана. Численность населения на основной территории расселения гинухцев (в сел. Гинух) составляет около 500 человек. Не менее 30-ти семей проживает в Грузии, торгово-экономические связи с которой у гинухцев традиционны. В сел. Монастырское Кизлярского р-она и Стальское Кизилюртского р-на РД проживает более 100 человек гинухцев. В 1944 г. в принудительном порядке они были переселены на территорию чеченцев, а в 1957 г. возвращены в Дагестан. Гинухцы поселились в свое опустошенное и разоренное селение. На юге гинухцы граничат с Грузией, на востоке с бежтинцами, на северо-западе с цезами, на севере с грузинами.

Территория проживания гинухцев – это область высокогорья, достигающего около 3 тыс. метров над уровнем моря. Одним из высочайших хребтов здесь является Богосский хребет, который, простираясь почти на 50 км в северо-восточном направлении, разделяет бассейны рек Андийского и Аварского койсу. Склоны гор богаты растительностью, субальпийские и альпийские луга издавна способствовали занятию скотоводством. Территория проживания гинухцев отличается наличием значительных лесных массивов (сильно поредевших в последние годы). Места изобилуют дикими животными и птицами (олени, козы, туры, кабаны, волки, лисы, зайцы; орлы, ястребы, перепела, куропатки, глухари, тетерева, фазаны и др.)

Главной отраслью хозяйства гинухцев издревле являлось скотоводство. Природно-географические условия, умеренный климат, наличие обширных пастбищных угодий способствовали развитию этой важнейшей отрасли хозяйства. Немаловажную роль в хозяйственной деятельности народа играло земледелие. Широкое бытование поговорок и пословиц, связанных с земледелием, с хлебом, наличие хорошо разработанного сельскохозяйственного календаря и высокоразвитого аграрного культа (напр. обрядов, связанных с праздником «выхода плуга») с явными элементами языческих верований свидетельствует, что земледелие у гинухцев, как и у других народов Дагестана, имеет древние корни.

В антропологическом отношении гинухцы представляют собой западный вариант антропологического типа дагестанцев. Они относятся к балкано-кавказской расе большой европеоидной расы. Язык гинухцев относится к андо-цезским языкам дагестанской группы нахско-дагестанской ветви северокавказской семьи языков. Помимо родного языка, подавляющее большинство гинухцев владеют русским, аварским, грузинским, бежтинским и гунзибским языками. Письменность на родном и аварском языках на арабской графической основе с 30-х годов XX в. Вероисповедание – мусульмане суннитского толка.

Природные условия, политическая обстановка края, практика строительства и опыт, выработанный и передаваемый из поколения в поколение в соответствии с учетом рельефа местности, этнические и культурные традиции и ряд других факторов обусловили формирование своеобразных типов и форм жилищ гинухцев.

Жилище гинухцев, как и других народов Дагестана², прошло сложный путь развития от однокомнатной, примитивной постройки с плоской крышей до современного многокамерного, благоустроенного дома.

¹ Этнография питания народов стран Зарубежной Азии. М., 1981. С. 233.

² См.: Никольская З.А. Аварцы // Народы Дагестана. М., 1955; Лавров Л.И. Лакцы // Народы Кавказа. Т. 1., М., 1960: 495; Алиева А., Никольская З.А., Шиллинг Г.М. Даргинцы // Народы Кавказа. Т. 1, М., 1960. С. 476; Сергеева Г.А. Арчинцы. М., Наука, 1967. С. 82; Агларов М.А. Поселение и

При кажущемся многообразии конструктивных форм жилище гинухцев можно подразделять на два основных типа – одноэтажное однокамерное и двухэтажное многокамерное.

Специфика хозяйства нашла отражение в том, что жилищно-хозяйственный комплекс включал в себя пять основных видов помещений: жилой дом – «бульлье», хлев – «зор», хранилище продуктов (муки, овощей, мяса, сыра, масла и пр.) – «роро», сеновал – «гьегъу», веранда – «пардала».

В одноэтажном жилище хозяйственные постройки располагались рядом с основным жилищем. При этом в минимальной близости от основного жилища располагалась кладовая. «Бульлье гъади, гъаго гъай» («Дом здесь, амбар – там», в смысле – рядом) – гласит гинухская поговорка.

В двухэтажном жилище верхний этаж отводился под жилье, нижний – под хлев для скота и помещение для хранения продуктов и хозяйственного инвентаря. Сеновал, как правило, – это либо продолжение жилой части, или продолжение хлева с дополнительными опорными столбами. Нередко встречались двухэтажные хозяйственные комплексы, расположенные рядом с хозяйственно-жилым комплексом: внизу помещение закрытого типа – обычный хлев для скота, наверху – сеновал – постройка открытого типа, в котором крыша опирается на поперечные жерди, а пространство между ними закрывалось плетенками из хвороста, которые в сухую теплую погоду легко снимались.

Одной из характерных особенностей жилища было расположение его на наскальном выступе, а чаще всего – углубление его в скалу. Наскальное расположение, характерное для многих горских жилищ еще с начала второго тысячелетия до н. э.¹, продиктованное условиями края (экономическими, климатическими, политическими), выражало сложившийся у горцев стереотип жилища, что нашло отражение в гинухской поговорке: «Акьулуяв рекъуй бульлье къеребу, лъаймукъсанов рекъай гельбу» («Мудрый строит на скале, глупый на низине»).

Рассмотрим подробнее несколько характерных для гинухцев жилищ. Жилище имело в плане квадратную или вытянутую конструкцию. В целях экономии места нередко в склоне горы вырубалась площадка, которая могла служить двором для вышестоящего дома. В этом случае чаще всего применялись опорные столбы или консоли. При этом опорные столбы могли быть каменные или комбинированные (камень с деревом). Консоли всегда делались из дерева и крепились одним концом в углублениях в скале.

Если дом упирался в склон горы, между его задней стеной и склоном забутовывался камень.

Хозяйственным помещением, в частности сеновалом, могла служить надстройка над общим хозяйственно-жилым комплексом в виде легкого перекрытия типа чердака. Если при этом дом располагается у склона горы, перекрытие могло концом покоится на склоне, увеличивая площадь сеновала.

В тех случаях, когда жилище возводилось на относительно ровной площадке, сооружался фундамент – «къучI». При этом прочности фундамента придавалось, особенно в двухэтажных домах, особое значение. Считалось, что от хорошего фундамента зависит прочность жилища. По этому поводу в народе говорили: «Бульлье бариб голь росокьо» («Дом будет таким, каков фундамент»). Фундамент закладывали из необработанного камня, скрепленного раствором из местной глины. Ширина фундамента должна была достигать не менее 1 метра, высота – 50 – 60 см.

Стены («хъешу») первого этажа строились из речного или горного камня, в кладке стен второго этажа почти всегда присутствовали деревянные бруски. Речной камень специальной обработке не подвергался, но при его сборе старались выбрать камень относительно правильной формы. Горный камень дробили в специальных карьерах – «Рекьукьо» и «Иччо». Стены первого этажа строились шире второго. Во внутренних стенах второго этажа дерево использовалось в равных, а иногда и в больших пропорциях, нежели камень. Но в любом случае основным материалом в строительстве жилища оставался камень, о значении которого говорит гинухская пословица: «ГамачIос бульлье – гамачIос рикъим рокIе, къилос бульлье – къилос рикъиш рокIе» («Дом из камня – каменное спокойствие, дом из дерева – деревянное спокойствие»).

После возведения стен приступали к перекрытию кровли. Укладывались продольные («лъль-угъу») и поперечные («нухъа») балки, закрепляемые двояким способом: либо в специальных пазах стены, либо на специальных каменных опорах, пристроенных к стене.

На балки укладывали слой жердей, затем тонкие сланцевые плиты. Плиты прикрывались слоем хвороста: сверху насыпался слой земли толщиной около 40 см, которая утрамбовывалась деревянным или каменным катком. Крыша («къу») – плоская, с едва заметным (в 5 – 6 градусов) уклоном для стока воды, по углам стен устраивались деревянные, реже каменные желобы.

Под влиянием грузинской строительной техники гинухцы, как и некоторые другие пограничные с Грузией народы аварской группы – цезы, бежтинцы, гунзибцы и др., для перекрытия

жилище андийской группы народов в XIX-нач. XX в. // Уч. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Т. XVI, Махачкала, 1966. С. 379 – 384 и др.

¹ См.: *Канивец В.И.* Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г. // Уч. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Т. УШ., Махачкала, 1957. С. 158.

крыши складывали высокое чердачное устройство, перекрытое специально выструганными сосновыми дощечками (драночное перекрытие). При этом высота чердачного перекрытия часто превосходила высоту стен дома. Однако, после обратного переселения из Чечено-Ингушетии, гинухцы, строя новые жилища, вернулись к древней (плоской) форме перекрытия. Объяснить это нетрудно: вернувшись в разрушенное селение, люди строили поспешно, экономя время и строительные материалы, хотя сами гинухцы успокаивали себя поговоркой: «Бельльгес кьу битГараб бича бакье эльльгикбос рожича кьучлава рича ракье» («Крыша должна быть плоской (ровной), а высказывания глубокими»). В дальнейшем с улучшением материального благосостояния гинухцы вновь вернулись к чердачному перекрытию жилища.

Полы («юкь»), чаще всего земляные, лишь в редких домах укладывались сланцевыми плитами. Окна («аки») заменяли небольшие отверстия – щели в потолке или стенах для вентиляции воздуха и выхода дыма. Свет через такие окна поступал весьма скудно. По этому поводу в народе говорили: «Акиш канль дагь бике, махьос канль и аши бике» («По маленькому свету в окошко узнают о большом свете во дворе»). В холодное время года щели либо затыкали овчиной, тряпками, либо затягивали высушенным мочевым пузырем скота.

Двери («ац») общеаварской конструкции¹, состояли из одной или двух плотно сбитых деревянных досок толщиной около 10 – 15 см., прикрепленных на пятах, вставленных в пазы в углах верхней и нижней частей дверного проема. Высота дверей не превышала 1,50 – 1,60 см, ширина 70 – 80 см.

В стенах всех жилых помещений оставались ниши («аки»), предназначенные для хранения всякой хозяйственной утвари. В зависимости от размера помещения потолочные балки подпирались 1-3-мя опорными столбами («им»). В столбы на разной высоте вбивались деревянные клинья («хьацас ак'иво»), на которые вешали одежду, сбрую и пр.

Неотъемлемой частью двухэтажных домов были веранды, которые могли иметь вид лоджии, т. е. встраивались в дом (как лоджии современных городских квартир) либо (чаще) выносились за пределы стен дома и держались, как мы отметили выше, на опорных столбах или консолях. Веранды, как правило, устраивались с южной, обогреваемой солнцем стороны жилища, ибо гинухцы, как и все горцы Дагестана, все теплое время проводили на них, отдыхая или занимаясь разными хозяйственными делами. Весьма живописно по поводу этой особенности горского жилища писал И. Львов: «Горцы во время сильных морозов, засев в свои темные сакли, обогреваемые лишь по утрам огнем для вскипячения галушек, не показываются на улицу до тех пор, пока не проглянет солнце, когда же оно обогреет немного зимний воздух, тогда все прятавшиеся от стужи мужчины, женщины, старики и молодежь оставляют сакли и размещаются на крышах, галереях или где-нибудь в затишье, на солнечной стороне»².

Здесь же отметим, что ориентация на юг была одним из немаловажных условий, соблюдаемых при выборе места для жилища вообще. Исключение из этого правила рассматривалось как что-то ненормальное: «Канавничим бульльбе кьилмакьодо голь, а гьайльгос бухьллч'адо голь» («У всех дом на юге, у него на севере») – говорили гинухцы о человеке, преступившем рамки установленных в народе правил поведения.

Арочные конструкции (арка-«к'аамур»), по словам информаторов, были неотъемлемой частью традиционного жилища гинухцев, но в домах, построенных в шестидесятые годы XX в. и дальше, они встречаются редко. Мало сохранились широко распространенные в традиционном жилищном строительстве каменные рельефы (резьба по камню). Неплохо сохранилась до наших дней резьба по дереву. Образец местного зодчества – мечеть, чудом уцелевшая после разрушения селения, относящаяся к концу XIX в, представляет собой великолепный пример использования в строительстве тесаного и резного камня, на многих из которых вырезаны изречения из Корана, имена строителей и реставраторов. Примечательны в ней фигурные треугольные окна, опорные столбы из мореного дуба высотой до 4,5 м, декорированные вертикальными желобами.

Отопительная система гинухцев, как и всех народов Дагестана, прошла сложный путь от простого очага открытого типа («ч'е») до железной печи и современной газовой плиты.

Очаг открытого типа, как правило, располагался посередине комнаты. В народе считали: «Ч'е иду рольгьо ричарикье, бикинрек'иве халкьимоль ольгьо акье» («Очаг должен быть в центре комнаты, мужчина – в центре джамаата»).

Очаг этого типа, известный издревле почти всем народам Дагестана и Кавказа³, представлял собой небольшое углубление, обложенное вокруг огнеупорными каменными плитами, посередине

¹ См.: Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967. С. 164 – 165.

² Львов Н. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени // Сборник сведений о кавказских горцах. Т. VIII. С. 6.

³ См.: Ковалевский М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. I. С. 38.

которых разводился огонь. Существенным элементом очага являлась надочажная цепь с крючком, на который подвешивался котел для приготовления пищи.

Дальнейшей ступенью развития отопительной системы является перенесение его к стене. Он либо встраивался в стену, либо примыкался к ней. Дымоходом для очага типа камина («товха») служила вмонтированная в стену плетенка их хвороста, обмазанная глиной. Спереди оставлялся проем высотой около 1,20 – 1,50 см. от пола, сложенный из специальных огнеупорных камней, доставляемых из местности Ригъеогъ в Гопатле. Для выпечки хлеба на камни, сложенные внизу проема параллельно друг другу, ставили плоский, специально подобранный камень – «гамачи»; позднее для этой цели стали применять железный диск – «тйкьвин». Котел для пищи подвешивали к каминной цепи – «рехо», прикрепленной внутри дымохода.

Следует отметить, что очаг открытого типа продолжал функционировать вплоть до конца XIX в, параллельно с «товха», появление которого можно отнести приблизительно к началу XIX в.

С очагом у гинухцев, как и у всех народов Дагестана, связан ряд представлений о его святости как символе единства и сплоченности семьи, уходящих в глубину веков, основанных на сознании наших предков о его полезности как средства согревания и приготовления пищи, а также борьбы с опасными зверями.

Интерьер традиционного жилища гинухцев был весьма примитивен. Одно из главных мест в нем отводилось постели, представляющей в прошлом кучу соломы, прикрытой одеялом из самодельной ткани («катах») и мутаков, набитых разным тряпьем или отходами шерсти. Значительное место в интерьере занимал центральный столб, выполняющий и функции вешалки для одежды. «Аши шеку рехен им бикьир гьо» - («От их одежды опорный столб рушится») – говорили гинухцы о тех, кто имел много одежды).

Хозяйственная утварь (в основном – деревянная) – тарелки («кlotlo»), миски («табикли»), кружки («зокли»), большие вилки-крюки для выемки из кастрюли вареного мяса («молу»), половники («хукъ»), дуршлаг («кьиддо»), ступки («кимир») корыто для теста и стирки («хулу») и др. – ставили на ниши или подвешивали на деревянные крюки, вбитые в стену. На специальной выемке около очага ставили лучину, для которой применялись сосновые ветки. Традицию их применения в качестве средства освещения жилища отражает гинухская поговорка о нерадивном хозяине: «Бельгьеканлъи буванулъли гьайлъой им бекъвенно» («Чтобы осветить комнату, он ствол дерева поджег»).

Вплоть до середины XIX в. существенных изменений в жилище гинухцев не происходит. С проникновением во второй половине XIX в. товарно-денежных отношений и втягиванием экономики горных районов в общероссийский рынок намечается тенденция реконструкции существующего жилища путем пристроек, расширения дверных и оконных проемов и т. д. Изменения происходят и в интерьере жилища: улучшается качество и увеличивается количество постельных принадлежностей, появляются самодельные деревянные кровати типа тахты («тах»), матрацы, одеяла, подушки, самодельные столы («кьуре») и стулья («кьура») и т. д.

В первой четверти XX в, с расширением хозяйственной деятельности народа и торговых связей, повышением материальных возможностей населения, наряду с традиционным жилищем появляется новый тип жилища, значительно отличавшийся от традиционного. В нем прежде всего меняется сама планировка, увеличивается жилая площадь и соответственно – количество жилых помещений, что позволяет хозяевам выделить помещения с дифференцированным назначением – в первую очередь это парадная комната и комната для представителей старшего поколения.

Новым в конструкции жилища является и то, что вместо узкой и открытой веранды, выдвинутой на консольных балках от основного жилища, строятся просторные, во всю длину основного фасада дома лоджии и галереи. Все жилые помещения имеют по два больших (шириной в 1,20 – 1,30 м и высотой 1,5 м) окна, расположенные в основном с выходом на лоджию. Полы и потолки в новых домах делают деревянными, что было исключительно редким явлением вплоть до начала XX в. Чердачное перекрытие, характерное для новых домов, имеет ряд преимуществ перед земляной кровлей, которая, несмотря на постоянный уход, протекала в сильные дожди и после таяния снега. Обрешетка чердака, покрытая дранкой или железом, не пропускает атмосферных осадков. Чердак используется чаще всего для хранения корма для скота.

Следует отметить, что новые дома, построенные по заранее составленным проектам, общим для современного сельского жилища, повторяют некоторые особенности традиционного жилища: это в первую очередь приемы строительства, учитывающие максимальное использование площади под жилище, южная ориентация, отведение нижнего этажа под хозяйственные помещения для хранения продуктов, сена, хлев для скота и пр.

Основным строительным материалом и теперь остается камень (речной и горный) и дерево. В некоторых случаях для внутренних стен второго этажа стали применять доски, плотно подогнанные друг к другу и облицованные обоями. В строительстве наряду с основными традиционны-

ми стали применять и новые, неизвестные в прошлом материалы – оконные стекла, масляную краску, цемент и пр.

Интенсивно меняется интерьер жилища. В последние десятилетия в быт семьи, в первую очередь сельской интеллигенции, стала входить современная мебель – серванты, шифоньеры, деревянные кровати, трюмо, ковры и ковровые изделия. Деревянную утварь и посуду повсеместно заменила современная фарфоровая, фаянсовая и др. посуда. В отопительной системе прочное место заняла железная печь с отделениями для приготовления пищи и выпечки хлеба. Но в старых жилищах наряду с железной печью сохранились и традиционные настенные очаги («тавха»), хотя рабочих функций они почти не несут.

Для иллюстрации рассмотрим два типа жилищ: старый, реконструированный в наше время и новый.

Примером традиционного одноэтажного жилища, подвергшегося в последующем изменениям, может послужить дом Гусейнова Омара Магомедовича (1887 г. р.). По словам хозяина, жилище первоначально состояло из одного помещения квадратной конструкции. Окон не было. Свет поступал из отверстия, пробитого в потолке. Настенный очаг сохранился и поныне. Во второй половине XX в. к жилищу пристроили два других небольших помещения и узкий коридор, куда выходят двери всех комнат. Комнаты имеют небольшие (меньше стандартных) окна. Скот содержится в отдельной пристройке около основного жилища. Интерьер состоит из железной кровати, застеленной цветным хлопчатобумажным покрывалом, маленького столика и самодельных табуреток, железной печи, плюшевого коврика над кроватью и недорогой современной посуды. Две другие комнаты предназначены для хранения продуктов и хозяйственной утвари.

Рассмотрим второй тип жилища, т. е. дом, построенный в наше время (80-е годы XX в.), принадлежащий Закарьяеву Магомеду Магомедовичу.

Это двухэтажный каменный дом вытянутой П-образной конструкции, ориентированный на юг. Двери и окна 4-х жилых комнат второго этажа выходят на обширную застекленную веранду, занимающую весь фасад дома. В западном конце веранды расположена небольшая комната, отведенная под кухню. Окно этой комнаты выходит на западную сторону. Внутренняя дверь кухни ведет в следующую комнату. Полы и потолки всех комнат деревянные. Окна и двери современной конструкции. Все деревянные части дома покрыты масляной краской светло-синего цвета. Чердачное перекрытие покрыто листовым железом. Три комнаты первого этажа отведены под хозяйственные нужды – для хранения продуктов, дров, сена и т.д. Хлев для скота расположен в обширном дворе, в который ведут большие двухстворчатые железные ворота. Первый и второй этажи соединены широкой деревянной лестницей с деревянным люком.

Интерьер всех жилых комнат в основном однообразен: во всех комнатах железные кровати с постельными принадлежностями, прикрытые шерстяными или хлопчатобумажными одеялами, столы, стулья, на окнах матерчатые и тюлевые занавески; полы покрыты паласами или коврами; на стенах висят семейные портреты; в гостевой комнате, помимо всего этого, – радиоприемник; в комнате, отведенной под кухню, газовая плита, шкаф для посуды, стол, табуретки. Стол и стулья стоят и на веранде, на которой семья по традиции проводит большую часть времени.

Дом второго типа – не массовое явление. У подавляющего большинства населения сохранились традиционной формы и типа жилища, в которые внесены некоторые изменения путем пристроек, замены старых оконных и дверных проемов новыми, приближенными к современным, использованы некоторые предметы современного интерьера и т. д.

Рельеф местности, трудности, связанные с доставкой строительных материалов, нехватка материальных средств и др. затрудняют процесс коренной реконструкции жилища гинухцев и в наше время. Социально-экономические и культурные преобразования, произошедшие в жизни народа с первых десятилетий XX в., наиболее ощутимо прослеживаются в жилищах части гинухцев, проживающих на низменности – в селениях Монастырское и Стальское. Здесь жилища гинухцев отличаются как по формам, так и по интерьеру от жилищ гинухцев-горцев.

Унификация жилища переселенцев обусловлена в первую очередь лучшими возможностями жилищного строительства на низменности и более высоким уровнем материального обеспечения населения.

По внешнему виду, конструкции, архитектурным деталям и другим особенностям дома гинухцев на низменности в основном однотипны.

Это преимущественно одноэтажные, полуторазэтажные или двухэтажные постройки квадратной, П-образной или Г-образной планировки, состоящие из 3-6 комнат, крытые шифером, с деревянными полами и потолками и обширной застекленной верандой. Конкретный дом представляет собой усадьбу, включающую в себя земельный участок и комплекс хозяйственных построек (сарай, хлев для скота, птичник и др.), расположенных по периметру двора. Характерной особенно-

стью жилища гинухцев-переселенцев, как и у других народов, проживающих на низменности, является наличие небольшого каменного или кирпичного забора, который огораживает всю усадьбу.

Все жилые помещения современного дома гинухцев – переселенцев имеют по два больших (шириной в 1 и более м и высотой 1,5 м) окна, расположенных с выходом на улицу, большей частью на южную сторону. Двери (высотой в 2,2 – 2 м и шириной 1 – 1,2 м.), как правило, выходят на галерею или во двор.

Жилище гинухцев, проживающих на низменности, отличается от горского жилища и новым функциональным распределением жилой площади, что стало возможным благодаря увеличившимся размерам жилой площади и количеству комнат. Оно отражает и структуру, и возросшие эстетические требования семьи. В нем выделяются помещения специального назначения – кухня, гостиная, спальня, комнаты для представителей старшего и младшего поколений семьи и т. д. В интерьере используются предметы, малодоступные гинухцам-горцам и в наше время, – мебельные гарнитуры, телевизоры, холодильники, газовые плиты и пр.

Со строительством жилища у гинухцев связан древний обычай взаимопомощи («ццуки»), занимающий значительное место в общественном и семейном быте народа.

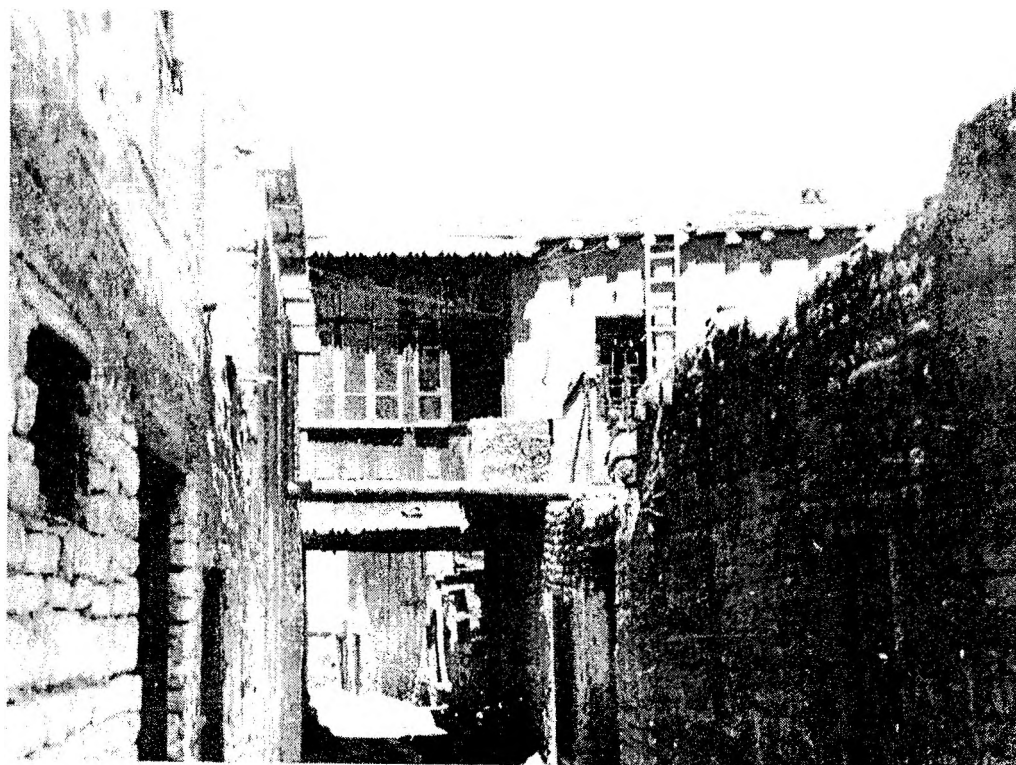
Возникнув в далеком прошлом как основная форма коллективного труда родовой общины, обычай взаимопомощи сохраняется и на последующих этапах социального развития общества, приобретая по мере его исторического и социально-экономического развития новое содержание.

По свидетельству информаторов, гинухцы к взаимопомощи при строительстве жилища прибегали с большей (относительно других обществ) активностью. Видимо, это связано с постигшими народ многочисленными бедами – частыми нападениями извне, сопровождавшимися пожарами и разрушениями, эпидемиями, вынуждавшими народ переселяться на новые места и т. д. В этих случаях, когда жилище необходимо было строить в максимально краткие сроки, народ целиком переходил на коллективный труд. Строили по очереди, вкладывая в работу все силы и умение. К взаимопомощи прибегали и при необходимости строительства нового жилища, вызванного внутрисемейными обстоятельствами – выделением женатого сына в отдельное хозяйство, улучшением жилищных условий и т. д.

Подытоживая изложенное, отметим, что в жилище гинухцев исследуемого нами рубежа (XIX – XX вв.), как и во всех сферах бытовой культуры, прослеживается смешение, переплетение традиционных и новых форм.

Следует отметить, что соотношение традиционного и нового в нем в разные исторические периоды неодинаково. Так, жилище гинухцев до конца XIX в. представлено главным образом традиционными формами. С конца XIX – нач. XX в. намечается тенденция модернизации существующего жилища путем пристроек, улучшения интерьера и пр. В 60-е годы (при восстановлении разрушенного селения) гинухцы вновь возвращаются к традиционным видам жилища. В последующем одновременно с модернизацией традиционного жилища строятся дома нового типа, характерные для современного строения на селе.

Таким образом, типы и формы жилищ, известных у гинухцев, складывались и менялись в зависимости от определенных социально-экономических, природно-географических и политических факторов. В наше время жилище гинухцев представляет собой сложный синтез традиционного и нового. В нем замечается как соединение старых и новых элементов в едином комплексе, так и автономное существование традиционного и нового. Однако в последние десятилетия, процесс замены традиционного жилища новым заметно усиливается, что дает возможность прогнозировать, что соотношение традиционного и нового в жилище гинухцев на современном этапе меняется в пользу последнего.

Пристройка (веранда) над переулком

Хозяйственная постройка: хлев-сеновал

Деревянная пристройка на столбах

Дома с драночным покрытием

И. Г. Семенов

ДЕМОНОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРСОНАЖ НУМНЕГИР У ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ

У горских евреев поныне сохраняются представления о демонологическом персонаже *Нумнегир*, описание которого было дано в конце XIX века И.Ш. Анисимовым. Он сообщал по этому поводу следующее.

«Божество «Нум-Негир», принадлежащее к переменным добрым и злым, смотря по заслугам человека, считается покровителем путников и семейного плодородия. Чтобы приобрести его расположение, нужно уважать ближних и их детей, как своих собственных, и быть ласковым к странникам. В этом случае оно является человеку в виде белой каменной куницы, которая пронесется мимо с быстротою молнии и исчезает моментально из виду, не дав ему опомниться. Тогда человек вполне может надеяться на счастливый исход своего предприятия и на благополучное возвращение из путешествия. Если же это загадочное животное прошло между ногами человека, то непременно быть беде, и человека будет вечно преследовать горе. Тогда все семейные несчастья взваливаются на «Нум-Негира», и болезни новорожденных детей объясняются тем, что детей «держит» (душит) «Нум-Негир» за грехи родителей. Вообще же «Нум-Негир» совсем не почитается горскими евреями, потому что очень мало счастливых, которых встречало бы оно приветливо и не проходило им между ногами. Одно имя его приводит бедных родителей в панический страх за жизнь своих новорожденных. Как только началась детская болезнь, состоящая обыкновенно из частых вздрагиваний малютки и неистового плача, при котором является на губах его красноватая пена и на лице особенная бледность, знахарками произносится приговор, что, действительно, и сбывается через два, три дня по рождении»¹.

Небезынтересно, что в данном случае имеет место следующая игра слов. По представлениям горских евреев, *Нумнегир эдее гюрде гЗиле* или *Нумнегир гюрди гЗиле* («Нумнегир душит ребенка»). Буквальное значение глагола *гюрде(н)* (вариант: *гирде(н)*; ср. среднеперсидск. *кардан*) – «держат», хотя в приведенном выражении оно означает именно «душить». Но этот же глагол содержится и в имени *нум-негир* («(тог, чьё) имя (нельзя) произносить»), но уже в другом значении – *не гюрде* «не произносить». Объяснение данной игры слов затруднительно.

Небезынтересно также, что названием *Нумнегир* горские евреи обозначают и ласку, хищника, забирающегося в курятники и истребляющего птицу. Ему приписывают невероятную кровожадность – он забирает с собой в качестве добычи только одного цыпленка, но истребляет в курятнике всю живность². Кроме того, считается, что увидеть ласку во сне – к удаче. Таким образом, представляется очевидным, что табу на произношение его имени было связано с представлением о том, что озвучивание названия этого хищника чревато появлением самого хищника. Такого же рода поверья были распространены у многих народов Дагестана. Например, у табасаранцев подобные табу были связаны с именем волка, которого называли подменными именами вроде «большие уши», «уши имеющий» и т.д. «Длительные табу на произношение имени волка и подмена эфемизмами привели к полной утрате общедагестанского слова *барцI* «волк»³ у табасаранцев и других представителей лезгинской языковой группы⁴, у которых этот зверь, вероятно, был тотемным. Исконное название забыто, а употребляется персидское *жанавар* «зверь»⁵.

Небезынтересна также следующая параллель: если горские евреи считали Нумнегир оборотнем, являющимся путнику в виде ласки (по данным И.Ш.Анисимова, в виде белой каменной куницы; по всей видимости, горские евреи не различали ласку и каменную куницу – оба хищника принадлежат к куньим), причем встреча с ней предвещает удачу, то и у табасаранцев существовали поверья о том, что на кладбище можно встретить волка-оборотня, и что встреча в пути с волком – к удаче⁶.

¹ Анисимов И.Ш. Кавказские еврей-горцы // Сб. материалов, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. Вып. III. М., 1888. С. 210–211. См. также отдельное издание (М.: тип-я Е.Г. Потапова, 1888) и новое издание (М.: Наука, 2002).

² У ингушей, напротив, ласка, поселившаяся в доме, приносит удачу, достаток (*Гадиева З.А.* Пережитки тотемизма в средневековых верованиях ингушей // Вестник археологического центра. Вып. 1. Назрань, 2002. С. 78).

³ Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М.: Наука, 1971. С. 150; *Хайдаков С.М.* Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М.: Наука, 1973. С. 10–11 (ссылаюсь по работе *Р.И. Сефербекова*; см. далее).

⁴ *Загиров В.М.* Опыт сравнительно-исторической стратификации лексики лезгинских языков: названия диких животных и птиц // Отраслевая лексика дагестанских языков: названия животных и птиц. Махачкала, 1988. С. 97 (ссылаюсь по работе *Р.И. Сефербекова*; см. след. примечание).

⁵ *Сефербеков Р.И.* Традиционные религиозные представления табасаранцев (боги и демоны; верования, связанные с животными). Махачкала, 2000. С. 34–35. У ингушей существовало табу на произнесение слова «змея» (лехь), произносили *блехал* (*блеха* «грязно»), затем стало табуироваться и *блехал*, и тогда появилось *текхарг* «ползушая» (*Гадиева З.А.* Пережитки тотемизма в средневековых верованиях ингушей. С.78).

⁶ *Сефербеков Р.И.* Традиционные религиозные представления табасаранцев... С. 35. По представлениям ингушей, встреча с волком предвещает счастливый путь (*Гадиева З.А.* Пережитки тотемизма в средневековых верованиях ингушей. С.77).

У табасаранцев табуировалось также название лошади, вследствие чего и оно оказалось утраченным, и в настоящее время вместо него используется арабское *гъййван* «животное»¹. Названия некоторых животных табуировались и даргинцами (волк, змея и др.)², а в какой-то степени и кумыками (волк)³. У народов аваро-андийской группы табуировалось название зайца, вследствие чего оно не сохранилось⁴.

По мнению ряда исследователей, подобные явления в культуре дагестанских народов могут являться реликтами древнего тотемизма⁵. Не вдаваясь в полемику по поводу правомерности таких предположений, хотел бы указать на то, что наличие в культуре горских евреев представлений о Нумнегире нельзя расценивать как след бытовавшего у них тотемизма, так как, судя по приведенным параллелям, они имеют дагестанские корни и были явно заимствованы горскими евреями у одного из местных народов. Этот вывод следует и из того, что горские евреи не используют эвфемизмы такого рода, как табасаранцы в отношении волка – «уши имеющий» и т.п.; именно вследствие незнания или неглубокого знания культуры местных народов горские евреи усвоили табу на озвучивание имени куницы или ласки очень поверхностно и восприняли его как данность, что и заключено в термине, формулирующем недвусмысленный запрет – *Нумнегир* «(тот, чье) имя (нельзя) произносить».

Можно было бы возразить, что среди перечисленных зоонимов, табуируемых разными дагестанскими народами, нет названия каменной куницы или ласки. Однако, если такого табу нет сейчас, это не значит, что его не было в далеком прошлом. Об определенной роли этого хищника в представлениях древних лезгинских племен может свидетельствовать следующая примета у современных лезгин: если в холодное время года встречали ласку (*твер*) белой масти, то предсказывали снег, если черной – дождь, красной – солнечную погоду⁶. О значительной роли куницы в представлениях древних южнодагестанских народов может свидетельствовать и тот факт, что название реки Самур объясняется из ряда иранских языков как «куница». Кстати, название другой реки в этой же зоне – Рубас – в осетинском языке, а также и в вымершем хорезмийском языке (А.П. Новосельцев) имеет значение «лиса». Этот факт дал основание В.Ф. Минорскому полагать, что оба гидронима имеют восточноиранское происхождение⁷.

Переходя к историко-географическому аспекту данного вопроса, необходимо обратить внимание на то, что восточными иранцами в данной зоне являлись маскуты (массагеты), которые впервые становятся известны там с конца III века (надпись шаханшаха Нарсе)⁸, а с IV века их присутствие в этом крае уже хорошо документируются армянскими и албанскими источниками⁹. В средневековых арабо-персидских источниках область расселения маскутов на Восточном Кавказе именуется *Маскат* (*Маскут). Современное название этой области, расположенной между реками Бильбильчай и Самур, *Мушкур* или *Мюшкюр*¹⁰.

По всей видимости, в первые века новой эры ираноязычные кочевники жили не только в области Маскут=Мюшкюр, но и к северу от Самура. Так, курганный могильник в местности Паласа-

¹ Сефербеков Р.И. Традиционные религиозные представления табасаранцев... С. 36, 39.

² Исаев М.А. Зооним *бейц* «волк» как компонент структуры фразеологической единицы даргинского языка // Отраслевая лексика дагестанских языков: названия животных. Махачкала, 1988. С. 59–67.

³ Аджиев А.М., Кадыраджиев К.С. Опыт реконструкции мифологических представлений и верований кумыков // Проблемы мифологии и верований народов Дагестана. 1988. С. 74.

⁴ Загиров В.М. Опыт сравнительно-исторической стратификации лексики лезгинских языков: названия диких животных и птиц. С. 95.

⁵ См., напр.: Булатов А.О. Пережитки домонотеистических верований народов Дагестана в XIX – начале XX в. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1990. С. 24–40; Сефербеков Р.И. Традиционные религиозные представления табасаранцев... С. 38.

⁶ Булатов А.О. Пережитки домонотеистических верований народов Дагестана в XIX – начале XX в. С. 71.

⁷ Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М.: Наука, 1963. С. 110. См. также: Новосельцев А.П., Папуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма. М., 1973. С. 49.

⁸ Касумова С.Ю. Южный Азербайджан в III–VII вв. (Проблемы этно-культурной и социально-экономической истории). Баку: Элм, 1983. С. 53.

⁹ История Армении Фавстоса Бузанда / Пер. с др.-арм. и комм. М.А. Геворгияна; Под ред. С.Т. Еремяна; Вступ. ст. Л.С. Хачикяна. Ереван, 1953. 4.6–7; Мовсэс Каланкатуаци. История страны Алуанк / Пер. с др.-арм., предисл. и комм. Ш.В. Смбаляна. Ереван, 1984. 1.14; 2.5.

¹⁰ Ротацизм *d(t)>г – типичен для горско-еврейского и для татского языка (См.: Грюнберг А.Л. Татский язык // Основы иранского языкознания: Новоиранские языки: Западная группа, прикаспийские языки. М.: Наука, 1982. С. 232).

сырт В.Г. Котович связывал именно с маскутами¹, а ряд исследователей локализуют вблизи от этого могильника, точнее на Белиджинском городище Торпахкала, столицу маскутских царей². Впрочем, локализация маскутов в этой зоне является спорной³, но можно вполне определенно говорить о том, что в этой зоне обитали полукошачьи группы, говорившие на одном из восточно-иранских языков.

Г.Х. Ибрагимов выступил против объяснения гидронима «Самур» из иранских языков и предложил рутульско-цахурскую этимологию. Это вызвало возражения И.Х. Абдуллаева, который полагает, что этот гидроним первоначально появился в персидско-арабской литературе и затем утвердился в Дагестане⁴. Однако надо полагать неслучайным тот факт, что сразу два гидронима в этой зоне имеют предположительно восточноиранскую этимологию, причем оба они соответствуют иранским названиям лесных хищников. Кроме того, как выясняется, в этой же зоне существовал еще один такой же гидроним, упоминание о котором сохранилось в сочинении арабского автора X века ал-Мас'уди. Он сообщает следующее: «Большая река по имени Курк-руд, что означает «река Волка»... принимает в себя воды, стекающие с гор Кабк [Кавказ. – И.С.], и впадает в море недалеко от Баб-уль-Абваба [Дербент. – И.С.]. Большой мост пересекает ее у самого устья...»⁵

«Курк-руд» (*Гург-руд) более всего может соответствовать реке Гюльгеры-чай. Обоснование этого состоит не только в созвучии гидронимов «Гург-руд» и «Гюльгеры», но и в том, что Гюльгеры протекает между Самуром и Рубасом, что дает типологический ряд «звериных» гидронимов: с севера на юг – Лиса, Волк, Куница. И еще один аргумент: на некоторых русских картах (например, на карте И.А. Гильденштедта) и в письменных источниках XVIII–XIX веков река Гюльгеры-чай именуется «Гургени», «Гюргени» (в переводе с перс. – «Волчья») или «Гургели» (с тюрк. суфф. -ли – «Волчья»)⁶. Западноевропейские авторы XVII века, Адам Олеарий и Ян Стрейс, приводят подобное же наименование этой реки – *Кургани*⁷.

Итак, использование иранских зоонимов в качестве названий сразу трех соседних рек свидетельствует о том, что, во-первых, эти гидронимы были связаны с кочевниками, которые, как и маскуты, в отношении языка принадлежали к восточным иранцам, во-вторых, три указанных зоонима являлись сакральными для местных автохтонных племен и, может быть, для кочевников-иранцев, хотя это совсем необязательно, так как кочевники могли попросту перевести на свой язык местные «звериные» зоонимы. Таким образом, представляется совершенно невозможным определить, у кого предки горских евреев переняли представление о Нумнегире – у потомков кочевников или же у местных автохтонов. Но можно считать установленным, что в данном случае мы имеем своего рода реликт культуры средневековых восточнокавказских племен. Кроме того, этот факт может свидетельствовать о том, что в раннесредневековую эпоху значительная часть предков горских евреев жила в районе между Дербентом и Самуром.

¹ Котович В.Г. Новые археологические памятники Южного Дагестана // Материалы по археологии Дагестана. Т.1. Махачкала, 1959. С. 148–156.

² См.: Гаджиев М.С. К исторической географии Кавказской Албании (в контексте миссии епископа Исраела) // Древности Северного Кавказа. Махачкала, 1998.

³ Ср.: Гмыря Л.Б. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов: Могильники. Махачкала, 1993. С. 295.

⁴ Ибрагимов Г.Х. К этимологии гидронима Самур // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976. С. 113–118; Абдуллаев И.Х. Еще раз о происхождении гидронима Самур // Там же. С. 120–121.

⁵ Мас'уди. Китаб-ль-Тенбих ва-ль-Ишраф (Книга сообщений и знаний) / Пер. Н.К. Караулова // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 38. Тифлис, 1908. С. 35.

⁶ Об этом любезно сообщил ведущий научный сотрудник Ин-та истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, доктор исторических наук М.С. Гаджиев. См.: Ковалевский М.К., Бларамберг И.Ф. Описание Дагестана. 1831 г. // История, этнография и география Дагестана XVIII–XIX вв. / Под ред. М.О. Ковена и Х.-М. Хашаева. М., 1958. С. 310: *р. Гюргени*; Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // Там же. С. 139–141: *р. Гургели* (другие названия – *Гурген* или *Гюльгерычай*); *Он же*. Описание Табасарана. 1796 г. // Там же. С. 197: *р. Гургели*.

⁷ См.: Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII–XVIII вв. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1992. С. 107, 140.

ИЗ ДЕМОНОЛОГИИ ТАБАСАРАНЦЕВ (ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ И ХАРАКТЕРИСТИКА)

О существовании в прошлом у табасаранцев пантеона и пандемониума свидетельствуют многие обычаи, обряды и праздники, некоторые жанры фольклора, определенная лексика и фразеология, донесшие до нас образы целого ряда языческих персонажей. Отсутствие полноты картины объясняется более чем тысячелетней традицией исповедания ислама (и господства исламской культуры), боровшегося с прежними языческими культами, многие из которых оказались впоследствии забытыми или же сохранились в неполном и фрагментарном виде. Основная задача исследователей в этой связи состоит в реконструкции тех мифологических персонажей, которым табасаранцы поклонялись или, наоборот, которых опасались в период господства у них язычества. Воссоздание пантеона и пандемониума табасаранцев затруднено отсутствием какой-либо установленной их классификации. Поэтому она проводится нами условно. В этой связи представляется правомерным деление всех мифологических персонажей по иерархии. Критерием иерархии богов и демонов должны, вероятно, служить пространственно-временные параметры: место, какое они занимали в традиционной трехчленной (верхний мир – небо, средний мир – земля, нижний мир – подземное царство, преисподняя) структуре космоса по вертикали¹, архаичность, значимость их влияния на человека и общество.

Демоны – это сверхъестественные персонажи, которые не являются богами и занимают по сравнению с ними низшее место в иерархии. В более узком и точном смысле демоны – злые духи². Уже само естественное противопоставление богов и демонов, населяющих разные миры космоса (боги – небо, демоны – преисподнюю), наводит на мысль о возможности использования основных взаимосвязанных бинарных оппозиций при классификации демонов³. Основным водоразделом здесь, на наш взгляд, служат этические категории, выражающиеся в оппозиции добро – зло, и подразделение демонов в большинстве своем на однозначно враждебных, злокозненных («Нечистой силой /в узком смысле слова/, или злыми духами, называются те демонические образы, главной чертой которых является их склонность разными способами вредить людям»)⁴ и реже добродетельных человеку, в отдельных случаях сочетающих эти и другие черты (синкретизм, амбивалентность и полифункциональность некоторых демонов). Но кроме пространственных характеристик, выраженных в бинарной оппозиции близко – далеко, и локусности («каждому пространству соответствует определенный хозяин: в лесу – леший, в реке – водяной, в доме – домовый и т. д. /»⁵; «баня – жилье банного духа, печь и порог – домового»⁶), демоны могут быть классифицированы и по степени близости к человеку, т. е. населяющие: а) освоенное человеком пространство (жилой дом и его двор, село и его окрестности); и б) неосвоенное (за селом, рекой, в горах и т. д.) и даже враждебное (кладбище) пространство.

Вполне естественно деление мифологических персонажей по признаку пола: мужской – женский. Как отмечает А.И. Егорова, «символы мужского и женского начал наиболее ярко представлены в космогонических, зооморфных и антропоморфных мифах, в культах божеств и духов, числовой символике полов, а также в бинарных оппозициях»⁷. В последних оппозиция «женский», как правило, связана с негативным, потусторонним (сравните ряды: женский – левый – внутренний – закрытый – чужой – «нечистый»⁸; женский – левый – плохой – мертвый – западный – нелицевой⁹).

Интересно отметить в этой связи, что большинство дошедших до нашего времени табасаранских богов (исключая аграрных) – мужского рода, а демонов – женского (или андрогинные), что

¹ См.: Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2-х т. М.: Российская энциклопедия, 1994. Т. 2. С. 10.

² Там же. С. 367.

³ Имеются и другие виды классификации демонов. Например, см.: Харатьян З.В. Традиционные демонологические представления армян (по материалам семейного быта XIX – нач. XX в.) // Советская этнография. 1980. № 2. С. 104 – 112.

⁴ Токарев С.А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX – нач. XX в. М. – Л., 1957. С. 100.

⁵ Левкиевская Е.Э. Материалы по карпатской мифологии // Славянский и балканский фольклор. Верования. Текст. Ритуал. М., 1994. С. 252.

⁶ Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 403.

⁷ Егорова А.И. Элементы полового символизма в традиционной этнической культуре якутов // Этнографическое обозрение. 1996. № 4. С. 45.

⁸ Там же. С. 45 – 51.

⁹ См.: Толстой Н.И. О природе связей бинарных противопоставлений типа правый – левый, мужской – женский // Языки культуры и проблемы переводимости М., 1987. С. 180– 181.

связано с естественно-историческим переходом человечества от материнского рода к отцовскому, а с переходом к патриархату женское начало «в религии вытесняется мужским, женские духи превращаются в мужских»¹, причем «при закреплении патриархальных отношений женские божества или ниспровергаются с пьедестала и становятся олицетворением злых сил, или подчиняются мужским божествам, или же просто забываются»².

Таким образом, «общей тенденцией развития мифологических систем является (при их распаде) «превращение» богов в демонов и сохранение последних только в качестве злых демонов»³. Демоны, как и боги, имеют свой масштаб влияния (бытования), который охватывает рамки отдельных (групп) сел, сельских обществ, всего этноса или даже восходит к более древним этническим общностям (пралезгинская, прадагестанская и тому подобные языковые и этнические общности).

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что основными свойствами (базовыми основаниями) типологической классификации табасаранских демонов выступают разноплановые характеристики – этические категории, пространственность и локусность, степень близости к человеку, пол, масштаб влияния.

Таким образом, демонологию табасаранцев можно представить в следующем виде:

а) домовые змеи; б) домовый; в) демоны-антагонисты рожениц; г) демон, олицетворяющий болезни; д) демоны кладбища. Приступая к конкретной характеристике табасаранских демонов, следует отметить, что во многих случаях мы придерживались схемы описания мифологических персонажей, предложенной Л.Н. Виноградовой и С.М. Толстой⁴.

Домовые змеи

В качестве персонификации душ умерших предков в народном сознании выступают домовые змеи. У табасаранцев они известны как «фундаментные змеи» («шибритIарин битIар») или «змея Шавгъар» («Шавгъар-битI»). Обитает домовая змея в обжитом человеком пространстве: фундаменте, но чаще всего в межпотолочном пространстве, под притолокой, что отражает особенности табасаранского жилища. Такой конструктивный элемент жилища, как центральный столб, у табасаранцев, имевших в прошлом хорошие запасы строевого леса, не имел широкого распространения. Несущие функции потолочного перекрытия выполняла матица – опорная балка потолка, имеющая иногда длину 12–16 м. У рутульцев «мыкмагар» («потолочная змея») также обитает в центральной балке потолка⁵. Интересно отметить, что одно из наименований домового у агулов – «гъвадиккен», что в переводе означает «живущий под притолокой». У даргинцев и аварцев домовая змея (Кини, Куне, Каж)⁶ обитает в основном в центральном столбе дома.

По внешнему облику, со слов людей, якобы видевших змею, она черного цвета с желтым отливом и с красными глазками. Сакрально «чистое» существо. У нее не бывает детенышей. Домочадцев она не кусает. С ней связано домашнее благополучие и достаток. Убить ее – большой грех, это значит навлечь на дом и семью беды и несчастья. Домовая змея обнаруживает свое присутствие особым стрекотом. В таких случаях говорят: «Шавгъар-змея стрекочет, подношения просит». Хозяйки в четверг вечером кладут под притолокой угощение для домового змеи – хлеб, намазанный халвой «аварша» без соли и сахара. У лакцев хозяйки также готовили халву без сахара, которой угощали домовую змею Кини⁷. У аварцев существовало представление, что змея Каж больше всего любит сидеть на посуде с бузой (хмельной напиток). Если за бузой ходит постоянно один человек, в одной и той же одежде, с одним и тем же кувшином, Каж, зная его, остается спокойно сидеть на месте и буза становится неисчерпаемой. Если же за бузой приходят разные лица, Каж исчезает, а вместе с ним пропадает и благосостояние дома⁸.

¹ Косвен М.О. Очерки истории первобытной культуры. М., 1953. С. 151.

² Аджиев А.М. Героико-эпические сказания и песни // Традиционный фольклор народов Дагестана. М., 1991. С. 31.

³ Мифы народов мира. Т. 1. С. 413.

⁴ См.: Виноградова Л.Н., Толстая С.М. К проблеме идентификации и сравнения персонажей славянской мифологии // Славянский и балканский фольклор. С. 16-44.

⁵ Булатов А.О. Пережитки домонотеистических верований народов Дагестана в XIX – нач. XX в. Махачкала, 1990. С. 130.

⁶ См.: Алиханова А.А. Древние сюжеты в преданиях аула Мекеги // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978. С. 158; Халидова М.Р. Демонологические рассказы // Традиционный фольклор народов Дагестана. М., 1991. С. 268 – 269.

⁷ Халилов Х.М. Отражение языческих представлений в обрядах и фольклоре лакцев // Мифология народов Дагестана. Махачкала, 1984. С. 71.

⁸ Чурсин Г.Ф. Авары: Этнографический очерк. 1928 г. Махачкала, 1995. С. 56.

Анализируя истоки почитания домовых змей, Н. Харузин писал: «Безвредная змея, смело вползающая в жилище, должна обратить на себя внимание нецивилизованного человека оттого, что он привык видеть в змеях своих врагов. Он охотно признает безвредную змею тотемом, а с забвением тотемических представлений он может объяснить благосклонность данной породы змей только предположением, что в них переселяются души его соплеменников»¹. Культ добрых змей (ужей), охраняющих содержимое сосуда и жилище, известен еще с энеолита².

Таким образом, в мифологическом образе домовых змей в трансформированном виде воплотились представления о старейшине дома – мудром хранителе устоев семейного очага и традиций.

Домовой

Домовой у табасаранцев повсеместно называется Рух, иногда с добавлением слова «баб» («бав»), которое в зависимости от контекста переводится как «мать» или «бабушка». Это прибавление к основному имени ясно указывает на то, что домовой у табасаранцев мыслился в женском облике («бывают домовые женского рода»)³. Как мы полагаем, наименование табасаранского Рух генетически однотипно с лезгинским Ух⁴, аварскими ОхI, Рохо⁵, Рохьдулай⁶ – очень архаичными синкретическими персонажами, восходящими ко времени прадагестанской этнической и языковой общности. Наименования Ух, ОхI, Рух, Рохо, Рохьдулай и им подобные являются, на наш взгляд, звукоподражанием стонов и хрипов, издаваемых человеком во сне, когда он болен или его мучают кошмары.

Рух имеет неясный, аморфный, реже зооморфный (медведь, волк, кот) и слабоантропоморфный облик с отдельными физическими аномалиями («нет левой ноздри», «один глаз во лбу, нет одной ноздри, рот отсутствует»), четко указывающими на потусторонность этого персонажа.

Из других характеристик домового информаторы называют его цвет: «что-то темное», сакральную «чистоту», индифферентность и сверхъестественность: «и не хороший и не плохой, каков его внешний облик – неизвестно, его насылает Бог, чтобы показать человеку свою силу». Несмотря на свою в основном женскую сущность, Рух носит мужской головной убор – шапку.

В большинстве случаев информаторы затруднялись назвать место постоянного пребывания домового. В некоторых селах считали, что Рух не живет в доме, это не домовой, он обитает в постройках, где водится всякая нечисть, например, на мельницах. Дом же является местом его контакта с человеком. Рух обычно являлся к человеку ночью (обычно в полночь). Вообще полдень и полночь считаются моментами таинственными и критическими⁷.

Рух безмолвен («немота – в фольклоре признак принадлежности к миру мертвых»)⁸ и, в отличие от лакского Сухасулу⁹, даргинского Чебилхана¹⁰, восточнославянского домового¹¹, не предсказывает судьбу. Амбивалентность этого персонажа предстает в симбиозе двух оппозиционных предикатов: злокозненность – попечительство. Первое действие выражается в том, что Рух наваливается в основном на спящего лицом вверх и в одиночку человека преимущественно пожилого возраста и душит его. Человек, на которого наваливается домовой, находится как бы в прострации: он слышит, как Рух медленно со скрипом открывает дверь, подходит к постели, наваливается и начинает душить, но не может ни пошевелиться, ни издать звука. Существует представление, что человек, который умер, задохнувшись под домовым, попадает в рай, так как он погиб от нечистой силы. Домовой обладает волшебными предметами: шапкой-невидимкой или

¹ Харузин Н. Этнография: Верования. СПб., 1905. Т. 4. С. 194.

² Рыбаков Б.А. Космогония и мифология земледельцев энеолита // Советская археология. 1965. № 2. С. 35 – 37.

³ Зеленин Д.К. Указ. соч. С. 413.

⁴ См.: Гаджиев Г.А. Мифические персонажи и их названия у лезгин // Отраслевая лексика дагестанских языков: Материалы и исследования. Махачкала, 1984. С. 89.

⁵ См.: Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Бежтинцы. XIX – нач. XX в.: Историко-этнографического исследование. Махачкала, 1994. С. 237.

⁶ См.: Халидова М.Р. Мифологический и исторический эпос народов Дагестана. Махачкала, 1992. С. 122, 125.

⁷ Зеленин Д.К. Указ. соч. С. 418.

⁸ Серов С.Я. Календарный праздник и его место в европейской народной культуре // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 48.

⁹ См.: Булатова А.Г. Желтая Бати // Мифология народов Дагестана. С. 172.

¹⁰ См.: Омаров И.И., Сефербеков Р.И. Аул Куппа. Историко-этнографические очерки. XIX – XX вв. Махачкала, 1996. С. 124.

¹¹ См.: Зеленин Д.К. Указ. соч. С. 413.

клубком нитей. Эти волшебные предметы домовой кладет на кувшин с водой, который необходимо поставить у изголовья спящего. По одной версии, прежде чем навалиться, Рух надевает на кувшин свою шапку. Если вернуться из-под домового, быстро вскочить и дотронуться до кувшина – богатство привалит. Если же удастся схватить и надеть на себя шапку, станешь невидим для окружающих, а Рух, напротив, становится видимым. По другой версии, Рух кладет на кувшин не шапку, а волшебный клубок – источник неиссякаемого богатства. Существует убеждение, что домовой наваливается не на всякого, а в основном на хорошего человека, который после его посещения становится богатым. Имеется даже поговорка: «Счастливец тот, на кого Рух наваливается». Повсеместно бытует мнение, что, если в момент, когда Рух навалился на человека, приказать ему: «Иди и навались на такие-то продукты!», то продуктов будет больше и они долго не будут иссякать, но о встрече с домовым и о разговоре с ним никому нельзя говорить, так как теряется сила приказания.

В этих попечительных действиях, связанных с наделением богатством, неиссякаемостью продуктов, которые в представлениях горцев ассоциируются с благополучием и достатком, выражается второй позитивный предикат домового. Все же, несмотря на бесспорную связь домового с благополучием и достатком, имелся целый арсенал оберегов, призванных оградить человека от нежелательных контактов с домовым. Существовало табу на произношение имени домового, основанное на примете: «Если днем о домовом разговариваешь, то ночью придет, сказывают»¹.

Считали, что домовой боится воды, света, огня, а также вербальных оберегов в виде словесных формул на арабском языке типа «бисмиллагъи рагъим» или троекратного прочтения молитвы «кьулгуу». Существовало заклинание, направленное против Рух². Действенными средствами защиты от визитов слишком назойливого домового являлись: зола, рассыпаная у дверного порога, веник, ружье у изголовья; хлеб, складной нож в раскрытом виде, кинжал, пепел из костей волка или медведя; женское ожерелье из черных камней. Тем, кого слишком часто донимал домовой, советовали спать лицом вниз и рядом с кем-либо. Интересно отметить, что в некоторых селах имелся особый прием избавления навсегда от визитов домового. Для этого нужно было одновременно есть хлеб и при этом мочиться, что можно расценивать как способ ритуального самоосквернения с тем, чтобы очиститься. В повседневной жизни считается большим грехом, если в момент мочеиспускания даже в кармане одежды находится хлеб.

Таким образом, сложный синкретичный образ табасаранского домового Рух сочетает в себе многие противоречивые черты и характеристики, среди которых можно выделить следующие:

- 1) дуализм злого и доброго;
- 2) андрогинность персонажа, которая выражается в сочетании в основном женских (мыслится в этом облике; прибавление «баб» / «мать» «бабушка» / к основному имени) и отдельных мужских (носит на голове мужской атрибут – шапку) черт;
- 3) полиморфизм демона, который может являться в антропо-, зоо- и аморфной ипостасях;
- 3) сверхъестественность (потусторонность), которая выражается в а) невидимости (мифологический символ смерти)³; б) немоте; в) физических аномалиях – отсутствие рта, одной ноздри и наличие одного глаза во лбу (последняя аномалия свидетельствует об особой магической силе)⁴; г) левосторонности (нет левой ноздри); д) обладании волшебными предметами (шапка-невидимка и клубок нитей);
- 4) полифункциональность домового проявляется в симбиозе в нем функций и отдельных черт демона болезни (наваливается и душит человека) и, возможно, патрона ремесел (обладает клубком нитей, который сколько не разматывай, не кончается), а также божества, связанного с водной стихией (один из его атрибутов – кувшин с водой).

Анализируя истоки возникновения образа домового, С.А. Токарев отмечал, что «происхождение этого образа, очевидно, относится к тому времени, когда с разложением родового строя отдельная семья сделалась самостоятельной общественной единицей»⁵.

Необходимо также учитывать, что домовой вобрал в себя черты некоторых женских божеств эпохи материнского рода. Как и в случае с домовой змеей, в основе возникновения образа домового лежит культ предков. «Незримый покровитель семьи, олицетворяющий ее благополучие, ассоциировался в сознании людей с образом предка, умершего хозяина»⁶. Вместе с тем следует указать

¹ Услар П.К. Этнография Кавказа: Языкознание. Табасаранский язык. Тбилиси. 1979. Т. 7. С. 899.

² См.: Заветы отцов: Сборник табасаранской народной песенной лирики /Сост. М.С. Сефербеков. Махачкала, 1996. С. 124.

³ Мифы народов мира. Т. 1. С. 306.

⁴ Там же.

⁵ Токарев С.А. Религиозные верования восточнославянских народов... С. 97.

⁶ Там же.

на некоторую условность отнесения табасаранского духа Рух к домовым, которая выражается, например, в отсутствии четкого представления (в отличие от домового змеи) о месте, где обитает Рух, слабых его патронажных функциях и т. п.

Представления о домовом, душащем человека во время сна, и владеющим чудесными предметами (ожерелье, посох, шапка, клубок нитей), имелись и у других народов Дагестана¹. Существовал этот мифический персонаж и у многих народов мира. Например, у осетин (Бынаты Хицау – домового женского пола)², славян³, европейских народов (полтергейст)⁴.

Демоны – антагонисты рожениц

Если домовые змеи, с которыми связано домашнее благополучие и достаток, в целом благодетельны, а образ домового Рух двойствен (как злокозненные, так и попечительные действия), то демоны, основной объект которых роженица, однозначно зловредны. Демоны, крадущие плод из утробы матери, у табасаранцев в отличие от подобных персонажей, например, у лакцев (Авдалы)⁵, даргинцев-цудахарцев (Авлигуне)⁶, аварцев-хваршин (Будулла ба)⁷ обезличены и выступают под исламским наименованием джинны-шайтаны («джиннар-шейтнар»). Демоны в ночное время навешают беременных женщин и крадут у них плод. Утром женщин находят едва живыми. Знаком пребывания демонов является кровавый отпечаток пятерни на стене. В некоторых селах такой след оставляли, если украденный плод был женского пола. Если же он был мужского пола, то кровавый след демоны оставляли на веревках от бычьего ярма (упряжки). Сходный персонаж у хваршин оставлял на подоконнике два следа⁸. У тажиков демон Олбасты или Ол «иногда вредит и новорожденному ребенку, ударяя его своей рукой, отчего на ударенном месте ясно обрисовываются в черном подтеке следы его руки (пятерни), и ребенок потом умирает»⁹. Куда демоны девают украденный ими плод, информаторы не знают. Для того чтобы оградить роженицу от воздействия «джиннар-шейтнар» и сохранить плод, в костер бросали кости рыбы и их дымом беременная женщина окуривала свое тело (гениталии). Острые кости во взаимодействии с производным огня – дымом, вероятно, выступали оберегом от демонов. Представления о существах (фейри), крадущих младенцев у матерей, имелись и в фольклоре народов Западной Европы¹⁰.

Если основным объектом внимания аморфных, неперсонифицированных и недифференцированных злых демонов «джиннар-шейтнар» является плод, то основным объектом воздействия злого демона Ярсель становится роженица вскоре после родов, в тот момент, когда она остается в помещении одна. Ярсель является роженице во сне (сон-явь) в женском облике (женский-мужской), он темного цвета (тьма-свет), представляется близкой родственницей по тухуму (свой-чужой), например, тетей и старается набросить на шею черный моток шерстяных нитей. Если Ярсель удастся набросить моток на шею – роженица умирает, если же последняя не позволит этого сделать, отталкивая моток руками, останется жива. То, что Ярсель является во сне, роднит его с Рух. Функции, предикаты и объекты воздействия Ярсель во многом аналогичны другому антагонисту рожениц – демону Ал, что привело к смешению этих персонажей: в некоторых селах информаторы говорили нам, что Ярсель – это Ал. В силу ограниченности информации, образ Ярсель плохо идентифицируется. Возможно, что мы имеем дело с патроном отдельного тухума, который с разложением родового строя переродился в злого демона и был вытеснен или поглощен персонажем Ал со сходными характеристиками. Вероятно, что диапазон функций этого мифологического персонажа в прошлом был гораздо шире. Например, он мог быть и патроном ткачества (ковроделия), если учесть атрибут Ярсель – моток черной пряжи и развитость этого вида ремесла у табасаранцев. Правда, в данном контексте моток черной пряжи выступает скорее в качестве пут смерти, чем «мифопоэтического символа долгой жизни»¹¹.

¹ См.: Булатов А.О. Указ. соч. С. 131 – 147; Гаджиев Г.А. Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана. М., 1991. С. 26 – 27.

² См.: Чибиров Л.А. Народный земледельческий календарь осетин. Цхинвали, 1976. С. 53.

³ См.: Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила М., 1996. С. 18 – 25.

⁴ См.: Энциклопедия колдовства и демонологии. М., 1996. С. 319 – 331.

⁵ См.: Халилов Х.М. Указ. соч. С. 79.

⁶ См.: Омаров И.И., Сефербеков Р.И. Указ. соч. С. 122 – 123.

⁷ См.: Мусаева М.К. Хваршины. XIX – нач. XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1995. С. 174 – 175.

⁸ Там же. С. 174.

⁹ Андреев М.С. Материалы по этнографии Ягноба (записи 1927-1928 гг.). Душанбе, 1970. С. 167.

¹⁰ См.: Энциклопедия сверхъестественных существ / Сост. К. Королев. М., 1997. С. 355 – 357.

¹¹ Мифы народов мира. Т. 2. С. 343 – 344.

Особенно широко распространены у табасаранцев представления об Ал – злом демоне, имеющем, вероятно, тюркско-иранское происхождение¹. В большинстве сел демон называется «Ал баб» («Красная мать /бабушка/»), что является табасаранской калькой тюрского перевода слова «ал» (алый, красный, ярко-светло-красный, розовый)², закрепившегося и в русском языке. Как бы оправдывая свое название, Ал предстает в основном в образе женщины с длинными распущенными ярко-красными волосами. Помимо антропоморфной, Ал может принимать и зооморфную ипостась и появляться в обликах красного петуха, лисы, kota, волка-оборотня «кафтар-джанавар» с одним глазом во лбу и т. п. В ряде случаев Ал заползал в жилище в виде тумана, который затем превращался в злого демона. В качестве локуса за Ал закреплено освоенное человеком пространство – село и его окрестности. Чаще всего Ал застают вечером или поздно ночью у родника, на краю села или у реки. Демон однозначно враждебен человеку. Основной объект его воздействия – женщина-роженица в первые 40 дней после родов. Ал появляется в любое время суток при условии, что роженица осталась в комнате одна, а в доме нет мужчин. Приняв облик соседки, родственницы, матери, а чаще всего повивальной бабки, Ал предстает перед роженицей и расспрашивает ее о здоровье или предлагает угощение. Как только женщина открывает рот, демон хватается за язык и вырывает его вместе с внутренними органами, которые стремятся опустить в ближайший водный источник. Если на пути к нему демон встретит мужчину, Ал возвращается и кладет органы на место. Если же демону удастся благополучно достичь воды, он опускает туда внутренности и выполаскивает их, а затем возвращает органы на место, отчего роженица умирает. В некоторых случаях Ал заставляли у родника поедающей выполощенные внутренности. В большинстве же случаев достаточно того, что органы опущены в воду, после чего роженица умирает. Поэтому, если имеется подозрение или установлен факт нападения демона на роженицу, основные усилия близких женщины направлены на воспрепятствования опускания внутренностей в воду. Если не допустить этого, роженицу еще можно спасти. Страх перед демоном Ал и зло, причиняемое им роженице, породили целый ряд защитных средств. Прежде всего закрывали дымоход, который, как известно, является «входом» из одного мира в другой³. Снаружи над дверью в комнату роженицы вешали обнаженный кинжал. У дверного порога (граница миров) клали топор, секач, кинжал, по полу комнаты, где находилась роженица так же как и лезгини⁴, разбрасывали просо; в комнате круглосуточно оставляли гореть зажженную лампу; у изголовья клали моток красной пряжи, веник, под подушку – Коран, нож, ножницы, чеснок, иглу, серу, прутик от веника. Производили всяческий шум, которого демон боялся («шум в противоположность молчанию – жизненное начало»)⁵. С этой целью стреляли из ружей, били в барабан, ударяли камнями, кремнями, металлическими предметами друг о друга, стучали в тазы, трясли ключами от сундука, рубили кинжалами воду в источниках. Как это видно, против демона был мобилизован весь спектр охранительных средств.

В основе образа Ал лежит появившийся не без переднеазиатского влияния культ богини-матери, широко распространенный в среде раннеземледельческих племен⁶ и известный также и древним земледельцам Дагестана⁷.

В ходе эволюции образа богини-матери отдельные ее черты и функции были перенесены на самостоятельные божественные образы. Переоценка женского божества, патрона продолжения человеческого рода, с трансформацией его в злого демона-антагониста рожениц, происходит после замены материнского рода отцовским как непосредственное отражение социальных процессов, происходивших в обществе, в мировоззрении народа⁸. Вера в злого демона-антагониста рожениц бытовала и у других дагестанских и иных народов мира⁹.

¹ См.: Мифы народов мира. Т. 1. С. 58.

² См.: Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974. С. 125 – 126.

³ Толстой Н.И. Еще раз о теме «тучи-говяда, дождь-молоко» // Славянский и балканский фольклор. С. 125.

⁴ См.: Мамедов А. Из дагестанских нравов. Ал паб (лезгинское поверье) // Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1892. Т. 13. С. 146.

⁵ Серов С.Я. Указ соч. С. 17-19, 26 – 36.

⁶ Рыбаков Б.А. Указ. соч. С. 17 – 19, 26 – 36.

⁷ Котович В.М. Образ богини-матери в древних писаницах горного Дагестана и некоторые параллели ему в мифологии и фольклоре // Фольклор и историческая действительность: Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции. Махачкала, 1976. С. 64 – 65.

⁸ Халидова М.Р. Отражение мифологических воззрений в дагестанском эпосе // Там же. С. 66.

⁹ См.: Ханатов Л. Указ. соч.; Сухарева О.А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975. С. 33 – 37; Хартан З.В. Указ. соч. С. 112; Мифы народов мира. Т. 1. С. 62.

Демон, олицетворяющий болезни

У табасаранцев он представлен в виде демона, олицетворяющего детские кожные заболевания (сыпь, болячки на теле, голове и лице ребенка). Называется он Мезе. Он бывает как мужского, так и женского пола. Ребенок заболевает этой кожной болезнью в возрасте до 1 года, 3 или 7 лет, если в период до 40 дней после рождения малыша его родители были близки между собой или один из них взошел на крышу. Девочки болеют этой болезнью 3 года, а мальчики – 7 лет, после чего болезнь исчезает. Существует также представление, что в новолуние болячки обновляются, становятся крупнее, а в период, когда месяц ущербный, уменьшаются в размерах и почти исчезают. Антропоморфность этого демона, судя по тому, что он бывает мужского и женского пола, угадывается, что подтверждается информацией, записанной нами в сел. Межгюль Хивского района Дагестана. В этом селе в прошлом жил некий Ших-Сефер из тухума Бяьсар, причисленный за праведную жизнь к лику местных святых. Говорят, что в разное время ему удалось поймать двух демонов – Ал и Мезе. Первому он отрезал косу, а второму отсек палец, после чего оба демона якобы дали слово больше не нападать на его тухум. До сих пор беременные женщины, опасаясь нападения Ал, и дети, больные кожными заболеваниями типа Мезе, обращаются за помощью к потомкам Ших-Сефера. Для излечения от Мезе мужчина из этого тухума, предварительно смочив ладонь слюной, проводит ею по пораженному болезнью участку кожи мальчика. Если же больна девочка, такую же процедуру выполняет женщина из этого тухума. Родители одаривают лекарей небольшими подарками.

Таким образом, нами описан демон детских кожных заболеваний. В силу ограниченности информации объект слабо идентифицируется. Персонифицировали болезни и другие народы Дагестана¹ и мира².

Демоны кладбища

Демоны кладбища, речь о которых пойдет ниже, обезличены и выступают под наименованием мусульманского мифологического персонажа шайтан. Его основные функции и характеристики у южных (сел. Нижний Ярак) и северных (сел. Кужник) табасаранцев во многом совпадают, что видно из приводимых ниже текстов:

–В одну из сред месяца ночью на кладбище у свежей могилы можно увидеть шайтана, который в этот момент видим для человека. На голове у него находится шапка-невидимка. Тот, кто хочет завладеть этой шапкой, должен осторожно подкрасться к шайтану и сорвать с него шапку. Прюделав это, нужно быстро бежать прочь от преследующего шайтан. Он гонится до реки (граница миров). Если сможешь добежать до реки и перейти ее – шапка твоя. Шайтан боится воды, за рекой он не преследует. Если же дьявол догонит, он отбирает волшебную шапку и с размаху бьет своей пятерней по спине человека. На спине навсегда остается след от пятерни шайтана. Его никак и ничем не скроешь, если даже оденешь железную одежду.

–В начале апреля, когда увидишь первую ласточку, нужно прошагать три шага вперед. Под пяткой левой ноги найдешь уголек. Подобрал его, вечером необходимо пойти на заброшенное кладбище. Там увидишь шайтана. Сорвав с его головы шапку-невидимку, нужно бросить в него угольком (оберег) и бежать обратно. Если черт не настигнет до границы кладбища – шапка твоя. Если же настигнет, он отбирает шапку и с размаху бьет по спине пятерней, след от которой не скроешь даже железной одеждой.

Анализируя эту информацию, отметим время (вечер, ночь) и локус (кладбище), в которых существует этот демон. Темное время суток традиционно связывается с разгулом нечистой силы. Демон тесно привязан к месту своего обитания, за границы которого он не переступает. Мало того, черт сам является объектом посягательства со стороны человека, который стремится завладеть волшебным предметом – шапкой-невидимкой, обладание которой роднит шайтана с домовым Рух. Черт преследует человека лишь для того, чтобы вернуть свой волшебный атрибут. В наказание за вторжение на его территорию и украденную у него шапку сатана оставляет на спине настигнутого им человека свой знак – отпечаток пятерни, что роднит его также с обезличенными демонами «джиннар-шейтнар», крадущими плод из утробы матери, которые также оставляют кровавый отпечаток пятерни на стене комнаты как знак своего пребывания. Интересно отметить, например, что у хваршин имелось представление, что домовый Риссан бьет своей лапой проснувшегося человека. Куда Риссан приложит свою лапу, там все время будет портиться одежда: человек как бы получил метку домового³. В отношении другого мифологического персонажа хваршин – матери болезни Лельльнас ишу, имелось поверье, что на кого она руку наложит, тот и заболел по весне⁴.

¹ См.: Халидова М.Р. Демонологический персонаж «Мать болезней» и его магические функции // Магическая поэзия народов Дагестана. Махачкала, 1989.

² См.: Мифы народов мира. Т. 1. С. 57, 164; Т. 2. С. 31.

³ Мусаева М.К. Указ. соч. С. 174.

⁴ Там же. С. 175.

В отличие от вышеописанного, следующий вид кладбищенских демонов имеет свое наименование – Курузай (Курузан), что переводится как «куру» – «узкий», «-зай» («-зан») – антропонимический суффикс. Как бы оправдывая свое название, Курузай предстает в антропоморфном облике, высоким, узким, белым. Обитает он на заброшенных кладбищах. Бродит по селу в темное время суток, хлопает ставнями, стучит по окнам и таким образом пугает людей, ведущих неправедный образ жизни, совершивших неблагоприятные проступки, согревших в чем-либо. Однако иногда демон мог напугать и вполне добродетельных сельчан. С наступлением утра Курузай исчезает. Интересно отметить, что Курузай имеет свой аналог в русском фольклоре. В.И. Даль описывает жердяя так: «... предлинный и претонкий, шатается иногда ночью по улицам, заглядывает в окна, греет руки в трубе и пугает людей»¹.

На кладбище же в ночное время водится кафтар-джанавар – волк-оборотень, который иногда представлялся в образе гиены. Вероятно, этот образ навеян мусульманской мифологией, где злые джинны являлись «в обличье чудовищ с головой гиены и волчьими лапами вместо ног»². В некоторых случаях образ «кафтар-джанавар», у которого глаза светятся в ночи, а при скрежете зубов сыпятся искры, смешивается с образом Кушкафтар – старой ведьмы с седыми космами, также обитающей на кладбище. Оберегом от кладбищенских демонов служила молитва.

Представления о демонах кладбища имелись и у других народов Дагестана: лезгин (Малкамут)³, лакцев (Ххурттама)⁴, аварцев-бежтинцев (Къав)⁵ и других.

О некоторых демонах и злых духах нам известно из формул запугивания детей. К таковым относится Бугъ (уь) у южных табасаранцев и Бябюш – у северных. «Бугъ (уь) (Бябюш) придет!» – пугали матери непослушных детей вечером. В силу ограниченности информации этот персонаж у табасаранцев почти не идентифицируется. Зато у лезгин Бугъуь изображается в антропоморфном виде, но с большими рогами, ушами и хвостом. Им также пугают детей⁶. Аналогичные персонажи, сохранившиеся в формулах запугивания детей, имеются и у других народов. Так, у даргинцев-цудахарцев в ветреную погоду пугают непослушных детей тем, что «Шурла Гашура придет». Эта формула донесла до нас образ «Матери ветров» цудахарцев. В русском фольклоре мнимым пугалом, «коим разумные воспитатели страшат детей», является бука⁷. У западноевропейских народов таковыми являются фейри, брауни, гоблины⁸.

Таким образом, представленная далеко еще не полная, как нам кажется, демонология табасаранцев свидетельствует о богатстве и многообразии этих мифологических персонажей в былом языческом пандемониуме. Дальнейшее изучение доисламских мифологических персонажей табасаранцев и других народов Дагестана перспективно в плане реконструкции более полной картины духовной культуры дагестанцев.

Г.С. Федоров

ЗАБЫТЫЙ ТРУД А.А. КУНИКА «ТОХТАМЫШ И ФИРКОВИЧ» (К ПРОБЛЕМЕ ХАЗАРСКОГО ЭТНОСА И КУЛЬТУРЫ)

До сих пор среди исследователей-хазароведов нет единого мнения по поводу подлинности письма испанского еврея Хасдая ибн Шафрута и ответного письма хазарского царя Иосифа, жившего около 920 – 960 гг. Между тем вся история Хазарии связана с этими письмами.

Первая публикация ответного письма была осуществлена в 1577 году Исааком Акришем в Константинополе. В основе этого письма находилась краткая редакция письма Иосифа.

В XVII в. первый европейский публикатор и переводчик И. Буксторф отрицал подлинность еврейско-хазарской переписки и предостерегал историков от пользования ею как источника (здесь и далее подчеркнуто Г.Ф.). Известно, что краткая редакция письма Иосифа была открыта только в 1874 году А.Я. Гаркави в старой еврейской рукописи известного подделывателя рукописей А.С.

¹ Энциклопедия сверхъестественных существ. С. 171.

² Там же. С. 149.

³ См.: Ризванов З., Ризванов Р. История лезгин (краткий научно-популярный очерк). Махачкала, 1990. С. 35.

⁴ См.: Джидалаев Н.С. Тюркизмы в дагестанских языках. Опыт историко-этимологического анализа. М., 1990. С. 86 – 87.

⁵ См.: Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Указ. соч. С. 237.

⁶ Гаджиев Г.А. Мифические персонажи и их названия у лезгин. С. 86.

⁷ Энциклопедия сверхъестественных существ. С. 72 – 73.

⁸ Там же.

Фирковича¹, которого публично разоблачил А.А. Куник. Чтобы читатели знали, о чем идет речь в работе А.А. Куника «Тохтамыш и Фиркович», необходимо дать о ней небольшое разъяснение.

В 1862 г. Азиатский музей Академии наук в Петербурге купил у Авраама Фирковича (Караима) еврейские рукописи и надгробные камни с кладбища Чуфут-кале. Причем еще в 1840 г. у специалистов возникло подозрение, – пишет А. Куник, – что А. Фиркович пытался выдавать ученому миру свои вымыслы за исторические факты, а после покупки рукописей Азиатским музеем повод к подозрению еще больше усилился.

В феврале 1876 г. академик А.А. Куник прочитал свой доклад «Тохтамыш и Фиркович» на заседании историко-филологического отделения Императорской академии наук в Санкт-Петербурге и на основе неопровержимых данных полностью разоблачил Фирковича в том, что им в некоторых библейских рукописях, составленных на пергаменте, бумаге, коже, стерты буквы и заменены другими. Причем многие рукописи были снабжены эпитафиями-приписками или послесловиями, составленными самим Фирковичем. В некоторых надписях Фиркович переделывал буквенные знаки в численные, чтобы удревнить дату погребения. На одной надписи гробницы Эсфири Соломоновны он вырезал краткую приписку, которая должна была подтвердить действительное употребление особого летосчисления у крымских караимов. «Вся хронологическая система Фирковича была основана на очень грубом подлоге... Одно только мучило меня, – пишет А. А. Куник, – вопрос об истинной цели этих многообразных подлогов. Еврей-талмудисты давно предполагали, что А. Фиркович производил эти подлоги с целью возвысить в глазах света караимов за счет евреев – раввинистов»²

Но не только для этого! Известно, что в пространной редакции ответного письма Иосифа к Шафруту обращение хазар в иудейство было в 621 году, и в составе Хазарского каганата находились крымские города Мангупа и Чуфут-кале. Чтобы оправдать эту дату, А.Фиркович подделал дату погребения Эсфири Соломоновны на кладбище Чуфут-кале с 1386 года на 625 год. На основании этой подделки в дальнейшем появилась ложная история о хазарах и о хазарском государстве³.

А.А. Куник приводит в своей работе интересные материалы, связанные с пребыванием в городе Евпатории французского маршала Мармона, в честь которого в 1843 году была устроена торжественная встреча, и среди встречавших были и караимы из Чуфут-кале. Из записок Мармона известно, что караимы старались выставить себя в глазах иностранных гостей богоизбранным народом в противоположность отступникам – талмудистам, и караимы должны были дать ответ: откуда они произошли, какова их история, были ли у них знаменитые люди и как они оказались в Крыму. «Выручить из беды караимов, – пишет А.А. Куник, – вызвался А. Фиркович и, чтобы писать историю караимов, он начал прибегать к выдумкам и подлогам. Название «Кедар», встречающееся еще в Ветхом Завете и перенесенное потом на татаро-тюркские народности, Фиркович отнес в истинных и подложных памятниках к хазарам, а хазар по обращении их хакана в иудейство изменил в караимов. От глагола «кара» (читать), происходит арамейское существительное «кара-и» (карей, мн. ч. кара-им); еврейско-татарский глоссарий Фиркович выдавал за еврейско-хазарский. Подобным же образом объясняется и раннее появление на крымско-еврейских гробницах (в 262 г., 687 г.) по вычислению Фирковича столь чествуемого у восточных народов имени царя Золотой Орды – Тохтамыша и т.д.»⁴

Евреи, жившие в хазарское время, – отмечает А.А. Куник, – постоянно занимались каким-то литературным промыслом с целью прославления еврейского народа. Каждый, знакомый с историей хазарского государства, знает, что так называемое ответное письмо составлено вроде в то время, когда хазарское государство еще существовало или же память о нем, по крайней мере, была еще свежа. Поэтому надо отнестись крайне осторожно к многочисленным эпитафиям и послесловиям собранных Фирковичами (отец и сын. – Авт.) караимских рукописей. Из письма, мнимо составленного Иосифом, узнаем, что первый царь, признавший иудейство, назывался Булан, который жил за 340 лет до написания «ответа» и был в ответном письме единственным хазарским хаканом с нееврейским именем. Потом один из его внуков был царь по имени Обадия, наследовал ему Хизкия, его сын Менассе, его сын Ханока, брат Обадия и Исак, потом Зебулун, его сын Менассе, его сын Нисси, его сын Менахем, его сын Вениамин (880 – 900 гг.), его сын Арон (900 – 920 гг.) и его сын Иосиф (920 – 960 гг.). «Между этими именами лиц, – пишет А.А. Куник жив-

¹ Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 6.

² Куник А.А. Тохтамыш и Фиркович. Приложение к XXVII тому записок Имп. Академии наук № 3. СПб, 1876. С. 5.

³ Федоров Г.С. Хазары: миф или реальность // Материалы девятой научной сессии ДО Международной академии информатизации (сб. статей). Махачкала, 2004. С. 152 – 160.

⁴ Куник А.А. Тохтамыш и Фиркович. С.5-6.

ших около 740 – 960 гг., не встречается ни одного языческого: все имена либо древнебиблейские, либо позднейшие еврейские. Действительно ли подлинны все эти имена, и не носили ли хаканы рядом с ними светских имен северо-азиатского происхождения. Что касается подлинности имен, то она мне кажется не вполне несомненною, так как единственный источник, в котором упоминается по имени хазарский хахан девятого столетия, как будто обличает автора подложного ответного письма Хасдаю во лжи». ¹ Крупнейший историк-археолог, который возглавлял долгие годы Институт археологии АН СССР (ныне РАН), автор свыше пятисот научных монографий и статей по истории восточных славян Б. А. Рыбаков писал: «Историческая роль Хазарского каганата нередко излишне преувеличивалась. Хазарию представляли огромной державой, равной по значению Византии и арабскому халифату. Однако ряд противоречий в источниках заставляет пересмотреть традиционный взгляд на размеры каганата... Сличая соответственные части статьи, мы видим обилие конкретных географических названий пространной редакции и замену их общими высокопарными фразами в краткой. В некоторых случаях автор краткой редакции явно не понимает текста пространной редакции ... То, что краткая редакция была не первичным текстом, а позднейшим сокращением пространной редакции, явствует и из того, что крымские города названы в ней «народами». Автор краткой редакции не был знаком с географией Крыма, в то время как автор пространной редакции подробно описал города Керченского пролива и юго-восточного Крыма. ... Пространная редакция содержит ряд определенных указаний на народ и города, перечисляя которые автор хочет убедить своих читателей в могуществе Хазарии. Причем она рассчитана для тех читателей, которые живут вокруг Хазарии и с крымскими городами, как Мангупа и Чуфут-кале.

Русы в обеих редакциях «Ответа» выглядят грозным и воинственным народом, от которого Хазария будто бы обороняет мусульманский мир. Ни одной фразы о том, что русы когда-то платили хазарам дань, нет ни в одной редакции «Ответа»².

Свидетельства русских летописей об уплате дани хазарам находятся в полном противоречии с данными восточных авторов о хазарах, в которых речь идет о подвластности хазарам славян IX-X вв. Летопись упоминает только аспаруховых болгар, авар, печенегов, угров, но не упоминает хазар.

Основным источником сведений об огромной и могущественной Хазарской державе служит еврейско-хазарская переписка X-XII вв. Испанский еврей Шафрута, писавший в 950 – 961 гг. хотел получить ответ на вопросы о Хазарском государстве, о хозяйстве, о протяженности страны, о городах, « до куда доходит власть его, и каково число войск его и полчищ его князей (вассалов)». «Я спрашивал об этом, – писал Шафрута, – только для того, чтобы ликовать вследствие многочисленности святого народа.... Когда евреи Испании уцелевшие от меча услышали о моем господине (Иосифе Хазарском), о мощи его царства и множестве его войск, они пришли в изумление. Через это мы подняли голову, наш дух ожил и наши руки окрепли. Царство моего господина (хазарского кагана) стало для нас оправданием, чтобы раскрывать смело уста. О, если бы эта весть получила бы еще большую силу, так как благодаря ей увеличится и наше возвышение». ³ «Ответ царя Иосифа дошел до нас, – пишет Б.А. Рыбаков, – в двух редакциях. П.К. Коковцев считает, что пространная редакция возникла в 80-х годах XI в. На рубеже XI – XII вв. « Ответ » Иосифа уже имел место в испанской еврейской литературе ... Итак, обе редакции отстоят больше чем на столетие от времени жизни обоих корреспондентов – Хасдая и Иосифа. Вот к этим-то бурным годам борьбы (1083 – 1094 гг.) Олега следует, очевидно, приурочить воскрешение в хазарской среде интереса к « Ответу Иосифа » и создание фальсифицированной полемической пространной редакции 80-х годов XI в. Позднее происхождение Тмутараканской (1083 г.) и Барселонской (XI – XII вв.) редакции « Ответа царя Иосифа », их тенденциозность, фантастичность географических перечислений заставляет нас крайне осторожно отнестись к позднейшей части еврейско-хазарской переписки и не доверять ее рассказам о протяжении страны и подвластных народах». ⁴ Документ, о котором идет речь, написан на древнееврейском языке. А.П. Новосельцев считает, что древнееврейский язык к IX – X вв. был уже мертвым даже для самих евреев, рассеянных по всему свету, но сохранял роль языка богослужения, а потому употреблялся в Хазарии после принятия ее царем иудаизма. ⁵ Проблема иудаизма заключается в том, что собственно в Хазарии ни иудейских надгробий, ни кирпичей с иудейскими знаками, ни других определенных свидетельств отправления иудейского культа не обнаружено ... Там всюду, на-

¹ Куник А.А. Указ. соч. С. 33.

² Рыбаков Б.А. Русь и Хазария (К исторической географии Хазарии) // К 70-летию академика Б.Д. Грекова. М., 1952. С.56; 78; 79; 86.

³ Коковцев П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 68-71.

⁴ Рыбаков Б.А. Русь и Хазария... С. 77; 80; 87– 88.

⁵ Новосельцев А.П. . Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. С. 5.

сколько позволяют об этом судить археологические исследования, царили языческие обряды и языческое мировоззрение ... Итак, подводя итоги сказанному, можно уверенно говорить о том, что на всей громадной территории каганата только в двух портовых городах (Мангупа, Чуфут-кале. – Авт.) сохранились какие-то следы иудейских памятников, но и там нельзя считать вполне доказанным, что они относились к хазарской эпохе. ¹Хазаровед В.Г. Петрухин отмечает, что попытки удревнить кладбища крымских пещерных городов Мангупа и Чуфут-кале и обнаружить там погребения хазарского времени безосновательны: древнейшие надгробия Мангупа относятся к XIV в. Известно, что территория Мангупа также была включена в список письма пространной редакции Иосифа.² М.И. Артамонов без анализа работы А.А. Куника, просто констатирует: «А.А. Куник и другие ученые выразили сомнения в подлинности нового документа (Пространная редакция письма Иосифа – Авт.), и это надолго вывело его из круга источников».³

Интересно отметить, что среди 44 тезисов докладов (Второй Международный коллоквиум «Хазары 2002») и из 228 тезисов (Материалы девятой ежегодной Международной междисциплинарной конференции по иудаике), а также в новой книге крупнейшего археолога-хазароведа с мировым именем С.А. Плетневой и вообще ни у одного современного исследователя-хазароведа XX – XXI вв. не используется статья академика А.А. Куника «Тохтамыш и Фиркович»⁴. Поразительно другое: или исследователи-хазароведы не знают о существовании работы А. Куника (не зная об этой работе невозможно, ибо она опубликована в 27 томе записок Императорской Академии наук (Санкт-Петербург, 1876), или же специально не хотят знать о ней. Между тем каждому, кто занимается хазарами, хазарской культурой, этносом, следовало бы знать забытый труд А.А. Куника... «До настоящего времени, – пишет Круглов Е.В., – мы практически не имеем представления о культуре хазар, т.е. того ядра, вокруг которого началось образование и шло дальнейшее функционирование этого государства. Курганные погребения с подбойными могилами, окруженные квадратными ровиками, исследователи рассматривают как памятники социальной верхушки Хазарского каганата, однако они не приводят при этом абсолютно никаких аргументов. Наличие же ровика даже в курганной насыпи само по себе не главное ...»⁵. Причем этот признак довольно сомнительный и не все исследователи могут выделить его и они весьма наивны, на что уже обращала внимание В.Е. Флерова.⁶ Все вышесказанное не позволяет пока однозначно выделить этнические погребения хазар⁷ «Практически мы можем изучить только культуру, – пишет С.А. Плетнева – складывавшуюся из культур разных этносов, входивших в Хазарскую державу, и местами проследить следы этой культуры в занятых хазарскими войсками землях, главная задача предполагаемых «Очерков» – характеристика салтово-маяцкой культуры и определение ее распространения, совпадающего, по всей вероятности, с ареалом Хазарского государства»⁸. Возникает вопрос: по каким параметрам погребенная в катакомбах «военная знать» Верхнечирюртовского городища, построенного на каменном фундаменте и из камня автохтонами, оказалась вождями хазар?

Основным населением салтово-маяцкой культуры хазарского каганата, как писали и пишут археологи-хазароведы И.И. Ляпушкин, М.И. Артамонов, С.А. Плетнева, А.П. Новосельцев, А.В. Гадло, Я.А и Г.С Федоровы и др., были алано-булгарские племена. Кроме того, ни один из этих авторов-хазароведов не называет культуру Хазарского каганата, хазарской, а считает, что эта культура оставлена народами, входившими в Хазарский каганат.

«В медиевистике, – пишет О.М.Давудов, – идут поиски материальной культуры хазар. Трудности с выявлением памятников, которые можно было бы связать с хазарами, привели к подмене понятия культуры населения, входившего в состав Хазарского каганата, с понятием «Хазарская

¹ Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. М., 2000. С. 216.

² Петрухин В.Г. Заключение. В кн. С.А. Плетневой. Очерки хазарской археологии М., 2000. С. 228.

³ Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. С.30.

⁴ Васюткина Д. В поисках караимских надгробий // Хазары. Девятая ежегодная Международная междисциплинарная конференция по иудаике. Королев, 2002.; Аксенов В.С. К вопросу о существовании памятников этнических хазар в верхнем течении Северского Донца // Хазары. Второй Международный коллоквиум. Тезисы. М., 2002.; Афанасьев Г.Е., Атавин А.Г. Что же такое хазарский погребальный обряд (проблемы материала, археологического анализа и интерпретации) // Хазары. Второй Международный коллоквиум. Тезисы. М., 2002; Малкина А.В. Еврейская книга «Иосиппон» в контексте еврейско-хазарской переписки X в. и ее древнерусский перевод // Хазары. Второй Международный коллоквиум. Тезисы. М., 2002.

⁵ Круглов Е.И. Хазары – история только начинается // Хазары. Второй Международный коллоквиум. Тезисы. М., 2002. С. 64 – 66.

⁶ Афанасьев Г.Е., Атевин А.Г. Хазары. М., 2002. С. 14.

⁷ Аксенов В.С. Хазары. М., 2002. С. 11.

⁸ Плетнева С.А. Очерки... С.4 – 5.

культура». Г.С. Федоров различает эти понятия и отрицает связь памятников Дагестана с хазарами. Он приписывает их племенам, входившим в состав Хазарского каганата». ¹ Создателями салтово-маяцкой культуры были булгаро-аланские племена. Объединение этих племен «... в различные государства привело к тому, что внутри каждого из них складывалась общая государственная культура. На примере Дунайского и Волжского булгарских государств. Этот процесс прослеживается очень хорошо. Уже в X в. в каждом из них была высокая своеобразная культура, сложившаяся на базе салтово-маяцкой. Что же касается Хазарского каганата, то там процесс сложения государственной «хазарской» культуры был прерван печенежским нашествием и походами Святослава...». ²

До сих пор нет также единого мнения среди языковедов, каким был хазарский язык. Ибн-Хаукаль писал, что «язык чистых хазар не похож на турецкий, и с ним не схож ни один из известных языков». ³ Другой арабский автор X века Истахри отмечал, что язык хазар «не сходен с языком турок и персов и вообще не похож на язык ни одного из народов, нам известных». ⁴

Известный тюрколог А.М.Щербак, относя хазарский язык к тюркским, писал: «Четкого представления об особенностях языка хазар мы не имеем». ⁵ «Именно и прежде всего», считает доктор филологических наук Н. С. Джиддалаев, – отсутствие конкретных и «безоговорочных» сведений по языку хазар даёт исследователям повод, – и не без основания, – и сегодня сомневаться в реальности существования отдельного хазарского языка и высказать различные мнения, в том числе и отрицающие даже тюркоязычность хазар, – вопреки распространенному мнению, в том числе и в специальной литературе, необходимо подчеркнуть, что никаким достоверным непосредственным материалом по хазарскому языку наука не располагает. Вопрос о языке хазар, равно как и об этнической принадлежности, решался по косвенным языковым данным, сохранившимся в византийских, армянских, грузинских, арабских и др. источниках (имена собственные, название титулов, географических объектов и два – три обычных слова: кара «чёрный», сари «желтый», «чечек» цветок), и на основании разноречивых, порою взаимоисключающих сообщений древних авторов. Исходя из изложенного напрашивается вывод: если для признания языка хазар тюркским имеются основания, хотя с оговорками, для выделения отдельного хазарского языка нет никаких доводов. Поэтому, естественно, нужно сказать, что для выделения среди раннесредневековых кочевников Восточного Кавказа отдельного этноса также нет оснований». ⁶

На огромной территории салтово-маяцкой культуры Хазарского каганата (VII – IX вв.) ни один археолог-хазаровед не находил ни одного иудейского погребения, в том числе и на территории Дагестана. Погребальный обряд на этой территории оставался языческим. Несмотря на такое положение, появляются статьи, в которых авторы голословно заявляют, что часть татов (дагестанских) приняли иудаизм у хазар. Проблема иудаизма, иудейских древностей остается во многом трудной и запутанной проблемой хазарской археологии: «Приходится констатировать, что среди памятников хазарского каганата нет ни одного, который можно было бы связать с хазарами-иудеями ... Объединяющей же религией, которая определяла духовную жизнь в каганате, верование и обрядность было язычество». ⁷ Если кто-то пытается доказать, что таты – иудеи еврейская нация, то необходимо обнаружить на территории их обитания и этномаркирующие признаки – древнееврейские могильники с иудейским обрядом погребения. На сегодняшний день ни одному археологу не удалось обнаружить ни одного иудейского погребения, относящегося как к I тыс. до н.э., так и к первым векам I тыс. н.э. Исследователи также не имеют письменных источников, на основе которых безошибочно можно было бы определить время появления иудаизма на территории, где живут горские евреи.

По данным арабского автора X в. Масуди, иудейская религия сделалась главенствующей в Хазарии в конце VIII – в начале IX в. В пространной редакции письма царя Иосифа обращение хазар в иудейство отнесено за 340 лет до его (Иосифа – 920 – 961 гг./) правления, т.е. к 621 г. Этой даты вообще нет в краткой редакции, поэтому исследователи считают, что она вставлена в текст позднейшими переписчиками.

Никаких археологических следов дагестанского периода (30-е г. VII – 40-е г. VIII вв.) от таборного кочевания, существовавшего тогда Хазарского каганата до нас не дошло. Не дошло, потому что на первой стадии кочует круглый год всё население, не имея постоянных жилищ и не задерживаясь на одном месте, а на второй, если и кочует все население от весны до осени, то зимой возвращается на постоянные зимовища. Третья же стадия кочевого образа жизни привела

¹ Федоров Г.С. История происхождения кумыков. Махачкала, 1996. С. 3 – 4.

² Плетнева С.А. От кочевий к городам. М., 1967. С.189.

³ Ал-Мукаддаси. Лучшие из делений для познания климатов // СМОМПК. Вып. 38. Тифлис, 1908. С. 133.

⁴ Аль-Истахри. Книга путей и царств // СМОМПК. Вып. 29. Тифлис, 1901. С. 58.

⁵ Щербак А.М. О рунической письменности Юго-Восточной Европы // Советская тюркология. 1971. №4. С.80.

⁶ Джиддалаев Н.С. К проблеме этнической принадлежности раннесредневековых кочевников Дагестана // Дагестан в эпоху великого переселения народов. Махачкала, 1998. С.112-113.

⁷ Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. С. 217.

к завершению феодализации, к образованию феодального государства – Хазарского каганата, а «арабо-хазарская война (30-е годы VII – 40-е годы VIII вв. – Авт.) ускорила процесс классового разложения и послужила толчком к феодализации общества». ¹В первый и второй периоды кочевания невозможно было выделить самого «хазарина», а также его материальную культуру, т.к. на огромной степной территории, занятой кочевыми народами, входившими в хазарский союз, не было культуры, которая улавливалась бы археологически и была бы сопоставима с хазарским этносом. ²Если государство и его народ кочует круглый год, иногда от весны до глубокой осени, то такому народу (государству) не нужно было строить постоянные каменные дома, а нужны были временки-полуземлянки. О таких домах писали арабские авторы X века: «Жилища семендерцев из дерева, переплетённого камышом или прутьями; дома по форме напоминают шатры, крыша у них остроконечная»³. Такие временки – полуземлянки исследованы археологами на территории Правобережного Цимлянского городища, ⁴на территории Дагестана, они имели вид юрты, восходящей по своей конструкции к более древним типам построек при кочевом образе жизни их обитателей. ⁵

В 7 км к северо-западу от Чопалав-тепе Бабаюртовского района нашей археологической ⁶ экспедицией было раскопано поселение, расположенное на естественном холме овальной формы длиной 125 м, шириной 65 м, высотой 6,5 м.

На поселении было обнаружено и расчищено жилище-полуземлянка овальной (ладьевидной) формы (длина 3,2 м, ширина 2,4 м), углубленной в культурный слой на 1,2 м. Пол жилища глинобитный с примесью толченого мела. Наземная часть жилища, вероятно, была турлучной, с конической крышей, подобно крышам жилых построек Семендера. В культурном слое мощностью 2,1 м на всей поверхности поселения было обнаружено множество фрагментов турлучной (глиняной) обмазки с отпечатками тростника. Слева от входа, в западной части землянки, сохранились остатки открытого очага – пятна обожженной глины. Вход в землянку находился с южной стороны. ⁷На территории Андреяульского городища, по данным М.Г. Магомедова и Л.Б. Гмыри, «в качестве жилищ служили легкие турлучные постройки, обмазанные глиной с глинобитными полами». ⁸Даже в середине X в. Итиль служил местопребыванием в зимние дни для Иосифа, его князей, свиты, рабов, т.е. для его личного «аила». Весной все они отправлялись кочевать. ⁹«Это происходило, в середине X в., в то время, когда Хазарский каганат уже был полуоседлым государством». Тем более, в дагестанский период (30-е г. VII – 40-е г. VIII вв.) хазары не строили каменные дома. В X в. Истахри писал, что основными жилищами в Итиле были войлочные палатки. ¹⁰Каждому, кто занимался хазарским периодом, известны сообщения арабских авторов, а археологические материалы памятников салтово-маяцкой культуры Хазарского каганата также подтверждают, что хазарский союз племён первой и второй стадии кочевания отличался постройками временок-полуземлянок.

В заключение еще раз подчеркну, что до сих пор на территории пяти вариантов салтово-маяцкой культуры Хазарского каганата, и в том числе на территории Дагестана, не обнаружено ни одного хазарского могильника с иудейским обрядом погребения, принадлежащего хазарину, а также ни каких следов культуры хазарского этноса, кроме сообщений журналистов в периодической печати ¹¹

Открытие чистых хазар и их материальной культуры, по меньшей мере, претендует на Нобелевскую премию.

¹ Плетнева С.А. От кочевий к городам. С. 184 – 185.

² Плетнева С.А. Кочевники средневековья. М., 1982. С. 50 – 51.

³ Ал-Мукаддаси. Лучшие из делений для познания климатов // СМОМПК. Вып. 38. Тифлис, 1908. С. 183.

⁴ Плетнева С.А. От кочевий к городам. С. 52 – 53.

⁵ См.: Федоров Г.С. Раскопки в Северном Дагестане // Археологические открытия 1967 года. М., 1968. С. 92 – 93; Магомедов М.Г., Гмыря Л.Б. Итоги раскопок Андреяульского городища АО 1977. М., 1978. С. 128.

⁶ Плетнева С.А. Кочевники средневековья... С. 51.

⁷ Федоров Г.С. Раскопки в Северном Дагестане... С.92 – 93.

⁸ Магомедов М.Г., Гмыря Л.Б. Итоги раскопок Андреяульского городища... С. 128.

⁹ Коковцев П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 102.

¹⁰ Аль-Истахри. Книга путей и царств... С. 41.

¹¹ Федоров Г.С. Хазары: миф или реальность... С. 152 – 160.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЗКОРГО – Записки Кавказского отделения Русского географического общества.

ИГЭД – История, география и этнография Дагестана ХУ11- Х1Х вв. Архивные материалы / Под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М.: Наука, 1958.

ИРГО – Известия Русского географического общества. (СПб.)

КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии АН СССР.

КЭС – Кавказский этнографический сборник. (М.)

ПЗ – Полевые записи.

ПМ – Полевой материал.

РФ ИИАЭ ДНЦ РАН – Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук (Махачкала).

СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (Тифлис)

ССКГ – Сборник сведений о кавказских горцах (Тифлис).

СЭ – Советская этнография (М.)

УЗАНИИ – Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института. (Майкоп).

ЭО – Этнографическое обозрение (М.)

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН**

instituteofhistory.ru

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	3
А.И. Османов, М.А. Агларов, Б.М. Алимова, А.Р. Шихсаидов. Памяти ученого. Сакинат Шихахмедовна Гаджиева (1914-2003).	4
Список научных трудов Сакинат Шихахмедовны Гаджиевой.	6
Агларов М. А. Ярошение в зоне хиндалала	10
Алиев Б.Г. Историко-этнографический материал о борьбе даргинцев против иноземных завоевателей	23
Алиев М.Г. Домашние промыслы и ремесла андалальцев во второй половине XIX – начале XX вв.	32
Алимова Б.М. Посуда и утварь тюркоязычного населения Дагестана: классификация и типологическая характеристика.	39
Билалова П.М. Пословицы и поговорки в свадебной обрядности кумыков	49
Гусейнов Г.-Р.А.-К. К локализации чунгарса и вабандара, или еще раз о северо-западных и некоторых иных пределах «страны гуннов» (хонов)	51
Гимбатова М.Б. Народная медицина и лечебная магия ногайцев (XIX–нач.XX в.): рациональные и иррациональные методы лечения.	62
Ибрагимов М-Р. А. Динамика этнодемографической ситуации в Дагестане во второй половине XIX – начале XXI в.	68
Исламагомедов А.И. Кузнечное ремесло аварцев.	81
Исламмагомедов А.И. К вопросу о территории и названии общества андалал в XIII–XVIII вв.	83
Магомеддадаев А.М. К вопросу о похоронно-поминальных обрядках аварцев.	86
Магомедсалихов Х.Г. Традиционный институт присягательства и соприсягательства у горцев Дагестана.	88
Маммаев М. М. О формировании этнической специфики искусства малого этноса в процессе его этногенеза	92
Маремшаова И.И. Традиционный промысел балкарских женщин: история и современность.	98
Мусаева М. К. Традиционные игрушки народов нагорного Дагестана.	106
Рамазанова З.Б. Пищевые сезоны горцев дагестана (XIX-нач. XX в.)	115
Ризаханова М.Ш. Жилище гинухцев (XIX-XX вв.)	121
Семенов И. Г. Демонологический персонаж нумнегир у горских евреев	128
Сефербеков Р.И. Из демонологии табасаранцев (типологическая классификация и характеристика)	132
Федоров Г.С. Забытый труд А.А. Куника «Тохтамыш и Фиркович» (К проблеме хазарского этноса и культуры)	139
Список сокращений	145

Научное издание

Дагестанский этнографический сборник. 2. Сборник статей, посвященный памяти профессора С.Ш. Гаджиевой.

Сдано в набор 5.11.2005. Подписано в печать 28.11.2005.
Формат 60x90 ¹/₈ Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Тираж 300 экз. Заказ 105

Отпечатано на базе Лаборатории НТИОИИ Института истории, археологии и этнографии
ДНЦ РАН.
367030. Махачкала, ул. М. Ярагского, 75.

= 150p.